

Мария Ковалева

В Нави все кошки серые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57208846

SelfPub; 2023

Аннотация

Два наемника и девчонка, умеющая бродить между мирами, ищут некое существо, которое в прямом смысле упало с небес. Их задача – доставить заказчику небесное создание раньше, чем его обнаружат королевские легионы, все силы духовенства и слуги Тьмы. Почему такой ажиотаж вокруг этого несчастного голубоглазого существа, которое даже не помнит, кто оно такое? Просто ему суждено либо сдвинуть мировой баланс в сторону Света, либо погрузить мир во Тьму. Армия противников – это еще не самое большое препятствие. Над троицей висит суровое Проклятье, которое шагу не дает им нормально ступить. Но самый сложный пункт заказа – не научить чистое небесное создание ничему плохому по дороге, ведь тогда шансы всего мира на спасение значительно понизятся...

Содержание

За дверью из Мирового древа	6
Немного о посетителях «Конского хвоста»	13
Джениус и его ночной кошмар	19
Задание, от которого следовало бы отказаться	26
Воспоминания об одной кошке	36
Семья	48
Проклятье	51
И снова Проклятье	74
То, чего не должно было быть.	83
Чертовски приятное знакомство	95
Золотоволосая	104
Кошкины слезки	107
Встреча, которой не было	116
Узы	122
Советы обитателей Нави	130
Город-праздник	137
Болото	148
Первая благая весть	167
Рыжая сволочь	171
Полет снежинки	182
Кто же ты такой, Шенен?	188
За закрытой дверью	196
Многогранность	203

Ее День рождения	210
Вглядываясь во мрак	215
Памяти друга	227
День удивительных новостей	237
Заговор	251
Приют комедиантов	258
Дорогой друг	278
Хроники бродячих артистов	289
Ночь в Нави	308
Проклятые дети	320
Еще один проклятый род	348
Прощай, город-карнавал!	362
Город-храм	369
Она	383
Шаг за черту	394
Мир, который рухнул	404
Откровение	419
Что ты знаешь о снах?	434
Сотвори мне чудо	444
Ветер с моря	460
Домик у моря	473
Братья	480
Магия цветочного вина	497
Вопрос без ответа	504
Прекрасная танцовщица	510
Еще один важный вопрос	519

Солнечный глаз	526
Миг, ради которого стоит жить	545
Это полный провал	555
Сплошные сюрпризы	567
Доктор Че	579
Реальность	592
Сладких снов	596
И снова здравствуй...	607
Вдоль Чистой речки	617
Превращения	627
Что-то не так?	644
О бегстве и потерях	650
Сумерки	656
В кругу друзей	663
Свет Онори, Тьма Нинель	669
Выжившие	684
Гора	691
На алтаре	698
Две чаши весов	707
Ведь будет же солнце?	713
Ее первая жизнь	721
Эпилог	732

Мария Ковалева

В Нави все кошки серые

За дверью из Мирового древа

Верховный Хранитель Данте Иллингтон задумчиво смотрел в окно. Мелкий осенний дождь ему не нравился.

К тому же, сегодня был не самый плодотворный день. Да, ему принесли несколько мелких артефактов, но довольно незначительных, вроде кубка, в котором вся жидкость становится отравленной. Хотя даже таким вещам место в его Хранилище, а не среди людей, где эти игрушки сеют смерть и раздоры.

После обеда несколько человек заходили на прием. Пришлось потратить на них пару часов, хотя Данте относил их к разряду пешек.

Королевство сейчас находится в таком состоянии, что нужны куда более решительные действия, чем пустые разговоры. С каждым днем он все больше убеждался в необходимости переворота. Но сил для такого шага Хранитель пока не чувствовал, ресурсов тоже явно не хватало.

Да, по всему Великому Королевству действовала группа «Братство на крови», пытающаяся свергнуть власть, но у них не было ни каких-нибудь четких планов, ни толкового лиде-

ра. С поддержкой Верховного Хранителя их шансы, конечно, увеличились бы, но он не мог так рисковать. Ему нужна была помощь. Очень значительная помощь...

Данте плеснул себе еще вина. Не слишком ли много он пил в последнее время? Ситуация в стране, да и его личная жизнь очень способствовали тому.

Он вздохнул. Прошло несколько месяцев с тех пор, как Миранда ушла от него. Казалось бы, она просто переехала в северное крыло замка, но оно было так далеко, что они теперь почти не встречались. И он до сих пор не знал, хотел бы он все вернуть.

Залпом допив остатки вина, Хранитель предупредил слуг, что будет в своей спальне и попросил не беспокоить. Там он открыл потайную дверь и шагнул в темноту. Винтовая лестница вела в подземелье. Он зажег свечу, хотя мог обойтись и без этого – слишком хорошо была известна ему дорога. Пожалуй, он из дома выходил гораздо реже, чем заходил сюда.

Воздуха становилось все меньше, помещение совсем не проветривалось. Но Хранитель знал, что сейчас вдохнет полной грудью сладкий запах вечной весны.

Дверей внизу располагалось несколько, четыре из них были относительно новыми – лет сто, не больше, но одна выглядела совсем древней, даже невзрачной по сравнению с другими. Она не менялась со времен основания замка. Довольно грубая работа, но зато степень крепости и надежности не оставляла сомнений – эта дверь была срублена из Мирво-

го дерева, растущего там, за пределами Яви. Подарок богини далекому предку Данте – одному из первых Хранителей. Каждый раз, берясь за ручку, Данте чувствовал Силу, заложенную в ней.

Любой чужак, пожелавший узнать, что за дверью, увидел бы там только замурованную стену. Но Хранитель сделал шаг будто бы сквозь кирпичи, и его нога тут же опустилась на мягкую траву. Потом и все остальное тело покинуло Явь.

Он улыбнулся и прикрыл глаза, мысленно здороваясь с пространством Нави, родным и волшебным.

Здесь Хранитель стоял спиной к Мировому дереву. Оно росло вверх ногами – корни его исчезали за серебряными облаками, а ветви почти доставали до земли. В Нави был чудесный весенний день, наполненный запахом огромных цветов. Данте замер на секунду, как в первый раз пораженный красотой. Заснеженные горы, окутанные облаками, высились вдали. А перед ними – холмы и луга, каждый раз они выглядели не так, как в прошлый. Рельеф менял очертания, цветы меняли окрас и форму – Навь была непредсказуема.

Самая прямая дорога к замку богини вела по вишневой аллее. Ветки в розовых весенних цветах низко склонились над тропкой, но не закрывали вид на огромный голубоватый дворец, тонувший в лучах солнца. Лепестки срывались от ветерка и плавно опускались вниз. Данте слегка улыбался, быстро шагая в сторону здания. Хотя прекрасно знал, что никакого смысла в скорости нет.

Сколько бы он ни двигался вперед, замок не становился ближе. Хранителю было известно, что время сейчас тоже никуда не идет, ни в Яви, ни в Нави, нигде. Пока ты идешь по вишневой аллее, время замирает, и можно идти по ней целую вечность. Он знал, что некоторые души так и делают, не желая возвращаться ни в один из миров. Его тоже периодически посещал такой соблазн, но он отгонял от себя эти мысли. Порой компаниям таких прогулок ему составляла одна черная кошка. Только вот где она теперь?

Пытаясь избавиться от ненужных воспоминаний, Данте Иллингтон свернул с Вечной аллеи, и замок тут же стал гораздо ближе. По левую сторону искрилось фиолетовое Море Истины, постоянное и неизблемое, в отличии от всего остального текучего, часто изменяющегося пространства.

К замку-храму вели сто восемь хрустальных ступеней – маленькая прихоть богини Онори. Но в этом мире законы притяжения были не так суровы, и подъем дался без труда.

Наверху Хранителя встретили призрачные девы в легких одеяниях, они окружили его и попытались вовлечь в свою вечную игру в салочки. Данте улыбнулся им и мягко отстранился. Тогда одна из них, кажется ее звали Мелета, со смехом распахнула для него дверь в голубой храм и побежала догонять подруг.

Оказавшись в зале для приемов, Данте пошел мимо светлых мозаичных колонн, подпиравших высоченный потолок, мимо огромных зеркал, отражавших друг друга. Едва ли кто-

то из самых богатых королей Яви мог бы позволить себе хотя бы элементы такого убранства.

Как всегда прекрасная Онори сидела на своем троне из цветного стекла. Она любила окружать себя красивыми вещами, как, впрочем, и людьми.

На ее голове возвышался полуметровый головной убор, представляющий собой причудливые узорчатые переплетения из золота и серебра. Между ними, словно драгоценные камни, блестели десятки глаз. Голубые, зеленые, карие, серые, а также каких-то немыслимых цветов – красные, желтые, фиолетовые. Все они моргали, смотрели по сторонам, поднимали и опускали реснички.

– Приветствую тебя, Хранитель, – торжественно проговорила Онори.

И тут же улыбнулась и добавила своим обычным голосом:

– Неплохо выглядишь.

– Спасибо, Нора.

Данте подал руку богине, помогая спуститься по лесенке. Она подтянула за собой длинный серебряный шлейф и кинула его на мраморный пол у подножия трона. Хранитель поцеловал ее в щеку.

– Мой дорогой, у меня важные новости для тебя.

Он взгляделся в ее сияющее радостью лицо.

– Это случилось? – настроение Онори мгновенно передалось ему.

– Да, Данте.

– Где он?

– Сейчас скажу.

Богиня закрыла глаза, и все веки на ее короне тоже опустились одно за другим.

Несколько минут, а может и часов – время в Нави тоже было непредсказуемым – он ждал, глядя в огромное окно.

Сегодня в небе сияло четыре солнца, одно из которых представляло собой огромный светящийся зеленый шар. Было невероятно светло, но здесь это не могло причинить никакого беспокойства, Хранитель даже не жмурился.

Когда Нора открыла все свои глаза, Данте увидел в некоторых из них слезы. Лицо прекрасной женщины выглядело встревоженным.

– Ему сейчас плохо и холодно. Он потерял память – переход прошел неудачно, – она замолчала ненадолго, потом вздохнула. – И, самое ужасное, его уже ищут.

– Серые Мастера... – с досадой проговорил Хранитель.

Онори печально кивнула.

– Да. Во главе с самим Мастером Роландом Серебряным.

Данте нахмурился. Это был тревожный знак. Роланд слишком хорош в своем деле – благодаря ему не одна сотня ведьм, колдунов, а заодно и невинных жертв сгорела в очистительных кострах. Этот человек абсолютно болен на голову и дьявольски непредсказуем.

– И это еще не все – слуги Тьмы ищут его, чтобы принести

в жертву. А слуги короля, чтобы переманить на свою сторону.

– Откуда все они узнали? – Данте зашагал встревоженно по залу.

– Темные силы Нави не спят, – объяснила богиня. – В отличие от светлых, они общаются со всеми, кто входит с ними в контакт. Ты подготовил свой отряд?

– Сначала я думал об отряде, – мысли Данте вошли в деловое русло, – но большая группа людей привлечет излишнее внимание. Я отправлю двух человек.

Нора не сразу ответила. Во всех ее глазах блуждало задумчивое выражение. Данте было очень важно, что она скажет.

– Я доверяю тебе, сын мой, – наконец-то изрекла она. – Раз ты принял такое решение, не стоит сомневаться, что ты уверен в этих людях.

– Я давно наблюдаю за ними. Они просто чертовски хороши.

Немного о посетителях «Конского хвоста»

– Марко, это уже восьмая кружка пива, – холодно сказал Джениус.

– Ты их что, считаешь? – пьяно удивился Марко.

– Мальчик, ты забыл, что мы без работы?

Паренек состроил кислую рожицу в ответ своему старшему товарищу.

– Тоже мне проблема. Великий Творец подкинет нам что-нибудь.

Джениус усмехнулся.

– С чего вдруг? Действительно, почему бы ему не подкинуть нам парочку убийств, как на прошлой неделе. Мы тогда неплохо заработали.

– И что? Зато помнишь, мы спасли трех послушниц из Обители?

– Опять же только потому, что нам заплатили. И это было полгода назад.

– Ты становишься таким занудливым, когда нет работы, – вздохнул его напарник. – Мне кажется, или у тебя начались муки совести?

Со скучающим видом Марко огляделся по сторонам. В трактире «Конский хвост» было на редкость уныло и гряз-

но. Осенняя слякоть будто переползла с улицы на здешний дощатый пол, и его, похоже, никто не собирался протирать.

На радостях от хорошего заработка, они с Дженом за несколько дней все спустили на выпивку, карты, шлюх и петушинные бои. Теперь приходилось ютиться тут. Хотя они и не были слишком прихотливыми, после роскошной «Золотой ладьи» здесь было слегка неуютно, и кормили погано.

– Чего этот тип так на нас пялится? – ткнул Джениус в бок товарища.

Марко повернул голову. Действительно, господин в бархатном черном плаще, слишком хорошем для этого заведения, поспешно отвел глаза. Он едва притронулся к своему элю, и теперь делал вид, что с интересом смотрит в окно.

– Может, узнал тебя по тому портрету с надписью «Разыскивается, живой или мертвый»? – предположил молодой наемник.

– Я же там совсем не похож, – покачал головой Джениус. – К тому же, я давно уже сбрил усы.

– Тогда пошли спросим, – пожал плечами Марко.

Он был пьян, решительно настроен и не собирался перекидываться взглядами с незнакомцем, будто с понравившейся девчонкой.

Демонстративно положив ладонь на рукоятку меча, молодой наемник двинулся в сторону подозрительного типа.

– Милейший, вы тут не скучаете в одиночестве? – с ослепительной улыбкой поинтересовался он. – Мы с другом ре-

шили составить вам компанию.

– Благодарю, – с достоинством кивнул светловолосый незнакомец и тоже слегка улыбнулся.

На его спокойном лице не было страха или недовольства. Он действительно будто ждал их.

– Эля для моих друзей, – негромко сказал их новый приятель, и этим тут же расположил к себе Марко.

– Какими судьбами столь почтенный господин оказался в этой дыре? – небрежно спросил Джен.

– Искал вас, – прямо ответил тот. – То есть, я давно уже вас нашел, но мне необходимо было убедиться, что это именно вы.

– Я же говорил, без усов меня не узнать! – довольно отозвался Джениус.

– Вообще-то узнал я вас сразу, – улыбнулся их собеседник, – только вот мне описывали вас, как весьма приличных господ благородных кровей, волей случая ставших наемниками. О вас отзываются, как о настоящих мастерах своего дела.

– Так и есть, – важно кивнул Марко.

– ...именно поэтому я слегка усомнился вчера, увидев господина Джениуса спящего во дворе в луже со свиньями, а его юного товарища под столом в обществе двух престарелых красоток.

Марко с досадой поморщился, вспоминая вчерашний вечерок.

– Говори, что тебе надо или проваливай, – лениво протянул Джениус. – Мы с приятелем не нуждаемся в судьях и няньках.

Разве можно так говорить с потенциальными нанимателями? Прямолинейность друга иногда раздражала Марко. Он печально покачал головой.

– В этом заведении варят чертовски крепкий эль, – скорбно протянул он. – Поэтому вечер вчера и закончился так... хм...непредсказуемо. А в целом, мы как раз настолько хороши, как вам и рассказывали. И даже еще лучше.

Собеседник дружелюбно улыбнулся.

– Не сомневаюсь. Но решать все равно не мне. Завтра в десять за вами придет черный экипаж без всяких опознавательных знаков. Вас отвезут во дворец Верховного Хранителя.

Марко присвистнул. Ничего себе. Такие клиенты им еще не попадались.

– Откуда мне знать, что он не сдаст меня королевской страже? – спросил было Джениус, но тут же сам себе ответил. – Хотя едва ли Верховному Хранителю есть дело до какого-то там дезертира и наемника. Только если он нуждается в его услугах.

– Вы все правильно поняли, – кивнул собеседник и, так и не назвав своего имени, встал и пошел к выходу.

– Если вы не против, я допил бы ваш эль, – кинул Марко ему вдогонку.

– На здоровье, – слуга Хранителя хмыкнул, запахнул плащ и исчез за дверью.

В помещении было уже довольно пусто, и хозяйка трактира, тучная женщина в засаленном переднике, решила таки поднять лавки, чтобы протереть пол. Ее молоденькая дочка убирала грязь со столов.

– Утром вас спрашивал какой-то паренек. – Кинула Джениусу хозяйка, проходя мимо. – То есть, похоже, что вас. Мальчишка искал мрачного типа с черными глазами, легкой щетиной и в длинном кожаном плаще. С презрительной гримасой на лице и скорее всего пьяного.

Она окинула Джена оценивающим взглядом. Марко хмыкнул.

– Видимо, действительно тебя. Может, хотел предложить работу?

– Едва ли, – пожала плечами женщина. – На вид ему было не больше пятнадцати.

С удивлением Марко отметил, что Джениус напрягся.

– С длинными черными волосами? Тощий, как швабра? – быстро спросил он.

– С короткими, – женщина на миг задумалась, – а так – вполне похож.

– Скорее изящный, чем тощий, – мечтательно вставила дочка хозяйки, проходя мимо с отбросами. – И очень красивый.

Джениус хмуро помолчал, а потом произнес:

– Если еще появится, скажите ему, что я съехал и отправился на север. На фронт. Участвовать в подавлении восстания. Обязательно упомяните, что я воюю против повстанцев и всего их «Братства на крови».

С удивлением Марко глянул на друга, но вопросов задавать не стал. Сдержался он и когда Джениус, который вообще-то был не из трусливых, перед сном придвинул к двери шкаф, облезлый и разломанный, как и все в этой таверне.

Джениус и его ночной кошмар

Ярко-голубые глаза смотрели на него в упор. Остального лица было не разглядеть из-за невыносимого сияния. Взгляд был настолько пронзительным, что Марко проснулся. И тут же бесшумно соскользнул с кровати, прихватив с собой лежащий на тумбочке клинок.

Оконные ставни медленно, почти незаметно, отворялись. По подоконнику мягко скользнула рука.

Марко пригнулся, быстро добежал до окна и вжался в примыкающую стену.

Ждать пришлось долго, очень уж осторожным был этот нарушитель спокойствия. Но когда он перекинул вторую ногу, Марко схватил незнакомца за руку, и через мгновение уже прижимал его к себе, держа клинок у горла непрошеного гостя. Действительно, совсем еще мальчишка.

От неожиданности паренек вскрикнул, и Джениус резко сел в кровати, схватившись за меч.

– Это к тебе? – Марко грубо повернул лицо нарушителя так, чтобы на него падал лунный свет.

Джен сидел несколько секунд замерев, потом медленно убрал меч и обреченно откинулся назад в кровати, накрывшись одеялом с головой.

– Отпусти ее. Это моя младшая сестра.

– Твоя кто? – опешил Марко.

– Сестра, – раздался из-под одеяла очень мрачный голос.

Судя по тону, а еще по шкафу перед дверью, Джен не слишком был рад ее видеть.

С галантными извинениями Марко убрал нож и отпустил юную леди. Теперь-то он видел, что перед ним девочка, только небрежно стриженная и переодетая в великоватое мужское платье.

Едва от ее горла убрали нож, она запрыгнула в кровать к брату и обвила его спрятанное под одеялом тело руками.

– Ну чего ты, лапуля? Ты ведь соскучился по мне?

– Нет, – промычало одеяло.

– Не заходил три месяца! Ты же знал, что мне не нравится моя новая приемная семья. Они пытались выдать меня замуж.

– С каких это пор замужество для тебя проблема? – Джен нехотя вылез из своего укрытия и сел в кровати. – Завтра ты отправишься обратно.

– Это будет непросто ... – задумалась девчонка и добавила с деланным сожалением, – я стащила драгоценности моей новой мамочки. Тебе нужны деньги, лапуля?

Марко улыбнулся. На лапулю Джениус был похож меньше всего.

– Я запрещаю тебе воровать, – брат попытался сказать эту фразу максимально строго.

– Кто это говорит? – девушка сладко потянулась. – Мой

добродетельный братец – наемник, убийца, контрабандист и дезертир?

– Позвольте узнать ваше имя, леди? – вставил Марко, чтобы разрядить обстановку семейного счастья.

Девушка легко соскочила с кровати и присела в изящном реверансе.

– Лина-Лин.

– Что за имя такое? – улыбнулся он.

– А вас как зовут, сударь, который чуть не перерезал мне горло?

Наемник сделал большие глаза.

– И в мыслях не было! Мое имя Марко.

– Что за имя такое? – передразнила она его. – Я буду звать тебя Одуванчик. У тебя такие светлые пушистые локоны.

Джениус фыркнул от смеха.

– Чему радуешься, Лапуля? – мстительно отозвался Марко.

В ответ Джен смерил его тяжелым презрительным взглядом.

– У вас есть что-нибудь выпить? – жалобно протянула эта милая девочка. – Я замерзла, пока забиралась сюда.

Прежде чем закрыть окно, Марко глянул вниз.
Третий этаж.

– Не спрашивай, как она это сделала, – покачал головой Джениус и достал из-под кровати початую бутылку вина.

– В шестнадцати метрах от вашего окна есть дерево. А

дальше по карнизам, – самодовольно сообщила девочка и ловко поймала на лету бутылку, которую кинул ей брат.

Марко приподнял бровь.

– Тебе сколько лет, Лина-Лин?

– Шестнадцать, – отозвалась она и вытащила пробку от вина зубами.

– И ты разрешаешь ей пить? – Марко осуждающе глянул на Джениуса.

Тот только усмехнулся в ответ.

– Мне пришлось рано повзрослеть, Одуванчик, – Она подмигнула ему и сделала большой глоток.

Затем вытерлась рукавом своей мужской рубашки и присела на край кровати рядом с братом.

– Лапуля, почему ты придвинул шкаф к двери? Погоди-погоди... Кажется, я поняла, можешь не отвечать.

– Теперь даже я понимаю, зачем ты придвинул шкаф к двери, – улыбнулся Марко. – Но ты не подумал о том, чтобы заколотить ставни...

– Мне кажется, и это бы не помогло, – вздохнул Джениус. – Я уже четыре года пытаюсь пристроить ее в приличную семью – с ее происхождением это не так-то сложно. Но она сбегает и таскается за мной постоянно. Мешает работать.

Марко отметил слова Джена о «ее происхождении». Они с другом нечасто говорили о прошлом, но молодой наемник всегда подозревал, что в жилах его старшего напарника течет благородная кровь.

– В этот раз я продержалась год, ты должен гордиться мной, – весело отозвалась Лина-Лин.

– И то только потому, что завела с кем-то роман, и это держало ее в городе, – уточнил Джениус.

Они с Марко как раз работали вместе около года. Познакомились они в Ашере, а потом успели обойти немало городов. Но здесь, в самом сердце Королевства, в Вертоне, у них всегда хватало дел. Теперь Марко понимал, с чем это было связано.

– Как ты узнала, что я в Столице? Я не планировал с тобой встречаться, – Джениус наконец понял, что поспать этой ночью не удастся, и печально поплелся к ведру с водой умываться.

– Почувствовала, – пожалала девочка плечами. – А потом дело оставалось за малым – прошлась по самым грязным и дешевым кабакам и довольно быстро нашла тебя.

Она глянула на свое отражение в мутном зеркале, которое Марко вчера взял у хозяйки, чтобы побриться.

– Пришлось обстричь волосы под мальчика, – весело сказала юная особа, поправив неровные пряди, – не пристало честной леди ходить по таким заведениям.

– Уж мне ли не знать, как пожалел бы тот тип, который возжелал бы лишить чести эту леди, – с усмешкой проговорил Джениус.

Марко окинул хрупкую фигуру недоверчивым взглядом. Уж не имеет ли напарник в виду, что это тщедуш-

ное тельце может само за себя постоять? Лина-Лин подошла близко-близко к Марко и заглянула ему прямо в глаза.

– Не говоря уже о том... – девчонка приблизилась совсем вплотную, теперь он видел только ее глаза цвета янтаря, – что ни о какой чести речи уже давно не идет...

Она почти поцеловала Марко в губы, ее лицо было так близко, и он уже полностью потонул в ее ярких сияющих глазах, но вдруг девушка отвернулась резко и рассмеялась. И ее братец тоже довольно ухмыльнулся.

– Очень смешно... – с легким раздражением сказал им Марко и отвернулся, чтобы скрыть смущение.

– Лапуля, – опять весело залепетала эта коварная юная ле-
ди, – зачем ты просил передать мне, что сражаешься с «Брат-
ством на крови»?

– Затем, чтобы тебе не повадно было меня искать, – объ-
яснил Джениус и обратился к Марко. – Моя дорогая сестри-
ца с некоторых пор ярая сторонница повстанцев. Она готова
бы возглавить их ряды и голыми руками сражаться с коро-
левскими войсками. Но, к счастью, в «Братство на крови» не
берут маленьких сопливых девчонок.

– А в королевские войска не берут дезертиров и опасных
преступников. Так что я бы в любом случае не поверила,
что ты с ними, – очаровательно улыбнулась девушка. – Я же
знаю, что очень скоро мы с моим дорогим братишкой будем
плечом к плечу сражаться за «Братство на крови».

– Бесплатно? – цинично улыбнулся Джен. – Да никогда.

– Меня разыскивают, – вдруг сказала Лина-Лин, и Марко подивился ее способности резко менять тему. – Сегодня я еле удрала от стражи. Сколько шума из-за парочки драгоценных камней средней паршивости. Мне за них дали всего-то восемь золотых монет.

И девушка покачала головой, дивясь мировой несправедливости.

– Но ничего, – почти сразу же воспрянула она духом. – Они ищут переодетую в мальчика девчонку, я уже засветилась в этом образе. А в наряде леди и в сопровождении двух подозрительных типов я тут же сольюсь с толпой.

Марко вздохнул.

– Это у вас семейное. Почему-то Джениус тоже думает, что, сбрив усы, он все равно, что заново родился.

– В общем, завтра вы зайдете к старьевщику и купите мне платье. А еще шляпу с широкими полями.

– Мы завтра несколько заняты, – вспомнил про встречу с Хранителем Джен. – Ты подождешь нас здесь, а уж потом я придумаю, куда тебя деть.

Девушка только улыбнулась на это и выкинула в окошко опустошенную бутылку.

Задание, от которого следовало бы отказаться

– Зачем ему одному такой огромный замок? – с некоторым недовольством проговорил Марко, когда обещанный черный экипаж доставил их на место. – Даже королевский дворец меньших размеров.

– Завидно? – буркнул Джен.

– Да нет, – вздохнул молодой наемник, – я же просто обожаю спать в грязных трактирах с клопами. А еще лучше зимой в лесу на голой земле.

Почему-то Маркус даже не удивился, когда этим утром они с напарником оказались в лавке старьевщика напротив вешалок с ношенными женскими платьями.

– Вот это наверняка ее размер, – обрадованно сообщил Джен. – Берем и пошли отсюда.

Он взял в руки платье с рукавами-фонариками, украшенное выдавшими виды розочками. Возможно, Лине-Лин и правда подошел бы этот наряд, если бы ей было двенадцать.

– Я смотрю, тебе не слишком-то приходилось общаться с женщинами за пределами борделей, – заметил Марко и начал медленно перебирать содержимое большого шкафа.

Чересчур потертое, излишне яркое, а это подойдет

только для дешевой шлюхи из «Конского хвоста». Ну-ка, а здесь что? И Марко извлек притаившееся с краю черное платье с тонким кружевом на рукавах.

– Если затянуть корсет потуже, то Лине-Лин будет в самый раз.

Джениус только окинул друга удивленным и слегка презрительным взглядом.

– Я ничего не понимаю в бабских тряпках, – с достоинством проговорил он.

– В дамских туалетах, – поправил его напарник и перешел к ящику с шляпами.

Так что именно ему девочка была обязана своим сногшибательным видом. Да, она решительно отказалась сидеть в комнате и увязалась с ними, обещая вести себя хорошо.

– Пять этажей! Три фонтана во дворе, конюшня размером с ярмарочную площадь... – продолжал удивляться Марко. – И все ему одному!

– Он не один, – равнодушно заметила Лина-Лин. – У него есть жена.

– А ты откуда знаешь? – подозрительно покосился на нее Джениус.

– Да кто этого не знает, – пожалала она плечами и уверенно постучала в дверь.

Слуга почтительно поклонился гостям и пропустил их в богато украшенный холл огромных размеров.

Лина-Лин вошла первая и тут же удобно уселась на

софу рядом со статуей богини Онори, закинув ногу на ногу.
– Идите, я подожду вас здесь.

Наемники едва успели оглядеться по сторонам, как услышали мягкий голос за спиной:

– Маркус, Джениус, Лина-Лин. Рад вас видеть.

Верховный Хранитель сам вышел встретить своих гостей. Марко много слышал о Данте Иллингтоне, и представлял его гораздо старше. Крепкому, хорошо сложенному мужчине, стоявшему перед ними, было не больше сорока.

Хранитель... Хранитель чего? Вроде он собирал у себя всякие магические штуки. И, наверняка, что-нибудь еще скрывал в таинственных подвалах своего огромного замка. Но истинное назначение Ордена Хранителей мало кому было известно. В свое время Марко легко мог это узнать, но тогда он этим просто не интересовался.

В любом случае, Орден Хранителей всегда был не менее славным, чем Королевский Дом и Орден Серых Мастеров, и имел огромное влияние в стране.

– Хранитель Данте, – Джениус слегка поклонился, – мне пришлось взять с собой мою младшую сестру. Но, вижу, вы знакомы.

– Твоя сестра – служитель Ордена пятой ступени, – Ответил Хранитель, с интересом глядя на Джениуса.

– Ой, ну зачем? – Лина-Лин закрыла глаза рукой. – Мой брат еще столько всего не знает про меня.

И Джен действительно посмотрел на сестру крайне

озадачено.

– Пройдемте в мой кабинет, – Хранитель развернулся к ним спиной и пошел вверх по лестнице, – ты тоже, Лина-Лин.

Марко снова поймал удивленный взгляд Джениуса. Да уж, эта девочка действительно была не так проста.

– У нас даже не заберут оружие? – поинтересовался Марко у Хранителя, держась за рукоятку меча.

– Я вам доверяю, – обернувшись через плечо кинул Иллингтон, чуть улыбаясь.

– Да у нее целый арсенал оружия под юбкой! – неожиданно возмутился Джениус, показывая на сестру.

– Лапуля! – обиделась Лина-Лин и чуть надула губки.

– Я тебя вообще не знаю, – поддержал Марко. – Если ты вдруг задумала убить Хранителя, то мы не причем.

Они сегодня собственными глазами наблюдали, как это юное создание облачалось в свой новый наряд. Затянув специальные ремни высоко на ногах, прямо под рюшками панталон, она быстро распихала под них метательные ножи. И только после этого надела нижнюю юбку.

Потом она долго страдала, пока Марко затягивал ей корсет – то ей было слишком туго, то он с нее сваливался. Во время этого процесса наемник не без интереса заметил, что хрупкая на вид фигура была уже вполне сформировавшейся.

Перед выходом этот ангелок долго думал, куда бы припрятать небольшой меч и арбалет. Друзья с трудом уго-

ворили ее оставить все это в комнате.

В кабинете Данте был идеальный порядок. Ни одной вещи, на которой мог бы задержаться взгляд. Лина-Лин плюхнулась на диван. А Марко с Дженом сели в кресла напротив крупного дубового стола.

– Итак, я узнал о вас кое-что, – сказал Хранитель, заняв свое место. – Все, если быть точным. И это меня устроило.

Холодок пробежал у Марко по спине. Нет, не может быть, что Данте все знает. Иначе... С некоторым удивлением Марко отметил, что и Джениус весьма напрягся.

– А что, если это не устроило нас? – низким глухим голосом спросил он.

Марко пнул друга под столом.

– Сколько? – поинтересовался младший наемник, мило улыбнувшись.

Джен сжал зубы.

– Не переживай, Джениус, – мягко произнес Данте. – Я никому не скажу, что узнал. Даже вам.

– Так я не расслышал – сколько? – ненавязчиво напомнил Марко.

Данте на секунду задумался.

– Вам столько еще не платили, – ответил он чуть погодя. Он не улыбался, но в голосе чувствовалась мягкая ирония.

Марко нравилась манера Хранителя смотреть прямо в глаза при разговоре. Его взгляд был ясным и иногда

немного насмешливым.

– Мы согласны, – ответил Марко, также прямо смотря на него.

– Ты даже не спросил, что надо делать. – Раздраженно заметил Джениус.

– Все очень просто, ребята, – весело отозвалась Лина-Лин с другого конца комнаты, где находился ее диван. – Как обычно, надо кого-то убить.

Хранитель сделал вид, что ее не услышал. Он спокойно продолжил:

– Мне необходимо кое-кого доставить в мой замок.

– Рабов? – мило поинтересовалась Лина-Лин.

Джениус быстро глянул на девчонку. И Марко вполне представил себе, насколько страшен был его взгляд.

– Простите мою сестру. Она пьяна уже с утра, – заявил Джен.

И, между прочим, даже не соврал.

– Надо найти одного человека и привести его сюда.

С этими словами Хранитель достал из древнего массивного шкафа четыре серебряных кубка. Затем из-под стола извлек старинную, немного пыльную бутылку и аккуратно налил всем вина. Марко уже по запаху определил, что оно божественно. Последние несколько лет он, в основном, пил жуткую дрянь по всяким трактирам, так что теперь Верховный Хранитель нравился наемнику еще больше.

– Передайте мне мой кубок!

Все трое мужчин посмотрели на Лину-Лин. Она уже вполне удобно лежала на софе и усердно отгрызала заусенец на большом пальце. Да уж, истинная благородная леди.

Пока все остальные так же дружно отвернулись от девушки и вернулись к разговору, Марко подал ей вино.

– Этот человек сейчас находится в окрестностях Ашера, – продолжал Хранитель. – Я могу описать его внешность, хотя я еще не видел его лично. Светло-русые волосы, ярко голубые глаза... Правда, я не думаю, что вы так уж будете вглядываться всем в глаза.

Марко вспомнил свой сон, где кто-то неизвестный смотрел на него через ослепительное сияние.

– Одет... одет он может быть во что угодно. Возможно, даже раздет. Он потерял память... – Данте задумался на секунду, – должно быть, этот человек очень странный и похож на сумасшедшего.

– О, по таким приметам мы сразу же его найдем, – саркастично отозвался Джениус и встал со стула, собираясь уходить.

Ему явно не хотелось иметь дело с Хранителем.

– Сядь, – очень спокойно произнес Данте.

И, к удивлению Марко, Джениус, немного помедлив, сел на место.

– Этот человек особенный, – опять зазвучала плавная речь. – Можно сказать, святой. Есть способ, распознать таких людей. Правда, для этого надо уметь видеть ауру –

незримое поле, которое окружает каждого человека.

Данте сел в кресле поудобнее.

– Я собирался послать с вами одного из самых верных слугителей Ордена Хранителей. Но мне донесли, что с вами Лина-Лин.

– Вы доверите мне такую честь? – тоненьким голоском спросила она, подняв голову с диванной подушки.

Со стороны могло показаться, что в девочке наконец-то проснулось уважение, но Марко понял, что она просто ведет себя в своей обычной издевательской манере.

Впрочем, Данте на это не реагировал.

– К тому же, сестру Джениуса уже три дня разыскивают по всему городу за кражу драгоценностей, – в его голосе слышалось даже некоторое сочувствие. – Я подумал, брат не сможет оставить ее здесь одну.

– Я не смогу? – искренне удивился Джен.

– О, конечно же, он не сможет! – перебил Марко. – Он очень привязан к своей сестре и рад, что она будет путешествовать вместе с нами.

– Именно это я и хотел услышать, – улыбнулся Хранитель и поднялся с места. – Напоследок хочу добавить, что со мной вы будете связываться каждый вечер и иногда утром.

– Каким же образом мы будем писать вам так часто? – возразил Марко.

– Закрой глаза, – то ли сказал, то ли приказал Данте, наклонившись к гостям через стол. – Видишь? Птицы порхают

над фиолетовым морем, рыба плещется у берега, потому что никто ее не ловит. Теплый ветерок несет розовые лепестки...

Марко почувствовал, как Хранитель положил ему ладонь на лоб. И тут же перед ним четко встали описываемые картинки. Он увидел себя стоящим на холме, а внизу фиолетовые волны омывали крупные драгоценные камни, в небе сияло три солнца. Прямо возле лица пролетела маленькая разноцветная птичка. Прекрасный мир, полный волшебных звуков и запахов ударил Марко в голову. И от удивления он почти сразу же открыл глаза.

Судя по нахмуренным бровям Джена, он тоже только что был там.

Данте удовлетворенно улыбнулся, заметив растерянность своих наемников.

– Вы не увидели ничего странного. Все мы попадаем в этот мир ненадолго, засыпая и просыпаясь. Это Навь.

– Мы сможем там видаться? – деловым тоном спросил Джениус, будто бы ему назначили встречу в саду у фонтана.

– Теперь да. Просыпаясь и засыпая, представляйте себя на этом месте. Не перепутайте – фиолетовое море – это Море Истины, если вообразите синее – окажетесь на берегу Моря Времени. Как будете на холме – зовите меня. Где бы я ни был, мне достаточно просто закрыть глаза, чтобы туда попасть.

После этого Хранитель вытащил из ящика стола три увесистых мешочка с золотом.

– Это на дорожные расходы и часть вашей платы. Когда вы найдете Шенена, хотя, возможно, он не помнит, как его зовут, старайтесь ни в чем ему не отказывать. Здесь достаточно денег, чтобы он ночевал в чистой постели и ел хорошую еду. Но при этом вы должны знать, что за ним охотятся Серые Мастера, королевский отряд и слуги Тьмы.

– Чего? – Марко подумал было, что ослышался.

– С этого следовало начинать, – мрачно заметил Джениус.

– Вы справитесь, – с удивительной уверенностью проговорил Хранитель. – Сама богиня Онори благословила вас и зажгла над вами счастливую звезду.

Не слишком-то Марко рассчитывал на всяких там богинь. Но такое количество золота... Он и Джениус, прихватив мешочки, направились к двери. Лина-Лин с неохотой сползла с удобного дивана и тоже поплелась к выходу.

Воспоминания об одной кошке

В Нави была ночь. Данте замер, глядя на небо. На крупном серебряном месяце спал большой белый дракон, свесив одно крыло.

Вишневая аллея блестела в лунном свете. И Хранитель не смог отказать себе в удовольствии по ней пройтись.

И снова опадающие лепестки навеяли воспоминания о том, чего уже не вернуть...

Хранитель вспомнил тот закат у фиолетового моря. Это было год назад. Два солнца одновременно катилось за горизонт, хотя третье продолжало усиленно сиять на небосклоне. Он, как обычно, сидел на излюбленном холме и смотрел вдаль.

«Окунался ли ты в эти воды когда-нибудь?»

Обернувшись, Данте увидел черную кошку, сидящую в отдалении. Она не могла говорить, но он ее слышал. Конечно же, в Нави не было причин удивляться этому.

– Да, я окунался в Море Истины еще до своего зачатия. Таков наш обычай, – ответил он ей.

«Так ты один из Хранителей? Иллингтон?»

– Да. А кто ты?

«Здесь я просто кошка».

– У любой сущности должно быть имя, – вспомнил Хранитель слова Онори, которые она говорила ему в детстве.

«Значит, еще не пришло время тебе его узнать», – слышался ответ.

– Как скажешь, – Данте равнодушно отвернулся.

Ему нравились кошки, но эта показалась ему слегка несокомерной.

«Мы не любим воду, – вновь слышался ее вкрадчивый голос, – но однажды я тоже омыла лапы в Море Истины».

Хранитель заметил, что она подошла и села рядом.

Захотелось протянуть руку и погладить черную шерстку, но он сдержал себя.

– И что тебе открыло Море Истины, Просто Кошка? – улыбнулся он ей.

«С тех пор я ушла из дома и ищу свой Путь».

После этого разговора она часто приходила к нему на холм. Вместе они смотрели на море. И она позволяла чесать ей за ухом.

Это была взрослая мудрая кошка, но иногда она резвилась, как котенок. Ей нравилось ловить солнечных зайчиков. В Нави они были пушистыми и светящимися. Когда она рвала их на части зубами, то они распадались на несколько веселых комочков и разбегались в разные стороны, и кошка не знала за кем из них гнаться.

Иногда она охотилась за рукой Данте. Или ногой.

Шрамы он приносил с собой в Явь.

– Там, куда ты уходишь по вечерам, в этом твоём Хранилище артефактов, водятся коты? – однажды спросила Ми-

ранда, глядя пальцами его расцарапанную руку.

Он не говорил ей о своих прогулках по Нави. Слишком необъятный мир, чтобы пытаться поведать о нем тому, кому не дано его увидеть. Легче было сказать, что он пошел в Хранилище.

– Разумеется, – он притянул свою женщину к себе и снизил тон до более проникновенного, – иначе крысы сгрызут все артефакты.

Миранде было совершенно все равно, что именно он говорил таким томным голосом. Ее покрашенные яркой помадой губы расплылись в манящей улыбке. Руки потянулись к завязкам его плаща. Тяжелая ткань с шумом соскользнула на пол.

Вряд ли она тогда задумалась о том, что ни одно животное в здравом уме и близко не подойдет к Хранилищу артефактов.

Однажды, перед тем как исчезнуть за холмом, кошка остановилась на мгновение.

«Я приду к тебе завтра в Яви».

Данте хотел было обсудить подробности, он не любил неясности, но кончик черного хвоста мелькнул и исчез за кустами.

На следующий день Хранитель ждал, наблюдая за своими посетителями. Их как раз было немало. А ведь он даже не знал, кого именно должен встретить – женщину или мужчину. Слишком уж Навь непредсказуема.

Его внимание привлекла одна черноволосая леди в изящной шляпе. Он долго вглядывался в ее лицо, пытается уловить что-то знакомое. Мэриан, так ее звали, привезла письма и прошения с юга Королевства. Дама была остроумна и улыбочива, около тридцати пяти лет на вид. Хранителю показалось, что возраст и внешность для той кошки вполне подходящие.

Когда с деловой частью было покончено, Данте предложил леди бокал вина. Мэриан любезно согласилась.

Он начал разговор издалека. И дама ему явно симпатизировала, что, конечно же, было неудивительно.

От ошибки его спасла разыгравшаяся непогода. Леди Мэриан посмотрела в окно долгим взглядом и задумчиво произнесла:

– Люблю дождь.

– Правда? – переспросил Данте, теряя интерес к собеседнице.

Кошки не любят воду.

После этого случая Хранителя посетили несколько почтенных старейшин. Пришлось долго обсуждать с ними повседневные дела Ордена, хотя никто из них явно не подходил на роль его кошки.

Несколько мальчишек принесли обрывочные сведения о новых заключенных в Обители Серых Мастеров по подозрению в колдовстве. Данте раздал паренькам по монетке и отправил на рыночную площадь собирать новые слухи.

В завершении вечера заглянул старый друг Хранителя, один из Правителей славного города Флаверна.

– Приветствую вас, Верховный Хранитель, – вкрадчиво поздоровался Гвендель Энироуз, склонившись в низком поклоне.

Он так усердствовал, что даже случайно подмел пол своими длинными черными волосами.

– Да, смешно, – оценил шутку Данте, – а теперь поднимись и иди сюда, дружище.

Гвен засмеялся, и они крепко обнялись.

– Я привез тебе бочонок знаменитого Флавернского вина! Двое слуг, украшенные гербами Дома Энироуз, с шумом поставили увесистую бочку у ног Данте.

Он с некоторой опаской глянул на этот дар.

– Не обижайся, друг, но я не буду пить эту цветочную дрянь.

– Но я обижаюсь! – весело заявил Гвен, по-хозяйски доставая серебряные кубки из дубового шкафа. – Я чертовски, просто невыносимо обижаюсь!

– Ну тогда ничего не поделаешь. – обреченно вздохнул Хранитель. – Наливай.

Изящные движения и гладкие черные волосы друга натолкнули Данте на определенные мысли.

– Признавайся, Гвен, это твои шутки?

– Ты имеешь в виду сегодняшние памфлеты про Серых Мастеров? – самодовольно отозвался друг. – Узнал мой

стиль?

Правда не понимает? Или просто издевается?

– Я об этой кошке.

– О кошке, – задумчиво повторил Гвендель. – Я только сегодня приехал в Столицу, но тебе кажется, что я уже успел подшутить над какой-то твоей кошкой. Может, флавернское вино и вправду для тебя слишком крепкое?

Данте вздохнул.

– Ладно, спрошу прямо. Ты когда-нибудь был в Нави?

Гвен пожал плечами.

– Разумеется, засыпая и просыпаясь я всегда ненадолго оказываюсь там.

– Да, глупый вопрос получился, – согласился Хранитель. – Давай так: ты бывал в Нави в своем...или в чужом... физическом теле?

– Нет, разумеется, – Гвендель пристально посмотрел на друга. – То есть ты бывал. И слухи о том, что Хранители живут между мирами, не врут.

Данте неопределенно кивнул.

Гвендель вздохнул тяжело:

– И хоть бы раз привез бы мне оттуда сувениры.

– А ты хоть бы раз привез бы мне хоть что-нибудь кроме этого вина, – в тон ему ответил Хранитель. – Признайся, у вас в славном Флаверне его никто не пьет, и тебе просто надо от него избавиться?

Друг кисло улыбнулся в ответ и перевел тему:

– Ты так и не рассказал, что случилось с твоей кошкой.

– Забудь, Гвен. Просто я разыскиваю одного очень интересного представителя семейства кошачьих. Скажи лучше, что слышно о готовящемся восстании «Братства на крови»?

– Сам понимаешь, я не могу рисковать благополучием Флаверна, – серьезно, что вообще было не характерно его другу, ответил Гвен. – Так бы я мог поддержать их оружием и деньгами. Но надеяться нам пока не на что. Все, что я мог для них сделать, я сделал.

– Дай догадаюсь, – улыбнулся Хранитель, – ты отослал им несколько бочонков Флавернского вина.

Гвен ушел от него за полночь. Только тогда Данте смог отправиться в подземелье к заветной двери. Уже потянув за ручку, он вспомнил, что за весь день он ни разу так и не встретился с Мирандой, и она наверняка ждет его в своих покоях. Ну что же, зато путешествие в Навь снимет с него хмель, и он придет к ней полным сил.

В мире вечной весны было утро. И кошка беспечно нежилась на холме в первых солнечных лучах.

– Ты приходила ко мне?

«Приходила», – лениво отозвалась она, приоткрыв один глаз.

В голове Хранителя снова промелькнули все лица. Ну не было никого подходящего! Хотя...

– Ты – одна из моих мальчишек? – высказал он единственную оставшуюся версию.

Кошка промолчала. Только с любопытством окинула его взглядом.

И Данте почувствовал легкую досаду оттого, что не решил эту задачку сразу.

– Тот паренек в нелепой шапке... Он всегда очень точно выполняет мои поручения. Недавно я размышлял о том, что у него может быть будущее в Ордене.

«Хочешь поговорить с ним об этом?»

– Все же с ним? – улыбнулся Данте. – Разве он всегда ходит в шапке не для того, чтобы прятать под ней длинные волосы?

Кошка сладко потянулась, выставив вперед когтистые лапки.

«Я жду тебя завтра в три».

– А теперь ты убежишь, не сказав, где мы встретимся? – предположил Хранитель.

«Ну почему же? Я предоставлю тебе право выбора места»

За это он был ей благодарен. Ему не хотелось встретиться с ней в официальной обстановке у себя в кабинете. Но, конечно же, за пределами замка никто не должен был видеть Хранителя в обществе молоденькой девушки или, что еще хуже, с мальчишкой. Не хватало только, чтобы до Миранды дошли какие-нибудь грязные слухи. Меньше всего на свете он хотел бы ее расстроить.

Кошка угадала его мысли.

«Сними меблированные комнаты в «Золотой ладье» на

втором этаже. Надень капюшон, чтобы тебя не узнали. Я войду через окно».

– Заставлять тебя лазить по стенам? – нахмурился Данте.
«Это не составит для меня труда, я же кошка».

И с этими словами она ускакала вниз по склону в погоне за солнечным зайчиком.

Миранда уже спала, когда он вернулся. Была глубокая ночь. Он аккуратно убрал со своей подушки ее длинные волосы и лег рядом, прижавшись к теплому женскому телу. Засыпая, он на несколько мгновений снова заглянул в Навь и увидел, как встает над горизонтом четвертое солнце, и его лучи скользят по фиолетовой глади воды.

Именно в тот день переплелись для Хранителя мира Яви и Нави. Девушка, рожденная в Великом Королевстве, но легко существующая в обоих мирах. Почти невозможно. Необычайная удача для Ордена. Любопытный объект исследования для Данте. Да, так думал он перед той встречей с ней, перевернувшей всю его жизнь.

Но не слишком ли долго шагает он по Вечной аллее, погружившись в воспоминания? Всегда остается риск чересчур увлечься и не вернуться. Как же манило его это Вечное спокойствие безвременья. Но он еще не сделал ничего, чтобы его заслужить. Со вздохом Хранитель свернул влево между двумя вишневыми деревьями, и ощущение времени снова накрыло его.

Фиолетовое море в неярком лунном свете выглядело по-

чти черным. Он быстрым шагом направился к дворцу Онори, мимолетом отметив, что белый дракон, спящий на месяце, перевернулся на другой бок.

В путь

– Я думал, что Верховный Хранитель гораздо старше, – заметил Марко, едва они покинули дворец.

Он представлял себе сварливого скрюченного старца с посохом в пыльном кабинете, заваленным древними книгами. А увидел довольно молодого мужчину с идеальной осанкой, одетого по моде, приветливого и вежливого. Да и держался тот с необычайным достоинством.

– Такой наверняка пользуется успехом у женщин, как думаешь, Лина-Лин?

– Обычная смазливая мордашка, – пожала плечами девочка. – К тому же, как я говорила, у него есть жена.

– Значит ты, моя дорогая, работала на Орден, – тон Дженууса не предвещал ничего хорошего. – А я почему-то не в курсе.

– Ах да, прости, что не послала тебе письмо. Не могла определить, какой адрес написать. Лес? Поле? Север? Юг? Самый дряной кабак где-нибудь на окраине Великого Королевства? Или может и вовсе Тот Свет?

– Ты знала, что Хранитель пошлет тебя с нами, не так ли? – все еще глядя исподлобья поинтересовался брат.

– Ты не поверишь, но я ценный человек для Ордена. Ты же знаешь, у меня есть кое-какие... секреты.

– Из-за которых Серые Мастера чуть не сожгли тебя на костре, – Джен все никак не унимался. – И меня заодно.

– Не сожгли же, – небрежно отмахнулась Лина-Лин.

– Хватит, а? – недовольно нахмурился Марко. – Нам надо купить припасов и сегодня же отправляться в дорогу. Вы же слышали, что мы не одни разыскиваем некое существо по имени Шенен.

– Я прикуплю себе новое мужское платье, – тут же переключилась Лина-Лин. – Лес – не лучшее место для леди.

Ее брат хотел было что-то ответить, но Марко тронул его за руку, и он промолчал.

Через пару часов Джениус уже привязывал сумки с припасами к седлу своего вороного по имени Порто, а Марко рассовывал золотые по разным карманам и мешочкам в целях безопасности, когда на постоялый двор гордо въехала Лина-Лин. Она была в изящном мужском дорожном костюме и бежевом плаще. Под ней шел невообразимой красоты белый конь. Мускулистая шея, широкая грудь, сильные ноги и небесно-голубые глаза.

– Зачем тебе такой здоровенный жеребец? Я думал, ты возьмешь себе пони, – кинул Джен, с некоторой завистью косясь на новое приобретение Лины-Лин.

– Я потратила на него почти все свои деньги, – беспечно ответила его сестра, потрепав светлую гриву коня. – Все рав-

но у меня есть брат, чья обязанность меня обеспечивать до замужества.

– Но ты замужем! – возмутился Джен, ставя ногу в стремя.

– Замужем? – недоверчиво переспросил Марко.

– Дважды, – кивнул Джениус.

– Но ей всего шестнадцать...

– Мой брат пытается от меня избавиться с одиннадцати лет, – отозвалась Лина-Лин и мягко развернула коня. – Поехали, пока совсем не стемнело.

И они легкой рысью поскакали к городским воротам. Благо, стража не узнала ни Джениуса без усов, ни его приодевшуюся сестрицу.

Семья

– Шенен так важен для нас, Данте, – озабоченно повторила Онори. – Мы уже потеряли Лионеля, и вот к чему это привело.

Она тяжело вздохнула. В ее глазах, в том числе и в тех, что на короне, была печаль.

Маршал Лионель. Так теперь его звали. Он возглавлял многочисленные военные кампании против соседних государств. И он же руководил подавлением восстаний «Братства на крови».

Действительно, это была потеря потерь.

– Мы сделали все, что могли, – покачал головой Данте. – Видно, еще было не время.

– Папа! Папа! – его сын неожиданно распахнул дверь в залу и, пробежав босыми ногами по мраморной плитке, обнял Хранителя за шею.

– Привет-привет, дружище! – Данте потрепал ребенка по белым, будто седым волосам, как у Онори. – Каковы твои последние свершения?

– Я купался в Море Истины, – с горящими глазами сообщил мальчик. – А еще ловил бабочек и строил замок из цветных стеклышек. Белый дракон научил меня новым сказкам. И еще дедушка Эрнани, самый первый Хранитель, вышел с Вечной аллеи, чтобы поиграть со мной в мяч! Правда

он только смеялся и ничего не говорил.

– Вот поэтому мы и запрещаем тебе гулять по вишневой аллее слишком долго, – улыбнулась Нора.

– Так долго у меня все равно не получилось бы, – засмеялся ребенок, – сами говорили, что дедушка бродит там уже две тысячи лет.

Он вновь убежал, и Хранитель с некоторой завистью посмотрел ему вслед.

Самое блаженное время – малышу еще оставалось несколько лет до зачатия, и он мог наслаждаться яркой и насыщенной жизнью в Нави. Так воспитывали всех Хранителей, пока они не рождались. Нора в свое время была прекрасной матерью для Данте, а теперь стала ею для его будущего ребенка. Хотя физически она, конечно, никого из них не рожала. Каждый Верховный Хранитель обязательно должен был жениться на земной женщине, никак не связанной с Навью, чтобы наследник мог воплотиться в реальное тело.

– Нам необходимо хоть что-то изменить в Великом Королевстве, – твердо сказал Хранитель, – иначе на плечи нашего сына ляжет слишком много.

Нора улыбнулась слегка грустно.

– То же самое говорил и твой отец перед твоим рождением.

Они замолчали оба. Данте опустился на хрустальную ступеньку у подножья ее трона.

За большими окнами голубого дворца начала рас-

сеиваться ночь. Осыпались в море звезды, поползло наверх одно из солнц. Интересно, сколько их сегодня будет на небе Нави?

– Ты перестал спешить в Явь, мой мальчик, – заметила Нора. – Миранда больше не ждет тебя?

– Нет, – сказал он и поднялся. – Она переехала в другое крыло замка. Я сам виноват в этом.

– Не переживай, до зачатия твоего сына еще есть время, у тебя все наладится.

Данте поблагодарил Нору за поддержку. Но дело было не только в наследнике. Миранда долгие годы была его семьей. А теперь все сломалось.

На пороге он обернулся. Богиня Онори величественно сидела на своем троне, шлейф платья мягко лежал на ступенях, ведущих к ее ногам. Взгляд всех ее глаз был устремлен в окно. Трудно не следить за этим рассветом. У ног ее разместились призрачные девы, ожидая приказаний.

Нора выглядела величественной и прекрасной. Настоящая Повелительница Нави. Но Данте почему-то вспомнилось, как она, подкатав все свои юбки, смеясь, брызгалась с ним водой, стоя по колено в ручье. Только это было очень давно. Хранителю тогда оставалось лет шесть до зачатия. С тех пор он больше не видел ее такой беспечной.

Проклятье

Ночь застала их уже в лесу. Наемники нашли свое старое кострище, ведь им уже не раз приходилось ездить этой дорогой. Они достали вина, чтобы согреться, и Марко кинул возле Лины-Лин сумку с едой.

– Будь полезной, женщина. Готовь.

Ее брови поползли вверх.

– Меня воспитывали в четырех благородных семьях. Там меня обучали пению, рисованию, изящной поэзии, – девушка картинно загибала пальцы, – старинной и современной литературе, вышиванию на пяльцах, каллиграфии, плетению из бисера... но готовить... Нет, не слышала.

Марко разочарованно вздохнул.

– А мечом махать вас когда учили, леди? Между пением и вышиванием?

Джениус поднял взгляд от костра.

– Лично я учил ее с четырех до одиннадцати лет, – с легким оттенком гордости проговорил ее брат. – А потом она всегда находила себе всяких сомнительных учителей. Воровать ее точно обучал не я.

– Но пример подавал ты, – тут же отозвалась Лина-Лин.

– Тебя надо было чем-то кормить, ты была такой прожорливой девочкой.

Лина-Лин будто не услышала его. Она смотрела

вдаль. Взгляд ее стал напряженным.

– Что случилось? – голос Джениуса прозвучал предельно серьезно.

Девушка приникла к земле и приложила к ней ухо.

– Сюда идут, – скоро сказала она, встала и начала собираться.

Джен принялся тушить костер. И Марко, хоть и не понимал, с чего вдруг они так переполошились, повесил на себя мешок с провизией и направился отвязывать коней.

Они отошли подальше от тропы, только вот Джениус запнулся в темноте и упал. В тишине леса раздались его глухие ругательства.

– Ты в порядке, друг? – Марко протянул ему руку.

– Чертов камень! Если палец опухнет, я буду хромать.

– Да уж, хромой наемник никуда не годится, – усмехнулся его напарник, – я оставлю тебя в ближайшей канаве и найду себе нового друга.

– Уйдем подальше или посмотрим, кто это? – поинтересовалась Лина-Лин, не обращая никакого внимания на неприятность брата.

Марко даже несколько удивился такой черствости.

– Посмотрим, – после секундного раздумья кинул Джениус. – А потом уйдем.

Они привязали коней подальше от дороги, а сами присели в отдалении так, чтобы можно было разглядеть проезжающих.

– Ждать долго? – спросил Марко.

Без костра стало резко холодно и ужасно захотелось спать.

– Может минут пятнадцать.

– Чего? – возмутился Марко. – Ты не могла слышать их, если они так далеко! Или там человек сто?

– Не больше десяти, – уверенно сказала Лина-Лин.

Да что за бред! Марко резко встал на четвереньки и прижал ухо к холодной земле. Тишина.

– Знаешь что, – обратился он к Джену, отряхиваясь от сухой травы, – за время общения с твоей сестрой, я понял, что она малость больная на голову. Я замерз и хочу спать. Давай вернемся к нашему кострищу.

Он не видел лица Лины-Лин, но почувствовал, будто на него повеяло холодом.

– Лапуля, – протянула девушка, – прикажи своему щенку заткнуться.

Джен невпопад закашлялся. Марко хмыкнул и протянул не без удовольствия:

– Милая моя Лина-Лин, если уж на то пошло, то это Джен – мой щенок.

– Лапуля? – удивилась девчонка.

– Да, – сквозь зубы ответил ее брат.

– Ты находишься в подчинении у этого мальчишки? – с презрением кинула Лина-Лин. – Знаешь что, Джениус, ты жалок.

– Не совсем так, – решил Марко вступить за друга. – Когда мы год назад познакомились, я спас твоему брату жизнь. За это он любезно взял меня к себе в напарники. И я честно подчинялся ему несколько месяцев. Пока еще раз не спас ему жизнь. В эту заварушку мы ввязались по вине Джениуса. Но потом, истекая кровью, мой командир в приступе благодарности поклялся мне, что если я спасу его еще хоть раз, право принимать решения перейдет ко мне. Короче, теперь я капитан. Так получилось.

Марко очаровательно улыбнулся и только потом понял, что в темноте его великолепную улыбку все равно никто не увидит.

– Невыносимо жалок, – обреченно вздохнула Лина-Лин.

– Но у него есть шанс, – заметил Марко. – Как только Джениус сравняет счет, то право принимать решения перейдет к нему. Пока он спас меня дважды. И то в один из разов я зачел тот случай, когда он принес мне Эля с утра. Я тогда просто умирал от похмелья.

– Ты тоже жалок, – констатировала Лина-Лин.

– Но, заметь, не настолько безнадежен, как твой брат, – справедливо отметил Марко. – Так где же наши таинственные путники?

Лина-Лин снова прикинула ухом к земле.

– Уже скоро.

Марко упрямо встал на колени и тоже прислушался. Ничего.

– Ведь тишина же! – возмутился он.

– Одуванчик, верь мне, – насмешливо шепнула Лина-Лин.

Когда Марко окончательно замерз и подумал вновь разразиться гневной тирадой, за деревьями действительно замелькали огоньки.

Они ехали с факелами. Шесть человек. В балахонах Серых Мастеров.

– Ого. Может, они в ту же сторону, что и мы? – настороженно протянул Марко.

А люди в сером тем временем приметили их кострище и направились туда.

– Они поймут, что там совсем недавно кто-то был, – заметил Джен.

– И что с того? – ответила Лина-Лин.

Марко видел, как шесть фигур осматривают кострище.

– Они решают не остановиться ли им на нашем месте, – предположила девчонка.

И Серые Мастера действительно начали привязывать копей. Марко тяжело вздохнул:

– Я надеялся, что мы вернемся туда, и Лина-Лин приготовит нам похлебку.

– Тихо ты! – шикнула она.

– Они нас не услышат, – возразил Марко. – Или... Погоди-погоди... Хочешь сказать, ты сама их слышишь?

Глаза немного привыкли к темноте, и Марко раз-

глядел, как напряженно вслушивается Лина-Лин. Они едва могли видеть лица Серых Мастеров, а она пыталась понять, что они говорят.

– Мы поспим несколько часов. Кому будет лучше, ели мы будем еле идти в темноте. Но Мастер Роланд Серебряный приказал двигаться как можно быстрее, а мы и так останавливались, чтобы поспать днем. Молчи уж, Клавдий, достань лучше вино и вяленое мясо, – всю эту речь монотонно произнесла Лина-Лин.

Марко не сразу понял, что она повторяет для него и Джена все подряд, что слышит сама.

– Наших там и так несколько десятков, среди них даже есть воины на всякий случай. Не говори, Нортон, и все ради какой-то очередной темной твари. Я слышал, она очень опасна. Да врут все. С чего ты взял, что врут? Не зря же вызвали еще и нас. Шенен? Так они его называют? Налей еще вина. Его никак не могут найти. Лей больше, ночь холодна. Благо кто-то до нас уже насобирал хвороста.

Что-то смущало Марко в смутном силуэте Лины-Лин. Вроде какие-то проблемы с ее прической, все торчит в разные стороны. Он снял перчатку и провел рукой по ее волосам, собираясь немного их пригладить. И вдруг понял, что это не волосы. Торчащие пушистые уши, как у кошки, гладкие внутри и мохнатые снаружи. Его передернуло, и он отшатнулся. Что за черт? Это еще что такое?

Лина-Лин мотнула головой, мельком глянула на

него. Оказалось, что и глаза у девочки светятся в темноте янтарным блеском... Она снова продолжила:

– Сам Роланд Серебряный обещает хорошую награду тем, кто найдет его. А ты уже наверное и раз мечтался, что это будет твоя заслуга? Смех. Я слышал, что опасна не сама тварь. Говорят, она настолько ценна, что сам Король послал сотню человек на поиски. А еще сотню отправил Орден Хранителей.

– Сдается мне, что это про нас, – усмехнулся Джен.

– Однако же, Данте хитер, – с уважением протянул Марко, – Как удобно быть тремя из несуществующей сотни. Я прямо чувствую дополнительную силу при словах «Я один из сотни Хранителя».

– Помолчи, Одуванчик, – снова шикнула сестра Джениуса.

Марко запнулся и опять опасливо уставился на эти наостренные уши.

Джен легонько толкнул его локтем. Даже в темноте молодой наемник разглядел, как неодобрительно горят его глаза. Только сейчас он подумал, что у его друга, похоже, тоже глаза немного подсвечивают в темноте. Марко стало жутковато. Ну и компания у него.

– Эээ, Лина-Лин, твои уши... ушки... – выдавил он из себя, – они очень милые. Правда.

Его старший напарник одобрительно кивнул.

– ...и тогда во сне мне явился сам Мастер Роланд Сереб-

ряный, – невозмутимо продолжила девчонка. – Он показал мне путь, по которому мы должны ехать и таверну, в которой недорого будет остановиться. Повезло тебе. Далек не всех Мастер Роланд достаивает визита во сне. Говорят, что Роланд – настоящий святой. А другие говорят, что он безумен. Но сумасшедшие не умеют являться во сне, не так ли?

– Лина-Лин, все мы знаем эти сплетни о Роланде, – прервал ее брат. – Повторяй, только если услышишь что-либо ценное. Маркус, кинь мой заплечный мешок, пожую вяленой говядины.

– Ну наконец-то, – обрадовался Марко, – как насчет фляги с вином?

– А как насчет этих Серых мастеров, – раздраженно отозвалась Лина-Лин, – что с ними будем делать? Они тоже идут за Шененем.

Марко с облегчением заметил, что ушки исчезли. Или спрятались под прическу. Но было довольно неприятно представлять, что они все еще где-то там, под волосами...

– Не преувеличивай, это всего лишь жалкий дополнительный отрядик, состоящий из пьянчуг и обжор, – с презрением кинул Марко.

– И, все же, чем их меньше, тем лучше, – резонно заметила девочка.

– Предлагаешь их убить? – поинтересовался Джениус.

– Ну, – Лина-Лин замешкалась, – это было бы самым логичным.

– Так иди и убей их, – закончил ее брат.

Марко фыркнул от смеха. Джен тоже издал что-то похожее на смешок.

– Обхохочешься, – недовольно ответила девушка. – А вы что предлагаете, такие умные и сильные мужчины?

– Не за чем марать руки. Это же будет почти избиение младенцев, – небрежно кинул Джен. – Когда они уснут, заберем их еду, вино, деньги. Ручаюсь, они тут же повернут назад в Вертон.

– ...запасутся и вновь тронуться в путь, – закончила Лина-Лин.

– И что? – пожал плечами Джен. – К тому времени мы уже найдем этого Шенена.

– Чертовски самоуверен, – покачала головой его сестра.

– И все же мы сделаем, как я скажу, – жестко отрезал брат.

Обычно Джен не слишком-то был щепетилен в вопросах убийства. Даже наоборот, насколько Марко мог заметить. Видимо, он просто не хотел приобщать к этому свою малолетнюю сестру.

– Эй-эй, – Марко привстал, – ты забыл, что здесь я принимаю решения?

Его старший приятель помолчал несколько секунд.

– Я тебя внимательно слушаю, – холодно ответил он.

– Ну, я полагаю.... – Марко картинно задумался. – Как насчет того, чтобы...

Четыре светящихся в темноте глаза, сверлили его

взглядом. И теперь наемника это очень забавляло.

– Думаю, что нам надо дождаться, пока Серые Мастера уснут, и... забрать у них еду, вино и деньги. Тогда они не смогут двигаться дальше и повернут обратно в Вертон.

Теперь две пары таких похожих глаз смотрели друг на друга. Марко рассмеялся.

– Твой друг – шутник, – холодно сказала Лина-Лин.

– Мой друг – идиот, – расшифровал ее брат по-своему.

– Ладно вам, давайте подвинемся к ним ближе.

Дожевав кусок говядины, Марко с сожалением кинул остатки в сумку и сделал несколько осторожных шагов вперед. И тут же услышал отчаянный крик своего напарника.

– Джен! Джен, что с тобой! – Марко со всех ног кинулся к другу, который скорчился на земле и продолжал кричать.

Маркус быстро опустился перед ним на колени, протянул руки. В темноте он даже не мог понять в чем дело, просто ощупывал Джениуса, чтобы определить, что случилось.

Мельком он отметил, что Лина-Лин стоит рядом и спокойно смотрит, будто она как раз ожидала чего-то подобного.

– Да что с тобой, Джен??? – почти прокричал он.

Его уже начала накрывать волна паники оттого, что он ничем не может помочь... И тут его пальцы почувствовали железо.

– Капкан. Это капкан, – он сразу успокоился и начал ду-

мать.

Просто капкан. Руки быстро нащупали зажим, напрыглись и растянули две зубчатые пластины в разные стороны. Марко ощутил, как ладони скользнули по чему-то мокрому. Кровь.

Джениус уже взял себя в руки и почти не издавал никаких звуков, только слегка перекатывался из стороны в сторону.

Теперь он точно будет хромать. И, конечно же, его крик услышали Серые Мастера. Они достали оружие и с совершенно ошарашенным видом, медленно ступая, продвигались к ним. Им было страшно.

– Придется сражаться, – довольно равнодушно кинула Лина-Лин.

– Мне, – криво улыбнулся Марко.

Девочка хмыкнула.

– Пошли, – вызывающе сказала она. – Джен пока сам наложит себе повязку, а сражаться будем мы.

– Мы не хотели их убивать, – сквозь зубы процедил Джен, держась за ногу.

– Ты понял, Одуванчик? Мой умирающий брат просил никого не убивать, – мрачно сказала Лина-Лин.

– Какой брат? – сдавленно прошипел Джен.

– Мой возлюбленный брат, – улыбнулась она. – Лежи здесь. Мы сейчас вернемся. Одуванчик, как насчет воинственного крика?

– Поддерживаю, – кинул он.

И с дикими воплями они со всех ног побежали вниз по склону, держа мечи наготове. Марко удивился, насколько сильным, громким и угрожающим может казаться крик этой молоденькой девушки.

Серые Мастера явно опешили оттого, что кто-то со всей дури мчится на них из темноты.

И так же отчаянно Марко и девчонка скрестили с Мастерами оружие, лупя по вражеским мечам со всей силы, но не пытаясь никого проткнуть насквозь.

– Трое твоих, трое моих, – справедливо поделила Ли-на-Лин.

– Четверо моих, двое твоих! – кинул ей Марко, размахивая мечом.

И услышал ее смех.

– Один твой, пятеро моих! – весело заявила она, и голос ее потонул в лязге оружия.

С искренним удивлением Марко увидел, как легко уворачивается девочка от ударов, и как продуманно наносит их сама. Он узнавал манеру Джениуса вести бой. Но только акцент был сделан не на силу, а на ловкость.

Ли-на-Лин иногда выдыхала с криком во время сильных выпадов. Видно, это помогало ей не только запугать противника, но и вложить больше мощи в удар.

На самом деле, единственная сложность заключалась в том, чтобы не убить их.

– Да в конце концов! – с этими словами Марко кинул меч, схватил двоих монахов за волосы и со всей силы столкнул их лбами.

Они упали. Один из них потерял сознание. Другой пополз с завидной быстротой в сторону дороги.

Лина -Лин, заметив этот маневр, огрела своего противника эфесом шпаги по голове, а второго в этот же момент со всей силы пнула между ног так, что он согнулся пополам.

Все это произошло настолько быстро, что оставшиеся двое бросились бежать.

Марко торжественно направился к костру.

– Ммм, суп почти сварился, – сказал он, заглядывая в котелок.

– А ты говоришь – «готовь, женщина», – улыбнулась Лина-Лин. – Зачем, если можно отобрать еду у мужчин?

– Эй, вы ничего не забыли? – из темноты послышался голос Джениуса.

Он еле шел, с трудом наступая на левую ногу. Марко кинул крышку котла и бросился к другу, чтобы поддержать его.

– Пошли, дорогой, мы тебя перевяжем и накормим благословенным монашеским супом, – успокаивающе сказал Марко, принимая часть веса Джена на себя.

– Давайте оттащим этих троих к дереву и свяжем, – предложила Лина-Лин, все еще не проявляя никакого сочувствия к брату.

В свете костра Марко заметил кровь на его разодранном сапоге. Он аккуратно помог другу присесть на бревно и порылся в заплечном мешке в поиске тряпки, чтобы перевязать рану.

– Лина-Лин, может ты что-то хочешь мне рассказать? – спросил Джен голосом, не предвещающим ничего хорошего.

– Нет, – невинно пожала плечами девочка.

– За один вечер я умудрился сначала отбить палец, а потом и вовсе чуть не лишился ноги. С чего бы это?

Марко не слишком понимал, что его друг имеет в виду. Он молча наклонился к поврежденной ноге, и под сдавленный стон Джена стянул его порванный сапог. Крови было многовато. Он обмыл стопу изъятую у Серых Мастеров святой водой и полил сверху их же элем. Ушибленный палец тоже начал опухать.

– Лина-Лин... – снова угрожающе произнес Джениус, едва справившись с приступом острой боли.

– Чего ты от меня хочешь, Лапуля? Одуванчик, скажи ему, что просто было темно.

– Я не хуже тебя вижу в темноте, Кошка, – сквозь зубы выдавил Джен.

Марко с удивлением глянул на друга. Насчет его сестры он уже ничему не удивлялся, а про способность напарника видеть в темноте он только догадывался. Он теперь припоминал, что когда им приходилось двигаться ночью через лес, Марко едва поспевал за приятелем. Значит, у него

и правда сегодня светились глаза, хоть и не так сильно, как у Лины-Лин.

– Ты опять сделала это. Так? – тем временем продолжал Джениус.

Его сестра помолчала немного, потом нервно поднялась.

– Ну да, это я, – недовольно согласилась она. – Но я же почти ничего не сделала. Просто передала сегодня записку.

– Вы о чем вообще? – Марко уже закончил перевязывать рану и тоже поднялся. – Что происходит?

Лина-Лин смотрела в костер и явно не собиралась отвечать.

– Помнишь, я говорил, что моя сестренка завела с кем-то роман и поэтому не таскалась за мной целый год? – мрачно спросил Джен. – Так вот, этот таинственный мужчина был женат. И его женщина, когда узнала обо всем, прокляла Лину-Лин.

Девушка молча села обратно. Ее лицо было грустным.

– Теперь каждый раз, когда она общается с этим человеком, что-то случается.

– С тобой? – приподнял бровь Марко.

– Проклятье должно было ударить по тем, кто для меня особенно дорог, – вздохнула Лина-Лин.

– И, к сожалению, это я, – подытожил брат, поморщившись от боли. – И когда ты успела с ним встретиться? Когда ходила покупать коня? Или...

Неожиданно Джен резко вскинул голову.

– Погоди-погоди... – сказал он, пристально глядя на сестру. – А ведь ты зачем-то поперлась с нами к Хранителю. Потом оказалось, что ты с ним знакома. Да, к тому же, ты последней выходила из его кабинета, а после встречи долго витала в облаках. Твой бывший любовник – Данте Иллингтон?

– Нет, – медленно ответила девушка.

– Я спрашиваю, это он? – еще раз с нажимом повторил брат.

– Да, – неохотно согласилась она. – Да, это он.

– У тебя была связь с Верховным Хранителем? – почти с восхищением протянул Марко.

Лиана-Лин молчала.

И младший наемник начал оттаскивать к дереву Серых Мастеров, чтобы привязать их на ночь. Весили они, между прочим, немало. Кажется, один из них пришел в себя, но упорно притворялся мертвым.

– Что было в той записке? – жестко спросил Джен.

– Не твое дело, – буркнула она.

– Что в ней было? – голос ее брата звучал угрожающе. – Я должен знать, насколько я в опасности.

Сестра помолчала немного.

– Время не лечит, – тихо сказала она, глядя в костер. – Это все, что я ему написала.

Джен покачал головой.

– Не могу поверить, ради этой глупости ты рисковала мо-

ей жизнью и здоровьем...

Лиана-Лин не ответила. Марко понимал, что за ее непроницаемым лицом скрываются нешуточные переживания.

– Помнишь, Маркус, когда я провалялся неделю с лихорадкой? – с недоброй усмешкой спросил Джен. – Тогда моя сестрица, как она сама призналась, провела со своим Хранителем ночь.

– Это была наша последняя встреча, – жалобно протянула Лиана-Лин. – Уже после того, как эта женщина все узнала. Мы должны были попрощаться.

– А еще через несколько дней мне попали в плечо из арбалета. И даже не во время сражения. Стрела просто вылетела из окна кабака.

– Ну... – Лиана-Лин замялась, – это была еще одна последняя ночь. Так получилось.

– Суп уже совсем закипел, – вмешался Марко в неловкий разговор. – Есть ли какой-нибудь способ снять это проклятье?

– Есть, – кивнул Джен. – И очень незатейливый. Убить кого-то из них. А если серьезно, сестрице нужно всего лишь никогда не видеться с Иллингтоном.

– Это довольно сложно сделать, – пожалала плечами девчонка. – Я работаю на Орден.

– Тогда надо перестать пускать по нему слюни. Забыть его. Отпустить.

– Ну спасибо за совет, Лапуля. А сама я и не знала, – прерительно отозвалась Лина-Лин. – На исповеди какой-то тупой Серый Мастер мне посоветовал зажигать свечку и просить прощения у этой женщины. Но, по-моему, это ужасно глупо.

– Тем не менее, именно этим ты сейчас и займешься, – решил за нее брат. – Я не хочу завтра опасаться за каждый свой шаг. Он и так будет чересчур неровным.

Мордашка Лины-Лин мигом стала кислой, когда Марко бросил недовязанных Серых Мастеров и достал из мешка свечу.

– Но я не знаю ее имени, – проныла девушка. – Данте почти никому его не говорит.

– Ничего, мы спросим у него. Прямо сейчас, – отрезал брат.

Девочка усмехнулась.

– Так уж он и сказал. Зная имя человека, можно сделать слишком много. Например, наложить проклятье. Что, собственно, со мной и случилось.

Марко и Джен переглянулись.

– Она права, – подумав, согласился Маркус. – Я бы, пожалуй, не сказал своей любовнице имя своей жены.

– Вот видишь, – довольно отозвалась Лина-Лин. – А теперь я могу спокойно поесть?

– Можешь, – кивнул брат. – А потом ты зажжешь эту чертову свечу и будешь просить прощения и желать счастья этой

даме. Не знаешь имени? А ты попробуй угадать. Среди сотни названных тобой имен наверняка промелькнет и ее.

Марко сунул миску в руки снова помрачневшей девушки.

– Приятного аппетита, – пожелал он ей.

После еды Джен начал укладываться спать, стараясь не задеть больную ногу.

– Ложись и ты, Маркус. Первой дежурит сегодня Кошка. Все равно ей предстоит полночи просить прощения.

– Кстати, о кошках, – вспомнил Марко. – Что это значит? Лина-Лин, ты оборотень или еще какая неведомая хрень?

Она улыбнулась.

– Нет. Но у меня есть несколько полезных способностей. Слух, ночное зрение, нюх, ловкость. Еще у меня красивые и здоровые ногти.

Девчонка продемонстрировала свою руку с аккуратными острыми коготками.

– И мозги у нее тоже маленькие, как у кошки, – Джен все еще злился на сестру.

Ничего не ответив на это критическое замечание, Лина-Лин начала:

– Прости меня, Элизабет и будь счастлива. Прости меня, Анна и будь счастлива. Прости меня, Лора и будь счастлива. Прости меня, Тиана и будь счастлива.

– И что же ты сделала всей этой армии женщин? – невинно поинтересовался Марко.

Джен усмехнулся.

– Ой, все! Прости меня, Антуана и будь счастлива. Прости меня, Диана и будь счастлива...

Марко не сказал бы, что этот монотонный перечень помогает ему заснуть.

– Прости меня, Верона и будь счастлива. Прости меня, Роза и будь счастлива, – Лина-Лин замялась, видно силилась вспомнить еще какие-нибудь женские имена. – Прости меня, Тарталетта и будь счастлива. Прости меня, Крысанья и будь счастлива. Прости меня, Мандарина и будь счастлива. Прости меня, Сардинелла и будь счастлива...

– Довольно трудно быть счастливым с таким именем... – философски заметил Марко.

– Почему-то мне кажется маловероятным, что жену Хранителя зовут Сардинелла, – сонным голосом протянул Джениус.

– Прости меня, Изабелла и будь счастлива, – в голосе девушки появилось раздражение. – Будь ты уже счастлива, Марианна, в конце концов! Чертова Виолетта, прости и будь счастлива! Будь счастлива, сучка, и желательно подальше от Хранителя...

После этих слов Лина-Лин с чувством выполненного долга шумно задула свечку. И Марко наконец-то оказался на берегу Моря Истины. Джениус уже был там.

Когда появился Данте, вместо приветствия Джен ударил его в лицо, хотя и не слишком сильно.

– Это за мою сестру, – объяснил он в ответ на недоуменный взгляд Данте. – А теперь можем поговорить о делах.

Хранитель хотел было что-то сказать, но промолчал и присел на песок.

– Сегодня мы повернули назад небольшой отряд Серых Мастеров, – как ни в чем не бывало начал отчитываться Джен. – И у нас небольшая проблема.

Джениус показал на свою ногу, но в Нави она была здоровой. Он задумчиво ей пошевелил и пояснил:

– Я повредил ногу. Дважды. Проклятье, если вы понимаете, о чем я.

Данте кивнул, никак не высказывая своих эмоций по этому поводу.

Правильно сделали, что не стали убивать Серых Мастеров, – вернулся он к предыдущей теме, – не люблю, когда проливается лишняя кровь. Насколько я знаю, Марко, ты тоже.

– А я один, значит, бездушный и безжалостный убийца, – ухмыльнулся Джениус. – Это, между прочим, я предложил не убивать этих тюфяков, в то время как ваша подружка настаивала на кровавой бане.

На губах Данте мелькнула едва заметная улыбка. Похоже, он умилялся демонстративной кровожадности Лини-Лин.

– Твоя нога сильно повреждена? – перевел Хранитель тему.

– Достаточно сильно. Она будет беспокоить меня несколько дней, и мои возможности в бою могут быть ограничены. Хорошо еще, что мне не тяжело передвигаться на коне.

Марко подумал было, что несколько дней – слишком мало, чтобы перестала беспокоить такая рана, но вспомнил, что на его напарнике все на удивление быстро заживает.

– Говорите мне о всех возникающих проблемах. Если дела будут совсем плохо, я постараюсь помочь.

Марко пожал плечами. Все равно, пока Данте до них доберется, дела пять раз успеют стать еще хуже.

– А что касается ноги... Я бы мог свести тебя с хорошим целителем, когда доедете до Ашера, но, боюсь, любые проблески магии привлекут к вам внимание Серых Мастеров, а одними травками здесь не поможешь.

Хранитель помолчал немного и продолжил:

– Отряд Роланда Серебряного сейчас прочесывает Торн. Когда они поймут, что им дали ложные сведения о местонахождении Шенена, то, скорее всего, отправятся в Ашер. Еще есть Слуги Тьмы, и они наверняка знают, куда ехать, но их довольно сложно отследить. Королевский отряд тоже в пути. Их человек пятьдесят первоклассных конных воинов. Это личная свита Маршала Лионеля, – эту фразу Хранитель произнес с явным сожалением. – Да еще и вся стража Ашера будет в их распоряжении.

Мастер Роланд Серебряный, Маршал Лионель – это первые люди в своем деле. Зачем же им всем сдался

этот Шенен? Марко видел Лионеля во время парада, хоть и издалека – величественная осанка, кошачья грация. Только вот изрядная бледность даже со ста шагов бросалась в глаза. В народе говорили, что он кашляет кровью, но это не мешало ему одерживать победу за победой над внешними, а теперь, возможно, и внутренними врагами.

Насколько Марко было известно, сейчас Маршал Лионель должен был руководить подавлением восстания на севере, а не гоняться за неким полумифическим существом.

– Вам следует искать сумасшедшего бродягу. Думаю, именно такое впечатление Шенен сейчас производит на людей, – вздохнул Данте. – Когда будете опрашивать свидетелей, многие, возможно, вспомнят его ярко-голубые глаза. Лина-Лин сразу поймет, что это Шенен, едва его встретит. Джениус, тебе не стоит недооценивать сестру. Вероятно, ее ждет большое будущее в Ордене Хранителей.

Наемник хмуро промолчал.

– Проклятье не будет длиться вечно, – тихо добавил Данте, понимая причины дурного настроения брата Лины-Лин. – Когда она разлюбит меня, мы спокойно сможем вести с ней дела, тебе ничего не будет угрожать. А теперь спите.

И Марко почувствовал, как земля ушла из-под ног, погасли три солнца над головой, и его медленно, словно покрывалом, обволокло пустотой и тишиной сна.

И снова Проклятье

Первые лучи едва осветили тропу, когда путники вновь оседлали коней.

– Нам надо опередить королевскую гвардию, – сказал Джен, вместо «доброе утра», и они значительно увеличили скорость по сравнению со вчерашним днем.

– Сделаем привал здесь, – командным голосом провозгласил Марко после полудня.

Джену не понравилась эта идея, но право принимать решения было у его младшего напарника, и он покорно при- тормозил.

– Я не слышу слов: «Да, мой капитан!», – подстегнул его Марко, спрыгивая с коня.

– Ничего, мальчик, вот вернется ко мне право командо- вать... – несколько зловеще протянул Джениус.

– Не надейся, – улыбнулся Марко.

– Я напою коней, – все еще как-то недобро процедил на- парник и, стараясь поменьше ступать на больную ногу, на- правился к ручью, который журчал где-то за кустами.

Лина-Лин взяла за уши кролика – Марко подстрелил зверька из ее арбалета по дороге.

– Так и быть, приготовлю вам обед, – великодушно пред- ложила она. – Только освежуй тушку, Одуванчик.

И девочка кинула упитанный трупик к его ногам. Марко

послушно достал нож.

Джен будет недоволен тем, что они тратят время на готовку. Но должны же все хотя бы раз в день нормально питаться.

Лина-Лин неожиданно резко вскочила, хватаясь за свой маленький меч.

– Здесь кто-то есть!

Она повела головой, прислушиваясь и принюхиваясь. Глаза ее выражали крайнюю степень беспокойства.

– Джен... – прошептала она.

И тут же из-за кустов показалось несколько крепко сложенных ребят. Они заросли бородами и были одеты в лохмотья. Среди них, хромая, шел Джениус. Точнее, его вели – мужичок с топором приставил свое массивное оружие к горлу наемника. Руки Джена были крепко связаны спереди. Во рту торчал кляп.

Разбойников было четверо, но вскоре еще двое спрыгнули с дерева в отдалении.

«Неплохая работа», – невольно подумал Марко, доставая меч. Похоже, ребята углядели издалека добычу и приготовились к засаде.

– Бросайте оружие, или ваш приятель умрет, – черными зубами улыбнулся им бандит с уродливым шрамом, пересекающим все лицо.

– Проклятье! – тихо выругалась Лина-Лин.

– Да, похоже, это опять оно... – угрюмо констатировал

Маркус.

Так запросто попасться в руки мародерам с большой дороги. Это надо еще постараться.

Толстяк сильнее прижал топор к горлу Джениуса, и Марко тут же кинул на землю свой меч. Оружие Лины-Лин звякнуло рядом. Двое разбойников помоложе тут же подняли оба меча.

– Хороши игрушки... – протянул мужчина в потертом бордовом камзоле с чужого плеча. – Видно, это не простые бродяги. Что еще у вас есть?

Чернозубый со шрамом снял с Лины-Лин арбалет и стрелы. И тут же направил на нее. На Марко тоже с трех шагов смотрела стрела.

Да, ситуация пока складывалась не лучшим образом.

– А это вы видели? – ахнул молодой парень в лохмотьях, вынимая меч Джениуса из ножен.

Серебряная рукоять была будто сплетена из причудливых темных узоров. При ближайшем рассмотрении становилось понятно, что это переплетенные фигуры голых людей. Их позы выражали невероятную муку. А крохотные рубины символизировали капли крови.

Само лезвие было почти черным, но при этом так и сверкало на солнце.

Марко и сам все время с восхищением и священным ужасом разглядывал оружие друга. Ему казалось, что от этого меча веяло неземным холодом.

Пока все с изумлением осматривали необыкновенное оружие, Марко покосился на свой нож рядом с тушкой кролика. Можно было кинуться вправо и метнуть ножик в голову толстяка с топором. Тогда в игру вступил бы Джен. Кошка тоже что-нибудь придумала бы. Реакция у нее мгновенная.

Он перевел глаза на Лину-Лин. Та, перехватив его взгляд, едва заметно кивнула. Марко увидел, как девушка подобралась вся, будто пантера перед прыжком. Видимо, в жертвы она выбрала молодого паренька, который направлял на нее арбалет. Да уж, это малышка явно в себе уверена.

Марко сделал легкий жест подбородком, указывая Джэну на нож возле тушки кролика. Но тот отрицательно качнул головой. Видно, из-за поврежденной ноги и связанных рук он не был уверен в успехе.

Лина-Лин недовольно отвела взгляд и слегка расслабилась.

– Что за чертовщина этот твой меч? – грубо спросил молодой парень, вытаскивая кляп изо рта Джэна.

Тот нагло улыбнулся в ответ. Марко весь последний год удивлялся, насколько его напарник был спокоен в критических ситуациях. Казалось, он всегда был точно уверен, что выкрутится. Хотя, чего уж говорить, так обычно и получалось.

– Мой меч? – с усмешкой спросил Джен разбойников. – Его имя – Хаборим. И стоит он дороже, чем все ваши жалкие

жизни вместе взятые. Говорят, он был выкован в аду. Демонами.

Улыбка Джениуса стала еще кривее. Бандиты опасливо разглядывали страшное оружие. Кое-кто невольно попятился назад. Надо же, какие суеверные.

Марко, по правде сказать, и сам смотрел как замороженный, пока краем глаза не заметил едва заметные движения рук Джена. Он пилил веревку. К краям рукавов у него были хитро прикреплены два маленьких тонких лезвия.

– Что вы собираетесь с нами сделать? Возьмите наши мешки, там есть золото, – испуганным голосом пролепетала Лина-Лин. – Мне страшно! Марко, что с нами будет? Пощадите нас, прошу вас.

Маркус едва сдержал улыбку – сестрица тоже заметила махинации брата и теперь изо всех сил отвлекала внимание. В голосе мелькали вполне натуральные истеричные нотки.

– А этот мальчишка симпатичный, – расплылся в сальной улыбке мужик со шрамом на лице.

– У тебя все мысли об одном, – хмыкнул паренек с арбалетом.

– Вообще, мы сможем неплохо его продать, – заметил бородач в бордовом камзоле с чужого плеча.

Он вразвалочку подошел к Лине-Лин, взял в грязную лапищу ее подбородок и повернул на свет, рассматривая лицо. Потом засунул пальцы ей в рот и раздвинул челюсти.

– Отличные зубы, – довольно сказал он.

Девочка с отвращением сплюнула.

– Сдается мне, это вовсе не мальчишка! – вдруг сообразил мужик с топором.

И, швырнув связанного Джена на землю, толстяк демонстративно перешагнул через него и подошел к Лине-Лин. Он резко рванул рубашку у нее на груди. Марко невольно покопился в ту сторону.

Шелковое белье? В лесу? И снова он невольно отметил, что, не смотря на юный возраст и природную худобу, тут было на что посмотреть.

Более замечательного отвлекающего маневра и придумать было нельзя.

Джениус резко вскочил и огрел толстяка с топором ножами по голове, в эту же секунду Марко вырубил того, кто забрал его меч и пнул ногой в грудь разбойника в бордовом камзоле, который стоял в опасной близости к костру. С диким криком Лина-Лин набросилась на парня с арбалетом. Похоже, ей не нужно было оружие, она вцепилась ему зубами в плечо, а острые ногти вонзились в шею. Он заорал одновременно с Бордовым камзолом, оказавшимся в костре.

В общем, после этого уже почти ничего делать не надо было. Джен отобрал свой меч и глубоко вонзил его в живот того, кто собирался продать его сестру. С блеском в глазах, который иногда пугал Марко и с явным удовольствием он провернул лезвие внутри противника два раза. Его горящие глаза уставились на последнего бандита. На лице явно чита-

лось желание убивать. Жертва испуганно попятилась и, как ни странно, Джен опустил меч. Хотя, видно было, это далось ему с трудом.

Лина-Лин к тому времени уже повалила на землю корчащегося противника и держала наготове свой арбалет, отойдя на удобное расстояние.

Марко разочарованно огляделся – обгорелый убежал к ручью, трое лежали на земле. При смерти был только тот, которого настиг меч Джениуса. А оставшиеся двое разбойников притихли и стояли напротив них, неуверенно сжимая оружие.

– Что прикажете с ними делать, капитан? – с издевательскими нотками в голосе поинтересовался Джениус.

– Это ваше с сестрой Проклятье, сами с ним и разбирайтесь, – ответил Марко.

– Прикончим и черт с ними, – махнула рукой Лина-Лин, вытирая кровь с губ.

Один из потерпевших поражение, тот что был со шрамом, все же сделал выпад снизу в их сторону, но Джен с легким смешком выбил у него меч. После чего строго сказал сестре:

– Кошка, оденься!

Марко опять покосился на девчонку. Тончайшее дорогое кружево красиво обтягивало упругую грудь, кожа была немного смуглая, золотистая.

– Не пялься, – с презрением кинула она.

Джениус достал из сумки и швырнул сестре запасную чер-

ную рубашку.

– Белый мне идет больше, – озабоченно пролепетала девица, которая только что чуть не загрызла довольно внушительного парня.

Вспомнив об этом, Марко оглядел Линину жертву. В шее были глубокие кровоточащие дырки с двух сторон. Действительно, хорошие ногти. И зубы.

Джениус заметил взгляд друга.

– Моя сестра! – с гордостью сообщил он, будто Марко был не в курсе.

При этом Джен так похлопал девочку по плечу, что она едва устояла на месте. В ее тоненьком тельце было не так-то много силы, но в бою это компенсировалось ловкостью и быстротой.

Не смотря на свое пожелание убить разбойников, Лина-Лин что-то не спешила этого делать. Поэтому ребят просто по-быстрому привязали к дереву их же веревками. Может быть, раненые развяжут их, если вполне придут в себя, а может бандитов загрызут дикие звери. Это уж как угодно судьбе.

– Надеюсь, вы понимаете, что мы потеряли слишком много времени зря? – голос Джена опять стал холодным.

– Нет! – почти с отчаяньем воскликнул Марко. – Только не говори, что жареный кролик отменяется!

Хотя и сам он прекрасно понимал, что теперь им точно надо спешить.

– Если повезет, к вечеру мы доберемся до деревни Хьюго. Там у нас будет горячий ужин в таверне, – пообещал Джен, хромя к своему коню.

– И эль, – мечтательно добавил Марк. – Как ваш предводитель, я приказываю всем выпить по три кружки эля.

Лиана-Лин хмыкнула, Джен кивнул.

– Один из немногих случаев, когда я с готовностью выполняю твой приказ.

– Сегодня я спасла всем жизнь, – сказала Лиана-Лин, запрыгивая в седло. – Сдается мне, скоро я стану главной.

Марко и Джен презрительно фыркнули.

– Молчи, Кошка, – строго сказал ей брат. – Неужто ты думаешь, что мы без тебя и твоего шелкового белья не справились бы с заурядными разбойниками?

Судя по ее выражению лица, именно так она и думала.

– Не слушай их, Молочко, – сказала Лиана-Лин своему жеребцу. – Это просто глупые самовлюбленные мальчишки.

– Когда ты сказал, что она назвала коня Молочком, я сначала не поверил, – покачал головой Марко, обращаясь к напарнику.

Тот только тяжело вздохнул в ответ и закатил глаза. Затем они молча пустились в путь.

То, чего не должно было быть.

После общения со своими наемниками Данте так и не смог заснуть. Проклятье, недавняя встреча с Линой-Лин, Маршал Лионель во главе поискового отряда – все это не давало Хранителю покоя. К тому же, до него дошли новости, что восстание "Братства на крови" окончательно подавлено еще неделю назад. В живых не осталось почти никого, хотя официально это еще не обнародовано. Да, здесь не было ничего удивительного, восстание изначально было обречено. Но все же как же больно каждый раз это слышать..

Он побродил по комнате, налил себе вина. На столике у кровати лежала та самая записка. «Время не лечит». Да нет же, это глупости, просто пока прошло всего лишь пара месяцев.

Раз уж он все равно не спал, можно было перебрать накопившиеся Орденские документы, написать необходимые письма или поработать с архивами. Но в итоге, так и не определившись, Данте плюнул на все и пошел на рыбалку. В Навь, разумеется.

У него было излюбленное горное озерцо, у которого он любил сидеть с удочкой. Это место хорошо тем, что здесь не так много рыбы, как во всех остальных водоемах этого мира, и не приходится вытаскивать удочку, едва ее опустив.

Поймав рыбку, Данте обычно долго рассматри-

вал ее. Навь каждый раз дарила ему все новые и новые образцы. Вот и сейчас он выловил какую-то сине-зеленую рыбку с длинным шелковистым хвостом. Кажется, это прекрасное создание – несколько не напрягало, что ее поймали, оно отлично дышало без воды и даже умудрялось жмуриться от солнца и лениво шевелить хвостом, лежа в руке у Хранителя.

Вздыхнув, Данте кинул ее обратно в озеро, что еще с ней было делать? Он скучал по рыбалке в Яви, где был совсем другой азарт и другие законы, но руководство Орденом в последнее время никак не позволяло ему выбраться.

Хранитель снова закинул удочку. Рыбы этого мира не спешили к нему, будто слышали его мысли и обиделись, что он их не ценит.

Он просто сидел и прислушивался к звукам природы, к призрачной музыке, звучащей непонятно откуда и к словам, которые становилось все проще различить.

– ...я люблю тебя... – знакомый голос, далекий голос из Яви. Как он мог раздаваться здесь, в Нави? Хотя, наверное, это просто отражение его мыслей в зеркальном горном озере.

Лиана-Лин. Этого не должно было быть. Ничего из того, что случилось. Он предупреждал Кошку, что им надо как можно реже видаться, а иначе ведь...

– Повлюбляемся к чертям...

– Повлюбляемся? Что за глупости? – девушка рассмеялась.

Они говорили об этом в тот же вечер, когда Лина-Лин впервые влезла в окно. Год назад – прошлая осень. На девушке было простое, но симпатичное розовое платье, и оно, похоже, не слишком мешало ей карабкаться по дереву.

Сидя в гостиной, они поначалу говорили только о делах. Дитя Нави наполовину, она была способна чувствовать Силу, Свет и Тьму. Она могла видеть всех, кто не являлся обычными людьми – магов, ведьм, святых, узнавала обитателей Нави, Прави и Ада, если они вдруг забредали в Явь. Действительно, бесценная находка для Ордена.

Уже потом он собрал о ней все сведения, хотя это было непросто – слишком много разнообразных слухов ходило о ее семье. Отец Лины-Лин был человеком. А мать умерла сразу после родов. Ее почти никто не видел. Говорили, что слуги боялись даже ходить мимо дверей покоев этой женщины. Мол, она была совсем дикая, чуралась дневного света, а кожа ее была черной, как сажа.

Богиня Онори рассказала Данте, что так выглядит человеческое обличье земляной кошки. Он иногда видел этих красивых животных по ночам в Нави. На кончиках ушей у них горели огоньки пламени. Одна из земляных кошек была поймана смертным, от их союза она забеременела, выносила ребенка и сразу умерла, тем самым вернувшись в Навь.

В ту встречу он предложил Лине-Лин вина, хотя и колебался – больно уж молодым и хрупким казалось ему это создание. Она с радостью согласилась и даже вытащила

пробку зубами. Хотя потом немного смутилась, вспомнив, что перед лицом Верховного Хранителя нужно вести себя как леди, раз уж она теперь в платье, а не в широкой мальчишеской одежде.

Ближе к вечеру они и думать забыли об Ордене и всех его проблемах, врагах, кризисах и скрытых возможностях. Они были мужчиной и женщиной в абсолютно пустом пространстве, в замершем и притихшем времени.

Ей было шестнадцать. Он периодически про это забывал. Кошки быстро взрослеют.

– Ты думаешь о моем возрасте, чести и невинности? – прямо спросила Лина-Лин. – Не переживай, я уже была замужем. Дважды.

Почему-то Хранитель не удивился.

– И, думаю, никому из моих мужей не будет плохо оттого, что я тебя поцелую.

И она медленно приблизилась к Данте. Теплые губы прижались к его губам, всем телом Лина-Лин приникла к нему, и он чувствовал ее дыхание. Его руки мягко легли ей на спину.

– Моя девочка... – шепнул он ей первое, что пришло в голову.

Так он потом часто называл ее.

У них было меньше года. Редкие встречи, очень редкие, чтобы Миранда ничего не заподозрила. Он мерзко поступал с женой, такое поведение не приемлемо было для

Верховного Хранителя. Но тяга к Лине-Лин была сильнее. Это было наваждение, Космос, цунами и пожар.

Ни за что на свете он не хотел бы причинить Миранде боль. И, тем не менее, она все узнала. Может, стоило убить тех парней, которые видели Данте и Лину-Лин вместе...

Это было в одну из их ночей в тех меблированных комнатах, когда девочка уже засыпала, положив голову ему на плечо. Иногда она сонно целовала его в шею – ведь им всегда так жалко было тратить время, украденное у Вечности, на сон.

И вот, вышибив дверь ногой, в комнату ворвались трое головорезов. У этих людей были наголо мечи и кинжалы, лица замотаны черным по глаза.

Хранитель резко скатился с кровати и подобрал с пола свой меч. Инстинктивно хотелось что-нибудь накинуть на себя, но времени на это не было.

Только Кошка, обладая мгновенной реакцией, успела натянуть на себя его нижнюю рубашку. Он хотел было загородить Лину-Лин, но не вышло. В ту ночь он в первый и, к счастью, последний раз увидел, как она дерется. Засмотревшись, Данте чуть было не напоролся на меч противника.

Он бился сразу с двумя. Один все пытался ударить в спину, и Хранитель придвинулся спиной к стенке. Дважды лезвие нападающего болезненно скользнуло по голой коже. А все потому, что он невольно смотрел в ту сторону, где Лина-Лин, даже без оружия, осталась с глазу на глаз с довольно

крепким парнем, выше ее на полторы головы.

– Уйди в Навь! – крикнул ей Данте.

Он видел, что под шкафом есть маленькая щелка между мирами, как раз для кошки.

Но девушка только улыбнулась и покачала головой, не сводя глаз с противника. Сначала она несколько раз ловко увернулась от меча, а потом, пока разбойник замахивался, она неожиданно впилась ему в руку зубами. Тот от боли и неожиданности выронил меч, удивленно вскрикнув. Потом замахнулся было на нее другой рукой, но девочка резко отвела удар и окончательно вцепилась в противника зубами и когтями. Безоружный головорез отчаянно отбивался, а Кошка периодически хищно шипела.

Через некоторое время ее жертве все же удалось вырваться, и сильные мужские руки отшвырнули девочку к стенке. Тогда Данте и получил еще одну царапину.

В следующую секунду он попал одному из своих противников мечом в бок, а второго оттолкнул ногой. И тут же встал между осевшей на пол Линой-Лин и приближающимся окровавленным мужчиной. Хорошо же она его исцарапала. Хранитель отбил его остервенелую атаку и оказался наедине с тремя. Когда отражать удары стало уже почти невозможно, Лина-Лин пролезла между его ног и кубарем кинулась своему прежнему противнику под ноги. Он резко упал.

Воспользовавшись отвлекающим маневром, Данте наконец-то сразил еще одного из них. Второй и так уже был

ранен в бок, поэтому не составило труда обездвигнуть и его. А Лина-Лин разбила о голову лежащего на полу врага массивную напольную вазу с такой быстротой, что он даже не успел сделать попыток защититься.

– Они приходили за мной! – одновременно сказали Хранитель и девушка и переглянулись.

– За тобой-то зачем? – недоверчиво усмехнулся Данте.

– Вчера я принесла тебе Глаз дракона. Помнишь, ты сказал, что это ценный артефакт.

– Еще бы, – кивнул Хранитель и нагнулся, чтобы приложить головой об пол пошевелившегося нарушителя.

– Я украла его, – невинно протянула Кошка. – У слуг Тьмы. И, кажется, меня вычислили.

Вот как. Данте заходил по комнате. Похоже, девушка теперь была в серьезной опасности. А он никак не мог защитить ее, он даже не жил с ней. Четыре-пять встреч в месяц, письма, Навь и общая цель – вот все, что у них было на двоих.

– Я приставлю к тебе охрану, – наконец-то решил он.

– Спасибо, милый, – улыбнулась она, – мои приемные родители совсем не удивятся.

Да, Хранитель забыл, что для своей семьи его любовница – прилежная девушка, которая любит читать книги и вышивать крестиком. Еще она настолько набожная, что иногда остается на ночную молитву в женской Обители вместе со своей духовной наставницей.

Он задержал взгляд на Лине-Лин, она скинула его рубашку и надевала нижнее платье на голое тело, слегка заляпанное чужой кровью. Кое-где виднелись свежие синяки.

– Тогда мне придется вернуть им Глаз дракона, – вкрадчивым голосом сказал Данте, привлекая запутавшуюся в рукавах девушку к себе.

Она улыбнулась.

– Хранитель, здесь трое головорезов, которые вот-вот придут в себя.

Но это обстоятельство не помешало ей нежно прижаться к Данте и многообещающе скользнуть ладонями вниз по его животу.

Он резко подхватил ее под коленки и поднял на руки. Кошка засмеялась.

– Что ты делаешь?

Крепко сжимая свою ношу, Хранитель перешагнул сначала через одного, потом через другого наемника. С размаху ногой открыл дверь в соседнюю комнату.

Со словами: «тут тоже есть диван», он положил на него девушку, которая мгновенно приняла соблазнительную позу. Данте едва смог оторваться от нее. Он подошел к двери, закрыл ее на засов и для надежности придвинул массивный сервант.

Когда они, спустя неопределенное количество времени, вернулись обратно, нападавших на полу уже не было, все куда-то расплзлись. Остались только несколько смазанных

кровавых лужиц и разбитая ваза.

– Они видели нас вместе, – серьезно сказала Лина-Лин.

Данте задумался ненадолго.

– Они искали тебя. Едва ли им известно, что рядом с тобой в этот момент был сам господин Верховный Хранитель.

– Может и неизвестно.

На следующий день он прислал ей арбалет в подарок. Его девочка радовалась, как другие ее сверстницы радовались бы приглашению на бал или новому платью.

Может, если они убили бы тех парней, Миранда бы ничего не узнала... И вся эта ложь продолжалась бы до сих пор. Он все равно не смог бы бросить Миранду. Пока она была его женой, она находилась под его защитой. Серые Мастера знали, что она обладает магическими способностями. Если она покинет замок, ее могут признать ведьмой и сжечь на костре. И Данте не сможет пойти против Обители. Пока не сможет...

Отпустив в пруд еще одну рыбку, он задумался было о том, как бы усилить влияние Ордена и вспомнил о предстоящей Неделе Ордена, когда все Хранители соберутся вместе. Но мысли опять перетекли в предыдущее русло. Ведь прошлогоднюю Неделю Ордена он провел с Кошкой.

У них с Линой-Лин тогда была целая неделя в Яви в теплом городке у моря. Правда помимо них там еще находилось несколько тысяч человек, но все же она была рядом. Каждый год осенью весь Орден Хранителей собирался

в Замке Иллингтон в живописной провинции у моря.

Новые, но уже проверенные люди Ордена со всех городов Великого Королевства приезжали сюда, чтобы пройти Церемонию Посвящения.

На рассвете Лина-Лин покинула дом своей приемной семьи в сопровождении трех Серых Сестер женской Обители, которые должны были ехать с ней на десятидневную молитву. Чтобы родители отпустили ее, Кошка заранее просила своего настоящего отца написать письмо. И к вечеру девочка, поблагодарив подсадных сестер, уже присоединилась к отряду Ордена.

Вопреки положенному шикарному экипажу, Хранитель ехал верхом и, когда никого не было рядом, Лина-Лин составляла ему компанию. Все знали, что он ее наставник, поэтому остальные сопровождающие особо не удивлялись.

– Хранитель, у вашей подчиненной серьезные проблемы, – как-то печально сказала она.

– И какие же? – улыбнулся он. – Я всегда рад оказать поддержку самой преданной служительнице Ордена.

– Но я не достойна звания служителя пятой ступени. Завтра церемония посвящения, но вместо благоговейных мыслей о долге, чести и любви к Ордену, в голове только самые непотребные мысли и мечты о Верховном Хранителе этого самого Ордена...

– Я помогу тебе, моя ученица, – торжественно произнес Данте. – Мой долг, как твоего наставника, при первой же

возможности попытаться эти мысли и мечты осуществить.

И оба они прыснули со смеху.

В поместье, среди общей суеты, бесконечных заседаний и совещаний, совмещенных с народными гуляньями, им однажды удалось вдвоем спуститься к морю. У них было двенадцать минут. С одной стороны, они пролетели как одно мгновение, а с другой стороны... Ее жесты, смех, немного грустная улыбка, невинные прикосновения, цветок в волосах – столько ярких воспоминаний, будто они простояли у кромки воды несколько часов.

– У тебя глаза цвета пасмурного моря, – шепнула она, прежде чем убежала обратно.

А на следующий день все поместье было украшено белыми лентами и цветами. Церемония посвящения всегда была большим праздником не только для Ордена, но и в народе. На специально предназначенном для торжества поле собирались местные крестьяне, имелась огороженная площадка для знати, многие приезжали из соседних городов и деревень, чтобы увидеть зрелище.

Раньше, когда Серые Мастера не были так сильны, в Орден могли вступать маги. В те времена представление и вовсе было фееричным. Люди обожали смотреть чудеса. Сейчас же приходилось ограничиваться приглашенными артистами, театральными выступлениями и танцами до утра.

Хранители нарядились в пышные тяжелые одежды, белые с фиолетовым. Данте с трудом надел на себя огром-

ный белый головной убор в форме трапеции, расшитый фиолетовыми лентами. Наверное, он был таким большим для того, чтобы Верховного Хранителя было видно даже самым дальним рядам крестьян. И чтобы при этом он чувствовал себя напыщенным дураком.

А она была в церемониальном белом балахоне с широким капюшоном, скрывающим лицо. Нечего каждому встречному запоминать лица служителей, ведь неизвестно, какую именно работу им придется выполнять.

– Под этим балахоном ничего нет, – сообщила Лина-Лин Хранителю, проходя мимо, чем окончательно сбила настрой на инициацию...

Задержавшийся поплавок вернул Данте из далекой Яви в Навь. И он с вновь пробудившимся любопытством потянул к себе очередную необыкновенную рыбу.

Чертовски приятное знакомство

Марко был дьявольски голоден и зол. Они скакали быстро, как могли. И то, кажется, Джен согласился остановиться лишь потому, что лошади очень устали. Только у белого Молочка оставались еще силы.

Лина-Лин, хоть и была необыкновенно выносливой для юной леди, выглядела замученной.

– Меня спасут только обещанные три кружки горячего эля, – умирающим голосом протянула она и при этом бодро, с ноги, открыла дверь в таверну.

Помещение было небольшое, всего несколько столов, и все заняты под завязку. В деревне Торн уже третий день отмечали праздник осени, съехались соседи из других поселений. Хорошо хоть для наемников нашлась трехместная комната наверху. Но освободиться она должна была через час.

Марко сильно переживал за друга. От потери крови Джен был чересчур бледен. Нужно было сделать перевязку и раздобыть у местных какую-нибудь мазь.

Лина-Лин тоже заметила, что ее брат выглядит неважно.

– Как твоя нога? – робко спросила она.

– Время не лечит, – язвительно отозвался он.

Марко невольно прыснул со смеху, но тут же вспомнил о голоде.

– Придется ждать комнату, не есть же нам на полу.

Но у Кошки были другие планы. Она подошла к средней величины столу, за которым сидело всего четыре человека, улыбнулась и очень женским голосом попросила:

– Позвольте мне и моим друзьям присесть ненадолго. Я так устала и хотела бы погреться у огня.

Трое из них, подозрительно здоровенные, угрюмо промолчали, а один – хорошо одетый и в кольцах на всех пальцах – чуть приподнял кончики губ в улыбке.

– Извольте, – он сделал небрежный жест.

Джениус, похоже, не оценил такого дружелюбия, но все же присел – усталость взяла свое.

С беспечной улыбкой Марко протянул всем руку. Три здоровяка не ответили ему, пока их хорошо одетый господин не кивнул им едва заметно. И все трое, чуть ли не одновременно, пожали протянутую наемником руку. Пальцы аристократа в кольцах еле скользнули по пальцам Марко.

– Зовите меня Линуэй, – представился этот господин.

Марко внимательно его осматривал, что-то в лице аристократа показалось ему знакомым. Очень бледная кожа, и на контрасте с ней – черные волосы, гладко зачесанные назад, черный сюртук, темная рубашка под горло. Очень тонкие и изящные черты лица, их даже не портили впалые щеки и синяки под глазами. Похоже было, что Линуэй чем-то серьезно болен.

Будто в подтверждение мыслей Марко, этот человек

закашлялся. Его охранники покосились на него встревоженно, один заботливо протянул ему белый платочек. Маркус удивился, как трепетно эти бугаи относятся к своему господину.

Закончив кашлять, Линуэй вымученно улыбнулся.

– Осенняя погода губительна для меня.

Лиана-Лин смотрела на таинственного незнакомца с явным любопытством. Он уловил ее взгляд.

– Леди, путешествующая в мужском платье – весьма занятно, – скорее вежливо, чем действительно с интересом сказал он.

– Это все мой зануда-брат, – наигранно вздохнула она. – Говорит, что не хочет отбиваться от женихов.

Джен посмотрел на сестру с искренним недоумением – видно не припоминал, что говорил такое. Марко доподлинно знал, что, путешествуй девушка хоть в клоунском колпаке, хоть в бальном платье, Джениус даже не сразу бы заметил.

– Что же, в чем-то я его понимаю, – продолжил Линуэй типичную светскую беседу.

Аристократу было скучновато. И где все же Марко его видел раньше?

– А вы? – спросила девушка. – Куда вы направляетесь?

Линуэй задумался ненадолго.

– Ну что же, это не секрет. Мы движемся в Флаверн.

– А мы в Ашер.

Джен так и подавился элем. Марко тоже недовольно нахмурился. Их прелестная спутница видно собралась выдать все секреты симпатичному незнакомцу.

– Вы слышали что-нибудь о восстании? – вдруг вспомнила Лина-Лин то, что давно не давало ей покоя. – Есть какие-то новости о «Братстве на крови»?

Марко и сам хотел поспрашивать трактирщика о последних вестях, пока они были в деревне.

– О восстании? – Линуэй слегка улыбнулся. – Да, слышал. Оба наемника даже перестали пить. Хотя Джен тут же начал снова, чтобы сестра, не дай Творец, не решила, что он сочувствует «Братству на крови».

Уже почти месяц с севера не было ни слуху ни духу. Несколько знакомых Маркуса отправились туда, но он так и не получил от них вестей. Тишина.

– Так может расскажете? У нас не было случая узнать, – девочка усиленно делала вид, что спрашивает из чистого женского любопытства.

Один из здоровенных спутников аристократа усмехнулся, неприятно скривив губы.

И тут, словно отзываясь на их мысли, семеро подвыпивших и чрезвычайно шумных деревенских рабочих за соседним столом громко закричали:

– За повстанцев! За их правое дело!

Марко удивленно покосился в ту сторону. Это было смело. В нынешние времена за такое можно было легко угодить

на виселицу. В Столице так точно. Но, видимо, трехдневный праздник осени сделал поселян абсолютно бесстрашными.

– Одну минутку, – любезно улыбнулся Линуэй всем сидящим за его столом и поднялся.

Он оказался высоким, худощавым, но при этом хорошо сложенным. Черная одежда подчеркивала стать и изящество его фигуры. Судя по тому, как Лина-Лин разглядывала Линуэя, он пользовался успехом у женщин.

Их нового знакомого слегка качнуло, будто резко закружилась голова, и руки его охранников тут же поддержали хозяина. Но их господин выпрямился и сделал несколько уверенных шагов в сторону веселящейся компании. Не прекращая разговоров, рабочие повернули к нему не слишком заинтересованные лица.

– Я слышал, вы пьете за повстанцев, – вежливо начал Линуэй. – И решил к вам присоединиться.

Все присутствующие в таверне притихли и повернули головы в надежде, что начнутся какие-нибудь разборки. Но один из ребят, с крупным покрасневшимся лицом, с дружелюбным видом поднял свою кружку. Остальные последовали его примеру, раздались одобрительные возгласы.

Линуэй очаровательно улыбнулся. Марко обратил внимание, как преображала это бледное лицо сверкающая улыбка.

– Только, уважаемые господа, пить будем не чокаясь. И с левой руки. Потому что восстание подавлено. Все повстанцы мертвы. Все до единого, – он выдержал паузу, видимо насла-

ждаясь наступившей тишиной. – Как, вы ничего не слышали об этом? Последних храбрецов еще долго отстреливали по лесам, но уже две недели и там тихо. Ах да, вы не могли об этом слышать.

Последнюю фразу аристократ произнес с деланным сожалением и еще более скорбно добавил:

– Ведь сообщить вам было совсем некому – мертвые не посылают гонцов.

Краснощекий паренек выпустил кружку с элем из рук, и она покатилась по полу. Марко показалось, что эта кружка невыносимо громко стукнулась о деревянные доски – настолько тихо стало в трактире. Все посетители смотрели на странного незнакомца.

А тот, как ни в чем ни бывало, присел обратно за стол.

– Так о чем мы говорили? – поинтересовался он у Лины-Лин.

– Я спрашивала вас о восстании, – очень внятно и раздельно произнесла Лина-Лин, не отрывая взгляд от стола.

Марко испугался, как бы она не расплакалась или не полезла в драку. Кто знает, чего ожидать от этой кошки.

– Я вижу, леди сочувствует повстанцам? – мягко, без насмешки спросил он.

Но девочка уже взяла себя в руки.

Медленно подняла она сухие ясные глаза на собеседника.

– Не больше, чем любая другая леди, услышавшая о кро-

вопролитуи, – спокойно произнесла она.

– Прошу прощения, что расстроил вас, – снова вполне искренне ответил Линуэй. – В любом случае, завтра с утра глашатаи в Вертоне объявят обо всем на площади.

– Так выпьем же за стабильность и благополучие Великого Королевства, – к изумлению Марко сказала Лина-Лин и растянула губы в улыбке.

– И здоровья нашему королю – Ринальдо Восьмому, – лениво поддержал ее Джен. – Да воцарится же мир и порядок в Великом Королевстве!

Будто и не был дезертиром, клятвопреступником, одним из самых разыскиваемых убийц и воров в шести крупных городах и врагом Великого Королевства.

Вот же лицемерная семейка. Ну что же...

– Смерть всем повстанцам! – радостно закончил Марко и тоже поднял свою кружку.

Лина-Лин едва заметно вздрогнула при этих словах. Но тут же залпом выпила и все с той же улыбкой обратилась к Линуэю:

– Вы были там? На поле боя?

– Был, но все больше наблюдал, – скромно отмахнулся тот. – Разве что иногда помогал советом.

– Какова численность потерь? – поинтересовался Марко.

– Со стороны Великого королевства – всего несколько десятков. – Пожал плечами их собеседник. – И то лишь потому, что повстанцы оказались отчаянными ребятами. Готовы

в одиночку кинуться на дракона, этого у них не отнимешь... Но ведь ни стратегии, ни тактики. На что они рассчитывали?

– И правда, на что они рассчитывали? – словно эхом отозвалась Лина-Лин, и в этот раз не сумела скрыть боль в голосе.

– В конце концов, у повстанцев даже нет нормального лидера, – в тоне светской беседы продолжил разговор Джен, давая сестре время справиться с накотившим отчаяньем. – А ведь им приходится сражаться с самим Маршалом Лионелем.

И тут Марко вспомнил. Изящная фигура на коне, бледное лицо, парад. Он быстро встал и под предлогом, что идет отлить, вышел за дверь, не накинув плаща. Его окутала ночная прохлада. Необходимо было взять себя в руки.

За столом перед ними собственной персоной сидел Маршал Лионель. Он даже не покривил душой, представляясь. Линуэй – это непопулярный вариант его имени.

Как они умудрились встретиться? Похоже, снова не обошлось без Проклятья.

Так, успокоиться. Ничего, по сути, не случилось. Маршал не знает, что они посланы Хранителем. И, тем более, не знает, что они ищут Шенена. Сам Лионель едет в Флаверн, так что время есть.

С другой стороны, Лина-Лин только что выдала ему, куда они едут. Но ведь Маршалу едва ли придет в голову воспользоваться этими сведениями. Марко втянул в себя осен-

ний воздух. Пора было возвращаться.

Доесть ужин и немедленно отправиться спать, пока Лина-Лин еще до чего-нибудь не доболталась с Маршалом Лионелем.

Золотоволосая

Уже почти под утро Хранитель Данте шел по длинному коридору своего замка, немного успокоенный рыбалкой. Он мысленно считал двери. Ему нужна была восемнадцатая справа. Остальные комнаты на этом этаже были предназначены для гостей, которые, как правило, были крайне сомнительными по мнению Серых Мастеров.

В этом огромном доме сотни дверей, но по-настоящему Хранитель использовал только пять комнат. Где-то в другом крыле жила Миранда, но они, теперь почти не пересекались. Он даже не мог сказать, рад он этим обстоятельствам или не рад.

Восемнадцатая. Данте зашел в свою спальню и сразу почувствовал запах ее духов. Он чуть помедлил, закрывая дверь.

Было темно, но он понял, что Миранда сидит на его кровати. Давно она не приходила.

Хранитель зажег свечу.

– Удивлен?

– Да уж, последнее время ты не радовала меня визитами.

На ней была кремовая шелковая сорочка. Длинные, очень длинные золотые кудри рассыпались по плечам и струились по покрывалу. Похоже, она стала еще красивее. Была у нее такая ведьмовская особенность – с каждым годом становить-

ся все привлекательнее. Только вот он не мог любить двух женщин одновременно.

– Я пришла поговорить.

– Для того, чтобы поговорить, ты могла бы днем зайти в мой кабинет.

Данте не понимал цели ее прихода, поэтому он так и остался стоять в центре комнаты напротив Миранды.

Тогда она сама поднялась и красиво подошла к нему, покачивая бедрами. Ее руки легли ему на плечи.

– По тебе не скажешь, что ты сильно переживаешь из-за нашего разрыва, – улыбнулась она.

– Все самое болезненное уже позади, – напряжено ответил он.

Тяжко было находиться так близко к женщине, с которой столько лет был вместе и которую так сильно любил когда-то. Еще тяжелее было чувство вины от того, что он ее предал.

– Я была уверена, что ты будешь с ней, – мягко произнесла Миранда.

– Счастья не построишь на руинах, – ответил он после паузы.

– И это говорит человек, мечтающий свергнуть королевскую власть, – засмеялась она. – Может, ты просто ищешь себе кого-нибудь еще моложе?

Он тоже усмехнулся.

– Не ты ли сделала все, чтобы мы с ней больше не встретились?

Зеленые глаза выразили искреннее недоумение.

– Что ты, любимый. Встречайтесь, пожалуйста. Просто пусть она тоже знает, что за счастье надо платить. И чем сильнее счастье, тем выше цена. Вот я, – она провела кончиками пальцев по его щеке, – многим пожертвовала ради того, чтобы быть с тобой. И до сих пор продолжаю платить за это.

Чувство вины делало его уязвимым к любым ее нападкам. Он снял руку жены со своей щеки и задержал в своей руке.

– Чего ты хочешь, Миранда? Я сделал то, что я сделал, и этого уже никак не изменить. Ты хотела убедиться, что я сплю один? Как видишь, так и есть.

– Мне слишком далеко идти в северное крыло. Поэтому ты сегодня спишь не один, – с этими словами она прижалась совсем близко и поцеловала его.

Данте хотел было отстраниться, но вместо этого отбросил все лишние мысли и сжал Миранду в объятьях. Трудно было противостоять ведьме.

Кошкины слезки

Марко проснулся от тихих всхлипываний, доносящихся с соседней кровати, и привстал, потирая глаза.

Судя по грязным словам, раздававшимся в противоположной стороне комнаты, Джен тоже проснулся.

– Иди рыдай в коридор! – недружелюбно рыкнул он сестре, но Кошка только сильнее заплакала, видно осознав, что мальчики уже не спят, а значит она не рискует их разбудить.

– Это из-за повстанцев? – спросил Марко, посмотрев на сонного взъерошенного друга.

– Нет, из-за них она уже рыдала вечером, ты разве забыл? – с раздражением прокомментировал Джен.

– А что тогда?

– Она всегда рыдает, когда очередной ее возлюбленный с кем-то другим.

– Хранитель Данте?

– Сейчас да, именно он.

– Как же она узнает об этом? – удивился Марко.

– Откуда я знаю? – буркнул Джен. – Это же чертова кошка.

С этими словами он недовольно прижал к ушам подушку и начал пытаться уснуть в этой неудобной позе.

– Хм, хотелось бы все же высыпаться по ночам. Надеюсь, у него не слишком бурная интимная жизнь, – себе под нос проговорил Марко, но Лина-Лин услышала и, громко

всхлипнув, швырнула в него своим ботинком.

– Ну чего ты плачешь? – увернувшись, сказал Марко. – Я всегда в похожих случаях думал так: если человек уходит, значит он уже сыграл свою роль в моей жизни. Судьба знает как лучше и убирает лишних.

Или он только сейчас так думал? А когда его любимая выбрала другого, разве не рыдал он сам, как девчонка?

Маркус говорил Лине-Лин что-то еще, очень тихо, просто оттого, что все равно не уснуть.

Сам с себя удивляясь, он рассказал, что долгие годы любил одну девушку, самую лучшую на земле. А потом потерял ее, а вместе с ней и всю свою прежнюю жизнь.

Он убеждал плачущую Кошку, что время лечит, надо только подождать. Ему же стало лучше, хоть и не сразу. И постепенно всхлипывания становились все тише.

Услышав, что дыхание Лины-Лин выровнялось, наемник умолк. Правда ли ему стало легче? Прошло три года. Все это время он отгонял от себя любые воспоминания о той, кого любил. А сейчас светловолосая девушка в белом платье отчетливо стояла у него перед глазами. И улыбалась, и манила его за собой... Марко с усилием перевел мысли в другое русло.

Он вдруг попытался представить Лину-Лин и Данте вместе, но у него не получилось. Слишком разные люди. Такое чувство, что в этом мире они явно не были предназначены друг другу.

Хотя, как говорил Хранитель, Истина – дочь Времени.

Все оттенки зеленого

Утренние лучи притупили воспоминания о ночных слезах, сгладили ее печаль, и Лина-Лин, позавтракав, пошла в конюшню. Она все никак не могла налюбоваться на своего коня. Он был не просто белый, а будто бы седой. Девушке нравилось ласково называть его Молочком, хотя остальные считали, что это идиотское имя.

Кошка встала пораньше, не смотря на мутную от эля голову, чтобы вычистить свое новое приобретение щеткой. А также покормить вкусненьким, болтая при этом всякие милые глупости. Общение с Молочком здорово подняло настроение, и она готова была не думать о Данте хоть целый век. Правда в глубине души она понимала, что этой решимости хватит не больше, чем на час.

– Уже на ногах? Твой брат говорил, что после эля ты мало того, что храпишь, так тебя еще и не добудишься до обеда, – в дверях конюшни появился Одуванчик – взмокший, в расстегнутой рубашке, видно упражнялся с мечом во дворе.

Лина-Лин впервые отметила, что он очень хорош собой. Светлые локоны мокрыми прядями падали на лицо, рельефные мускулы выступали под намокшей рубашкой.

– Джениус сказал, что мы просто погрузим твою грязно ругающуюся тушку поперек седла твоего белесого пони, –

закончил Одуванчик свою умную мысль.

– И тебе доброго утра! – беспечно отозвалась Лина-Лин. – В следующий раз я искренне попытаюсь оправдать ваши с ним ожидания.

Джениус тоже возник на пороге. После сна и плотного завтрака он уже не выглядел таким болезненным, как вчера, хотя все еще сильно хромал. На самом деле, на нем все заживало гораздо быстрее, чем на обычном человеке.

Пора было пускаться в путь, и они вывели коней во двор. – Лина-Лин, лови! – неожиданно произнес Марко и что-то ей кинул.

Девушка с трудом вовремя схватила в воздухе небольшой мешочек.

– Подарок? – оживилась она.

– Лучше, – улыбнулся Одуванчик. – Предлагаю сразу начинать меня благодарить.

Вытряхнув содержимое серого мешочка на ладонь, Лина-Лин на мгновение замерла. Потом зажала оказавшийся внутри бутылек между двух пальцев и подняла к солнцу. Желтовато-зеленая жидкость стала еще более яркого, неестественного света.

– Правильно, покажи всем, что у тебя есть запрещенное магическое зелье. Давно тебя не вели на костер, – апатично заметил Джен.

– Это то, о чем я думаю? – тихо, с замиранием сердца спросила девушка.

– Да, – серьезно кивнул Одуванчик. – Выпьешь и забудешь его. Навсегда. И больше никаких слез по ночам, никаких грустных мыслей и тоски. А главное – никакого Проклятья.

Лина-Лин задумчиво рассматривала сияющую водичку в бутылке.

– А если она забудет его и еще что-нибудь важное, – предположил Джениус. – Например, его и арифметику. Или его и вышивание. Или вдруг... как кусаться и царапаться...

Последнюю фразу Джен произнес даже несколько взволнованно.

– Тогда она станет довольно бесполезной, – добавил он, потирая подбородок.

Девушка слышала их разговоры будто издалека, все ее внимание было поглощено подарком.

– Чего же, интересно, выпила твоя сестра перед тем, как забыть, как готовить?

– Несколько бочек эля так точно. Хотя нет, это было перед тем, как она забыла про собственные уши.

– Зачем же про них помнить? – удивленно спросил Марко.

– Приходится, когда у тебя есть еще и кошачьи, – любезно пояснил брат. – Девчонка забыла спрятать ушки, чем до смерти перепугала посетителей трактира. Собственно, после этого ее и пытались сжечь.

Лина-Лин не реагировала. Закончив созерцание, она крепко сжала зелье в ладони.

– Спасибо, Одуванчик, – тихо, слегка охрипшим голосом поблагодарила она.

А потом разжала кулак и медленно развела пальцы.

Бутылек упал на камень, и кусочки толстого стекла разлетелись в разные стороны. Жидкость потекла по твердой поверхности в землю.

Одуванчик открыл и закрыл рот, он явно был удивлен. Лапула ничем не выразил своих эмоций.

– Самое худшее преступление – это убийство любви, – задумчиво протянула Лина-Лин, отряхивая руку.

– Глупая кошка! – искренне возмутился Марко в конце концов. – Сказала бы, что оно тебе не нужно, я бы его продал в Ашере в три раза дороже, чем купил!

– Извини, – пожалала она плечами. – Слишком велик был соблазн. Я могла выкрасть его по дороге и выпить.

– Эту женщину не понять, – пожаловался Одуванчик ее брату, ища поддержки.

– Я давно уже и не пытаюсь, – покачал тот головой.

И они тронулись в путь. Джен и Марко обсуждали встречу с Маршалом Лионелем в трактире, но Лина-Лин была сегодня молчалива.

Перед глазами все стояла та яркая магическая жидкость. Может, все же нужно было ее выпить? Эта любовь делала ее слабой.

Она часто вспоминала их недавнюю встречу.

Да, пару дней назад она самым натуральным образом под-

далась слабости – разыскала брата для того, чтобы как бы невзначай увидеться с Хранителем.

Он и до этого казался ей богом, а после четырех бокалов вина тем утром, она и вовсе легла на диван в его кабинете и старалась даже не смотреть в ту сторону. Первая встреча за месяц. Столько безудержной лихорадочной радости, и столько невыносимой черной грусти одновременно. Лина-Лин не знала, как ей справиться со всем этим.

Впрочем, периодически она открывала один глаз и поглядывала на Данте. Всегда нравилось ей смотреть в его глаза. Они все время меняли цвет. Все оттенки зеленого перетекали один в другой. Часто это был совсем белесый зеленый, будто цвет растворялся в воздухе. А иногда вокруг зрачков разливался чистый изумруд.

После нескольких месяцев отношений девочка впервые заметила это и очень удивилась, что не могла разглядеть этого чуда раньше. А потом поняла, что всю необычайную волшебную красоту могут видеть далеко не все. Только очень близкие люди. Лишь те, кто постоянно заглядывает в глаза Данте. Те, кто любят его.

– Отчего твои глаза меняют цвет? – иногда спрашивала она.

– От хмеля, – неизменно отвечал он, но улыбался так, будто хотел сказать что-то совсем другое.

Конечно, он не общался с ней в то утро. О чем было говорить Верховному Хранителю и служителю Ордена пятой сту-

пени? Какие-то беседы о деле с Джениусом и Марко. Кошке было не интересно – она и так поняла, что надо разыскать Шенена. Эту историю Лина-Лин давненько слышала.

Гораздо больше ее занимали перетекающие оттенки цвета его глаз. Вот они стали ярко изумрудными. А спустя несколько минут превратились в дымчато-зеленые, потом совсем побледнели, но вскоре опять засияли цветом травы, если смотреть через стекающую по ней росинку.

Зрелище было таким завораживающим, что она забыла обо всем. Он глянул на нее всего пару раз за всю встречу. Сердечко колотилось в груди и предательски настукивало: «Он не любит тебя. Ему все равно. Он забыл, все забыл. Все, что было между вами – не важно больше».

Выходя из кабинета, прежде, чем решиться отдать ту несчастную записку, Лина-Лин загадала – если она поймает его взгляд в зеркале, если он смотрит ей в след, значит все еще есть чувства. Живо все то, что шептал он ей ночами, сжимая в объятьях...

А теперь взять и забыть это все? Как же она сможет вот так просто вычеркнуть из памяти самую главную часть своей жизни? Что тогда останется?

– Лина-Лин, немедленно прекрати думать о Данте! – услышала она голос Марко над самым ухом.

– И вовсе я о нем не думаю! И без твоего дурацкого зелья! – соврала она. – К твоим сведениям, я размышляла о том, какую похлебку приготовить вам на ужин, коли нам

опять ночевать в лесу.

И Лина-Лин действительно принялась усиленно думать о похлебке.

Встреча, которой не было

Конечно, недавнее знакомство его наемников с Маршалом Лионелем не слишком обрадовало Хранителя Данте, но зато теперь он был уверен, что тот все еще направляется в Флаверн.

Джениусу вроде стало немного лучше, Проклятье перестало его преследовать, и уже четыре дня пути прошли без приключений. Сегодня их троица наконец-то должна была прибыть в Ашер, поэтому Данте назначил им встречу на рассвете, чтобы сообщить последние полученные от Онори сведения.

Он ждал их, наблюдая за фиолетовыми волнами – они были на редкость высокие. В Нави было ветрено.

– Здравствуйте, Хранитель, – услышал он тихий голос за спиной.

И с ним рядом на песок опустилась Лина-Лин.

– С ребятами все в порядке? – насторожился Данте.

– Да. Они решили взять меня на встречу. Сейчас тоже будут.

Девушка немного отодвинулась от него, подчеркивая официальность своего визита.

Он смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. Еще ни разу она не приходила в Навь в обличье человека. Черное полупрозрачное платье, длинные распущенные волосы раз-

вевались от ветра, легкая грусть в глазах.

– Ты прекрасна, – тихо сказал он ей.

Лина-Лин слегка улыбнулась.

– Ты видишь меня такой, какой хочешь. Это же Навь.

Может и правда ресницы ее были длиннее, чем обычно, а губы чуть краснее. И ведь волосы она недавно обрезала под мальчика...

– Я вижу тебя такой, какая ты на самом деле.

– На самом деле я не мылась неделю. В данный момент я, одетая в теплый тулуп Джена, лежу на земле, завернувшись в пропахшее костром одеяло. И у меня чертовски чешется засаленная голова.

Он слушал ее с улыбкой.

– Почему же ты не пришла в Навь по-настоящему? Ты смогла бы вылизать шерстку. Онори говорит, ты не появлялась уже несколько месяцев.

– Да, – она задумалась и грустно улыбнулась. – С тех пор, как мы не вместе, слишком велик был соблазн сбежать в Навь и остаться здесь навсегда. Видишь ли, кошки не страдают от несчастной любви. Они не вспоминают о прошлом и не думают о будущем. Не витают мыслями где-то. Все их внимание в их теле. Они счастливы от того, что могут свернуться клубочком, а после этого потянуться и почувствовать, как приятно мышцам. И от того, что солнце греет шерстку. Или кто-то чешет за ухом. А если не чешет... ну что ж, они будут счастливы от того, что ступают всеми четырьмя лапками по

земле.

Они помолчали, глядя на волны.

– Зачем они тебя прислали? – спохватился Данте. – Мы ведь сейчас рискуем жизнью и здоровьем твоего брата, да?

– Я думаю, никому же плохо не будет, если я поцелую тебя во сне?

Хранитель не успел сказать, что Навь и сон – слишком разные вещи.

Она придвинулась и жадно впиалась в его губы, а хрупкие на вид руки до боли обвили шею.

– Лина-Лин! Я убью тебя! – словно сквозь пелену услышал Данте голос Джениуса.

– Еще десять секунд, пока он добежит, – смеясь, шепнула она.

И он опять прижался к ее губам, упиваясь последними мгновениями.

А потом она исчезла. Будто ее сдуло весенним ветерком.

Перед Данте стояли его верные наемники, запыхавшиеся и не на шутку встревоженные.

– Скажите, что на Навь Проклятие не распространяется, – попросил Марко.

Хранитель медленно покачал головой.

– Боюсь, что оно распространяется на все, что связано с нами.

– Значит, сегодня нас ждет насыщенный день, – Марко со вздохом опустился на песок. – На всякий случай, Джен,

помни, ты был мне хорошим другом.

Тот не ответил, он был очень зол. Но Данте, разумеется, не собирался оправдываться. Он сказал лишь:

– То, что это произошло в Нави, а не в Яви, несколько смягчит последствия.

Да, Проклятье могло испортить им все планы. Тут он явно не рассчитал. Когда Хранитель отправлял этих троих людей на задание, то совершенно упустил из виду личностный фактор. Они месяц не встречались с Линой-Лин, и Данте не думал, что, выходя из его кабинета, девушка кинет на пол записку. Тем более он не предполагал, что эти три слова так отзовутся в нем, заставят погрузиться в воспоминания, пережить все заново. Откуда ему было знать, что Лина-Лин втихаря придет к нему в Навь, и не в обличье кошки, что было бы намного безопасней, а в этом струящемся прозрачном платье... Сама встреча не была бы так губительна, но поцелуй грозил целой катастрофой. И как вообще Хранитель, такой надежный и расчетливый человек, мог позволить этой девчонке поцеловать себя, зная, чем рискует.

– В городе работают еще несколько моих людей, – заговорил Данте. – Возможно, они найдут Шенена раньше, чем вы. Но сопровождать его все равно придется вам. Я чувствую, что обратная дорога будет куда более опасной.

Данте вздохнул. Сегодня он видел Хранителя Флаверна в Нави, он сказал, что Лионель уже в их городе. А, значит, он скоро поймет, что там нет того, кого он ищет.

– Найдите его, – вздохнул он. – Онори будет молиться за вас, чтобы смягчить влияние Проклятия.

– Что-то меня это не слишком обнадеживает, – ответил Джениус, глядя исподлобья.

Разум подсказывал Хранителю, что надо было послать других наемников, никак не связанных с Линой-Лин, но интуиция настаивала, что он сделал правильный выбор. И у Марко, и у Джена были свои козыри в рукавах. Довольно странные и даже опасные, но, возможно, именно они помогут разрешить ситуацию в лучшую сторону. А с Проклятием он теперь будет осторожен. Больше нельзя допустить таких промахов. Отныне, они с Линой-Лин – только деловые партнеры. Эта мысль неприятно кольнула Данте, но он тут же переключился на то, что сейчас действительно важно.

– Есть еще кое-какие наставления, – продолжил Хранитель. – Помните, что когда вы найдете Шенена, надо вести себя рядом с ним очень... деликатно. Он ничего не помнит, он сейчас как чистый лист бумаги, на котором останутся следы каждого вашего слова и действия. Он как губка, которая будет впитывать все, что он увидит и услышит вокруг. Берегите его. Он должен остаться святым, только так он сможет помочь Великому Королевству.

– Мы поняли, Хранитель, – кивнул Марко. – Мы не будем брать его с собой в бордели.

– Я знаю, что вы оба родились в благородных семьях и до определенного возраста получали хорошее воспитание. Ма-

ло кто из людей вашей профессии могут этим похвастаться.

Марко и Джениус молчали. Данте догадывался, что им не было известно прошлое друг друга.

– Я мог доверить Шенена только таким людям, которые не станут обращаться с ним, как с грузом, который нужно доставить за хорошую плату. Но при этом смогут его защитить от любых напастей. Вот почему я выбрал вас.

– И мы вас не подведем, – весело сказал Марко, поднимаясь с золотистого песка Нави.

– Если, конечно, доживем до вечера, – мрачно добавил Джениус, готовясь встретиться с Проклятьем лицом к лицу.

– Я-то доживу, – пожал плечами его напарник. – Если что, заберу себе твою долю денег.

Сказав это, Марко благополучно испарился из Нави. Следом, чертыхнувшись, в Явь отправился и Джен.

И сразу же Данте накрыли воспоминания о сегодняшнем быстром и жадном поцелуе. Розовые листья с вишневой аллеи так и закружились вокруг Хранителя, отзываясь на его мысли. Он вновь воскресил в памяти все до малейшей детали – ощущение прозрачной ткани под его руками, тепло тела, легкий стон... Этого не должно повториться. Он принял решение. И как только Данте подумал об этом, лепестки тут же разочарованно опустились на песок и уползли от него куда-то за кусты.

Узы

Марко прекрасно понимал, что Джен был в тихой ярости. Сейчас они откроют глаза, а его дорогая сестренка с мечтательной улыбкой на лице вновь парит в облаках. На все их замечания она наверняка будет делать большие глаза и говорить что-нибудь вроде «Что? Я? Мяу?». Как бы Джен не избил девчонку... Она, конечно, заслужила, но смотреть на это Марко совсем не хотелось.

Но как же так? После этого чертова случая в Нави ему начало казаться, что Лине-Лин наплевать на брата, а в путешествие с ними она отправилась только для того, чтобы быть ближе к Хранителю.

А потом Марко открыл глаза и сел на своем покрывале. Было серое пасмурное утро. Моросил едва заметный осенний дождь.

Лина-Лин беззвучно рыдала, завернувшись в теплый плащ Джениуса. Слипшиесея пряди волос наполовину закрывали лицо. И куда делась та шикарная женщина, которую они только что видели в Нави?

– Прости, – еле слышно шепнула она Джениусу. – Я люблю его. Я так люблю его. Что мне делать?

Кажется, она отбила у Джениуса все желание врезать ей как следует. Он стоял в некоторой нерешительности. И Марко тоже, как тукан, замер рядом и не знал, что предпринять.

– Я опять все испортила. Все. А вдруг тебя убьют из-за меня? Что я буду делать? Ты единственный родной человек для меня в этом мире.

Охрипший от слез голос девушки видимо растрогал Джениуса. Никогда еще Марко не доводилось видеть что-то похожее на нежность в черных глазах напарника.

– Я иду на поводу у страсти, забывая о самом важном...
– все еще рыдала сестра.

Джен печально смотрел на нее. Ни следа бывшего гнева. Взгляд, полный сострадания. И это после того, как его сестрица так с ним поступила. Видели бы сейчас Джениуса его враги. Да, те самые, которые считали его бездушным ублюдком.

Марко и сам был немало озадачен, когда узнал, что у Джениуса есть слабое место. Наемник без друзей, без дома. Гонимый всеми ветрами, житель придорожных трактиров, умеющий только убивать. И – вот те на – такие трепетные чувства к ненормальной девчонке.

– Иди ко мне, – тихо сказал Джениус.

Лина-Лин подняла на брата заплаканную мордашку.

– Помнишь, как я все время шла за тобой. Бросала все и шла. Ты всегда прогонял меня, отдавал в какие-то семьи, а я сбегала и каждый раз тебя находила...

И, долго копошась и шмыгая носом, девочка поднялась и прошаркала к нему, волоча за собой хвост из одеяла. Она повисла на шее у Джена, он бережно прижал ее к себе и по-

гладил по голове, как ребенка. Она опять забыла про свои кошачьи ушки, и они были понуро опущены.

Марко засмотрелся на эту парочку, и тут ему острым ножом в сердце впились воспоминания о его собственной семье. Это было то, о чем он старался никогда не думать с тех пор, как ушел. А ведь у него тоже была младшая сестра, хрупкое очаровательное создание. И как же давно он ее не видел...

Джен вскоре отстранился от девчонки и заговорил в своей обычной манере:

– А теперь собирай манатки и седлай своего пони. Будешь часто разводить сопли и раздражать меня, сдам тебя в бордель.

Лина-Лин поползла в сторону вещей.

– Ты уже который год обещаешь, – буркнула она.

Кажется, ей стало немного лучше.

Не прошло и четверти часа, как она уже весело щебетала:

– Как здорово, что мы едим в Ашер. Я еще никогда там не была. Говорят, это город вечного праздника. Лапуля, осторожно, здесь ветка. Карнавалы, ярмарочные представления, уличные музыканты на каждом шагу. Там часто гуляют свадьбы, шум и гам до рассвета...

– Вот за что я и ненавижу этот чертов город, – мрачно перебил сестру Джениус.

– Да? – удивился Марко. – Джен, обогни-ка эту канаву

от греха подальше. А ведь после обильных возлияний в прошлый раз, ты рассказывал какой-то барышне, как прекрасен и поэтичен этот “чертов город”.

– Надеюсь, мы больше не попадем на карнавал, – поморщился Джениус, – в маске эта барышня была достойна любой красивой лжи. А когда сняла ее, да и все остальное...

Лиана-Лин демонстративно закашлялась.

– Я не мешаю вашей задушевной беседе?

– Не нравится беседа? – улыбнулся Марко. – Тогда давай поговорим о Проклятье. Кстати, Джениус, где твоя седельная сумка?

Напарник затормозил.

– Черт побери, там же лежала хренова куча денег!

– Тихо, вон она, в кустах, – успокоила его Лиана-Лин, – мы еще не далеко уехали.

– Так вот, – продолжил Марко. – Нашему дорогому Джениусу нужно быть просто предельно осторожным, когда мы въедем в город. Лучший вариант – запереть нашего Лапулю в комнате в таверне.

– Тогда там обвалится потолок или пол, – угрюмо предположил Джен, привязывая сумку покрепче к седлу. – Или стены.

Марко это показалось довольно-таки забавным, и он улыбнулся. Но Лиана-Лин тут же перебила его веселье:

– Кстати, Одуванчик, тебе тоже стоит немного опасаться, – робко сказала она.

– Это с чего вдруг? – удивился он.

– Ну... Ты тоже стал мне дорог за это время.

Да, такого он не ожидал. И ему стало так тепло на душе от этих слов. Похоже, он даже начинал понимать Джениуса, почему тот все готов был ей простить. Кошка оказалась довольно милой девчонкой. Но признаваться в этом он ей не собирался.

– Знаешь, никогда не думал, что так расстроюсь, когда кто-нибудь скажет мне такие прелестные слова, – кисло сообщил Маркус ехавшей рядом Лине-Лин.

– Прости, дорогой, – пожалала девочка плечами. – Лапуля, а ты сейчас врежешься в дерево.

Джен вовремя увернулся, но толстая ветка все же хлестнула его по лицу. Марко хихикнул, но тут же непонятно откуда взявшаяся другая ветка запуталась у него в волосах. Да так, что пришлось остановиться, чтобы освободиться.

– Вот оно, – удовлетворенно констатировала Лина-Лин. – Проклятье слегка действует и на тебя.

– Надеюсь, дальше этого коварного нападения оно не зайдет, – озабоченно проговорил Марко, приглаживая волосы.

Не считая постоянного напряжения и настороженности, друзья добрались до Ашера без приключений. Стражники на входе в город взяли с них пошлину и даже не спросили документы.

– Неужто молитвы Онори и правда помогают нам? – удивленно протянул Джениус.

И тут же едва не попал под колеса кареты. Она пронеслась с бешеной скоростью и обдала наемника грязью из лужи. Немного попало также на Марко и только Лина-Лин стояла чистойшая. Она не выдержала и засмеялась. За что удостоилась гневных взглядов своих мальчиков.

– Да ладно вам, это просто грязь. Ладно-ладно, я сама все для вас постираю. Пойдем, я вижу там трактир. Ой, смотрите, сколько людей в масках! – Лина-Лин тут же забыла о своих боевых товарищах. – Неужели мы попадем на один из этих чудесных карнавалов!

Марко помог Джену оттереть хотя бы лицо, и они двинулись за лопочущей что-то о празднике и веселье девчонкой. Хорошо ей, на нее Проклятье не распространяется. И по Кошке как-то не заметно, чтобы она в данный момент сильно переживала за брата и друга.

Таверна «Злые маски» соответствовала своему названию – повсюду на стенах были нарисованы недружелюбные и местами страшноватые лица-маски. Выражения лиц посетителей местами напоминали эти картинки. Лина-Лин продолжала радостно щебетать, восхищаясь талантом художника. А Джениуса, как обычно, мало интересовали рисунки на стенах.

Окружающая обстановка живо напомнила Марко сцены из его прошлого. Довольно забавный период его биографии, когда он только ушел из дома и еще не знал Джена. Тогда на стенах его каморки тоже всюду были развешаны маски.

Посетителей, не смотря на дообеденное время, было много. Не даром Ашер – город вечного праздника. Разодетые музыканты играли развязную мелодию, и Марко невольно начал слегка пританцовывать.

Заметив это, Лина-Лин схватила его за руки, и они сделали вместе первые несколько шагов известного дворцового танца, а затем со смехом поскакали галопом в простой деревенской пляске. Краем глаза Марко заметил, как вытянулось лицо Джена, а потом он просто отвернулся, всей своей позой выражая презрение к ним, танцам, да и вообще ко всем радостям жизни.

Закончив плясать, они, смеясь, вернулись к Джениусу. Того настолько перекосило, что Лина-Лин опять начала хохотать.

– Ты сейчас похож вон на ту кислую маску над камином, – сказала она брату, – я предлагаю теперь разделиться и расспросить посетителей. Это поможет нам все сделать быстрее и при этом не наблюдать твою жуткую физиономию, Лапуля.

– Едва ли горожане с удовольствием будут общаться с человеком, с ног до головы облитым грязью, – процедил ее братец сквозь зубы.

– О, не переживай, – отозвалась сестра, – с удовольствием с тобой не стал бы общаться никто, будь ты хоть в белоснежном фраке.

– Это точно, – хмыкнул Марко, и тут же поспешно добавил, – кроме меня, разумеется.

– Кстати, тебе, Кошка, тоже нужна ванна, – критично оглядел брат сестру. – Ты грязная. И чем-то пахнешь.

– Тебя совсем не учили разговаривать с дамами, – сокрушенно вздохнул Марко. – Просто можно было сказать, что мы все устали с дороги и нам не помешает теплая ванна. Так, Лина-Лин?

– Бррр, ванна, – поморщилась девочка, – от меня точно пахнет? Может, я могу еще хотя бы денек не мыться?

– Вот так всегда, – вздохнул Джен, – с детства не могу загнать ее в ванну, глупая кошка боится воды.

– Когда я кошка, я сама могу себя вылизывать, – уточнила Лина-Лин.

Марко поморщился от таких антигигиенических подробностей.

– Встречаемся здесь чистыми и прилично одетыми. Делаем все очень быстро, – скомандовал Марко и покосился на реакцию напарника. Тот буркнул себе под нос что-то вроде «спасибо, кэп» и недовольно направился к хозяину таверны за ключами.

Марко присел на ступеньки, ведущие в комнаты и заметил, что улыбается. Проклятие пока ничего не сделало с Джениусом, у них на сегодня есть кров и вкусная еда, а Лина-Лин, как оказалось, отлично танцует. Грустить было не о чем.

Советы обитателей Нави

Сейчас было не самое время тратить себя на прогулки по Вечной аллее, и Данте обрадовался, что путь ему перегородил белый дракон. Он спал прямо поперек дорожки, присыпанный лепестками цветущей вишни. Белая чешуя отражала проникающие сквозь ветки лунные блики.

Данте давно не видел Лунного Хранителя вблизи, с самого своего рождения. Днем дракон выбирал себе наиболее высокие скалы или парил над морем. А ночью таился среди звезд или удобно сворачивался на месяце. Ведь в Нави все было очень изменчиво, белому дракону приходилось следить, чтобы за убывающей луной следовало новолуние и наоборот, иначе светило могло совсем исчезнуть, и ночи тогда стали бы слишком темные.

Внизу у белого дракона особо не было дел, но до зачатия Данте Лунный Хранитель часто прилетал к нему и был одним из его Учителей. Он рассказывал ему старые легенды. О событиях, которым сам был свидетелем сотни лет назад.

Давным-давно в Яви обитало немало драконов разных рас и с разными жизненными принципами. Одни защищали людей, другие охотились на них и забирали их сокровища.

Лунный дракон был тогда самым обычным серым драконом. Он ничего не имел против людей, но когда они посылали своих рыцарей, чтобы убить его, он, бывало, жег

их дома и воровал коров.

Шли века, времена огромных огнедышащих существ прошли. И старый серый дракон нашел последнее пристанище в Нави у богини Онори. Он стал ее слугой и хранителем лунного света. Подобно тому, как Данте был Хранителем баланса между Светом и Тьмой.

Лунный дракон лениво пошевелил хвостом и зевнул, открыл огромные серо-голубые глаза. Прошло так много времени с их последней встречи, что Хранитель забыл, как прекрасно это существо.

«Приветствую тебя, Учитель», – Данте заговорил с ним мысленно. Так они общались раньше.

«Здравствуй, маленький Иллингтон».

Хранитель улыбнулся. Лунный дракон называл его так, когда они проводили время бок о бок почти каждый день. Вряд ли его Учителя что-то изменилось с тех пор.

«Я искал встречи, маленький Иллингтон, – мягкий и глубокий голос приятно разливался в голове у Данте. – Твои дела мне всегда были известны, и ни разу не видел я повода вмешаться. Достоинно встречал ты то, что предлагала тебе судьба. Но теперь грозит тебе опасность».

«Спасибо за заботу, Учитель. – Данте поклонился. – Но тебе ведь известно, что я, как Верховный Хранитель, не умру раньше, чем мой сын родится, вырастет и будет готов занять мое место. Так в чем же твое предупреждение?».

Дракон немного встряхнул затекшими крыльями, и беле-

ые мутные от времени глаза вновь воззрились на Данте.

Голос Учителя вновь зазвучал в его голове будто тихая песня.

"Граница размывается, маленький Иллингтон. Навь и Явь близки, как никогда. Дыры в пространстве растут, и темные существа из Нави проникают в твой мир. Много веков подряд твои предки успешно хранили баланс. Вечно весам суждено покачиваться то в одну, то в другую сторону. Но сейчас черная чаша тянет к земле. Мы ждали Лионеля, несущего свет. Он был послан, чтобы вернуть равновесие. Но он пришел и встал на сторону мрака, ибо заблудился и потерялся. Тянет к земле темная чаша. Едва брезжит свет на противоположной стороне. И ты, маленький Иллингтон, тот человек, который балансирует на перекладине между Светом и Тьмой. Много трудностей ждет тебя. Не поскользнься, не упади в одну из чаш."

Данте улыбнулся слегка недоверчиво. Как мог Лунный дракон предположить, что Верховный Хранитель перейдет на сторону Тьмы? Это даже не столько обидно, сколько абсурдно.

– Учитель, – забывшись от нахлынувших чувств, Данте заговорил вслух, – я предан своей матери, богине Онори. Тебе ли не знать – ничто не заставит меня перейти на другую сторону.

Дракон медленно покачал головой.

"Ты служишь балансу, Хранитель Иллингтон. И только

ему. Я лишь прошу тебя помнить это. Возможно, мысль о балансе спасет тебе жизнь в недалеком будущем. Тогда, когда откроется тебе страшная тайна".

"Что ты хочешь этим сказать?" – отчетливо произнес Данте, не открывая рта.

"Лишь то, что ты услышал", – прошелестело в голове.

Могучие крылья расправились. Вишневые лепестки сползли вниз по белой чешуе. Поднялся ветер от мощных взмахов, и Дракон развернулся. Ни говоря больше ни слова, он улетел. А Данте проводил его задумчивым взглядом.

Хоть он и был весьма озадачен этим разговором, полет дракона заморозил его.

– Что он имел в виду? – спросил Данте часом, а может и днем позже у Онори. – Будто мне неизвестно, что все мы служим балансу. И что за страшную тайну он имел в виду?

Прекрасная богиня лишь пожала плечами.

– Лунный дракон очень мудр. Даже я не всегда могу его понять.

Они прогуливались по небесному загому. Здесь резвились молодые облачные лошадки. Некоторые из них были маленькие, белые и пушистые, похожие на пони. Другие были серыми и тяжелыми. Дождевые лошади. Когда их выпускали из загона, то в Нави начинался ливень.

До рождения Данте любил скакать верхом по небу и помнил имя каждой особи, но сейчас эти ненужные сведения стерлись из памяти.

Зато его сын бежал впереди него и Онори, то и дело с разбегу обнимая то одну, то другую лошадку за шею. Он был уже весь мокрый, все же это облака, но его, разумеется, такие мелочи не заботили.

Сегодня Данте заметил, что ребенок стал еще немного младше. Глаза у него теперь были огромные и бледно-голубые, щечки еще более пухлые, а значит, день его зачатия приближался. Интересно, каким он будет, когда появится на свет? Будет ли он похож на этого смышленного и беспечного малыша, которого он уже давно знал и уже успел полюбить, хоть тот еще и не родился?

– Мой дорогой, – мягко проговорила Нора, обращаясь к ребенку. – Не садись на грозового жеребца, он может ударить тебя молнией.

Убедившись, что малыш отошел от самой темной и мрачной лошади, Онори повернула лицо к своему старшему, давно родившемуся сыну. Хотя несколько глаз на короне все еще косили на младшенького.

– Что еще тебя беспокоит, Данте?

– Проклятье, – честно признался он. – Моя личная жизнь угрожает мировому балансу. Нора, я ведь Верховный Хранитель, как я смог такое допустить? Да, у меня есть несколько запасных групп наемников, но я чувствую, что Джениус и Марко – это то, что нам нужно. Кошка тоже должна сыграть свою роль. Но это Проклятье...

– Не вини себя, – она положила ему руку на плечо. – Ты

человек, тебя повсюду подстерегают соблазны. Никто из твоих предков не был безгрешен. Слишком тяжела ноша, надо иногда отвлекаться.

– Можно ли снять Проклятье? – помолчав, спросил он.

– Миранда – очень сильная ведьма, ты знал это, когда женился на ней.

– Я советовался с тобой. Ты одобрила этот союз, – вспомнил Данте.

– Ты был юн и влюблен, – улыбнулась Онори. – Если бы я сказала нет, было бы еще хуже. Тогда бы я точно поставила Орден под угрозу.

– Миранда была хорошей женой. Она любила меня. И не пользовалась магией все эти годы, как я ее и просил.

– Это так, – кивнула Онори. – И всю накопленную за эти годы мощь она – специально или бессознательно – вложила в Проклятье. Не так-то просто его снять.

Данте нахмурил брови.

– А если заставить Кошку разлюбить меня? Если она выпьет отворотное зелье?

– Возможно, это избавит вас от Проклятья, но это тоже черная магия. Мы не знаем, как это отразится на личности Лины-Лин. Скорее всего, это разрушит ее. Никому еще не приносило счастья отворотное зелье, так же, как и приворотное. Я люблю эту девочку, и она нужна Ордену. Я бы не хотела ею рисковать.

Почему-то Хранитель испытал облегчение. Отворотное

зелье – не выход. Она не разлюбит его.

– Папа, давай вместе покатаемся на лошадаках, – попросил сын Данте, обнимая его за ногу.

Верховный Хранитель поднял малыша на руки. Велик был соблазн забыть ненадолго про дела и проблемы и беспечно скакать по небу на каком-нибудь радужном пони. А может даже оседлать грозового жеребца и устроить в Нави отличную бурю.

– Мне надо идти, дружок, – сказал он ребенку. – Вот родишься, буду учить тебя ездить верхом во дворе нашего замка.

– А когда я рожусь, тоже буду ходить такой же как ты хмурый и решать разные проблемы? – грустно спросил сын.

– Надеюсь, что нет, – улыбнулся Данте, – папа постарается их все решить до тебя.

Город-праздник

Выдался теплый осенний денек, немножко пригрело солнце, и Лина-Лин теперь ходила в розовом платье, что делало ее особо хрупкой и беззащитной на вид. Но со своим арбалетом она все равно не расставалась. К тому же, Марко помнил о ремнях, на которых крепились метательные ножи.

Ни у кого здесь не вызывала вопросов вооруженная девочка – ибо каких только странных приезжих в этом городе не было.

Их троица разделилась, чтобы опросить людей, и им удалось получить некоторые сведения. Трактирщик рассказал, что видел парочку городских сумасшедших. Один появлялся неделю назад и кричал какую-то ерунду о том, что весь мир будет гореть в огне, что всех ждет кровопролитная война, одет он был в грязный и потрепанный, но весьма приличный костюм.

А второй псих был в этом районе совсем недавно. Молчаливый, но уж если открывал рот, чтобы что-то сказать, то нес полную чушь. Так, он спрашивал у людей, не знают ли они, кто он, потому что сам он не помнит.

Булочник говорил, этот сумасшедший просил у него крошек для голубей. А когда тот из любопытства дал ему целую булку, бродяга действительно раскрошил половину для птиц, хотя по нему было видно, что он изнеможен голодом,

а потом сам с жадностью доел остатки. На нем была рубаха с чужого плеча, такая большая, что рукава доходили до кончиков пальцев. Штаны были надеты наизнанку, а ботинок бедняк не носил. Его ноги все были сбиты о камни – в грязи и запекшейся крови. Он ступал очень аккуратно, потому что каждый шаг причинял ему боль. Жалкий тип.

Марко даже и не ожидал подобной удачи. Кандидат на роль Шенена появился сразу, осталось только его найти.

– Поспрашиваем у городских нищих, – сказал Джен. – У них здесь все поделено на зоны влияния, и они сразу заметили бы чужака. Не удивлюсь, если они его уже прихлопнули.

– Тогда наша миссия закончится очень быстро и бесславно, – нахмурилась девчонка.

– И ты не сможешь угодить своему дорогому Хранителю, – подытожил братец.

– Пойдем на городскую ярмарку, там полно нищих, – предложил Марко. – Следи за кошельком, Джениус. Не забывай, что ты уязвим, как котенок.

– О, поверь, я помню об этом каждую секунду, – сквозь зубы процедил напарник.

Мимо них промчалась на повозке толпа ряженных, в ярких лоскутных одеждах, масках, с музыкальными инструментами. Они вызвали полный восторг у Лины-Лин, и она чуть не укатила с ними, хотя город-карнавал просто кишел ряженными, и это была уже десятая подобная встреча.

Дорогу к ярмарке было несложно найти. Кажется, все

местные жители и приезжие направлялся потоком либо туда, либо оттуда. И друзья тоже слились с толпой, хотя Лина-Лин выражала крайнюю обеспокоенность за судьбу своего нового платья.

– Сейчас вы скажете «лучше бы ты так беспокоилась за судьбу своего брата, как за свои тряпки», – Лина-Лин изобразила голос и интонацию Марко довольно нелестно, – знаю я вас, всю плешь проели уже.

Марко с Дженом только молча переглянулись. Проклятье и в правду было популярной темой в их небольшой компании. Впрочем, вполне оправдано.

Перед причудливыми плетеными воротами – так оформили вход на ярмарку – сидело несколько бродяг с протянутыми руками. При описании Шенена те переглянулись и ответили, что видели подобного типа с «центровыми». Как выяснилось, это самая влиятельная группа нищих, и их конкуренты с радостью объяснили, как их найти.

Людской поток принес Марко, Джениуса и Кошку в самое сердце осенней ярмарки, которая в этом году удалась на славу. Марко с удивлением огляделся по сторонам – это были не стандартные прилавки с овощами, курами, льном и парой блеющих коз. Город-карнавал был богат на выдумки.

В глаза сразу бросились несколько палаток с искусно сделанными масками, шляпный мастер со своими разнообразными творениями и крытый шатер «Госпожи Арабеллы, точно предсказывающей будущее».

– Ох... – только и смогла вымолвить Кошка.

Похоже, она забыла, зачем пришла сюда и уже готова была кинуться за покупками.

– Мы разыскиваем нищих, – напомнил ей Марко и тут же увидел, как потускнело ее лицо.

В центре ярмарочной площади шло представление. Марко невольно задержал взгляд и тут же замер. Давали слегка вольнодумную комедийную пьеску про глупого купца. Но дело было не в сюжете.

Он был знаком с этими актерами. И узнал бы их даже под тремя слоями грима... В сердце сильно кольнуло при воспоминаниях о прошлом. Стараясь не попасться лицедеям на глаза, он незаметно кинул несколько крупных монеток в ящик для пожертвований.

– Лапуля! – услышал он голос Кошки, ты только посмотри какие перчатки для верховой езды! Тебе они будут ну очень хорошо!

Лина-лин дернула брата за руку, увлекая в сторону прилавка кожевника, и Джен сильно столкнулся с прохожим, сбивая того с ног.

Марко подошел, чтобы помочь тому встать, но человек в одежде странствующего Серого Мастера не взял протянутой руки.

Он медленно поднялся и глухим голосом посоветовал Джениусу быть осторожнее. Марко послышалась некоторая угроза в его интонациях.

А потом наемник увидел его глаза, блеснувшие из-под серого капюшона. Невероятные глаза. Они пристально смотрели на Джена, и холодный злой огонек в них вскоре сменился на интерес.

Человек протянул руку в белой перчатке, взял тонкими пальцами своего обидчика за подбородок, приблизил его лицо к себе. И, неожиданно для Марко, его напарник покорно сделал шаг навстречу незнакомцу. Теперь они стояли лицом к лицу.

– А ты не так-то прост, сударь... – тихо и слегка насмешливо сказал человек в сером и потянул ноздрями воздух, будто принюхиваясь.

Марко и Кошка стояли, не шелохнувшись, наблюдая за этой сценой. Прохожие тоже как-то очень плавно обтекали пару.

– Я чувствую, как по твоим жилам течет чуждая для этого мира кровь, – добавил незнакомец и опустил руку. – Впрочем, тебе повезло, что я сейчас занят более важными делами и мне некогда возиться с тобой.

Серый Мастер поправил капюшон, и Марко увидел, что его волосы словно отливают серебром, так же как и глаза. Которые и вовсе будто были сделаны из расплавленного серебра.

Незнакомец собрался было идти дальше, но, видимо, передумал и внезапно приобнял Джена за плечи:

– Поверь, когда ты мне понадобишься, я с легкостью най-

ду тебя, – улыбнулся он. – И убью, если потребуется. А ты даже не успеешь проснуться.

Серый Мастер почти ласково потрепал своего нового знакомого по щеке.

– Пока не знаю как, но, чувствую, мы еще встретимся. И дай тебе Творец в этот момент быть на моей стороне. А пока прощай.

И плавной походкой человек двинулся дальше.

Толпа вокруг тут же начала толкаться, время словно вернулось в свою обычную колею.

Марко и его друзья растерянно отошли в сторону, чтобы не стоять в самой гуще. После некоторого молчания Джен заговорил:

– Что же, теперь не только Маршал Лионель, но и сам Мастер Роланд Серебряный знают нас в лицо. Особенно меня.

– Ну да, у вас с ним чуть было не сложились довольно близкие отношения, – Марко вдруг стало смешно от всех этих невероятных стечений обстоятельств. – Как Мастер тебя всего облапал, ты ему явно понравился.

– Только не говорите, что это все из-за Проклятья, я и так расстраиваюсь из-за этого, – подала голос Кошка.

Она уже вертела в руках две розовые шляпки и прикладывала их по очереди к голове.

– Оно и видно, как ты расстраиваешься, – буркнул ее брат.

– Одуванчик, какая шляпа больше подойдет к этому платью?

– Вот эта, с сеточкой, – улыбнулся Марко. – А вон там я вижу небольшую группку нищих. Похоже, это и есть «центровые». Предлагаю идти туда, пока Серые Мастера не опередили нас.

Бродяги смотрели на них настороженно и с неприязнью. Судя по взглядам, особенно их раздражала Лина-Лин в своей новой прелестной шляпке.

Джениус швырнул на землю горсть мелких монет и нищие быстро зашебуршали у них под ногами, отпихивая друг друга.

Закончив, один из них поднялся, встал насколько это было возможно прямо и поинтересовался с наглой усмешкой:

– Чего угодно почтенным господам?

– Мы разыскиваем друга, – спокойно ответил Джен. – Он потерял память, и его легко было принять за полоумного бродягу.

Оборванцы настороженно переглянулись.

– Не знаю, давно у нас здесь не появлялся никто новенький, – недружелюбно проговорила одетая в бесформенную кучу цветных тряпок одуловатая женщина.

– Друга, Марко? – Вдруг переспросила Лина-Лина. – Какой же он нам друг? Мы просто хотим получить от него кое-какие сведения. Любыми путями, как вы понимаете. Поэтому он нам очень нужен. Мы готовы щедро заплатить.

Нищие тут же зашептались, и Марко оценил этот ход Кошки.

– Был тут один полоумный, – наконец вымолвил некто неопределенного пола, замотанный в шерстяной платок. – Совсем не от мира сего. Мы называли его Святоша.

– О, это наверняка он, – улыбнулся Марко.

– Мы сразу его прогнать хотели, да что-то все рука не поднималась.

– Он был добрый, – вздохнула женщина в облезлом, рваном, но при этом пышном платье. Спутанные волосы ее были уложены в жалкое подобие прически.

– А наша Королевишна в него и вовсе втюрилась, – засмеялся один из молодых нищих, и все подхватили его дружным ржанием.

Но женщина осталась невозмутимой. Ее глаза затуманено смотрели вдаль.

– Ему все всегда подавали, хотя он даже не просил. За это наши и хотели его прогнать, – тихо сказала Королевишна. – Было в нем что-то. И глаза такие голубые-голубые...

Юнец опять перебил эту нелепую пародию на светскую даму:

– Но как Королевишна пред ним не крутилась, как свои грязные ляшки пред ним не оголяла, он, кажется, даже не понял, чего она хочет.

Все опять захохотали.

– Так куда же он делся, этот ваш Святоша? – не выдержал Джениус.

– Дело было так, – встряло существо среднего рода в плат-

ке, – как-то один наш сотоварищ, по кличке Гнилое ухо, забрался в богатый дом и стащил там здоровенный окорок прямо с накрытого на обед стола. Да калитку не успел прикрыть, вот свора хозяйских собак за ним и кинулась. Бежал он от них быстро, да выдохся совсем, уже почти в зубы угодил. Но Святоша мимо как раз шел и спас его.

– Да еще как спас... – с плохо скрываемым восхищением протянула Королевишна, – он просто к собакам подошел, пару ласковых слов шепнул, да за загривки потрепал. Они и попятились назад, радостно виляя хвостами.

– Не перебивай меня, женщина, – буркнул рассказчик, видимо, его пол все же был мужской. – А Гнилое ухо, тот в долгу оставаться не привык. Он кусок окорока оторвал и своему спасителю протянул. А Святоша шаг назад сделал и сказал, что мертвую плоть есть не будет, что и не еда это вовсе. Гнилое ухо заржал, говорит, это ж не человечина. Хотя, понятное дело, в голодный год и человечина тоже еда.

В ответ на это замечания раздались понимающие смешки.

– Это ты дело говоришь, Ворсистый, – закивал наглый юнец.

– Ну а дальше Гнилое ухо обиделся, – продолжил Ворсистый, – что Святоша от такого щедрого дара отказывается, да и отделал его как следует. Ну а тот, говорят, даже и не сопротивлялся. Только в конце тихо спросил: «за что?». Ну тут Гнилое ухо и вовсе из себя вышел, да так треснул ему по

лицу, что два зуба выбил.

– Да, весьма поучительная история, – протянул Марко, – только вы так и не сказали, где Святоша теперь.

– Тут уж мы и решились все же его прогнать, – как ни в чем не бывало продолжил тип в платке с дурацкой кличкой Ворсистый. – Если уж Гнилое ухо ему чуть пол-окорока не отдал, когда родные братья голодные сидят, то совсем дело плохо. Так Святоша скоро бы окончательно разъелся бы за наш счет.

– Прямо уж объедал тебя, бедного, – тускло прокомментировала Королевишна.

– Впрочем, сами мы его трогать не решились. Даже Гнилое ухо такой злой ходил, что сразу всем понятно было – совесть заела. Ну а мальчишки наши, им никакие угрызения не ведомы, они и загнали его камнями куда-то на северные окраины города, там и потеряли, так что жив, должно быть, еще, – добродушно завершил рассказчик со странной кличкой Ворсистый.

– Коли с голоду не помер, а то ж он избирательный шибко, – вставил язвительный юнец, которому не давала покоя влюбленность Королевишны, – ему, небось, омаров в устричном соусе с деликатесными сырами подавай.

Нищие окончательно развеселились, стали строить предположения, от чего еще не отказался бы Святоша. Только Королевишна грустно смотрела в сторону.

Да уж, неувидительно, что после того, как они предста-

вились друзьями Шенена, бродяги не захотели поведать им эту замечательную историю.

Марко швырнул еще горсть монет, стараясь попасть прямо в гущу грязи. Пусть возятся, там им самое место.

Судя по выражению лица Лины-Лин, она тоже была не в восторге от всего сказанного.

Только Джениус выглядел довольным, ведь теперь они хотя бы примерно знали, куда направляться. Впрочем, скоро выражение его лица резко изменилось, когда ему по голове угодила деревянная вывеска «Услуги гробовщика», сорванная ветром. Видимо, у Проклятья Лины-Лин было чувство юмора.

Теперь они быстрым шагом направлялись в «Злые маски», где в конюшне дожидались их лошади.

– Времени мало, – увещевал Джениус сестру по дороге, – Мастер Роланд Серебрянный с отрядом, Проклятье, Маршал Лионель, слуги Тьмы – все они вряд ли будут ждать, пока ты переоденешь очередное платье!

Но Лина-Лин категорически была с этим не согласна.

Марко только слегка улыбнулся на это. Но так, чтобы не заметил его напарник.

Болото

Насколько пышным и богатым был центр города, настолько нищими и убогими были его северные окраины. Редкие покосившиеся домишки, земельные наделы с весьма скудным урожаем, в воздухе запах гари и гнили с болота. Одним словом – дыра.

– Ну что же, боюсь, общения с местными жителями не избежать, – вздохнул Джениус.

– Едва ли здесь они отличаются гостеприимством, – предположил Марко.

– У нас есть деньги, – резонно заметила девчонка.

Они пошли по нелицеприятной улице в надежде встретить кого-нибудь из местных жителей. Пару раз им дорогу перебежали кошки, три грязные до невозможности курицы возились возле ограды, да сбежавший с привязи козел потеряно бродил среди перевернутых бочек. И больше никого.

Это настораживало. Марко прекрасно понимал, что раз жители не кажут носов из своих домов, значит у них есть на то причины. Лина-Лин усиленно принюхивалась и прислушивалась, вот-вот забудется, и опять покажутся ее кошачие ушки.

– Что происходит? – спросил Марко, не слишком рассчитывая на ответ.

– Предлагаю почитать об этом в местной газете, – неудач-

но пошутил Джениус.

Лина-Лин повернулась к ним, зрачки ее были неестественно узкими и по-кошачьи вытянутыми. Марко поежился от этого зрелища.

– Я чувствую их страх, – сказала она, – но при этом люди верят, что их дома способны их защитить.

Ее зрачки постепенно вернулись в обычное состояние, она пару раз шмыгнула носом, перестав принюхиваться.

– Может, они думают, что собирается дождь, – пожал плечами Марко.

– А вдруг и вправду собирается дождь? – отозвался Джен. – Тогда нам скорее тоже нужно забиться в теплый угол и дрожать там от страха.

Лина-лин презрительно повела бровью.

– Люблю, когда брат блещет остроумием.

Марко попытался постучать в ворота большого, слегка обугленного с одной стороны, дома. В окошке мелькнула и тут же исчезла детская мордашка. После недолгого ожидания Марко понял, что открывать им не собираются. Его напарники тоже разошлись к близлежащим домикам и принялись долбить в двери и уверять хозяев, что пришли с миром. Но нет. Тщетно.

Люди выглядывали через щелочки в ставнях или в дырки тряпок, которые служили им занавесками, и тут же исчезали.

Джениус предложил вышибить чью-нибудь дверь и допро-

свить хозяев. Но Марко мягко объяснил ему, что они в гостях в чужой дыре, и друзья пострадавшего могут изъявить желание заколоть их после этого вилами. Джен присмирел.

Они двинулись по вымершей улице, с тоской оглядывая груды мусора и чахлые деревья. Пасмурная погода еще сильнее усугубляла впечатление.

Маленький рыночек, в спешке разобранный – кое-где валялись рассыпанные яблоки, собаки бродили возле вывески с непохожим рисунком окорока, в луже догнивали кочаны капусты. А дальше тянулось что-то вроде рыночной площади, плавно переходящей в лес.

– Вот и кострище в центре, – хмыкнул Марко. – Как же без него...

– Да оно все прогнило, давно никого не жгли, – вяло махнул рукой Джен.

– Вы что, ослепли все? – возбужденно проговорила Лина-Лин. – Там человек привязан!

Марко опешил. За многочисленными черными ветками и правда угадывались очертания рук и ног. Не сговариваясь, наемники кинулись туда.

Они думали, что человек, привязанный к толстому стволу на кострище, мертв или умирает, но, как оказалось, это тело с мешком на голове даже что-то напевало.

Друзья замерли в нерешительности перед этой жертвой, прислушиваясь, и Марко с удивлением узнал весьма непотребную трактирную песенку. Голос, который ее распевал

из-под мешка, был женский, немного с хрипотцой.

Вдруг пение оборвалось.

– Эй, кто здесь? Ну наконец-то! – послышалось с кострища. – Снимите меня уже отсюда, руки затекли, и вообще я устала!

В голосе из-под мешка даже прозвучали капризные нотки.

– Нет, ну я в жизни не поверю, что вы собрались меня сжигать! С каких это пор жриц любви стали жечь на кострах? Даже Серые Мастера пользуются нашими услугами!

– Жрицы любви – это... – Лина-Лин вопросительно взглянула на Марко и брата.

– Шлюхи, – хором пояснили ей мужчины.

Теперь с кострища послышался тяжелый осуждающий вздох.

– Что за некультурные господа... Ладно, развязывайте меня уже. Да, я украла у него кошель, но так ведь этот старикан заплатил мне гораздо меньше, чем должен был!

– Мы тебя развяжем, если ты обещаешь нам объяснить, что творится в этой дыре, – сдержанно сказал Джен.

– Разумеется! – весело отозвался голос. – Мне ведь лучше всех отсюда видно и слышно, что происходит в этом чертовом месте. С мешком-то на голове...

– Кошка, залезь, развяжи эту потаскушку, – сказал Джен таким командным тоном, что Марко тут же захотелось связать на тему того, кто здесь главный.

Кошка, кстати, не полезла никого развязывать. Она сно-

ва прислушивалась и приноживалась, поводя головой. Да и Марко почувствовал усиливавшийся запах болота, будто зловонная вода подступала прямо к их ногам.

– Дело плохо... – тихо проговорила Лина-Лин и потянулась к арбалету.

Джениус тут же достал меч, не задавая лишних вопросов. Уже в который раз Марко убедился, что всегда подозрительный Джен безоговорочно доверял звериному чутью сестры. Марко тоже поспешил вытащить из ножен оружие.

И почти тут же из-за дальнего дома, который стоял ближе всего к лесу, показалось нечто. Оно шло медленно и вразвалочку, никуда не спешило.

Марко почувствовал, как волосы на всех частях тела встают у него дыбом. В голове зашевелились воспоминания о страшных сказках его старой кормилицы.

Морда чудовища была похожа на собачью, и даже издаleка было видно, как текут из пасти у него густые слюни. Слизкая шерсть и перепонки между толстых пальцев явно говорили о том, что существо вылезло из болота. Но, что самое удивительное, на конце длинного тонкого хвоста красовалась пятая лапа. Она была похожа на человеческую ладонь с сильными и подвижными пальцами, только гораздо крупнее и с острыми когтями.

– Чем так воняет? Мальчики, вы не пробовали мыться?

– Развяжите уже кто-нибудь эту дуру и заткните ей этот мешок в рот, – медленно проговорил Джениус.

И правда, не стоило оставлять ее связанную перед лицом опасности. Похоже, жертву как раз и привязали тут, чтобы она стала пищей для этой болотной твари. Марко вскарабкался по бревнам и перерезал веревки, сковывающие девушку, стянул мешок с головы, а затем спрыгнул и подал даме руку.

Она оказалась огненно-рыжей, слегка непричесанной, с большими зеленоватыми глазами. Все ее формы были округлыми, приятными на вид, и дешевое красное платье всячески их подчеркивало.

– А это еще кто? – хмыкнула она при виде медленно приближающегося к ним монстра.

Нормальная такая реакция.

Джениус даже не взглянул, кого они там отвязали, все его внимание было приковано к чудовищу.

– Авизотль, – вдруг сказала Кошка. – Я видела такого в Нави. И знаете что, дорогие мои Лапуля и Одуванчик, все очень-очень плохо.

– Да оно еле ползет, – пожал плечами Марко. – Мы с Джениусом не вчера за мечи взялись.

– И все же, это существо из другого мира... – сказала Лина-Лин, поднимая арбалет.

Стрела полетела точно в цель, угодила авизотлю в бок и тут же упала рядом, будто врезалась в каменную стену.

– Как я и думала, у него очень плотная кожа, – констатировала Лина-Лин и, приподняв юбку, достала метательные

ножи.

– Слушайте, давайте побыстрее свалим отсюда, – предложила спасенная ими девушка, – пусть местные сами с ним разбираются.

– Не получится, авизотль, может, не очень быстро ходит, но вот прыгает в длину просто прекрасно, – холодно ответила Кошка.

И будто в подтверждение ее слов существо прыгнуло. Марко открыл рот от удивления, когда это грузное тело с легкостью пропарило несколько метров.

– На него, как и на меня, частично действуют законы Нави, – пояснила Кошка. – А с земным притяжением дела там обстоят несколько по-другому.

Она уже встала в отдалении, пропуская вперед мужчин с мечами.

– Берегитесь хвоста, рука на нем – его главное орудие убийства, – она запустила свой первый метательный нож, явно пытаясь отсечь кончик хвоста.

Монстр был совсем рядом, и Марко встал плечом к плечу с Дженом, готовясь сражаться. Запах гнили и болота был уже просто невыносимым.

Авизотль не кинулся на них сразу, а замер чуть в отдалении. Хвост ходил из стороны в стороны, описывая дуги в воздухе, что мешало Кошке попасть в него. Она метнула один из ножей ему в глаз, но зверь только слегка повел головой, и лезвие беспомощно шваркнулось о дубовую щеку.

Наконец, животное решилось на маневр, оно прыгнуло и, к удивлению Марко и Джениуса, преспокойно перелетело через них в прыжке. Не успев приземлиться, авизотль резко схватил рыжую девушку.

Марко увидел в действии руку на хвосте – тонкие пальцы крепко сжали шею. Вот теперь беспечная жрица любви захрипела и закричала.

– Помогите! Джениус, мать твою, помоги!

– Джулия? – удивленно протянул тот, впервые достаивая взглядом спасенную им девуцу.

И наемник тут же бросился в атаку, процедив несколько матерных слов сквозь зубы. Его напарник, не долго думая, присоединился.

– Ты знаком с рыжей? – на бегу кинул слегка опешивший Марко.

– Нет, – усердно помотал головой Джен в ответ и занес свой демонический меч.

Они атаковали чудовище с двух сторон, а то отбивалось мощными лапами. Еще сложнее было уворачиваться от здоровенных зубов. Чтобы не рисковать своей добычей, существо подняло извивающуюся жертву в воздух. Марко слышал, как она хрипела и из последних сил пыталась дышать. Но сделать ничего не получалось – шкура была слишком толстой и непробиваемой.

– Отвлеки его! – вдруг крикнул Джен.

И, прежде чем Марко понял, что происходит, его напар-

ник кинулся на землю прямо под ноги животному.

– Нет! – заорал Марко. – Стой, идиот!

Но вовремя вспомнил, что его обязанность отвлекать, и с трудом отвернулся. Он встал прямо возле головы зверюги и начал махать мечом у него перед глазами, даже не пытаясь куда-либо попасть, просто уворачиваясь.

И тут монстр завопил очень тонким, пронзительным, как плач ребенка, голосом.

Марко понял, что Джениус смог воткнуть меч ему в живот, где кожа более нежная.

Очумевший от боли авизотль разжал лапу на хвосте, и девушка, то ли мертвая, то ли без сознания, упала на землю. Марко с ужасом увидел, что Джениус все еще лежит на спине, и чудовище уже схватило его одной лапой.

Не понимая, что делает, Марко бросился к напарнику и руками вцепился в лапу авизотля, пытаясь разжать толстые пальцы.

Что-то дико заорала Лина-Лин, и в ту же секунду Марко почувствовал, как на его шее сомкнулась рука. Та самая рука с хвоста. Это был конец...

И тут все прекратилось. Медленно разжались пальцы на горле, потом вторая лапа отпустила Джениуса, и чудовище не спеша отошло, оставив их лежать на земле. Друзья тут же вскочили, схватились за мечи, но в этом уже не было необходимости.

Зверюга уходила, оставляя за собой тонкую струю крови

со вспоротого живота.

– Смотрите... – пролепетала Кошка, широко раскрыв глаза.

Авизотль шел к человеку, стоявшему в некотором отдалении. Фигура среднего роста в серой просторной рубашке. Ноги незнакомца были босыми и грязными. На одежде виднелись следы засохшей крови.

– Он светится... – все так же ошарашено проговорила Лина-Лин.

Но Марко не понял, о чем она. Это был совершенно обычный бродяга на вид. Но почему-то тварь смиренно легла перед ним на траве и робко потянулась мордой к его руке. Человек ласково положил ему ладонь на нос, а потом что-то шепнул в большое ухо. Существо заскулило, и этот звук снова прозвучал в тишине как жалобные стоны младенца.

Не убирая мечи в ножны, наемники двинулись туда.

– Это он, – донесся вслед шепот Кошки, – это Шенен, я точно вам говорю.

Сама она осталась у кострища помочь спасенной ими рыжей девице.

Заметив, что к нему приближаются люди, босой человек опять шепнул что-то авизотлю, тот попятился и вскоре скрылся за домами.

Первое, что заметил Марко, подойдя ближе – это огромные ярко-голубые глаза. Именно их он видел во сне в ночь, когда к ним в окно залезла Лина-Лин. Теперь сомнений не

осталось никаких – перед ними был тот, кого они искали. И за кого им должны были заплатить кучу денег.

– Как у тебя это получилось? Как ты приручил эту тварь? – осторожно поинтересовался Джениус, пряча меч в ножны.

Человек молча оглядел пришедших внимательным взглядом.

– Животные любят меня, не знаю почему, – его голос звучал так спокойно, что его можно было назвать холодным.

– Ты ничего не помнишь, да? – мягко спросил Марко.

– Я не знаю, кто я и где я, – снова почти равнодушно ответил странный бродяга. – Я не знаю, куда мне идти и не понимаю многих вещей.

Он не жаловался, просто говорил то, что есть. Человек без прошлого, без судьбы, тот, кто видел только жестокость и нищету на своем недолгом пути.

– Тебя зовут Шенен, – не выдержал Джениус.

– Ше-нен, – повторил голубоглазый, внимательно глядя на них. – Это имя ни о чем мне не говорит.

– Ты пойдешь с нами, Шенен, – как можно мягче сказал Марко, – мы отведем тебя к человеку, который поможет тебе все вспомнить.

Марко протянул ему руку, но тот отшатнулся в ответ. Видимо, от людских рук он уже не ожидал ничего хорошего.

– Я пойду с вами, – задумчиво повторил он. – Я бы, возможно, отказался, если бы в этом был бы хоть какой-то смысл.

Жалость к этому потерянному бродяге незаметно прокра-
лась в сердце к Марко. Он снова протянул руку.

– Пойдем, мы не причиним тебе вреда, я клянусь.

Голубые глаза некоторое время изучали тянущуюся к
нему руку. А потом тонкие белые пальцы аккуратно косну-
лись пальцев наемника. Кожа Шенена была совсем холодная,
все же одет он был не по погоде, но Марко почувствовал в
этом существе какое-то внутреннее тепло.

Наемник дружески сжал доверенную ему руку и повел че-
ловека к кострищу. Джениус молча побрел следом. Он был
хмур и задумчив. Видимо, Шенен и на него произвел неиз-
гладимое впечатление.

Тем временем, у столба для ритуального сожжения нача-
ли собираться люди, местные жители. Кажется, они были
не слишком дружелюбно настроены, судя по тому, что Ли-
на-Лин нацелила на них свой арбалет. Рыжая Джулия стояла
слегка за ее спиной и всем своим видом выражала недоволь-
ство происходящим.

– Предлагаю предоставить женщинам разбираться са-
мым, – пробурчал Джениус.

– Женщины слабые по природе и мы должны во всем им
помогать, – нравоучительно проговорил Марко.

В ответ на недоуменный взгляд напарника, Марко глазами
указал на Шенена, которого вел за руку, как ребенка. Ведь
Хранитель Данте четко дал им понять, что надо всячески
учить Шенена хорошему. Не очень ясно, как это делать в та-

ких условиях, но нужно хотя бы попытаться.

– Что здесь происходит? – строго спросил Джен у сестры.

– Лапуля, они утверждают, что мы своими действиями навлекли проклятье на их дыру, – озадаченно проговорила Лина-Лин.

Народу стояло пока немного – те, что успели дойти из окрестных домов. Но улицы уже ожили, люди повыползали из своих ветхих домиков и наверняка теперь мчались на рыночную площадь.

Здоровенный неопрятный мужик с торчащей кустами бородой сверлил девушек тяжелым неприязненным взглядом.

– Что вы сделали с Богом Болота? – глухо спросил он. – Почему эта грешница до сих пор жива?

– Это я-то грешница? – искренне удивилась рыжая, – да я чиста, как утренняя роса! Спросите хотя бы у моего мужа. Джениус, скажи им!

– Мужа? – озадаченно повторил Марко и посмотрел на Кошку, та только недоуменно пожала плечами.

– В первый раз вижу эту женщину, – невозмутимо ответил Джен.

– Да как же! – фыркнула Джулия и отвернулась.

Теперь Марко окончательно не понимал, что происходит.

– Да объясните же наконец, зачем вы хотели скормить жену моего друга, – он не упустил случая вызвать гневный взгляд напарника, – этому болотному чудищу?

По толпе прошел неодобрительный возглас. Видимо, им не понравилось, как чужак назвал их любимого божка.

– Наш район очень беден, – начал мужик с кустистой бородой, – центр тянет из нас налоги на свои развлечения, а урожая едва хватает, чтобы прокормить наши семьи.

Местные жители действительно были не лучшим образом одеты и отнюдь не выглядели зажиточными.

– А когда засуха сгубила половину урожая, Болотный бог явился нам, чтобы помочь, – с благоговением продолжил мужик. – Мы тогда услышали звук, похожий на детский плач на болоте. Забрел туда сын трактирщика... Надо сказать, что он отличался вороватостью и сквернословием. Его мертвое тело нашли на берегу. Бог задушил грешника, выел глаза, губы, обкусал пальцы на руках и ногах, но спас нас от голода. Взошли новые посевы, и не случилось мора. С тех пор каждую неделю нам присылают преступников для жертвоприношения. Ашеру важно, чтобы мы исправно платили налоги. А нам важно, чтобы Болотный бог был к нам милостив.

Марко переглянулся с Джениусом, потом посмотрел на внимательно слушавшего Шенена.

– На самом деле, Шенен, во всех людях есть что-то хорошее. Даже в этих, – счел нужным прокомментировать Марко.

– Мы не желаем никому зла, – холодно ответил мужчина с бородой. – Так что по-хорошему отдайте нам эту блудницу и воровку. А мы будем молить Болотного бога, чтобы он

вернулся за ней.

– Сказано же вам, – весело проговорила Лина-Лин, – де-вушка никакая не блудница, а жена моего брата!

Марко едва сдержал улыбку, увидев, как Джениус сверлит сестру взглядом исподлобья.

Бородатый задумался, потом отвернулся к согражданам посоветоваться. Марко уже наскучило все это, хотелось поскорее рассказать Хранителю, что они нашли Шенена. Еще ужасно хотелось горячей еды и кружку дымящегося эля.

– Клянусь вам, я видел! – раздался громкий голос одного из местных. – У меня окна выходят прямо на рыночную площадь!

Среди жителей окраины разразился небольшой спор, после чего бородатый снова повернулся к наемникам, и тут же над кострищем повисла тишина.

– Кузнец видел, как этот нищий бродяга помешал Болотному богу убить вас и жертву. А раз это он во всем виноват, отдайте его нам и ступайте отсюда.

– Мы согласны! – тут же отозвалась рыжая.

Но, поймав на себе неодобрительные взгляды Джена и Кошки, резко передумала.

– Нет-нет, мы категорически против!

– Лучше отдайте его по-хорошему... – медленно проговорил мужик, и толпа начала наступать.

Тут пальцы новой жертвы выскользнули из ладони Марко, и Шенен сделал шаг вперед.

– Вы можете забрать меня и привязать к этому столбу, – очень спокойно сказал он. – Но авизотль не тронет меня. Он никого уже не тронет. Животное ранено и через несколько дней вернется домой, в Навь.

Толпа, а к этому времени на рыночной площади действительно собралось сотни две людей, молчала. Они не сразу сообразили, кто такой авизотль, а уж что такое Навь и вообще представляли довольно смутно. Но когда смысл сказанного дошел до жителей окраины, то все зашумели, загалдели, раздался женский плач.

– Вы понимаете, что вы натворили?! – уже почти закричал бородатый. – Вы погубили всю нашу жизнь! Болотный бог был для нас единственной надеждой!

– Говорила я, надо было гнать этого бродягу в лес! – запричитала плачущая женщина. – А вы «жалко», да «он же безобидный». Вот вам и безобидный!

– Он колдун! Он околдовал нашего бога! – выкрикнул кузнец.

– А ранили его эти чужаки! – вдруг сообразил кто-то. – На костер их!

– Сжечь всех за святотатство! – присоединилась все та же ревущая баба.

– Сжечь! Сжечь! – послышались пока редкие голоса в толпе.

Бородатый поднял руку и все смолкло. Видимо, он имел здесь особую власть.

– Может, если мы утопим всех пятерых в болоте, это поможет нашему богу? – предположил он.

– Утопить! Утопить! – с готовностью поддержали голоса.

Шенен снова заговорил, совсем негромко, но все тут же затихли.

– Если вы ищете бога, то поищите его в ваших душах, а не в грязном болоте. Авизотль просто животное из плоти и крови, в меру разумное, но он не в силах повлиять на ваш урожай. Он приходил потому, что вы звали его. Он убивал тех, кого вы оставляли ему, ибо не в природе зверя отказываться от пищи. Но он ничего не делал взамен, только подпитывался страхом, злобой и жестокостью, которые поселились в ваших сердцах. Потому что такова темная природа авизотля.

На площади воцарилась буквально гробовая тишина. Видимо, бродяга открыл жителям окраины истину, которую они давно подозревали, но скрывали сами от себя.

– Сколько человек вы уже убили? – тихо спросил Шенен.

В его голосе не было ни осуждения, ни боли, он просто задал вопрос. А потом сделал еще несколько шагов и коснулся бревна у кострища. Ненадолго прикрыл глаза.

– Семьдесят? Восемьдесят? – ни сочувствия к жертвам, ни удивления, Шенен сухо излагал факты. – Все эти люди умерли просто так. И их кровь на руках каждого из вас. Существо тут не при чем, ведь авизотль темный по натуре, а в любом человеке изначально есть что-то хорошее. По край-

ней мере, так мне сказал этот мужчина.

Шенен повернулся к Марко. Наемник вздрогнул и поспешно помотал головой, подтверждая свои слова.

– Вы ищите бога? – опять спросил бродяга без всяких эмоций. – Я ничего не знаю об этом, но мне кажется, вам стоит оторвать свой взгляд от земли и посмотреть на небо.

Когда он договорил это, через хмурые осенние тучи прорезался ослепительный луч солнца и скользнул по костреищу. По толпе пронесся буквально общий вздох, так это было эффектно. Даже Марко ошарашено задрал голову к небу.

– Идем, – шепнула Лина-Лин. – Они просто заморожены его речами. У нас есть пара минут, пока им не хочется никого топить и сжигать.

И Марко снова взял за руку Шенена, и, подчеркнуто не спеша, все пятеро двинулись прочь, в сторону домов.

Женщина, которая так жаждала крови, опять разразилась рыданиями.

– Это слезы по загубленным душам, – серьезно сказал Джениус.

Как только они оказались за пределами видимости местных жителей, то заметно прибавили шагу. Марко беспокоился за больную ногу напарника, тот стал прихрамывать сильнее после схватки, но при этом шагал на удивление резво.

На выходе из города их ждали привязанные лошади, и уже скоро Лина-Лин радостно трепала морду своего белого пони.

– Познакомься, Джулия, это Молочко.

– Шенен поедет со мной, – не терпящим возражений голосом сказал Джениус.

Марко подозревал, что таким образом напарник огораживает себя от общества этой «незнакомой» рыжей девушки.

– Джулию возьму я, – обрадовалась Кошка.

Тем лучше, может она что-нибудь разузнает по дороге.

Марко посмотрел на Шенена, тот явно никогда не ездил верхом, но строптивый Порто сам пошел незнакомцу навстречу, а серая лошадка Муза так и тянула к нему морду. Животные, и правда, души в нем не чаяли.

С некоторым удивлением Марко отметил, как аккуратно, почти заботливо, Джен помогает Шенену усесться впереди него на спину своего коня.

Что-то было в этом таинственном бродяге. Что-то, чего не выразить словами. «Он светится...» – вспомнил Марко первые слова Кошки при виде Шенена. Марко ничего такого не заметил, но был уверен, что это так.

Первая благая весть

С легкой улыбкой Данте наблюдал за своими наемниками. Радость и даже что-то похожее на гордость за них наполняли его. Ребята говорили буквально наперебой. У них было всего несколько минут, Шенен остался в лесу с Линой-Лин и какой-то Джулией, которую они спасли от хвоста авизотля.

– Я не сомневался в вас, – ответил Хранитель, выслушав их рассказ. – Но вы должны понимать, что вы сделали только первый шаг. Вы нашли Шенена раньше других, но теперь все остальные утратят свои усилия, чтобы перехватить его. Похоже, Лионель с отрядом завтра будет в Ашере. Из города вам пока тоже нет хода, Серые Мастера охраняют все границы. Слуги Тьмы еще ничем не выдали себя, но помните, что они очень опасны. Прячьтесь, друзья мои, это все, что вам остается.

Данте вздохнул. Он прекрасно понимал, насколько это сложно.

– Я хотел спросить вас об авизотле, – произнес Джениус. Что же, такого вопроса стоило ожидать.

– Я слушаю.

– Авизотль – обитатель Нави. Так?

– Да, – кивнул Хранитель.

– Так какого черта он делал в Яви? – задал вполне логичный вопрос наемник.

Данте задумался ненадолго. Насколько он мог открыть им глаза на Истинное Знание? Они не являлись членами Ордена, но и простыми наемниками тоже не были. И с ними находилась Лина-Лин, которая знала довольно много, но болтать без необходимости она, разумеется, не станет.

– Баланс Тьмы и Света в Яви нарушен, – решил Данте.

– Дайте-ка я угадаю, в какую сторону, – хмыкнул Марко.

– Разные твари из Нави теперь могут проникать в Явь. Для них там всегда много пищи, а цель их повелительницы, темной богини – разрушение и смерть. Если не направить баланс в сторону Света, то мир окажется в серьезной опасности.

– Хранитель... – Марко улыбнулся внезапной догадке. – Так вот чего вы храните... Баланс между Светом и Тьмой, вот зачем нужен Орден Хранителей!

– Приведите мне Шенена, и я попытаюсь восстановить баланс. Если упустите его, очень велика вероятность того, что Тьма победит.

Теперь и им известно достаточно много. Данте надеялся, что это поможет ребятам еще лучше справиться со своей задачей. Кажется, помимо денег, у них уже начинал просыпаться и личный интерес.

– Кстати, я хотел уточнить по оплате, – словно отозвался на мысли Данте Джениус.

– Вы же понимаете, что я не собираюсь экономить на спасении мира от Тьмы и Хаоса, – усмехнулся Хранитель.

– Джен, потом разберемся, нас ждет Шенен. Просыпай-

ся, – скомандовал Марко и оба наемника исчезли.

Данте перевел взгляд на фиолетовое море и задумался. Сейчас их пятеро, считая эту непонятную рыжую женщину. Кто она такая и зачем они взяли ее с собой? Это ему еще предстояло выяснить.

Как же хотелось Данте бросить все и оказаться с ними в Ашере, рядом с Шененем. Но его ждало ежегодное путешествие в поместье Иллингтон. Церемония посвящения в Орден сама себя не проведет.

Вообще он редко покидал свой дом в Столице. Как Верховный Хранитель, он должен был всегда находиться в центре и контролировать весь Орден из главного Места Силы, которым являлся его совсем непростой замок с прямым выходом в Навь. Иногда он совершал официальные визиты к Королевской семье или к правителям отдельных стран, но отсутствие его было краткосрочным. Для него не существовало выходных дней.

Конечно, оказавшись рядом со своими наемниками, он смог бы напрямую контролировать ситуацию. Только вот если его кто-нибудь узнает, то это будет как указатель «Шенен здесь» для всех их врагов.

К тому же, там была Лина-Лин. В том числе поэтому ему так хотелось оказаться в Ашере. И ровно настолько же было нельзя даже близко к этому месту приближаться. Неосторожный жест, взгляд или слово, неважно с чьей стороны, и Проклятье грозило загубить дело мирового масшта-

ба. Тут уж не до любви.

И, утешая себя этой мыслью, Хранитель Данте пошел к Мировому дереву, в ветвях которого спряталась обратная дорога в Явь.

Рыжая сволочь

Лина-Лин наблюдала за Шененом, прислонившись к стволу дерева. Он сидел на бревне почти неподвижно и смотрел прямо перед собой.

Что творилось в голове этого странного человека? Казалось бы, его воспоминания очень короткие, всего недели полторы, жизненный опыт почти отсутствует, но он так хорошо говорил там, у кострища... Какие тайны хранит его подсознание? Взять, хотя бы, Болотного бога. Шенен без труда сказал его истинное название, а ведь это далеко не каждому известно...

От раздумий ее отвлекла Джулия.

– Странный паренек, – протянула она. – У него не все дома, да?

– Слегка, – неопределенно ответила Лина-Лин.

Рыжая девушка ей нравилась – хоть было с кем поговорить, а то брат и Марко не слишком-то любили вести с ней душевные беседы.

– Хоть и чокнутый, но какие красивые глаза... – вздохнула Джулия.

А потом крикнула непосредственно Шенену.

– Сладкий, у тебя красивые глаза!

Он медленно повернул голову, и теперь оба красивых глаза смотрели на Джулию. Вряд ли он сейчас понимал, что

от него хотят.

– Шенен, когда тебе говорят, что ты красивый, умный, смелый или какой-нибудь еще замечательный, значит, тебя пытаются порадовать, – объяснила Кошка. – Ты должен ответить «Благодарю, приятно это слышать».

– Благодарю, приятно это слышать, – сказал он Джулии с непроницаемым лицом и отвернулся.

– А еще у тебя шикарная фигура, – добавила Рыжая

– Благодарю, приятно это слышать.

– И обалденный зад.

– Благодарю, приятно это слышать, – с таким же каменным выражением лица повторил Шенен.

– Джулия, перестань, – шикнула на нее Лина-Лин, но сама она тоже едва сдерживала улыбку.

Зашевелились у соседнего дерева и вскоре поднялись на ноги проснувшиеся мальчики.

– Ну что, видели его? – с завистью протянула Кошка. – И как? Он все такой же прекрасный?

– Да, просто божественный, – ответил ей брат.

– О да, – подхватил Одуванчик, – сегодня он как-то по-особенному красив, не правда ли, Джениус?

– Именно, великолепен, словно бог. Его ресницы, они такие... такие длинные.

– А губы просто созданы для того, чтобы их целовать, – мечтательно закончил Марко.

– Заткнитесь, идиоты! – как можно более мрачно сказала

Лина-Лин.

Брат и Марко довольно переглянулись. Понятно, мстят ей за Проклятье. Ладно-Ладно.

– А ты, братец, прежде, чем так расхваливать Хранителя, подумал бы головой! Твоя жена может неправильно понять.

– Нет у меня никакой жены! – тут же отреагировал Лапуля.

– Кстати-кстати... – Одуванчик быстро переметнулся в соседний лагерь. – Я давно уже жажду услышать эту историю...

– Расскажи ему, сладкий! – очаровательно улыбнулась Джулия.

Джениус угрюмо молчал.

Лина-Лин, разумеется, уже все подробно выпросила у своей новоиспеченной родственницы и готова была поведать сию романтическую историю миру.

– Итак, мой дорогой братец частенько наведывался в один бордель в городе N, – начала она. – Бывало, не появлялся месяцами, а тут вдруг, глядишь, и прискачет среди ночи на своем лихом коне. И чаще всего он приезжал к одной рыжей особе с прекрасным именем Джулия.

Нарочито непроницаемое лицо брата только подзадоривало Лину-Лин.

– И вот как-то он появился в любимом борделе перед новым делом. Его наняли сражаться за отряд повстанцев в Залесье. Да-да, братец скрывал это от меня, но он бился за

«Братство на крови». И, надо сказать, отряд, которым он руководил, в тот раз одержал победу. Я, кстати, горжусь тобой, дорогой. Так вот, я отвлеклась. Джулия тогда тоже была обрадована участием своего давнего знакомого в правом деле. И, так как он мог больше не вернуться с поля боя... Не, он, конечно, не мог не вернуться, но она-то этого не знала... Так вот, добрая девушка решила провести с ним целую ночь бесплатно. А ближе к утру они спустились в кабак и встретили там одного несчастного Серого Мастера. Его выгнали из Обители, и бедолага искал утешения в объятьях двух хорошеньких... как это... жриц любви. Весьма нетрезвый Джениус спросил у Джулии, будет ли она ждать его с войны. Та ответила, что почти как законная жена. Братец сказал, что хотел бы, чтобы, если его убьют, над его могилой плакали жена и дети. И тут Серый Мастер предложил узаконить отношения Джениуса и Джулии, чтобы хотя бы половина его последнего желания сбылась. Посетителям борделя и его работницам эта идея показалась настолько забавной, что тут же всеми, кто еще мог стоять на ногах, закатали веселую свадьбу. А через пару часов, после так называемой первой брачной ночи, Джен уехал воевать. И не вернулся.

– Я думала, ты погиб! – надула губки Джулия. – Даже носила траур. Целых два дня. Хотя черный мне ужасно не идет.

Марко поочередно оглядел всех присутствующих.

– Что ж, я рад счастливому воссоединению семьи! – торжественно провозгласил он.

– И я рада, – весело пропела Рыжая. – И Шенен рад. Правда, сладкий?

– Я рад, – ровным тоном подтвердил Шенен.

– Красавчик, – похвалил его Марко.

– Благодарю, мне очень приятно, – тут же вежливо отозвался он.

– В общем, все рады, – подытожила Лина-Лин. – Кроме законного супруга.

Джениус к этому времени окончательно взял себя в руки и холодно созерцал всю компанию.

– А теперь послушайте меня, – спокойно начал он. – Я найду того Серого Мастера и заставлю его взять назад слова о заключении брака. Если он откажется, я сверну ему шею.

– Что вовсе не освободит тебя от семейных уз, – радостно сообщил Марко другу.

– Да каких там уз? – Джен опять начал терять контроль. – Все было не так. Я действительно несколько раз был с этой женщиной...

– С «этой женщиной»? – Джулия наморщила носик. – А помнишь, как ты ласково называл меня? Рыжей сволочью, ты помнишь?

– И да, в ту ночь я приехал к ней. И так как силы перед сражением были очень неравными, то я подозревал, что могу не вернуться. Поэтому я и напился в дребодан. Потом пару часов ничего не помню, потом обнаружил себя танцующим с девушками на столе. На мой вопрос, что же мы празднуем,

они радостно ответили: «Твою свадьбу!». Так это и случилось. Так что прекратите называть ее моей женой. Это просто пьяное недоразумение.

– А теперь я еще и пьяное недоразумение... – покачала головой Джулия. – Определенно, «Рыжая сволочь» мне нравилась больше.

– В любом случае, мы едем вместе только до ближайшего кабака, а там наши пути расходятся, – холодно сказал Джениус своей жене.

Джулия очаровательно улыбнулась.

– Как жаль, я-то думала мы теперь с тобой будем вместе, пока смерть не разлучит нас...

Лина-Лин хмыкнула. Ей определенно нравилась эта рыжая особа.

– Шенен, на самом деле любовь, отношения и святые узы замужества выглядят совсем по-другому, – решил пояснить Марко.

Похоже, он внезапно вспомнил, что кое-кому здесь нужно подавать хороший пример.

– И вообще, старайся поменьше слушать, что говорит Джениус, – менторским тоном продолжал наемник свои "уроки жизни". – Он не лучший представитель человечества.

– Марко, кстати, тоже не самый замечательный парень, – надменно приподняв брови, заметил Джен. – Его тем более не стоит слушать.

Лина-Лин пожала плечами.

– По правде сказать, и я не отличаюсь высокими моральными качествами. Я много пью и сбежала от двух мужей.

Шенен переводил свой спокойный взгляд с одного говорящего на другого.

– Правильно, сладкий, – вступила в разговор Джулия. – Слушай только меня, я – прелесть.

– Она отдается мужчинам за деньги, – уточнил Джен.

– Отдается? – переспросил Шенен. – Как это?

– Сейчас я тебе расскажу! – обрадовалась жрица любви.

Марко ткнул ее локтем.

– Джулия так зарабатывает себе на хлеб, – пояснил он. – Спит с мужчинами за деньги. Это очень плохо.

– Всем людям свойственно есть и спать. Мы тоже сегодня будем спать все вместе. Разве это плохо? – ровно проговорил Шенен.

– Оу, – Джулия привстала от удивления, – да он невинен, как дитя...

Лина-Лин переглянулась с Дженом. Кажется, не повлиять на это создание дурно будет даже сложнее, чем в целости доставить его к Хранителю.

– Ничего, Шенен, я тебя всему научу, – вдруг объявила Джулия и соблазнительной походкой направилась к их подопечному.

Тут уж и Марко, и Джен, и Лина-Лин вскочили с мест, чтобы усадить ее обратно.

– Я тебе научу, – угрожающе проговорил Джениус.

– Ревнуешь? – с улыбкой протянула жрица любви. – Сам виноват, бросил меня на следующий день после свадьбы...

– Забирайся на коня, Рыжая сволочь, привал окончен, – кинул Джен и направился к своему Порто.

Лина-Лин тоже подошла к Молочку и бережно потрепала его по морде. Она до сих пор не могла насмотреться на эту лошадь.

Скоро они будут в таверне «Злые маски». Там их ждет еда, теплая постель и, возможно, Серые Мастера во главе с Роландом Серебряным, слуги Тьмы, а также Маршал Лионель с отрядом. Лина-Лин тяжело вздохнула. Кто знает, что теперь будет, когда Шенен у них в руках...

– Может, прямо сегодня уберемся из города? – спросила она Марко, который седлал свою Музу.

– Наш заказчик сказал, что Серые Мастера охраняют все входы и выходы из города. Шенена они не пропустят. Так что...

В этот момент к ним подошла Джулия, и Марко не стал договаривать при ней. Хотя Кошке уже начало казаться, что Рыжая Сволочь прекрасно вписывается в их команду. Жаль, их пути скоро разойдутся. У Кошки почти не было подруг, и она уже забыла, как интересно бывает пообщаться на всякие женские темы...

– Так ты же мне значит родственница! – внезапно осенило Лину-Лин. – Почти сестра! Напиши мне адрес своего борделя, я буду писать тебе письма.

– Крепкие родственные связи! – радостно подхватил Марко. – Хотя Джениуса вам все равно немного не хватает.

Они тронулись в путь под отблески заката в ветвях. Лина-Лин с удивлением отметила, что Джениус о чем-то разговаривает с Шененем по дороге. И даже, о чудо, слегка улыбается. Джулия, по счастью, ехала с ней, и они могли еще пару часов беспечно болтать.

– Тебе правда нравится мой брат? – решила спросить Кошка.

– А тебе бы понравился мужчина, который сбежал бы на следующий день после свадьбы?

Лина-Лин представила Данте, бесшумно крадущегося к окну после первой брачной ночи, и тяжело вздохнула.

– О да, я бы еще сильнее начала бы его любить после этого... и слегка ненавидеть при этом, разумеется.

Рыжая Сволочь усмехнулась.

– Вот и мне правда нравится твой брат. Только все время хочется кинуть в него чем-нибудь тяжелым.

– Это нормально, – пожалала плечами Лина-Лин. – Всем хочется. Думаю, он сбежал потому, что пытался уберечь тебя от опасности. Сама понимаешь, какая у него жизнь... Хотя, возможно, он просто мудака. Я не уверена.

– Ты рассуждаешь слишком здраво для семнадцатилетней девочки, – заметила Джулия.

– Еще бы, я уже дважды замужем. А еще целый один раз я была влюблена. Ох, как же я была влюблена. Да и сейчас...

– Дорога долгая. Расскажешь?

– Разумеется!

Лина-Лин обрадовалась возможности кому-то излить свою душу. Не с братом же делиться трогательной историей любви, от последствий которой он сам уже пару раз чуть не умер.

– Как-то на берегу моря я встретила мужчину с невероятно красивыми глазами. Назовем его господин D. Он был владельцем огромного замка в... скажем, городе N.

– Но ведь, по твоим рассказам, в городе N находится мой бордель, – напомнила Рыжая сволочь .

– Не мешай! – отмахнулась Кошка. – Но, к сожалению, имеется в городе N и жена господина D. Назовем ее как-нибудь тоже. Например, Сардинелла.

– Ты уверена, что твой выбор имени не предвзят? – улыбнулась Джулия

– Разумеется, – пожала плечами Лина-Лин. – Я и D. встречались всегда тайно. И пусть это были дешевые мебелированные комнаты, которые обычно снимают любовники, нам казалось, что мы в другом мире, и он принадлежал только нам двоим. Если попросить меня вспомнить, что было, я скажу – были горящие свечи, зеленые глаза, веснушки на плечах, теплые и сильные руки и...

Голос Марко неожиданно прервал ее рассказ.

– О нет, даже не хочу знать, что там было еще!

– Какого черта ты подслушиваешь женские разговоры? –

возмутилась Джулия.

– Какого черта вы все едете по парам, и только я, как дурак, один?

Лина-Лин медленно повернула голову и посмотрела на своего дорогого соратника исподлобья. Она не знала точно, что происходило в этот момент с ее зрачками, но Марко нервно сглотнул и слегка пришпорил коня.

– Так на чем я остановилась?

– На теплых и сильных руках... – с мечтательной интонацией в голосе напомнила Джулия.

Полет снежинки

В Нави шел снег. Это было довольно необычно, учитывая, что здесь всегда царила вечная весна. Снежинки ложились на сочную зеленую траву, покрывали цветы. Деревья тоже стали белыми и пушистыми, и даже небо приобрело светло-серый оттенок, близкий к белому. У ног Данте упала большая бабочка, чьи крылья отяжелели от снега. Хранитель поднял ее, сдул мягкий покров и посадил на ветку.

Навь иногда реагировала странным образом на события в Яви. Но это должны были быть очень масштабные события...

– Что случилось? – спросил Данте, ни к кому конкретно не обращаясь.

Но нашелся тот, кто пожелал ответить. Хранитель услышал шелест крыльев, почувствовал сильное дуновение ветра, и почти сразу понял, кто возник за его спиной.

Данте медленно обернулся. Прекрасный и величественный белый дракон на ослепительно белом фоне.

«Приветствую тебя, маленький Иллингтон», – слышался голос в голове.

– Здравствуй, Учитель.

«Равновесие в Яви рушится. Продолжает рушиться. Много крови было пролито в этот день, Данте. Тьма ликует, сегодня она одержала большую победу. И Навь отозвалась хо-

лодным белым трауром».

– Что случилось? – медленно повторил Хранитель свой вопрос.

«Они лучше тебе расскажут», – прозвучали слова дракона.

Величественный зверь смотрел в сторону. Данте проследил за взглядом белесых глаз. Возле развесистой цветущей яблони под слоем снега теперь стояла скамья из белого металла, а на ней сидели три Хранителя.

Данте прекрасно знал всех своих ближайших подчиненных, и перед ним сейчас находились Хранители города Флаверна. Мудрый старец-отец, его сын и внук. Три поколения, верно служившие Ордену. Всех их он видел на собрании в Нави на прошлой неделе, когда они обсуждали предстоящую церемонию посвящения в Орден.

В целом, не было ничего необычного в том, что Хранители Флаверна сидели здесь под деревом. Не только Данте мог заходить в Навь в своем физическом теле. В их городе тоже была Дверь.

Хранители поклонились ему и молча продолжили созерцать кружащиеся хлопья снега.

– И все же, говорю тебе, снежинки здесь падают гораздо медленнее, чем в Яви, – спокойно произнес младший, Янсон. В свои двадцать лет он был уже полностью седой, хотя лицо было молодым и красивым.

– Не скорость полета снежинок поменялась, изменился ты

сам, – так же спокойно ответил белобородый старец, его дед.

– Видимо, нам не представится случая сравнить, – добавил отец Янсона.

И Данте все понял.

– Вы вернулись в Навь? – спросил Иллингтон, хотя уже знал ответ.

Три пары почти одинаковых глаз одновременно посмотрели на него. В них больше не было ни грусти, ни боли, ни сожаления. Эти чувства не для мертвых.

– Что случилось в городе Флаверне? – Данте был все еще жив, и его волнение нарастало.

– В городе Флаверне? – будто немного удивленно произнес Янсон.

Трое Хранителей переглянулись.

– Нет никакого города Флаверна, – пожал плечами старец.

– Есть Погибший Город Флаверн, – закончил его сын.

Холодок пробежал по спине Данте. Гвендель. Самый близкий друг. Один из Правителей славного городка на юге Великого Королевства, где делали самое ужасное в мире цветочное вино.

– Что значит «Погибший»? – медленно повторил Иллингтон.

– Это был диковинный город, – покачал головой Янсон. – Помнишь, папа, как много росло цветов на его улицах?

– Я любил синие цветы, – отозвался его отец. – Синие розы. Клумбы с ними стояли повсюду, потому что они были

точно такого же цвета, как глаза у Правителя Гвенделя. А ты, папа? Какие цветы помнишь ты?

Старец помолчал в задумчивости.

– Я любил сидеть у пруда с кувшинками недалеко от центрального дворца. Я мог смотреть на них часами.

Цветы? Зачем они говорят о цветах? Что случилось в Флаверне? Волна раздражения начала накрывать Данте, но он тут же загасил ее. Люди перед ним были мертвы, их сознание больше не являлось человеческим. Благо, что они вообще с ним разговаривали.

– Даже умерев, вы остаетесь Хранителями. Иначе Навь не приняла бы вас к себе. В память о вашем служении Ордену, прошу, расскажите мне, что вас убило.

– Ветер, – произнес Янсон. – Сильный ветер.

О нет, только не праздные рассуждения о погодных условиях.

– Ураган начался внезапно, – наконец промолвил старец спокойным невозмутимым голосом. – В этот день Серые Мастера сжигали ведьму на костре. Но ветер сначала разогнал кричащую толпу на площади, а потом стал рушить здания. Это не был обычный ветер, он был колдовским. Ураган преследовал все живое с целью убить. Он загонял людей в дома, чтобы похоронить как можно больше душ под обломками. Ветер бушевал несколько часов, пока не стер город с лица земли. Пока не убил всех.

Старик замолчал.

– И все же снежинки падают медленнее, – снова ровным тоном сказал Янсон. – Каждая снежинка летит к земле невообразимо невероятно неперередаваемо медленно...

Данте тщетно пытался взять себя в руки. Один из крупнейших городов Королевства, славившийся своими цветами. Тысячи жизней. Гвендель, его дорогой Гвендель, среди них. Хрупкий баланс, который Верховный Хранитель старательно пытался поддерживать, летел к чертям. Тьма нашла к кому закрасться в душу, чтобы значительно перевесить чашу весов на свою сторону. Неужели мир погружается во Тьму?

– А что же ведьма? – невольно сжав кулаки, глухо произнес Данте.

– Ведьма была не ведьма, – пожал плечами старец.

– Ураган был не ураган, – тем же тоном отозвался его сын.

– Какой город Флаверн? – снова спросил дед. – Нет никакого города Флаверна. Есть Погибший Город Флаверн.

– Все погибли, – мягко повторил Янсон. – И ведьма погибла. И мы погибли.

«И Гвендель?» – хотел было спросить Данте, но остановил себя. Ему невыносимо было услышать утвердительный ответ. Все значит все. Не нужно больше тревожить мертвых.

Он медленно отошел от своих бывших соратников, ступая по свежему снегу. Сначала подавленное восстание «Братства на крови», сотни погибших. А теперь жертвы мерились тысячами. Сделать глубокий вдох, выдох. Он не должен был позволять себе лишних эмоций. От него зависело слишком

много судеб.

А снежинки все ложились и ложились на землю. Интересно, правда ли в Нави они падают медленнее, чем в Яви?

Кто же ты такой, Шенен?

Как Марко вскоре заметил, их ценный груз был несведущ в очень многих бытовых вещах. Иногда с ним приходилось обращаться как с ребенком. По прибытию в таверну «Злые маски» они первым делом отвели Шенена в баню. Он сказал, что до этого купался только в грязной городской речушке, и что осенью было уже довольно холодно это делать.

Марко и Джениус усадили своего подопечного в большой деревянный чан с горячей водой. Посмотрев в его недоумевающее лицо, Джен вздохнул и показал Шенену, как пользоваться мочалкой. Тот стал неловко тереть руку, и был явно удивлен, когда за слоем грязи стала проглядывать светлая кожа.

Им уже начало казаться, что стоит им отойти ненадолго, и этот человек утонет в чане.

Судя по всему, чувство стыда у него тоже было не очень-то развито. После помывки он, не потрудившись одеться, вышел в общий предбанник, чем изрядно смутил несколько барышень. И безмерно обрадовал Рыжую Сволочь.

– Ого, а ты очень даже ничего... – протянула она. – Иди сюда, я помогу тебе одеться.

Марко хмыкнул, а Джен, грозно сверкнув на Джулию глазами, бережно накинул халат на плечи Шенена. По правде сказать, такая заботливость его обычно черствого, как су-

харь, напарника изрядно удивляла Марко.

– Давай я перевяжу тебе рану на ноге, – предложил Маркус другу.

Тот в ответ только показал ему ступню. Следы от капкана были на месте, но уже не выглядели сильно опасными. Он прихрамывал еще, но ему было значительно лучше. Удивительно, как на напарнике Марко все быстро заживало. Он не раз и не два замечал это.

Лина-Лин тоже сидела в предбаннике. Она брезгливо вытирала с волос остатки влаги. Лицо было ужасно недовольным.

– Дайте я его хоть подстригу, раз одеть не дали, – весело проговорила Джулия.

Она раздобыла где-то большие ножницы, посадила Шенена на стул в центре и начала умело состригать лишние волосы.

– Я еще и брею неплохо, мальчики, если кому надо, – болтала Джулия, – в моем ремесле всякое может пригодиться. Сколько мужчин я смогла сделать похожими на людей, вы себе даже не представляете.

– Видимо после этого с ними приятнее было ложиться в постель, – холодно заметил Джен.

– Да, дорогой, не хочу тебя разочаровывать, но ты у меня был не первый, – улыбнулась Джулия. – Все, готово.

Марко протянул Шенену одежду, которую выбрал сегодня у старьевщика. Рубашка на шнуровке, дорожные штаны, вы-

сокие кожаные сапоги и хороший длинный плащ с капюшоном синеватого оттенка.

Когда их подопечный надел это на себя, все четверо – Марко, Джен, Лина-Лин и Джулия – молча уставились на него. Шенена было не узнать. Чистый, причесанный, в приличной одежде, с огромными голубыми глазами, он был очень хорош собой и совсем не похож на сумасшедшего. Он держал спину прямо, с достоинством лорда, черты его лица излучали спокойствие и какую-то потустороннюю безмятежность.

– Кто же ты такой, Шенен? – непроизвольно выдохнул Марко.

– Хотел бы я знать ответ на этот вопрос, – как обычно невозмутимым тоном отозвался он.

– Кажется, он стал светиться сильнее, – удивленно протянула Лина-Лин. – Его незримое поле теперь шире и светлее. Если так пойдет и дальше, Серые Мастера, Слуги Тьмы и Маршал Лионель будут легко видеть сияние издалека.

– Не надо было его мыть и стричь, – нахмурился Джен.

– Даже не знаю, от кого было бы сложнее тогда избавиться, от вшей или от Серых Мастеров, – задумчиво произнес Марко.

– Я замечал, что свет усиливается, когда мне хорошо и радостно на душе, – апатично прокомментировало это загадочное создание.

– А, ну да, мы заметили, что ты просто прыгаешь от радо-

сти... – не удержался Марко.

– Прыгаю от радости? – повторил наотрез непонимающий шуток Шенен.

– Значит не надо, чтобы ему было хорошо и радостно, – пожалала плечами Рыжая Сволочь. – Джениус, дай ему в лицо. Я знаю, это ты хорошо умеешь, в отличии от многого другого.

Лина-Лин хихикнула. Джен холодно глянул на сестру. После этого указал подбородком на Джулию.

– Мы, кстати, сейчас все наши дела обсуждали при этой посторонней женщине. Теперь она с легкостью может пойти и сдать нас Серым Мастерам или еще кому. Думаю, Рыжую Сволочь придется убить.

Жрица любви возмущенно фыркнула.

– Нет, вы слышали??? Он только что назвал меня посторонней женщиной! Меня, свою законную супругу!

Видимо, предложение ее убить жрицу любви несколько не задело.

– Так, все, нам пора кушать, – прервал Марко этот поединок остроумья. – На нас в любой момент могут напасть, и я не хочу при этом остаться без ужина.

На выходе Джениус притормозил Марко.

– Ты видел его зубы? – спросил напарник.

Взгляд его при этом был несколько озабоченным.

– Зубы? – не понял Марко. – Вполне себе хорошие белые зубы.

– Вот именно. А ведь бродяги сказали, что ему выбили пару передних зубов. И, тем не менее, они все на месте.

Хм, здесь действительно было, о чем задуматься. Никто из знакомых Марко не мог просто так взять и отрастить себе пару зубов.

– Может, бродяги преувеличивали? – неуверенно предположил он.

– Может, – холодно ответил напарник и скользнул вперед. Ладно, будет еще время расспросить обо всем их подопечного, а пока что Марко готов был думать только о предстоящем сытном ужине.

Что ни говори, а кормили в «Злых Масках» превосходно. Им принесли огромную тарелку дымящегося жареного мяса. Хотя под ровным взглядом Шенена, который считал поедание убитых животных тяжким преступлением, кусок в горло не лез. Вот и Лина-Лин отложила вилку со словами, что это не крольчатина, а тушка болотного авизотля по вкусу. И теперь мрачно ждала, когда ей приготовят тыквенную кашу. Ну нет, Марко так просто не сдастся. Он положил себе еще два куска.

Джен попытался напоить Шенена горячим элем, но тот сделал глоток и поставил жидкость на стол с недоуменным видом. Похоже, употребление хмельного тоже было тяжким грехом в его понимании.

Судя по тому, с каким демонстративным удовольствием Джениус поедал мясо и запивал огромными глотками эля,

ему тоже было не по себе.

Марко огляделся в поиске подозрительных лиц. Все прекрасно понимали, что мир и гармония для их небольшой команды – это только затишье перед бурей.

Несколько городских полицейских. Слишком толстые и пьяные, чтобы быть посланными за ними. К тому же, стражи из личного элитного отряда Маршала Лионеля носят белые мундиры с золотыми пуговицами и все, как на подбор, сильны и отлично сложены.

Никого из Серых Мастеров тоже не было видно. Слуг Тьмы так просто не узнать, но Лина-Лин сказала, что, если присмотрится, может распознать их по незримому полю. Вокруг тех, кто продал душу Тьме, расплзаются черные пятна. При этих словах Лина-Лин как-то странно посмотрела на брата, но тот спокойно продолжал жевать.

Толпа в таверне была праздничной и оживленной, встречались люди в карнавальных костюмах, музыканты играли веселую мелодию и пели пошловатые песни. Раздавался громкий женский смех. Марко не сразу сообразил, что это хохочет Рыжая сволочь. Она нашла себе кавалеров, через два стола и теперь неплохо проводила время.

Случайно Марко разглядел, с кем так весело болтает Джулия. С ней сидели артисты ярмарочного театра. Те самые, с которыми он был прекрасно знаком... Он резко отвернулся.

– Что случилось? – тут же отреагировал Джен.

– Увидел знакомых. Людей из моего недалекого прошлого.

– Из твоего прошлого? – удивился Джен.

– Да, Джениус, должен признаться, что ты у меня был не первый, – раздраженно отозвался напарник.

К счастью Марко, они находились в городе-карнавале. За пару монет он купил у официанта черную шелковую маску с перьями.

– Ты, конечно, очень хорош в этой маске, но почему же ты не хочешь с ними встретиться? – спросила Лина-Лин, – Ты им денег должен?

– Нет.

– Переспал с чьей-то женой? – предположил Джен.

– Ни с кем я не спал, – буркнул Марко.

– Эти люди были очень дороги тебе, ты жалеешь, что ваши пути разошлись, – внезапно заговорил Шенен. – Ты не хочешь их видеть, потому что это только подчеркнет, насколько вы теперь далеки друг от друга.

Джен и Лина-Лин слегка озадаченно уставились на своего подопечного.

Марко задумался. Да, наверное, Шенен прав. Пару лет назад пришлось порвать с близкими друзьями все связи, не объясняя причин. Сразу после этого началась его карьера в качестве странствующего наемника.

– Пойдем вверх, – тихо сказал он. – Возможно, это последняя ночь, в которую нам доведется поспать.

Он проскользнул совсем близко от столика, где сидели актеры ярмарочного театра. Маска надежно скрывала его, и он окинул взглядом знакомые лица.

Фридрих – его звали так по одной из удачно сыгранных ролей – рассказывал одну из тех историй, которую все слышали по пять раз, даже Марко. Но все, конечно же, смеялись. Каждый раз почему-то было чертовски смешно. Анри – молодой парнишка с длинными волосами – он всегда играл женские роли. И как же он был в них хорош... Какой-то незнакомый паренек, классический герой-любовник, как раз галантно подливал Джулии вина в бокал. Ну и Мердок, на чью долю обычно выпадали роли злодеев. За все эти годы он изрядно вжился.

Марко отвернулся раньше, чем они успели перехватить его взгляд.

За закрытой дверью

Лина-Лин предпочла бы хоть одну ночь провести отдельно от мужчин, но в целях безопасности пришлось взять комнату с четырьмя кроватями. А ведь можно было обойтись и тремя – как выяснилось, Шенен не нуждается в сне. Ночь для него – «это время самосозерцания и внутренней тишины». Так он сказал и сел на краешек постели с прямой спиной. Лапуля и Одуванчик только молча переглянулись.

Отвернувшись от троих мужчин, Лина-Лин быстро стянула с себя все и надела длинную кружевную ночную сорочку, которую купила, пока они выбирали Шенену одежду.

– Мне нравится, когда твоя сестра похожа на милое и беззащитное создание, – кинул Одуванчик ее брату.

– Каким она ни в коем случае не является, – тут же отозвался Лапуля.

Кошка только изобразила на лице глубочайшее презрение и залезла под жесткое одеяло.

– Лина-Лин – прекрасная девушка, – вдруг услышала она спокойный голос Шенена. – Она воплощает в себе женское, животное и мужское начало. Звериные навыки – по праву рождения, мужские качества – в силу обстоятельств. Ей не раз уже приходилось жить, чувствовать и сражаться как воин. Но преобладающее начало все равно женское. А это значит, что в душе она, безусловно, является милым и безза-

щитным созданием.

Ого. Кошка привстала. А ведь она почти не сражалась при нем. И он не видел ее ушек.

– С чего ты все это взял, Шенни? – заинтересовался Одуванчик.

– Некоторые вещи сразу видно по глазам человека. Я думал – все в этом мире обладают зрением, но оказалось, что каждый видит только то, что хочет.

– В этом мире... – задумчиво протянул Джениус. – Стало быть, ты из другого мира?

– Вы же знаете, что я ничего не помню, – ровно ответил им Шенен. – У меня такое же тело, как у вас. Я убедился в этом сегодня в бане. Я говорю на одном с вами языке. Но я плохо разбираюсь в...

– ...во всем вообще, – весело подсказал Одуванчик.

– Да. Но с каждым днем мне открывается все больше. Когда я нашел себя в поле – голым, не понимающим кто я и что я здесь делаю – я едва смог справиться с потоком нахлынувших на меня мыслей. Я не сразу понял, как нужно ходить. Я не осознавал, что испытываю холод и два дня ничего не ел, так как не знал, что это необходимо. Когда я очнулся, у меня была сильная головная боль, но об этом я тоже не знал, я думал, что так и должно быть. А когда она прошла, я был удивлен, и какое-то время мне казалось, что я лишился чего-то важного.

Их подопечный провел рукой по аккуратно причесанным

волосам.

– Потом я познакомился с людьми. Я понимал их слова, они часто говорили мне «убирайся», кидали в меня камнями. Я знал, что это страх и гнев. Потом я встретил тех, которые одели меня и накормили. Я знал, что это жалость и милосердие. Я ходил среди людей и не понимал, почему одни испытывают такие чувства, а другие – совсем противоположные. А потом я научился смотреть им в глаза.

Лина-Лин закуталась в одеяло и слушала эту исповедь, затаив дыхание.

Как-то Данте, лежа с ней в постели, рассказывал, что в мир должен прийти посланник, который способен сдвинуть баланс в сторону Света. И что такой человек уже приходил, но, вопреки всем ожиданиям, наперекор собственной природе, он пошел по пути Тьмы. Вместо того, чтобы делать мир лучше, он мастерски сеет смерть и известен всему Великому Королевству под именем Маршал Лионель.

Интересно, может ли Шенен пойти по стопам предшественника? И что тогда будет с балансом? Данте тогда сказал, что если они это допустят, то можно смело распускать Орден и досрочно возвращаться в Навь навсегда. Он говорил это в шутку, но морщинка на его переносице подсказала Кошке, что все гораздо серьезнее, чем Хранитель пытается ей представить. Она тогда чмокнула его в эту морщинку и та немного разгладилась. Данте притянул ее к себе и прошептал тихонечко на ушко: «А когда мир покатится во Тьму, мы

построим маленький шалашик посреди Вечной аллеи и никогда не узнаем, чем все закончится». И ей в тот момент на секунду захотелось, чтобы мир рухнул...

Лина-Лин скинула с себя одеяло и сердито села в постели, пока глупая память не начала прокручивать то, что было после.

Она посмотрела на Шенена. Он замер на краешке кровати с прямой спиной, а взгляд был так спокоен, что и она почувствовала нечто похожее на умиротворение.

– Так какие секреты ты читаешь в наших глазах, Шенни? – улыбаясь спрашивал Марко.

– Как правило, людям не нравится слышать Истину.

– Начни с Джениуса, он у нас не слишком впечатлительный. Да и я, впрочем, тоже.

– А вот ты как раз впечатлительный, – произнес Шенен, глядя в глаза Одуванчику.

Лине-Лин даже со своего места было видно, как не по себе Марко от такого пристального взгляда.

– Я слышал обрывки ваших разговоров и понял, что вы часто убиваете других людей. Можно сказать, живете этим. Ты считаешь, что твоя жизнь весела, полна приключений, опасности и ярких событий. Ты считаешь все это забавной игрой и любишь тратить заработанные деньги. Но гораздо больший вес имеет то, что ты пытаешься скрыть от себя самого: все твое существо наполнено подавляемым чувством вины. Страшными угрызениями совести за свое прошлое и

за каждую загубленную тобой душу. Ты не родился воином. Им тебя сделала жизнь.

Теперь Марко выглядел очень серьезным, от улыбки не осталось и следа.

– Я просто занялся единственным делом, которое у меня получается хорошо, – глухо произнес он.

Шенен замолчал ненадолго, не сводя своих невозможно голубых глаз с лица Одуванчика.

– Ты ведь меня сейчас обманул, да? Есть еще одна вещь, которая получается у тебя просто прекрасно. Ты мог бы заниматься ею. Но ты, как и многие люди, зависим от своих чувств. Ты очень привязан к Джениусу, хотя и сам не понимаешь почему. Настолько, что готов считать его истину своей. Ты хочешь следовать за ним. Пусть это и вопреки твоей природе.

Джен с явным недоумением посмотрел на напарника. Марко не повернул головы. Лина-Лин будто видела, как Одуванчик медленно собирал себя по частям обратно. Его рука тихо потянулась к недопитой кружке эля, стоявшей на столе возле кровати.

– Вообще-то я командир, и это он за мной следует, – наконец с натянутой улыбкой сказал Марко. – И да, ты прав, людям не очень приятно слушать то, что ты считаешь истиной. А теперь минутка унижения для Джениуса! Что ты видишь в его глазах?

Лина-Лин оживилась.

– Но учти, – посоветовала она, – если ты попытаешься разуверить Лапулю в том, что он черствая бессердечная сволочь, то он очень расстроится и может даже расплакаться. А потом он убьет тебя, чтобы убедить тебя в обратном. Так посмотри скорее в его холодные глаза. Что ты в них видишь?

– Я уже пытался, – спокойно сказал Шенен и даже не повернул головы к Джону. – Я не вижу в них ничего.

– Вообще ничего? – искренне удивилась Лина-Лин.

– Такое впервые. Меня будто что-то отталкивает от них, словно какой-то барьер. Я вижу только цвет. И строение глазного яблока.

Марко разочарованно вздохнул.

– Твоя скрытность, напарник, превышает все разумные границы.

Джениус абсолютно спокойно взял из рук Марко эль, допил его и улегся в постель.

– Учитывая твою ко мне привязанность, Марко, – сказал Лапуля, устраиваясь поудобнее. – Я великодушно разрешаю тебе накрыть меня одеялом и поцеловать на ночь.

Лина-Лин хихикнула. Марко кисло посмотрел на них обоих.

– Идите в пень! – громко объявил он и тоже начал готовиться ко сну.

Шенен все так же сидел прямо, только немного опустил веки. И, поняв, что интересных разговоров больше не будет, Лина-Лин свернулась калачиком и закрыла глаза.

– Надо бы нам дежурить по очереди, – сонно пробурчал Марко.

– Чур ты первый, – отозвалась Кошка.

– Шенен первый, – почти уже засыпая, парировал Одуванчик.

– Ничего, что мы как раз Шенена охраняем? – вяло поинтересовался Джениус. – Кажется, твоя любовь ко мне мешает тебе здраво мыслить, кэп.

Но их командир уже спал. Или делал вид.

– Спокойной ночи, Шенни, – прошептала Лина-Лин. – Ты просто душка.

– Спасибо, очень приятно, – монотонно отозвался он.

Засыпая, она увидела на мгновение, что Навь покрыта снегом. Это было удивительно. Возникло огромное желание шагнуть туда, хоть и не в физическом теле. Принять образ той прекрасной девушки, какой ее помнит Данте, и найти его на берегу Моря Истины. Но после этого ее физическое тело рисковало быть зверски задушенным родным братом. И Лина-Лин так и не ступила в снег босыми ногами, а просто погрузилась в сон.

Многогранность

– Снег...

– Да ты наблюдательный, Джениус, – скептически заметил Марко.

Ему все еще было не по себе от слов Шенена. Действительно, он мог бы заняться чем-нибудь другим. Или даже тем, что он по-настоящему любил. Хотя для этого пришлось бы уехать подальше отсюда.

Но каждый раз он уговаривал себя: «еще один заказ с Дженом. Он же не справится без меня». Может, и правда стоило перестать считать его истину своей... Но это дело в любом случае придется завершить. А потом, может, он будет делать то, что у него на самом деле хорошо получается.

– Есть какие-нибудь новости, Хранитель Данте? – спросил Марко у заказчика, когда они сели рядом с ним на холме.

Из-за снега и побелевшего неба море Истины казалось сиреневым.

– Да. Главную новость вы узнаете сами. Скоро о ней заговорит весь мир, – Хранитель Иллингтон тяжело вздохнул. – А пока вы должны знать, что Маршал Лионель скоро будет в Ашере.

– Он же отправлялся за Шененом в Флаверн.

Данте задумался на секунду. Его брови чуть сдвинулись.

– Он вовремя уехал оттуда.

– У нас есть одна проблема, – сказал Джениус. – Кошка говорит, что Шенни светится. И его невидимое поле растет, когда он чем-то доволен. Я так подозреваю, что не только моя сестра может увидеть это поле.

– Конечно, – кивнул Данте. – Сам Маршал весьма сведущ в этом. Такие люди наверняка есть и в отряде Лионеля. И среди Серых Мастеров. А слуги Тьмы и вовсе очень чутки к таким вещам.

– Замечательно! – радостно отозвался Марко.

Хранитель усмехнулся.

– Если бы все было легко и просто, я бы не нанимал вас.

– Меня, например, еще кое-что беспокоит, – опять подал голос Джен. – Мы видели в Ашере Роланда Серебряного, знаем теперь, где Лионель. Но вы уже давно обещаете нам еще и слуг Тьмы. Где они?

– Хороший вопрос... – Данте внимательно посмотрел на них обоих, будто оценивая, достойны ли они знаний. – Сведения, которые я вам иногда сообщаю, известны мне от богини Онори. У нее множество глаз, некоторые из них могут видеть сквозь пространство и время. Хотя она в большей степени присматривает за Навью, но может видеть и другие миры, хоть и не так хорошо. Но есть вещи, которые она увидеть не в силах.

– Служителей Тьмы? – пожал плечами Марко. – Я-то думал это кучка чокнутых фанатиков, любителей погадать на внутренностях козы и поплясать голыми на ведьминой горе.

– В основном, – улыбнулся Данте. – Но у служителей Тьмы тоже есть связь с Навью. И ее темной богиней – Нинель.

– Но ведь повелительница Нави – Онори, – почесал голову Джен.

– Да. Навь, которую видим мы с вами, принадлежит Онори. Но этот мир многогранен. И все грани существуют одновременно в пространстве и времени.

– Ничего не понятно, – пожал плечами Маркус.

Тогда Данте велел им встать. Он поднес правую руку ко лбу Джениуса, а левую – ко лбу Марко. Когда они через мгновение открыли глаза, то поняли, что стоят на том же холме, но только вот вокруг все изменилось. Море Истины стало почти черным, вместо снега все покрылось пеплом и золой, будто они тоже просыпались с неба. Берег был усыпан осколками стекла.

Деревья разрослись густой красной листвой, но не осенней, а таков, по-видимому, был ее основной цвет, напоминающий свежие пятна крови. На некоторых ветках висели диковинные плоды, но их ни в коем случае не хотелось попробовать. Трава под ногами тоже была красной.

На горизонте виднелись величественные горы, в том числе несколько угрожающего вида вулканов.

Не считая легкой атмосферы безысходности, пейзаж можно было назвать по-своему прекрасным.

– Это царство Нинель, – тихо произнес Данте, оглядываясь по сторонам. – Сегодня оно такое.

Похоже, что он тоже не часто здесь бывал.

В кустах за их спинами раздалось громкое рычание, и Хранитель поспешно приложил руки ко лбам своих спутников.

Марко думал было, что сейчас увидит занесенный снегом пляж, но, открыв глаза, тут же зажмурился, не в силах совладать с буйством красок. С трудом приподняв одно веко, он разглядел небо, которое сияло сразу всеми цветами радуги, солнце совсем терялось на небосклоне и выглядело как-то бледно.

Фиолетовое море по-прежнему было фиолетовым. Только в нем активно плескались некие существа, похожие на расписные пряники. У них были остренькие мордочки и лапы с хвостами. Они выглядели вполне мило, но только вот Марко заметил, как один пряник набросился на другого и принялся зверски его рвать.

Вулканы здесь тоже имелись, но они свисали с неба, а из жерлов прямо в море текли воды малинового цвета, похожие на кисель. На кривые деревья страшно было смотреть – что на них только не росло – часы, шляпы, инструменты, предметы гардероба, части тела. Вечная аллея была сплошь засажена деревьями, на которых росли только панталоны. На верхних ветках – больших размеров, на нижних – маленькие, детские.

– Меня сейчас стошнит от переизбытка цвета, – с трудом проговорил Джен, озираясь по сторонам.

– Это Навь Доктора Че – бога безумия, – пояснил Данте. – Все знают, что у него довольно-таки необычный вкус.

И мягкая ладонь Хранителя снова коснулась лба Марко. Заснеженный пейзаж Нави, где правила богиня Онори, теперь уже не казался таким удивительным, как прежде. Хотя за время их отсутствия море Истины и тут стало обитаемым – судя по торчащим плавникам, здесь теперь плавали белые акулы.

Данте посмотрел на них с интересом, но тут же вернулся к разговору.

– Слуги Тьмы поклоняются Нинель. Онори просто не видит их, как не видит ничего, связанного с другими обликами Нави.

– Сколько всего слоев у Нави? – заинтересовался Марко. Он слышал о разных богах. По-видимому, они обитают тут...

– Трудно сказать, кто-то говорил, что их число стремится к бесконечности. Каждая сильная сущность способна создать свою Навь.

– А вы можете, Хранитель Данте? – спросил Джениус. В его голосе сквозило легкое пренебрежение и насмешка. Похоже, его не так сильно впечатляла Навь и ее чудеса.

Хранитель немного улыбнулся.

– Пока что нет, – покачал он головой. – Возможно, позже. Но не в этом физическом теле. К тому же, у меня слишком много обязанностей в Яви...

– И привязанностей, – криво улыбнулся Джен.

Марко подумал, что за этой беседой и осмотром достопримечательностей Нави прошло довольно много времени от ночи.

И тут Хранитель повел головой и будто прислушался.

– Просыпайтесь. Быстро, – он резко и неожиданно толкнул их.

И вместо того, чтобы опрокинуться на золотистый песок Нави, они вскочили в своих кроватях. Марко тут же потянулся к оружию, краем глаза отмечая, что черный демонский меч уже в руках у его напарника.

Лина-Лин тоже не спала. Кошачьи ушки были наострены, она прислушивалась. Рядом с ней лежал ее маленький меч, клинок, арбалет и подвязка с метательными ножами. Перед сном она все это очень трепетно раскладывала в пределах досягаемости.

– Что происходит? – спросил Марко, одной рукой сонно почесываясь, а другой притягивая к себе меч.

– Ничего, – сдержанно ответила Лина-Лин, не переставая настороженно водить головой из стороны в сторону. – По крайней мере, я ничего не слышу.

– А чего тогда проснулась? – недовольно отозвался Марко. – Блохи кусают?

Джениус мрачно ругнулся и процедил сквозь зубы:

– Это чертова кошачья интуиция. И ничем хорошим такие случаи не заканчивались.

– Я тоже... – вдруг встрял Шенен. – Тоже что-то чувствую.

– Может это просто запах носков Джениуса? – с надеждой спросил Марко.

– Да, это тоже, – кивнул Шенен. – Но это не вызывает у меня тревоги. К нам приближается что-то еще.

Марко вздохнул и скинул одеяло. Подошел и встал рядом с Шененом, готовый защищать его, когда какая-то неведомая таинственная фигня все же даст о себе знать.

И так как ничего не происходило, оставалось только ждать.

Ее День рождения

Данте стало немного не по себе. Он почувствовал тяжелое спертое дыхание мрака на той стороне. Не было похоже на обычных ее слуг-неудачников... Будто сама Тьма проникла туда из Нави. Или, что еще хуже, из далекого и почти невероятного ада.

При желании Хранитель мог бы попасть в город Ашер, найти кабак «Злые маски», но для этого нужна была определенная подготовка, артефакты, дыры в пространстве. Данте не успеет. Он не мог просто отыскать маленькую лазейку между мирами и нырнуть в нее, как это делала Кошка... Лина-Лин сейчас там, в одной комнате с врагами, и ей угрожает опасность. И Хранитель понимал, что никак не может защитить ее. Да что уж говорить, он не смог уберечь эту девчонку даже от самого себя...

Ни один клинок, стрела или меч не причинили бы ей столько боли, сколько причинил он. Так себе защитник, похоже.

Данте вздохнул. Он не любил вспоминать тяжелый разговор с Мирандой, когда она все узнала. Ему нечего было сказать в свое оправдание. Он не хотел никому причинять боль, не хотел все разрушать. Он ведь носил гордое имя Хранитель, еще до рождения служил Свету, а тут... Меньше всего ему хотелось думать, что это была банальная измена. Нет,

все не так, Лина-Лин – совсем другое. Но когда жена все узнала, он понял, что больше не должен видиться с Кошкой.

Еще даже не зная о Проклятье Миранды, он видел тоненькие ниточки вероятностей, энергетические потоки между участниками всех этих событий. И не было не единой возможности будущего для него, Верховного Хранителя Великого королевства, и Лины-Лин, молодой девчонки, только начинающей жить. И почти лишившей его самообладания.

От нее приходили записки – слезные, умоляющие, угрожающие. Она так хотела с ним встретиться. Данте не спешил. Не мог набраться духу, чтобы поставить точку. Разбить ей сердце.

Наконец, он назначил свидание Кошке в «Золотой ладье». В ее день рождения. Он не мог не поздравить ее. И не мог не бросить ее. Все в один день.

Она была пьяная. И заплаканная. Что-то уже почувствовала.

– Мы больше не можем видиться, – сказал он то, что должен был.

И она разрыдалась. Сразу же. Ждала этих слов. Расплакалась так по-женски отчаянно, так по-детски безнадежно. Сползла на пол, свернулась там калачиком и все рыдала, выла, всхлипывала, размазывала слюни и сопли. Он любил ее и такой.

В конце концов, Данте не выдержал и сполз к ней на пол. Обнял сзади это содрогающееся в конвульсиях тело. И у него

тоже потекли слезы.

Потом он шептал «тише, тише», наливал крепкую настойку в красивые бокалы из оникса, совал напиток в ее непослушную трясущуюся руку. Потом целовал горько-соленые губы в последний раз.

Ее всю трясло. Она целовала его так, будто от этого зависит ее жизнь. Будто весь кислород для дыхания она получает только через этот поцелуй. Наверное, так оно и было.

Потом Кошка начала что-то рассказывать, весело, взахлеб, шутила и смеялась. Не прошло и часа, как Лина-Лин опять начала биться в истерике.

Хранитель собирался уехать домой. Впервые он не хотел проснуться с ней утром в одной постели. Не хотел увидеть, как она улыбается, почувствовав рядом его тепло. Не хотел смотреть, как она медленно открывает глаза, и как в них внезапно застывает пустота. Как восставшая из небытия память беспощадно парализует движения, замораживает зрачки, уничтожает все мысли кроме одной «мы больше не вместе».

Данте не уехал той ночью, не смог бросить ее одну. Он все это увидел утром – все, чего опасался. Она впервые не вышла его провожать. Кошка лежала и смотрела в потолок.

Как долго она еще так провалялась без дела? Позже он узнал, что ее приемная семья пытается лечить девочку от неизвестного недуга. Она сильно похудела, почти не вставала с постели, разговаривала неохотно.

Хранитель старался не думать об этом. Он не мог ничего изменить. Даже прийти, чтобы поддержать не мог. Его мысли должны были быть заняты решением важных государственных вопросов. «Братство на крови» как раз тогда готовилась к восстанию. Вот кому действительно нужна была помощь. Но и им он не мог оказывать поддержку в открытую. И Миранда тогда переехала в другое крыло. Сложное тогда было время в его жизни.

От Лины-Лин то не было никаких новостей, то она вдруг начинала писать ему по три письма в день, потом опять замолкала. Он прочитывал ее послания по несколько раз, вглядываясь в знакомый почерк. И не отвечал.

Тогда она стала писать письма, которые были связаны с делами Ордена. Это был ход конем. Да, она все еще состояла в Ордене Хранителей и понимала, что от такого ценного служителя, как она, Данте так просто не откажется. Тут он не мог не ответить. Не мог отказать ей в деловой встрече. Точнее, убедил себя, что не мог.

Деловая встреча, разумеется, не вышла... Так они узнали про Проклятье.

Тогда Хранитель принял решение услатить свою Кошку куда-нибудь подальше от себя. По делам Ордена.

Да, он разыграл идеальную многоходовку. Лина-Лин отправилась на поиски Шенена. Кому, как не ей он мог доверить такое важное дело. При этом она продолжила работать на Орден, и, что очень неплохо, все время находилась под за-

щитой и опекой своего старшего брата. Ей теперь было, чем отвлечь себя от тяжких дум, и она была достаточно далеко от Данте...

Но в данный момент она была слишком близко к неестественно сильному и опасному сгустку Тьмы. При всем своем опыте, Хранитель даже не представлял себе, что бы это могло быть.

Ноги уже сами несли его к дворцу богини Онори. Она всегда отвечала на его вопросы. К тому же, возможно, она сможет увидеть, что творится в маленькой комнатушке таверны «Злые маски». Или хотя бы почувствовать, чем все закончилось, и кто пострадал. Лишь бы не... он чуть было не подумал о Лине-Лин, но рациональная часть его мозга тут же расставила все на свои места. Лишь бы не Шенен. Что будет с миром, если он умрет?

Вглядываясь во мрак

У Лины-Лин бывали приступы интуиции и раньше, но она никак не могла научиться их правильно растолковывать. Вот и теперь она проснулась ночью и сначала подумала, что ей надо в туалет. Потом ей показалась, что она встала из-за холода. Глотнув немного воды, Кошка поняла, что и не жажда стала причиной пробуждения. И только тогда она стала подзревать, что это все же интуиция.

Прислушалась. Принюхалась. Ничего.

Когда ребят вышвырнуло из Нави, стало понятно, что и Данте что-то почувствовал.

– Какого черта все еще ничего не происходит? – печально протянул Марко.

– Надеюсь, ничего и не начнет происходить, – откликнулся Джен, – мы даже не знаем, кого или чего нам ждать.

– Это Тьма, – спокойно отозвался Шенен.

Его взгляд медленно блуждал по комнате, но в чистых голубых глазах не было ни капли беспокойства.

– И Тьма уже здесь, – так же равнодушно завершил он свою мысль.

А взгляд его остановился на центре помещения. Тут же из щели в полу потянулся черный дымок. Обостренное обоняние Лины-Лин тут же уловило странно знакомый запах, совсем не похожий на запах дыма.

По спине у Лины-Лин побежали мурашки. Если бы она была сейчас в облики кошки, то шерсть встала бы дыбом.

– Пожар внизу? – неуверенно произнес Марко.

А дымок тем не менее кругами поднимался вверх, становясь все гуще и чернее, но не покидая центра комнаты.

– Круг! – вдруг закричал Джен. – Чертите круг!

И он кинулся на пол и ножом начал скрести доски. Лина-Лин, еще толком не понимая, зачем это, принялась делать то же самое

Но они не успели. Прямо над Кошкиной головой просвистел меч. Она отпрянула и тут же вскочила на ноги. В центре комнаты почти неподвижно замерли три фигуры. Их тела были скрыты черными длинными одеждами. А вот лица, если это можно было назвать лицами, были прекрасно видны. Маленькие красные глазки с зрачками-точками поблескивали в сумерках. Голые белесые черепа сверху напоминали человеческие, только вот там, где должен был быть нос, начинался длинный изогнутый птичий клюв.

А потом эти странные омерзительные существа начали двигаться. Костлявые руки под широкими рукавами взметнулись вверх, крепко сжимая мечи. По два у каждого птичье-человека.

Лина-Лин почувствовала, как к горлу подкатывает приступ паники, когда она поняла, что едва успевает отражать удары. Существа, стоя спинами друг к другу, медленно передвигались по кругу, а руки с мечами так и летали, нано-

ся удар за ударом. Они были настолько быстрыми, что казалось, будто у каждого зловещего создания по восемь рук с оружием, а не по две.

– Вот же черт! – с искренним удивлением воскликнул Марко.

Джен молча рубил своим огромным мечом, плотно сжав зубы.

Предательская мысль "мы так долго не выдержим" так и стучала в висках у Кошки. Главное было не подпустить их к Шенену.

Лина-Лин глянула мельком и увидела, что их подопечный стоит совсем близко. Он смотрел на происходящее, чуть склонив голову, и взгляд его был чрезвычайно сосредоточенным.

Резкая боль. Один из мечей полоснул Кошку по плечу, разорвав рукав новой ночной рубашки. Надо было признать, что силы начинают покидать ее.

Абсолютно неожиданно в комнату, как к себе домой, зашла Рыжая сволочь. При виде битвы ее брови лишь слегка приподнялись.

– Я тут вспомнила, что забыла пожелать мужу спокойной ночи! – она сделала несколько шагов и остановилась. Одно из существ медленно повернула к ней клюв.

Джулия ничуть не изменилась в лице.

– У вас гости? – приветливо спросила она. – А чего меня не позвали?

Она что, вообще ничего не боится? Может, у нее с головой не все в порядке?

Клюв швырнул Марко к стенке и направился к девушке. Рыжая стояла, не двигаясь, и сдержанно улыбалась. Когда он ринулся на нее, девушка ловко увернулась. Что уже было почти невозможно. И кинулась вперед на пол, туда, где лежал клинок Лины-Лин. Пока она тянулась к оружию, клюв уже бросился к ней, чтобы напасть со спины, но она легко откатилась, и противник распластался на полу. Джулия замахнулась было клинком, но тут уже создание Тьмы увернулось со свойственной ему молниеносностью.

Еще пару движений, и девушка выбила у птичеловека один из мечей. И тут же подобрала его с пола и встала плечом к плечу с Кошкой.

Прибывая в полнейшем шоке с неожиданных маневров Рыжей сволочи, Кошка с трудом произнесла:

– Мы стараемся держать их в кольце.

Джулия усмехнулась и кивнула со знанием дела.

Теперь их было четверо против троих. Правда, каждый из клювов сражался за пятерых, так что силы все еще были неравные.

– Все нападаем на одного. – Шепнула Лине-Лин Джулия, оказавшись близко, и указала едва заметным жестом на самого крупного птицеподобного парня.

Лина-Лин поймала взгляд брата и подбородком повела в сторону выбранной жертвы. Лапуля понял ее без слов. Он

тронул за руку своего напарника, и Одуванчик тут же нацелился в сторону нужного клюва.

– Давай! – не выдержав, крикнула Лина-Лин и они с четырех сторон накинулись на добычу, отбиваясь попутно от оставшихся его собратьев.

Наконец-то Кошка почувствовала, что меч не скользнул по воздуху, а уперся в плотную живую ткань. Она поглубже засунула оружие, и услышала сдавленные грудные звуки.

Раненный клюв повалился на землю. Видимо, он и правда был вожаком, потому что его собратья приобрели вид, несколько напоминающий растерянность. Потом один из них яростно зашипел и кинулся на Джениуса.

– Джен! – взвизгнула Кошка и кубарем бросилась под ноги нападающему. Он бы наверняка успел бы отпрыгнуть, но Джулия и Марко в этот же момент скрестили с ним мечи с двух сторон.

Падая, он проклокотал какое-то заклинание, и в комнате воцарилась полная тьма. К счастью, Лина-Лин хорошо видела в темноте. Напротив нее немного подсвечивались глаза ее брата. Но она опередила Лапулю. И в один прыжок очутившись возле противника, Кошка вонзила ему между лопатками клинок.

Свет от свечей и тусклого фонаря в окне тут же снова наполнил комнату.

Третьего клюва не было. Он сбежал. Все было кончено. На полу лежало два существа, одно было мертвым, другое

еще подавало слабые признаки жизни.

Все участники событий ошарашено переглядывались.

– Джулия... наконец-то выдавил из себя Марко, – спасибо.

– Да я просто мимо проходила, – пожала она плечами. – Смотрю, у вас свет горит. Думала, вечеринка.

– Ты слишком хорошо для шлюхи владеешь оружием. – То ли похвалил, то ли оскорбил жену Лапуля.

– Девушка моей профессии должна уметь себя защитить. – Мило улыбнулась она. – Особенно если муж все время в разъездах.

– Кстати, как ты вообще вошла? – Вспомнил Марко. – Дверь была закрыта на замок.

– Нет, не была. Вы, наверное, забыли, – небрежно кинула Джулия и шагнула к еще живому противнику.

У Лины-Лин мелькнула было мысль, что она лично закрыла дверь и два раза дернула ручку, но ее внимание тут же переключилось на другое. Рыжая сволочь перевернула существо на спину, и всем стало видно его лицо.

Клюв уменьшался на глазах с характерным для ломающихся костей хрустом. Вся вытянутая форма черепа стала перестраиваться с этим отвратительным звуком, пока не приобрела вполне себе человеческий вид. Обычный нос, обычный рот, все обтянуто кожей, только в страшных синяках и кровоподтеках, будто по лицу били молотком. Из окровавленного рта донесся сдавленный стон.

Шенен из своего угла двинулся прямо к умирающему. Он присел рядом и бережно положил его изуродованную голову себе на колени. Провел рукой по его слипшимся и торчащим в разные стороны, будто перья, волосам.

Поверженный враг медленно приоткрыл заплывшие глаза. Они уже были не красного, а вполне человеческого серого цвета.

Мутным взглядом он скользнул по лицам своих убийц и задержался на Лине-Лин.

Их противник с трудом протянул к Кошке руку.

– Сестра... – прохрипел он.

У нее мурашки побежали от такого обращения. У нее был только один брат, и не дай ей Творец когда-нибудь увидеть его в таком состоянии... Но потом она поняла, что имел в виду умирающий. Никто не хочет покидать этот свет в одиночестве – он искал своих среди чужих. Оба они – и Лина-Лин, и он – были отчасти созданиями Нави, их общего дома. Только вот она могла находиться в Нави по праву рождения. А этот изуродованный тип, судя по страшным изменениям в лице, был сделан таким искусственно.

Кошка поделилась своим предположением с окружающими. Джулия, молча смотревшая на умирающего, сказала со смесью презрения и сожаления:

– Был обычным человеком, приносил убогие жертвы своей богине, мечтая, что когда-нибудь она явится к нему и его шайке неудачников...

– А великая Нинель возьми и явись. – Вставил Одуванчик.

Преодолевая брезгливость и отвращение, Лина-Лин присела и коснулась руки птичечеловека.

– Почему Нинель сделала это с тобой?

– Это был Ее дар, – прошептал человек. – Она пустила нас в Навь, где наделила меня и моих соратников силой ворона.

– Хорош дар... – отозвалась она, разглядывая изуродованное после трансформации лицо. – Лучше бы она наделила вас его мудростью. Сколько вас было?

Неудавшийся ворон молчал.

– Скажи мне. Ты же видишь, я тоже служу Нави. Ты сможешь мне, своей сестре, если скажешь. – Попросила Кошка, особо не надеясь на ответ.

Но что-то шелкнуло в его горячем сознании.

– Нас было сорок избранных. – Еле проговорил он, но в голосе его слышалась неподдельная гордость. – Мы назвали себя Орден демонического ворона.

– Вот идиоты. – Прокомментировал Джениус.

Умиравший перевел на него свои едва видящие глаза и вскрикнул, его ноги судорожно засучили по полу. Потом Клюв утих и медленно протянул к Лапуле свободную руку.

– Ты... ты... – прохрипел он, булькая кровью на губах, – позволь коснуться...

Джен шарахнулся, как от огня. Лине-Лин тоже стало не по себе. Что именно увидел этот слуга Тьмы в своем предсмертном озарении. Какую из тайн, которые ее брат так тща-

тельно обергал даже от самого себя...

– Я прощаю тебя за то, что ты пытался нас убить. – Раздался в тишине мелодичный голос Шенена.

Он внимательно посмотрел в лицо птичечеловека. Потом медленно поднял голову на остальных.

– Никто не должен умирать не прощенным, – сказал он всем.

– Что ж, согласна. – Одобрила Джулия. – Я тоже прощаю тебя, слуга Тьмы.

Она налила немного воды из кувшина в горсть и смочила губы их врагу.

– Я прощаю тебя, – услышала Лина-Лин свой голос и чуть сильнее сжала чужую ослабленную руку в своей руке.

Она сама не понимала, откуда в ней столько милосердия к врагу. Может, это поведение Шенена было заразно?

– Я прощаю тебя, дружище.

Это и Марко поддался влиянию своего подопечного.

– Да вы что все с ума посходили? – сквозь зубы прошипел Джениус. – Эта чертова тварь нас чуть не угробила.

Шенен только посмотрел на наемника долгим взглядом, будто читая что-то по его лицу. И Лапуля, как ни странно, отвел глаза.

Умиравший задергался в последних конвульсиях, и его голова безвольно соскользнула с колена Шенена. Рука, крепко сжатая в Кошкиной ладони ослабла и обмякла. Изуродованное лицо теперь выглядело спокойным.

– Что будем делать с телами? – поинтересовался Марко. –
Надо избавиться от них, не привлекая внимания.

– Не надо, – Кошка выпустила безжизненную руку и встала. – Навь не оставляет земле тех, кто сражался за ее богов.

– Хочешь сказать, они сами возьмут и испарятся в воздухе? – несколько раздраженно отозвался Марко.

– Вообще-то да, – кивнула Кошка.

Все, кто служил Хранителям, знали это. Обитая в Нави после смерти, члены Ордена, как и слуги Тьмы, имели право остаться в тех обличиях, к которым они привыкли.

– Если так, то это очень удобно. – Оценил Джен и спокойно завалился в постель, не обращая больше никакого внимания на трупы в центре комнаты.

Лина-Лин впервые на своем веку увидела, как возвращаются в Навь. Тела стали бледнеть, их прозрачность постепенно увеличивалась. Они стали похожи на вылитые из льда фигуры, а потом и вовсе исчезли одно за другим. Марко даже приоткрыл рот немного. Шенен не выразил никакого удивления. Похоже, весь этот новый для него мир ничуть его не впечатлял.

Сложно представить, чего такого повидала Джулия за свою недолгую жизнь проститутки, но она не просто выглядела невозмутимо, но и вполне искренне зевала.

– Их всего сорок. – Напомнил всем Марко. – Не придут ли к нам в гости сегодня остальные тридцать семь?

– Едва ли... – Кошка призадумалась. – Заклинание не пе-

ренесет больше трех человек, иначе они бы всей толпой к нам завалились. К тому же, только одна птичка живой вернулась в гнездо, их вожак мертв. Они не будут рисковать еще троицей.

Все присутствующие в комнате оживленно обсуждали разные версии еще где-то полчаса и решили, что едва ли за ними вернутся этой ночью. Шенен сказал, что никакой опасности больше не чувствует.

– Тогда я спать. – Решил Марко, хотя в его голосе слышалась некоторая неуверенность.

– Всем сладких снов. – Пропела Джулия. – С вас самый лучший завтрак, какой можно получить в этом заведении. Я заслужила.

О да, она заслужила. Лина-Лин покосилась на свою новую подругу, пытаясь как следует просмотреть ее энергетическое поле. Как ни странно, ничего такого. Обычный уверенный в себе человек, в меру приземленный, но и не совсем потерянный для небес, не смотря на профессию. А что вообще Лина-Лин ожидала увидеть? Сияние, как вокруг Шенена? Или может сгустки Тьмы?

– Спице, я посторожу. – Прервал ее размышления Шенен.

– Толку от тебя... – сквозь сон пробормотал Лапуля.

– Должен заметить, от тебя толку еще меньше, пока ты спишь. – Очень логично ответил Шенен.

Лина-Лин с удовольствием упала на кровать, закрыла глаза. Хотя спать после такой встряски не хотелось. Еще немно-

го пахло тем черным дымом, который предварил появление людей-воронов. Она узнала этот запах, похожий на серу – так пахло в Нави. В том ее слое, где царила богиня Нинель. Котенком она часто там появлялась, надеясь встретить свою мать, но потом оставила эту идею. Едва ли она отличила бы ее от сотни других земляных кошек.

Навь мелькнула в сознании Лины-Лин перед сном. Она в этот раз явилась ей своим черным лицом. И, прежде чем уснуть, девушка некоторое время смотрела на женщину вдалеке на обрыве. Лица было не разглядеть, только черное платье развевалось, как знамя. Кошка подумала, что ей повезло увидеть саму богиню Тьмы Нинель.

А потом она уснула, и ей снилось, что она идет по этому черному берегу за руку с Данте. И романтику не омрачал даже парящий в небе черный дракон и падающие под ноги живьем зажаренные птицы. А запах серы казался им запахом лучших цветов.

Памяти друга

Данте проснулся с легкой улыбкой. Обычно он не видел снов, но сегодня ему снилась Кошка.

Правда пейзаж был так себе... Да и все эти мертвые птицы... Видимо, за такие сны ему следовало благодарить богиню Тьмы. Как и за вчерашние происшествия.

Хранитель чуть нахмурился, вспоминая рассказ о нападении. Он не предполагал, что горстка служителей Тьмы получит такую активную поддержку со стороны богини.

Перед пробуждением он был у Онори, и она сразу узнала почерк своей сестры, повелительницы темного обличья Нави, хотя встречаться вживую им никогда не доводилось.

– Сын мой, – вздохнула светлая богиня и печально посмотрела на Данте всеми своими глазами. – Нинель, похоже, вступила в игру.

Что же, Тьма всегда тянула одеяло на себя, видимо из-за этого века назад и был создан Орден Хранителей.

И сейчас глава этого самого Ордена выглядел не самым лучшим образом. Кажется, вчера он слегка переборщил с цветочным Флавернским вином. Он почти всю ночь сидел за своим письменным столом и думал о погибшем Гвенделе.

За всей этой суетой с Нинель, Лионелем, наемниками он не мог задержаться надолго мыслями на друге. И вот, наконец, нашел время.

Он вспоминал. Начиная с первой встречи.

Двое юношей познакомились на корабле с характерным названием «Навь».

Гвендель тогда был совсем молод, Данте на несколько лет старше – отец тогда отправил его в путешествие, чтобы сын воочию узрел и узнал мир, который будущему ему предстояло защищать.

Они сразу заметили друг-друга. По правде сказать, из-за длины волос и утонченных черт лица Гвена Данте поначалу принял его за переодетую хорошенькую девушку. В юные годы это было обычно для Гвенделя, и иногда даже становилось настоящей проблемой.

Молодые люди не общались друг с другом, у каждого была своя цель путешествия, но все же Данте все время чувствовал молчаливый интерес и одобрение со стороны этого странного парня. Казалось, в случае нападения пиратов, он не раздумывая стал бы с ним спиной к спине и сражался бы так, будто они знали друга с детства.

Они начали разговаривать, когда вокруг воцарился такой штиль, что можно было умереть от тоски.

– Мне кажется, что я живу в одном и том же дне, который все повторяется и повторяется, – с этой фразы начал разговор Гвен, по-свойски вставая рядом с Данте и облакачиваясь на перила. – Спорим, сейчас мимо нас пролетит чайка и прокричит три раза, как и вчера.

И Хранитель действительно замер в ожидании чайки. Они

простояли молча около пяти минут, но чайка так и не пролетела.

– Спорим, сейчас мимо нас пройдет юнга и споткнется о ведро, как и вчера. – Сказал тогда Данте, и они лениво развернулись в сторону команды, драящей палубу.

Они опять долго ждали, благо, спешить было некуда. В конце концов, юнга действительно прошел мимо них, аккуратно обогнул полное ведро и исчез в каюте.

Гвендель слегка разочарованно вздохнул.

– А я-то думал, что время остановилось.

С этого и началась их дружба. Не прошло и недели, как им действительно пришлось сражаться плечом к плечу против пиратов, и никогда еще у Данте не было настолько умелого боевого товарища.

Впрочем, тогда им это не помогло. Они попали в плен к работорговцам. Причем, Гвенделя кинули в каюту к девушкам, что было довольно странно после того, как зверски он сражался. Но те из врагов, кому посчастливилось наблюдать искусство боя Гвена, уже не могли никого ни о чем предупредить. Так что из-за красивой мордашки он угодил к той части женщин, которых берегли и держали в относительно хороших условиях для продажи в гаремы. В конце-концов, не все рабовладельцы предпочитают девушек, а такие красивые молодые парни – настоящая редкость. Да за него дадут в два раза больше золота, чем за любую красавицу. Примерно такие разговоры слышал Хранитель, сидя в цепях в тесной и

ужасно вонючей каюте. Данте отправили к тем рабам, которые предназначались для тяжелых физических работ.

Что же, кое в чем опытные торговцы все же ошиблись. Гвен настолько покорила сердца женщин в своей каюте, что ему удалось склонить этих красивых изнеженных дам к бунту. И, надо сказать, восстание рабынь было уж очень неожиданным и кровавым.

Когда Гвендель, перевозбужденный, смеющийся, с горящими глазами, явился на пороге каюты, где держали Данте, тот посмотрел на него с истинным восхищением. Этот его образ Хранитель пронес через годы знакомства с другом.

Так они захватили пиратский корабль.

Потом судьба занесла их вместе на какие-то дикие острова. Там он и узнал самую главную тайну Гвена.

Племя аборигенов нашло их утром на берегу. И хотя с собой у Данте и Гвенделя были их верные мечи, стрелы с ядовитым соком, мгновенно обездвиживающим тело, оказались покруче.

Правда, как только язык Гвенделя смог шевелиться, он просто сразил аборигенов своим остроумием. То есть наверняка сразил бы, если бы те понимали хоть слово. Но Данте определенно был впечатлен и наверняка посмеялся бы, если бы его так не напрягал ритуальный костер, в котором их, похоже, собирались жарить.

И когда уже не оставалось никакого шанса на спасение, Гвен вздохнул и проговорил нараспев несколько слов на

древнем мертвом языке. Костер тут же потух. Потом Гвендель совершенно спокойно развел руки в стороны, будто мгновение назад они не были связаны. Он немножко размял кисти, потом прошептал что-то одними губами, и между ладоней у него стал расти искрящийся голубой шар.

Магия воздуха. Данте прекрасно разбирался в таких вещах, по крайней мере, по учебникам. И, разумеется, ему было известно, что это запрещено и карается смертью в пределах Великого Королевства и во многих других странах.

Гвендель не спешил воспользоваться опасным оружием. Он игриво перекачивал шарик с руки на руку, насмешливо наблюдая, как медленно аборигены пятятся назад. Все же он был тем еще позером и выпендренником...

– Ну что уж там, – проговорил он с легким вздохом, – теперь можно сделать то, чего так давно хотелось.

И он опять забормотал слова на древнем языке, которые Данте частично понимал, но не мог объединить общим смыслом.

– Мы пришли к вам с миром. – Вдруг заговорил Гвендель с дикарями, будто забыв, что они его не понимают. – Мы не причиним вам зла.

Насмерть перепуганные аборигены нерешительно стали выглядывать из-за кустов и камней, где пытались спрятаться.

– Бог... – вдруг нерешительно проворила пожилая женщина с голой обвисшей грудью.

– Бог! – повторил кто-то более уверенно.

– Бог явился! – важно провозгласил вождь племени. – На колени все!

И только тут, когда все повалились на землю, Хранитель понял, что они с аборигенами теперь говорят на одном языке.

– Как ты это сделал? – восхищенным шепотом проговорил Данте. – Почему они говорят на нашем языке?

– Они говорят на своем, – улыбнулся Гвен, – а мы на своем. Я просто сгладил грани восприятия. Пока заклинание действует, ты даже сможешь примерно догадаться, что имеет в виду слон, и чего от тебя хочет обезьяна или дикий разъяренный вепрь.

– О последнем, думаю, и без заклинаний можно догадаться, – рассудил Хранитель.

Да, потом им не слишком-то хотелось уплывать с островов. Дикари чистили им фрукты и предлагали своих женщин. Но самые красивые из них были многочисленные дочери вождя. Две из них как раз и были весомыми причинами для друзей, по которым они не хотели покидать благословенные земли. Да еще какая-то таинственная трава, которой здесь росли целые поля, и которая просто замечательно курилась.

Гвен предпочитал потягивать ее через резную деревянной трубку, которую он сам себе сделал, потратив на эту ерунду не меньше трех дней.

Да, Гвендель был тем еще позером и выпендрожником. А

теперь Гвендель был мертв.

– К вам господин Гвендель! – внезапно объявил слуга Данте. – Я сказал ему, что вы только проснулись и что придется подождать полчаса, пока вы оденетесь и пройдете в свой кабинет.

Хранитель вскочил с постели, едва натянул штаны и выскочил в коридор, чуть не сбив своего озадаченного слугу с ног. Он быстро сбежал по лестнице вниз и замер в нерешительности.

Задумчиво созерцая статую богини Онори, в холле действительно стоял Гвен собственной персоной. Он совсем не был похож на пострадавшего от урагана или на убитого горем человека. На нем был изящного покроя фиолетовый сюртук под горло, волосы причесаны и уложены так ровно, будто он только что отпустил своего парикмахера.

Увидев Данте, друг насмешливо улыбнулся:

– Ты шикарно выглядишь с голым торсом. Сейчас те работорговцы смогли бы срубить за тебя целое состояние.

Да, это определенно был он...

Данте быстро преодолел оставшееся расстояние и сжал Гвена в объятьях. Тот, кажется, был удивлен такому пылу.

– Эй, полегче, ты испортишь мне прическу.

Данте отстранился, вглядываясь в лицо друга.

– Ты приехал с семьей? – с надеждой спросил он.

– Нет, они ждут меня дома. – Небрежно повел плечом друг.

Дома. Не было никакого дома. Неужели он не знал? Нет, это невозможно...

– Гвендель, где это "дома"? – медленно произнес Иллингтон.

– Да что с тобой сегодня? – фыркнул его товарищ. – В славном городе Флаверне, там мой дом.

В Погибшем городе Флаверне. Хранитель и не представлял, что ему придется сообщать лучшему другу подобную новость. Хотя еще пять минут назад он и мечтать не мог, что этот самый друг жив.

– Послушай меня. Я должен тебе сказать. – Данте сделал глубокий вдох и выдох, готовясь произнести вслух то, во что сам до сих пор не верил. – Твоего города больше нет. Страшный ураган...

– Я не привез тебе вина. Но, думаю, ты мне это простишь. – Весело перебил Гвендель. И пошел по направлению к лестнице.

Данте нахмурился. Что-то было не так. Он резко поймал друга за плечо, развернул к себе.

– Ты слышишь меня, Гвен, твоего города больше нет. Все жители мертвы.

Гвендель никак не изменился в лице. Только слегка улыбнулся.

– Заканчивай с этими объятьями. Теперь ты мнешь мне сюртук.

Он будто не слышал, что именно говорил Данте.

– Твоя семья мертва. – С нажимом произнес Хранитель Спокойный взгляд в ответ.

– Твоя жена и дочь погибли. – Уже мягче сказал Данте.

И снова ничего. Никакой реакции. Только слегка приподнятая бровь и, как всегда, насмешливый голос:

– Может, ты наконец-то прекратишь трясти меня за плечи, и мы пройдем в твой кабинет?

Гвен легонько отстранился. Данте пошел следом.

– Принеси мне рубашку, – мрачно кинул он слуге.

Ситуация была пренеприятная. Гвендель, похоже, знал, что все погибли. Он просто сошел с ума. Не смог пережить потерю родных, подданных, за каждого из которых был в ответе, и города, который всегда был частью его души...

Или здесь что-то другое? Как бы то ни было, стоило попытаться сообщить ему. Или... наоборот – не стоило? Он такой довольный и счастливый, будто ничего не случилось... но это не могло продолжаться долго.

Данте очень хотел помочь своему другу, ведь не зря же он оказался с ним рядом в это тяжелое время. В глубине души Гвен наверняка знает, что кроме старого товарища в этом мире у него никого больше не осталось.

Правда, пока не понятно было, как действовать. Можно для начала просто продолжить радоваться, что единственным выжившем в славном городе Флаверн оказался именно Гвендель Энироуз Ланти Кроус.

– Знаешь, у меня в кабинете все еще стоит бочонок твоего

вина с нашей последней встречи. – Сказал Хранитель, стараясь говорить в своей обычной манере. – Иногда я пытался напоить им посетителей, которые мне не нравились. Но там еще много осталось. Даже слишком.

– Это прекрасная новость. – Удовлетворенно улыбнулся Гвен, показав белые зубы.

Улыбка, которой не должно было существовать в природе. Один большой самообман.

День удивительных новостей

Несмотря на утро, в таверне было полно народу, и стоял страшный гомон. Даже для Ашера это было слишком. Не выспавшийся из-за ночного приключения Марко недовольно поморщился и покосился на Джениуса. Тот аж посерел. Он в принципе не любил скопления людей, если был трезв.

– Видимо, что-то случилось. – Предположил Маркус. – Может, новости о повстанцах?

– О каких повстанцах, Одуванчик? – угрюмо поинтересовалась Лина-Лин. – О тех, которые все погибли?

– Вы слышали? Слышали?! – к ним подбежала совершенно ошалелая Джулия. – Конец света!

– Тоже мне новости... – пожал плечами Джениус.

Похоже, для него это было недостаточной причиной для омерзительного шумного утреннего сборища.

– Что случилось? – нахмурилась Лина-Лин.

– Конец света решил начаться в пяти днях пути отсюда. Город Флаверн целиком уничтожен ураганом. – Возбужденно рассказывала Рыжая. – В живых ни осталось ни одного жителя, все-все-все мертвы.

«Слава Творцу, что это случилось не с нами», – мелькнула у Марко малодушная мысль. И он недовольно ее прогнал.

Про конец света или что-то в этом роде Хранитель Данте уже рассказывал им. Собственно, Шенен, как понял Мар-

ко, являлся ключом к предотвращению подобных событий. Знать бы еще, каким таким образом...

Теперь Марко разбирал в общем гуле слова «ураган», «погибшие», «конец». Лина-Лин смахнула слезу. Может, у нее были знакомые в Флаверне. Джениус посерел еще сильнее.

– Четыре Правителя города Флаверна и их семьи тоже мертвы, провинции остались без хозяев. – Все тараторила Рыжая сволочь. – Люди говорят, если стихия взбушевалась так близко, где гарантия, что завтра Ашер не рассыплется, как карточный домик.

– Больше похоже на магию, чем на стихию. – Спокойно проговорила Лина-Лин, слез больше не было.

Может оно и так. Надо спросить у Хранителя Данте.

Рядом бесшумно возник Шенен. Он вышел из комнаты чуть позже, потому что утром никак не мог справиться со своим гардеробом, все время надевал что-то наизнанку или застегивался не на ту пуговицу, и Марко пожалел, что подобрал для него такое изысканное одеяние.

Шенену оказалось достаточно окинуть взглядом толпу и уловить пару слов, чтобы понять, что произошло.

– Огромное зло случилось в мире, – просто констатировал он, глядя куда-то на деревянные бочки с вином.

– Ты так спокоен. Где же твое хваленое милосердие? – упрекнула его Лина-Лин.

– Нельзя быть милосердным к мертвым, – шелестящим как ветерок голосом ответил их подопечный. – Я бы сделал

все, чтобы их спасти, но зло уже свершилось, смерть вступила в свои права и нет смысла оглядываться назад.

Окинув взором примолкших товарищей, он добавил:

– Я бы съел немного свежих овощей и вареного картофеля, а вы?

– Как ты можешь думать о еде в такой момент? – покачала головой Джулия. – Вот я сейчас иду на площадь, там собираются плакальщицы со всего города, чтобы омыть слезами сотни загубленных душ. Я даже купила специально для этого случая траурное платье. Правда, я в нем чертовски хороша?

И она покрутилась перед друзьями, демонстрируя кружевное черное платье с глубоким декольте и приспущенными плечами.

– А это шляпка с траурной вуалью, – она взяла со стола изящный головной убор. – Как думаете – лучше на правый бок или на левый?

– Честно говоря, плакальщица из тебя так себе... – вздохнул Марко.

Ему фантазия до сих пор рисовала умирающих под обломками зданий людей, крики, матерей, прикрывающих детей. А еще тех, кто оказался заживо погребенными под рухнувшими домами. Раненные, придавленные камнями и балками, рыдающие и молящие о помощи. Которая не придет, потому что все мертвы. Человеческая плоть так хрупка...

– Что-то мне подсказывает, без вмешательства темных сил не обошлось. – Буднично проговорила Лина-Лин. – Вой-

на идет не только между Королевской семьей и повстанцами, но и между Светом и Тьмой. Вы видели, как изменила Нинель наших ночных гостей. Она дала им веру, способности, силу Нави. И это всего лишь горстка придурков. А если бы в ее руки попали бы по-настоящему мощные маги или ведьмы? Возможно, гибель Флаверна и есть результат взаимодействия темной силы и природного магического таланта.

Марко посмотрел на Лину-Лин – спокойная, рассудительная. И мыслит более чем здраво. Похоже, в Ордене от нее действительно есть прок. Видимо, только перед ними она предстает взбалмошной, капризной, пьющей и вечно всем недовольной.

Лина-Лин подошла к бочкам и, не дожидаясь помощи трактирщика, налила себе кружку вина. Потом еще одну.

– Чтобы не ходить два раза, – невозмутимо ответила она на недоуменные взгляды и пошла за столик.

– Я здесь сижу. – Сказала она двум здоровякам. – Двигайтесь. А если вам не нравится – сейчас мой брат вам всем начистит репу.

Джениус закатил глаза к небу и апатично потянулся к мечу, но ребята только усмехнулись наглости девчонки и действительно подвинулись.

Джулия упорхнула плакать на площадь, плавно покачивая бедрами по дороге. Марко и Джениус взяли еды, Шенен, как и собирался, какой-то вареной дрянью, а Лина-Лин мрачно и молчаливо хлебала свое вино. Это был ее завтрак. Видимо,

так выражалась ее скорбь по погибшему городу Флаверну.

– Надо валить отсюда. – Жуя кусок мяса, заметил Джениус. – Слуги Тьмы знают, где мы, и в любой момент могут снова наведаться за нашим голубоглазым красавчиком.

– Спасибо, очень приятно. – С отстраненной вежливостью отозвался на «красавчика» Шенен.

– Сейчас нас довольно сложно вычислить здесь. – Уже довольно бодрим от вина голосом сказала Лина-Лин. – В таверне много народу, и все они очень взбудоражены, здесь полно эмоций, кругом яркие пятна. Сияние Шенена теряется. Пока новость о Флаверне свежая и убийственная, мы можем раствориться в любой толпе.

– Значит, пока что Шенена могут вычислить разве что по его прекрасным голубым глазам... – задумчиво протянул Марко, и снова вспомнил свой сон, где эти глаза были еще более голубые, настолько, что невозможно было в них смотреть.

– Спасибо, очень приятно, – чуть погодя отозвался Шенен, видимо после некоторого мыслительного процесса решив, что прекрасные глаза – это тоже комплимент.

– Со слугами Тьмы все более-менее понятно, – снова заговорил Джен, – они просто могут в любой момент возникнуть ниоткуда и прикончить нас. Но нам так же необходимо разузнать обстановку с королевскими войсками и Серыми Мастерами.

– Идем на ярмарку. – Резко встала Лина-Лин и залпом

допила последний глоток. – Во-первых, там всегда какофония эмоций, а, во-вторых, местная шушера не оставит незамеченным прибытие официальных лиц.

И снова она была права.

Они поднялись. Джениус помог Шенену справиться с застежкой плаща. Тот просто стоял смирно. Кажется, он начал привыкать к опеке. Это еще ничего. Утром Марко с Лина-Лин наблюдали, как их суровый Лапуля учит Шенена шнуровать ботинки. В конце концов, Джен матюгнулся, опустился на колени и зашнуровал их своему подопечному собственноручно. А потом раздраженно вышел, оставив Шенни самому возиться с надетой наизнанку рубашкой.

– Надень капюшон и старайся не поднимать глаз. – Кинул Марко на выходе из таверны, и они двинулись в сторону ярмарки.

Как они и ожидали, там наблюдалась чрезвычайная активность, и повсеместно были слышны разговоры о конце света.

– Вон те бродяги, – с неприязнью проговорил Марко, увидев нищих, что указали им, где искать Шенена.

Не было только Ворсистого – того, кто и рассказал им историю Святоши. Марко запомнил этого болтливого нищего из-за странной клички.

– Лина-Лин, оставайся с Шененом, послушай разговоры в толпе. – Распорядился брат. – А мы пойдем к тем отбросам.

Сегодня у бродяг был неплохой день. В преддверии конца света, горожане активно подавали милостыню, пытаясь раз-

добрить небеса.

– Мы не нашли человека, которого искали. – Начал Марко, едва приблизившись к ним. Нам нужно больше сведений.

При их появлении нищие сжались и притихли. Даже наглый детина, который в прошлый раз сыпал сомнительными остротами, потупился и чуть загородил свою подругу – Королевишну, будто пытаясь защитить от них.

– Мы вас не тронем, нужны вы больно, – презрительно кинул Джен.

– Ага, тот тоже так говорил. – Недовольно и при этом со страхом в голосе проронила женщина в цветастых тряпках.

– Кто это – тот? – тут же напрягся Марко.

Тишина в ответ. И потупленные взгляды.

Джениус достал кошель, и мелкие монетки одна за другой посыпались в ноги бродягам. Вопреки обыкновению, они не кинулись их поднимать, только молча смотрели, как мелочь сыпалась в пыль. К счастью, нагловатый юнец, видимо в отсутствие Ворсистого он был главный, все же не выдержал. Он сделал жест, и нищие, все еще нерешительно, стали собирать мелочь.

– Приходил тут один... – неохотно начал оборванный юноша, так и не перестав загораживать Королевишну, – тощий, чернявый, бледный. Еще все время кашлял.

Женщина в цветных тряпках прокричала:

– Мы думали и силенок в нем на пару вздохов только...

Молодой нищий продолжил:

– Чужак спрашивал про Святошу. Сказал «я ищу своего врага». Так прямо и сказал. Щедро заплатил. Ворсистый ему все выложил, как и вам. Только вот, чтобы угодить этому вельможе, добавил описаний, как Святошу били, издевались над ним, унижали. . .

– А глаза у чужака так и горели, когда он это слушал. – Вновь встряла женщина в тряпках.

– Ага, – кивнул молодчик. – Мы еще подумали – никак доплатит Ворсистому за такой приятный рассказ.

– Он и доплатил. – Тускло встала Королевишна.

– Все внимательно выслушал, расспросил, а потом попросил повторить, как Святоше в первые дни знакомства темную устроили, чтобы подаяния отобрать. – Юнец замолчал, видимо тоже не без удовольствия вспоминая этот момент, и продолжил. – Ворсистый с радостью принялся рассказывать – он ведь и сам там участвовал. И тут посередине рассказа чужак так проникся жаждой крови, что с силой ударил беднягу в грудь. А потом. . . несколько быстрых, почти незаметных ударов и вот уже наш Ворсистый лежит на земле и кашляет кровью.

– Вельможа этот только выглядел слабым и болезненным. – Пояснила Королевишна. – А на самом деле оказался воином.

Юнец чуть глянул на Королевишну и закончил свою историю:

– А потом он буквально за минуту и с явным удовольстви-

ем забил Ворсистого ногами до смерти. И никто даже не шелохнулся. Потому что все видели – один такой с легкостью справится с десятком. Да и слуги его стояли в отдалении...

Тетка в цветных тряпках всхлипнула и высморкалась.

– А потом... – с трудом произнесла она. – Чужак достал богато украшенный кошель, вытащил пару золотых монет и с усмешкой кинул на грудь мертвому. Изверг чертов.

Последнюю фразу женщина прошептала с ненавистью.

Марко и Джениус переглянулись.

Лионель был здесь. Да, к тому же, вел себя очень странно. Неужто так сильна была в нем ненависть к Шенену? Он ведь даже не видел его ни разу. Ведь не видел же?..

– Что вы сказали этому человеку про нас? – задал вопрос Джен.

Тишина в ответ.

– Перестаньте, – поморщился Марко, – мы вас не осуждаем. Просто расскажите, что именно.

– Описали вас, как могли. – Пожал плечами юнец. – Скажи, что вы тоже Святошу искали.

– Ясно. – Кивнул Джен.

– Мы сожалеем о вашей потере, – зачем-то сказал Марко и тут же поймал недоуменный взгляд Джениуса.

Юнец кивнул и с силой дернул за рукав свою Королевишну.

– Говорил я, от твоего Святоши только бед ждать можно.

А она отвернулась от него и посмотрела прямо в глаза

Марко.

– И все же он хороший. – Почти прошептала она. – Самый лучший...

Ее молодчик аж покраснел от злости с таких слов.

– Дура! Да какой же он хороший? Ворсистый умер из-за него!

Королевишна упрямо покачала головой.

– Ворсистый умер из-за того, что причинил ему зло. – И снова девушка смотрела на Марко и обращалась только к нему. – Чужак не враг Святоше. Он мстил за него таким образом. Нам всем.

– Полоумная баба! Что ты несешь?! – прошипел юнец.

Марко тронул напарника за плечо, и они отошли, не слушая брани и возни за спиной.

– Странно все это... – задумчиво протянул Марко.

– Меня больше беспокоит другое. – Прервал его размышления Джен. – Узнал ли нас Лионель по описанию? Вспомнил ли троицу из таверны? Спасибо сестренке, она даже сказала ему, куда мы едем.

Да уж, ситуация складывалась прескверно. Хотелось поговорить с Хранителем Данте, но сейчас было не время и не место отключаться.

Лина-Лин возле палаточки с леденцами всюду флиртовала с каким-то здоровенным мужиком. Марко был уверен, что если ей сказать о ее непристойном поведении, она с возмущением ответит, что добывала нужные сведения. Шенен

сосредоточенно сосал леденец в стороне. Капюшон надежно прикрывал голубые глаза. Марко поймал себя на мысли, что умиляется его по-детски трогательным видом.

Джениус подошел к сестре и бесцеремонно оттащил ее от здорового детины, окинув его таким взглядом, что тот невольно попятился и принялся бормотать извинения.

Вся их четверка уселась в стороне на гряде ящиков.

– Узнала что-нибудь? – грубо спросил Джен у сестры.

– О да. – Вздохнула она. – Серые Мастера подтягиваются со всего Великого Королевства. Как мы и предполагали, они сутками дежурят вдоль городских стен, где хоть как-то можно выбраться из города. И так как они толком не знают, кого ловить, некоторых голубоглазых и просто подозрительных предъявляют лично Мастеру Роланду Серебряному.

– А про Лионеля что говорят?

– Ничего. Если он здесь, то с неофициальным визитом.

– Маршал Лионель здесь, – вдруг заявил Шенен, оторвавшись от леденца. – Он и его небольшой отряд одеты не по форме, чтобы не привлекать внимание. В отличие от Серых Мастеров, отряд Лионеля довольно хорошо осведомлен о том, как именно выглядит Шенен... Как выгляжу я. Маршал отдал приказ – обязательно взять меня живым и невредимым. Они уже прочесали окраины и узнали, что я могу быть с двумя наемниками и молодым мальчиком. Или девочкой. Мнения расходятся, потому что Лина-Лин все время переодевается. Приметы моих спутников хорошо известны.

Он одним махом выдал все это абсолютно ровным тоном и вернулся к леденцу.

Марко недоуменно переглянулся со своими спутниками.

– Как ты узнал, Шенен? – Осторожно спросил Джениус.

– Я посмотрел, как Лина-Лин добывает сведения и тоже подошел к одному человеку. Я подумал, что про Маршала Лионеля лучше всего будет знать местный служащий королевской полиции.

– Чего?? – опешил Марко.

Видимо Лина-Лин была так занята "добыванием сведений", что вообще не следила за Шенни и даже не заметила, что их подопечный практически пошел сдаваться.

А голубоглазый, тем временем, продолжал:

– Так как, обращаясь к различным мужчинам, Лина-Лин улыбалась, сосала леденец и трогала себя за шею, волосы и другие части тела, я сделал вывод, что это специальные приемы и сделал так же.

Марко не знал начинать ему плакать или смеяться, представляя, как Шенен неумело заигрывает с полицейским.

Джениус ох как недобро посмотрел на сестру.

Лина-Лин упорно делала вид, что не при делах и сосредоточенно смотрела в сторону.

Шенен снова заговорил:

– Я начал разговор с человеком в форме. Сначала он мне тоже улыбался, но когда я прямо спросил его, что он знает о Маршале Лионеле, полицейский нахмурился. Я уже подумал

было, что он мне ничего не расскажет, а потом вдруг взгляд его изменился, и он спокойно рассказал все, что знает. А потом опять нахмурился и велел мне убираться, пока меня не кинули в тюрьму. Я поблагодарил его за ценные сведения, но судя по его ответу, он не помнил, чтобы что-то мне рассказывал.

– Ого... – протянул Марко

– Как ты это сделал, Шенен? – оживленно спросила Лина-Лин. – Сможешь повторить?

Их подопечный задумался ненадолго.

– Я ничего осознанно не делал. А, значит, и повторить не смогу. Только те приемы, которыми я научился у тебя.

– Это-то как раз повторять никогда не надо, – мрачно проговорил Джен, буравя сестренку взглядом.

– Ладно, что мы имеем? – перевел тему Марко. – Выйти из города мы не можем. Если будем сражаться – привлечем внимание всех, кого только можно. Наши приметы известны, приметы Шенни известны. И если даже не заглядывать в его божественно голубые глаза...

– Спасибо, очень приятно. – Тут же отреагировал вежливый Шенен.

– ...если не заглядывать в глаза, он все равно вроде как светится. И спрятать мы его можем только в толпе среди чужих эмоций.

– Значит, нам всего-то надо поселиться на ярмарочной площади, – улыbnулась Лина-Лин. – И сменить внешность.

– И как же ты намерена это сде...– Марко не договорил.

Ему в голову пришел ответ. Такой простой и внезапный, что он опешил и замолчал.

– Лина-Лин, надень мужскую одежду. Туда, куда мы пойдем не место женщинам.

Кошка презрительно фыркнула.

– Да я стою пятерых мужчин.

– Возможно. – Не стал спорить Марко. – Но сейчас ты должна стать мальчиком.

Заговор

– Ты проделал долгий путь... – осторожно начал Данте. – Я очень рад тебя видеть, но не понимаю, как ты смог отложить все управленческие дела и приехать...

– В славном городе Флаверне все под контролем, – отмахнулся Гвен, – я проснулся утром и понял, что не могу больше сидеть, сложа руки. Надо действовать.

После этих слов он счастливо улыбнулся и замахнул залпом полкубка своего любимого цветочного вина.

Верховный Хранитель не сразу понял, что его друг имеет в виду. А потом до него дошло.

– Гвендель, ты ведь понимаешь, как все это может обернуться? Чем тебе придется рисковать... – произнес Данте и осекся, вдруг четко осознав, что тот больше ничем не рискует.

Только вот он об этом вроде как не знает.

– Я понимаю. – Серьезно кивнул Правитель погибшего города. – За моими плечами целый Флаверн. Но какой смысл следить за клумбами родных улиц, высчитывать убыток от экспорта вина, благоустраивать тюрьмы, когда вокруг люди умирают от голода из-за огромных налогов, страдают от произвола королевских солдат, сотнями гибнут в правом восстании, горят на кострах Серых Мастеров. Я не призываю тебя помочь, но я должен хоть что-то начать делать, пока я

не перестал себя уважать.

Данте спокойно смотрел на друга. Который не призывает помочь. Зачем тогда пришел и говорит ему все это? Человек, которому нечего больше терять. А ведь у Верховного Хранителя целый Орден за плечами. А так же все Великое Королевство. И весь мир... который медленно, но верно пытается поглотить Тьма.

– Чем я могу помочь тебе, Гвендель Энироуз?

– Я слышал, у Ордена есть артефакт. – Гвен заговорил демонстративно заговорщицким голосом. – "Облако пыли". Знаешь такой?

Разумеется, Данте знал. Это была одна из опаснейших вещей. "Облако пыли" могло полностью скрыть следы присутствия магии.

Его изъяли у одного колдуна, который тридцать лет создавал с помощью чар уродов и мутантов, обреченных на муки и нескончаемую агонию. Его искали все – и Орден, и Серые Мастера и королевская полиция, но никак не могли найти.

Нарушителя быстро вычислили бы, ведь магия всегда оставляет следы, которые не сложно почувствовать при должном настрое. Но с помощью артефакта колдун скрыл само наличие магии. Даже существа, которых он плодил, первое время считались роковыми созданиями природы.

Когда его все же схватили, колдун объяснил свою деятельность тем, что пытался создать идеальное творение, некое живое существо, во всем превосходящее человека.

Ох, сколько их было, сумасшедших мечтателей, которые грезили идеалом. И хорошо, когда они рождались художниками или музыкантами, а не магами и алхимиками.

Верховный Хранитель слегка улыбнулся другу.

– Гвен, ты вообще понимаешь, о чем просишь?

– О да. – Правитель погибшего города улыбнулся в ответ. – Едва ли я смог бы обратиться с такой просьбой к кому-нибудь другому.

– Разумеется, не смог бы, "Облако пыли" есть только у меня. – Рассудил Данте. – Оно способно полностью скрыть все следы магического воздействия. Но разве я могу допустить, чтобы ты творил магию во зло?

– Ни один человек не погибнет. – Твердо проговорил Гвен. – Я лично поклялся себе в этом.

Хранитель глянул недоверчиво.

– Тогда как ты собираешься бороться с Королем и Серыми Мастерами?

Гвен хитро улыбнулся.

– Это будет долгая многоходовая игра. Надо подорвать их авторитет в народе, ослабить влияние, власть и хотя бы слегка опустошить кошельки. А деньги раздать семьям погибших повстанцев. А потом колесо закрутится само-собой, и, тем или иным способом, Король будет свергнут. А Серые Мастера потеряют свои полномочия сжигать людей налево и направо.

– Слишком уж все у тебя просто.

Похоже, друг во всем слегка повредился умом, раз соби-
рался в одиночку бороться с устоявшейся многовековой си-
стемой.

– О нет, не просто. – Покачал он головой. – Говорю же,
на это надо время. Может быть несколько месяцев, скорее
даже лет, может десятилетий. Я только начну дело, а потом
найдутся последователи.

– Уверен?

– Обязательно найдутся. А я с чистой совестью вернусь к
своим делам в Флаверн.

– Ну да... – вздохнул Данте и снова не выдержал, – только
вот нет больше никакого Флаверна...

– Так ты дашь мне артефакт?

Не слышит. Хранитель пристально посмотрел другу в гла-
за.

– Ты же понимаешь, что Орден запрещает выносить арте-
факты из Хранилища.

Гвен небрежно пожал плечами.

– Ты же глава Ордена и можешь делать, что хочешь.

– Действительно, – усмехнулся Данте.

Он уже забыл, когда в последний раз делал, что хочет. Вся
жизнь его была посвящена служению Ордену. Только одна-
жды он почти потерял голову. И ничем хорошим это не кон-
чилось. Перед глазами снова встала его девочка, заплакан-
ная, с потухшими глазами, молчаливая. Но не зря же все бы-
ло... Данте вспомнил ее смеющуюся и пьющую вино из гор-

ла. Вспомнил, как она считала веснушки у него на плечах и насчитала двести шестнадцать.

"Мне не нравятся веснушки" – сказал он ей.

Она состроила кислую мордашку и ответила недовольно:

"Может, веснушкам ты тоже не нравишься".

Кошка часто тогда говорила, что никогда не была так счастлива. А когда все закончилось, она говорила, что ей никогда не было так больно. Сможет ли она когда-нибудь его простить?

– Прости. – Это был голос Гвена, выведший Данте из задумчивости.

– За что? – Рассеянно спросил он.

Друг нарочито виновато потупил глаза.

– Я прочитал твои мысли. И, кажется, случайно узнал твою самую заветную тайну.

Вот это было неожиданно. Хотя, Гвена, разумеется, никогда не волновали вопросы личного пространства. Хранитель нахмурился.

– Не ты ли еще десять лет назад обещал мне так не делать?

– Я же извинился. – Невинно посмотрел на него Гвендель. – Значит, Кошка? Я помню, ты искал какую-то кошку. И, видимо, нашел.

– Пообещай, что больше не будешь лезть мне в голову. – Данте все еще был немного раздражен.

– Не будь занудой, я уже дал тебе обещание десять лет назад.

– И с тех пор неоднократно его нарушил.

– Так пожертвуешь мне "Пыль"?

– Гвендель, я не могу тебе вот так просто дать ценный артефакт, обладающий...

– Давай пропустим часть твоего монолога, где ты предаешься занудству, и перейдем к той части, где ты соглашаешься дать мне этот ценный артефакт.

Данте не смог сдержать улыбки. Человек, которого он еще утром считал мертвым, сидел напротив него и, по обыкновению, хамил.

– У меня нет "Пыли". – Признался Хранитель. – Она не в этом Хранилище.

– То есть ты уже согласен отдать мне ее, – тут же сделал вывод Гвен, – только надо забрать ее из другого Хранилища.

– Ты сможешь пользоваться им только в моем присутствии. – Сдался Данте, хотя и произнес эту фразу максимально строго. – Через два дня я еду на ежегодную неделю Ордена. В подвалах замка Иллингтон на берегу моря лежит твоя "Пыль". И ради тебя мне придется выкрасть артефакт у собственного Ордена.

Гвен торжественно приподнял кубок, видимо, празднуя свою победу.

– Я еду с тобой. Мы так давно не путешествовали вместе. На губах Данте мелькнула грустная улыбка.

– Боюсь, это будет наискучнеее из наших путешествий. Чинная колонна служителей Ордена, и я в окружении охра-

ны.

– Скучная у тебя жизнь, – покачал головой Гвен.

– Ну почему, есть в ней и веселые моменты. – Вздохнул Верховный Хранитель. – Видел бы ты мой головной убор для торжественных Церемоний.

– Вот за него мы и выпьем! – радостно поднял кубок Гвен.

– Ты всегда так красноречив в своих тостах.

– А ты долгов и скучен.

– Ты любишь мои тосты, – убедительно проговорил Хранитель, – все любят мои тосты.

– Ну за твои тосты! – торжественно провозгласил его друг и допил уже, наверное, пятнадцатый кубок сладкой цветочной дряни.

Приют комедиантов

Был уже вечер, по-осеннему печальный и промозглый. Жизнь на ярмарке перестала бить ключом, гуляки переместились в теплые помещения. Лина-Лин и все остальные шли, стараясь не привлекать внимания, Шенен совсем исчез за своим капюшоном.

Марко был молчалив и сосредоточен. Он нервничал, и Лина-Лин догадалась, что ему предстоит встреча с прошлым.

Судя по тому, как ее друг глубоко вдохнул и медленно выдохнул, его просто переполняли эмоции.

На широкой лужайке недалеко от центра ярмарки стояли две большие повозки, к дереву были привязаны несколько осликов. Костер, запах еды и четыре мужчины у огня. Они смеялись и передавали друг-другу увесистую флягу.

Завидев силуэты чужаков в сумерках, ребята замолчали и уставились на них. Не испуганно, скорее с легкой насмешкой и молчаливым вопросом "Чего надо?"

– Здравствуй, Фридрих. – Глухо проговорил Марко. – Это я.

Мужчина с бородой, достойной короля, на вид сильно за сорок, неспешно поднялся, сделал шаг вперед.

– О, Творец! – воскликнул он в замешательстве. – Маркус, ты ли это?

– Нет, нет и еще раз нет! – очень эмоционально воскликнул тонкий молодой парнишка с длинными светлыми волосами. – Я не на секунду не поверю в это!

– Это я, Анри. – Грустно улыбнулся Марко. – И я очень скучал по вам всем.

Человек с густой бородой, которого Одуванчик назвал Фридрихом, сделал еще один слегка нерешительный шаг и потом порывисто, и крепко сжал Марко в объятьях.

Странный паренек с длинными волосами, Анри, как-то резко вскочил и тоже обнял Одуванчика, ненавязчиво оттесняя его от Фридриха. Лина-Лин услышала громкий всхлип и увидела, что по лицу Анри текут слезы.

Кто все эти люди и что вообще здесь происходит? Она посмотрела на брата, но тот тоже явно ничего не понимал. Похоже на воссоединение семьи...

– Мердок! – тихо позвал Марко еще одного мужчину, мягко отстраняясь от длинноволосого молодого человека. Тот, кого он звал, сидел спиной вполоборота и курил угрожающего вида самокрутку. Вместо того, чтобы откликнуться на зов, мужчина с острой черной бородкой еще больше повернулся спиной.

– Я один не знаю, кто это такой? – спросил четвертый незнакомец.

Чернявый, с мужественными чертами лица, он был настоящий красавчик.

– Это Джонни. Новый член труппы, – представил Фри-

дрых последнего, – а это Маркус, старый член труппы.

– Что? – вырвалось у Джениуса, – ты актер???

– Актер – это слишком громко сказано, – начал юлить Марко. – В моем случае, скорее...

– Маркус – актер, – твердо перебил его Фридрих, – и один из лучших. В свою труппу я никогда не брал абы кого.

– Да, это так! – все еще всхлипывая воскликнул Анри. – Видели бы вы его в роли Минервы!

– Минервы?? – Лапуля крайне озадаченно уставился на Одуванчика.

Лина-Лин не выдержала и захихикала, представив себе эту небритую морду в роли прекрасной древней богини, разодетой в струящиеся одежды.

Шенен слегка склонил голову набок, силясь хоть что-то понять.

– Никак не разберусь в именах, – сказал он, – мне казалось, Минерва – это женское имя.

Фридрих окинул Шенена внимательным взглядом.

– Это женское имя, голубоглазый юноша, – театрально поклонившись, изрек Фридрих, – но испокон веков все роли в театре исполняют мужчины, потому что женщинам нет места на священных подмостках сцены.

– Анри всегда играет женские роли. – Марко указал на длинноволосого юношу и тот в ответ послал ему воздушный поцелуй. – Я всегда играл мужчин, но однажды нам потребовались две женские героини.

Марко тяжело вздохнул.

– Это великое искусство, – Фридрих положил руку Марко на плечо, – сыграть на сцене такие черты характера, которых нет в тебе.

– Видимо, все же есть... – едва заметно буркнул Джениус.

Человек, сидящий спиной все это время, наконец-то встал и повернулся ко всем лицом.

Лина-Лин решила, что у него довольно странная внешность. Черные брови выгнуты, будто он презирает весь мир, черные глаза смотрят исподлобья. В острой темной бородке отчетливо видна белая прядь. Кажется, Одуванчик называл его Мердок.

– Мы очень ценили Маркуса за его актерскую игру, – вкрадчиво произнес этот человек и по очереди окинул своим суровым взглядом Лину-Лин, Лапулю и Шенена. – Мы ценили его и за многие другие качества. Вам, чужаки, сложно будет это понять, но все мы были как одна семья...

Ну почему же сложно? Лина-Лин прекрасно это понимала. Пожалуй, сейчас она чувствовала то же самое не только к Лапуле, но и к Марко, и к наивному чертовски странному Шенену и даже к Джулии, которая так и не появилась больше. И Кошкина привязанность делала всех этих людей уязвимыми для Проклятья...

– Маркус был с нами два года. – Мягко, но как-то зловеще продолжал Мердок. – А потом он ушел. Точнее, исчез, не сказав ни слова.

– Мы думали, ты мертв, Маркус. – Опять всхлипнул Анри. – Думали, никогда тебя не увидим.

– Анри рыдал еще две недели после твоего ухода. – С легкой грустью добавил Фридрих.

В свете костра Кошка обратила внимание, как благородно выглядят черты лица руководителя труппы. Взгляд карих глаз живой и выразительный, даже морщинки не портили лицо, а только предавали ему еще больше мудрости и величия.

– Простите меня. – У Марко, по крайней мере Лине-Лин так показалось, на щеке блеснула слеза. – Я не мог по-другому, мне нужно было...

– Да заканчивайте же вы ваш гребаный актерский балаган! – не выдержал Лапуля. – Марко, просто скажи им, что нам от них надо. А если они не согласны, давай уьем их и пойдем отсюда!

Лина-Лин попыталась ненавязчиво пнуть брата и ткнуть локтем в бок, но все присутствующие уже повернули к Джениу озадаченные лица.

– Познакомьтесь, это мой друг Джениус, – уже довольно спокойным голосом объявил Марко. – Рядом наш приятель Шенен и Ли...

Он запнулся, вспомнив, что на Лине-Лин надета мужская одежда.

– Ли. Этого мальчика зовут Ли. – Неуверенно закончил Одуванчик.

– Но он не похож на ребенка с востока... – озадаченно

потер подбородок Фридрих.

Руководитель труппы так пристально разглядывал ее, что Лине-Лин захотелось куда-нибудь спрятаться. Да уж, она обычно представлялась разными именами, когда ей приходилось бывать в мужских платьях, но не такими идиотскими.

Немного вперед выступил Джениус.

– Это мой брат. И если уж вам так интересно, я объясню, почему его так зовут. Свое имя он получил неспроста. Наша мать, когда носила ребенка в утробе, была спасена от изнасилования неким слугой по имени Ли. Он проходил мимо и запросто уделал пятерых насильников, напавших на мать. Думаю, всем понятно теперь, почему братишку зовут Ли?

Последний вопрос был произнесен с плохо скрываемым раздражением.

Лина-Лин и не знала, что у Лапули есть что-то, похожее на фантазию. Ей аж самой понравилось ее новое имя.

– Так что вам надо от нас? – Снова вкрадчиво и недружелюбно произнес Мердок. – Я не думаю, что Маркус пришел просто повидаться.

– Фридрих, я прошу тебя о помощи. – Начал Одуванчик. – Ты уже спрятал меня однажды, теперь мне надо спрятать моих друзей. Мы все согласны играть в твоих представлениях...

При этих словах Лина-Лин покосилась на брата. Ей показалось, что глаз у Лапули нервно подергивается. Но, к счастью, он стоически промолчал.

– Деньги за спектакли нам не нужны. – Добавил Марко. – Нам надо на несколько дней или недель затеряться в толпе, в чужих эмоциях, стать другими людьми... Трудно объяснить.

– Что же, уличный балаганчик – прекрасное для этого место, – хмыкнул Фридрих. – Ты, видимо, помнишь мою слабость к постановкам на много героев. И знаешь, что мы не можем позволить себе им платить... Я готов принять вас при условии, что вы никуда не денетесь, пока мы не отрепетируем и не поставим пьесу, о которой я давно мечтал. А пока будете играть с нами в пошлых комедиях и грошовых драмах. Будем развлекать толпу. Потому что нам, в отличие от вас, деньги как раз-таки нужны.

Режиссер повернулся к Лине-Лин, Джену и Шенену.

– Балаганчик "Зеленый гусь" к вашим услугам! – шутливо поклонился он

– Роли героев-любовников мои! – весело кинул красавчик у костра по имени Джонни.

Фридрих смерил взглядом симпатягу, потом Одуванчика.

– Да, справедливо. – Согласился он. – Джонни уже год с нами, а Маркус только что свалился на голову. Мы вставим вас всех в завтрашнюю комедию "В покоях знатной дамы".

– Я играю леди Анжелику! – гордо объявил Анри и изящным движением откинул волосы со лба. – Фридрих – мой рогатый муж. Джонни и Мердок – любовники, которые не знают друг о друге.

– Маркус, ты будешь кухаркой. – Объявил Фридрих. – Да

вы присаживайтесь все у костра. Может, выпьете с нами? Мне нужно вас посмотреть, прослушать.

Лина-Лин присела на бревно, приняла флягу из рук Мердока, сделала глоток.

– Джениус, ты разрешаешь своему братишке пить? – улыбнулся Джонни.

– Да он с детства сосал бутылочку с ромом вместо молока, – кисло отозвался Джен, окинув Кошку презрительным взглядом.

– Фридрих, я мог бы сыграть подругу или горничную леди Анжелики. – Предложила Лина-Лин.

По правде сказать, ей уже хотелось главную женскую роль, цветы и записки от поклонников, но она понимала, что не все сразу.

– Нет. – Отрезал Фридрих. – Для женской роли ты не годишься.

Марко и Джен так и прыснули со смеху. Потом Одуванчик закашлялся, чтобы не привлекать внимание неуместной реакцией, а Лапуля просто резко перестал ржать и надел на себя свое обычное мрачное выражение лица. Придурки, что тут поделаешь...

– Ты, Ли, – после нескольких секунд раздумий продолжил Фридрих, – будешь играть слугу Мердока, мальчишку на побегушках. Твоя задача – реалистично реагировать на пинки и затрещины хозяина и быстро и услужливо перемещаться по сцене.

Лиана-Лин уныло кивнула. Брат и Одуванчик снова давились смехом. Да, похоже, не видать ей записок от поклонников... Ладно, знали бы эти актеры, что она девочка, и не видать ей даже этой роли. Женщинам не место, бла-бла-бла... Она в сердцах сплюнула в костер. Сносить пинки и затрещины. Реалистично. Да уж.

– Джениус, у тебя очень яркая внешность. – Переключился Фридрих. – Будь добр, повтори пару фраз. Вот, например. Воскликни в восторге: "Твоя красота сводит меня с ума!"

– Твоя красота сводит меня с ума... – сквозь зубы процедил Джен.

Лиана-Лин, услышав такое признание, быстренько взяла бы ноги в руки и убежала бы бегом от такого воздыхателя.

– Хм. – Фридрих потер рукой подбородок. – А теперь скажи расстроено "Мне не жить без тебя, любимая!"

– Мне не жить без тебя, любимая... – произнес Лапуля с такой плохо скрываемой ненавистью, что сразу было понятно, что эта таинственная "любимая", к которой он обращался, прямо сейчас умрет в страшных муках от его рук.

– Мердок, у тебя появился соперник. – Улыбнулся Фридрих. – Этот парень просто рожден для отрицательных ролей. Но так как в этой постановке таковых не имеется, ты, Джениус, будешь играть дерево.

Тут уж была очередь Кошки злорадно похихикать.

Фридрих, тем временем, объяснял:

– Твоя задача с раздраженным видом, какой у тебя, похо-

же, и так все время, скрывать любовников Анжелики за своими ветвями. Пару раз нужно будет врезать веткой то одному, то другому по голове.

– Ты только не увлекайся, – опасно произнес Джонни, осторожно ткнув пальцем в бугрящиеся под курткой Лапулины мускулы.

На лице Маркуса царило выражение абсолютного счастья. Видимо, он считал, что из его напарника получится великолепное дерево. Как минимум, не менее замечательное, чем из самого Одуванчика кухарка.

– Теперь ты, голубоглазый. – Продолжил Фридрих, с удовольствием вглядываясь в Шенена. – Твоя внешность абсолютно уникальна. Обе половины твоего лица выглядят абсолютно симметричными. Никаких искажений или недостатков. Ты похож на древнюю статую. Твое лицо, к тому же, одинаково красиво и для мужчины, и для женщины. Попробуй-ка сказать, наивно глядя мне в глаза: " Поверь, любовь моя, я никогда не смогла бы тебе изменить! "

Шенен повторил эту фразу своим обычным бесцветным голосом. Но при этом он так внимательно смотрел Фридриху в глаза, что, пожалуй, какую-нибудь бледную и чахоточную барышню он, может, и сыграл бы.

Попытав Шенена еще немного женскими и мужскими репликами и отрывками из спектаклей, Фридрих так и не нашел для него достойного места в пошлой комедии.

– Будешь статуей. – Вздохнул он. – Твоя задача стоять на

постаменте, менять позы, когда на тебя никто не смотрит, иногда делать вид, что подслушиваешь разговоры и периодически втихаря кидать в героев и зрителей всякие предметы.

– Зачем? – только поинтересовался Шенен.

– Затем, что это смешно. – Пожал плечами Марко.

– Все! – Фридрих довольно потер руки. – Уверен, получится просто уморительно. В обед мы уже сможем показать наше представление. Сейчас же приступим к репетиции.

– Но уже почти ночь, – недовольно отозвался Мердок.

– Ничего не поделать, мы должны ввести новых персонажей.

Фридрих хлопнул несколько раз в ладоши и крикнул:

– Все по местам, начинаем представление!

Все актеры лениво расползлись по сторонам. Уже через минуту их было не узнать. Перед Линой-Лин были совершенно другие люди, хотя они даже не сменили костюмы.

Анри ни один здравомыслящий человек не назвал бы женщиной. Это была красивая и распутная светская дама. Джонни стал настойчивым и непроходимо глупым кавалером. Мердок превратился в язвительного и напыщенного интеллектуала. Благородный Фридрих в этом представлении выглядел невероятно жалким и смешным обманутым мужем.

Лина-Лин была искренне поражена, когда на ее глазах в канву готового сюжета был легко вплетен персонаж Одуванчика. Презабавная сварливая горничная леди Анжелики во-

ривала вещи госпожи, дурила ее кавалеров, флиртовала с обманутым мужем, и все это рождалось прямо на ходу. Марко и правда играл великолепно, несколько раз даже Джениус улыбнулся его шуткам.

Спать легли далеко за полночь. Всю их четверку Фридрих уложил в повозке для костюмов и декораций. Было тесно и неудобно, зато тепло.

Лиана-Лин все время ворочалась и бурчала, что некоторым мужикам не мешало бы и помыться, чтобы не вонять на все и без того тесное помещение, но все они благополучно засыпали и не обращали на нее никакого внимания.

Только Шенен сидел на небольшом красном троне, сделанном для какого-то спектакля. Он выглядел святым на фоне позолоченного металлического солнца, украшающего спинку сидения для королей. Неземной взгляд голубых глаз соответствовал образу.

Лиана-Лин прищурила глаза, сосредоточилась на тонком мире и увидела, что сияние Шенена было сегодня не таким уж и ярким. Она подозревала, что на их подопечного так повлиял рассказ о том, как Лионель избил до смерти нищего.

Джениус и Марко рассказали ему все незадолго до сна. В основном для того, чтобы узнать, что за личные чувства может Маршал Лионель испытывать к Шенену. Но тот только покачал головой.

– Я не знаю, кто это. Или не помню. И ваше описание ни о чем мне не говорит.

Одуванчик и Лапуля переглянулись.

– Он так тебя ненавидит, – медленно произнес Джен, – что убил человека, который рассказал ему о тебе. Ворсистого. Убил его вместо тебя.

Шенен помолчал некоторое время, глядя в сторону.

– Нет, Джениус. – Качнул он головой. – Лионель убил его потому, что этот человек причинил мне зло. Это не менее отвратительный поступок. Но ведь и вы готовы с легкостью убивать ради меня, разве нет? Я не вижу разницы.

Последние фразы он произнес еще более холодным тоном, чем говорил обычно. Обвел лица друзей пристальным взглядом. Лина-Лин так и не научилась спокойно смотреть в эти невероятные глаза.

– Моя судьба не определена, – продолжил Шенен. – Я могу лишь теряться в догадках о своем происхождении и предназначении. Я встретил вас и решил пойти с вами. И я догадываюсь, что если бы я не пошел, вы забрали бы меня силой.

Вы рассказали, что меня ищут другие. Я не знаю почему. Я видел Слуг Тьмы, вы сражались с ними, вы не слышали, но они звали меня с собой. Я почувствовал, что не должен идти.

Я никогда не видел Маршала Лионеля, Мастера Роланда Серебряного. Я не знаю, что это за люди и что за человек Верховный Хранитель – тот, кому вы служите.

– Это замечательный человек. – Твердо сказала Лина-Лин. – Самый лучший.

Шенен склонил голову набок и тихо произнес:

– А ведь и Маршал Лионель и Мастер Роланд Серебряный для кого-то замечательные люди. Вопрос в том, кто они для меня. Я уйду, если пойму, что мне по пути с кем-то из них.

Не ожидавшие такого поворота событий, Одуванчик и Лапуля озадаченно переглянулись.

Джен как-то странно глянул на голубоглазого.

– И тебя не смущает, – проговорил брат медленно, – что Мастер Роланд Серебряный сотнями сжигает людей на костре? И то, что со времен назначения Лионеля Маршалом Великого Королевства не меньшее количество народа было казнено как государственные преступники? Ты же трясешься за каждую самую ничтожную жизнь.

Шенен едва заметно покачал головой.

– Не бывает ничтожных жизней, Джениус. Мне пока нечего тебе сказать, я должен увидеть сам, чтобы разобраться. Я мало знаю о мире, но успел понять, что иногда и зло несет за собой добро, а иногда наоборот.

Лиана-Лин в очередной раз заметила – когда Шенен долго что-то говорит, его хочется слушать и слушать, погрузиться полностью в этот спокойный голос, раствориться в его глазах.

– Надо выспаться перед представлением! – спохватился Марко и насмешливо улыбнулся – Завтра ваш первый выход на сцену, волнуетесь?

Да уж, может Лиана-Лин и волновалась бы, если бы у нее была приличная роль. Получать пинки и подзатыльники бы-

ло не так-то сложно, разве что унизительно. Она в очередной раз вздохнула и посмотрела на Лапулю.

Джен и так весь вечер метал в Одуванчика молнии глазами. Да, ее братец явно не был рожден для театра. Даже дерево получилось из него чрезвычайно нервное и агрессивное. К счастью, Фридриха это устраивало. Он сказал, что для комедии это самое то.

Только Шенен, кажется, был доволен. То есть, он как обычно не выражал никаких эмоций, но относился к роли очень серьезно, внимательно слушая все замечания режиссера.

– Нет, я не волнуюсь. – Ровно ответил Шенен на повисший в тишине вопрос Марко. – Я все делаю правильно, Фридрих мной доволен.

Отлично, он не волнуется. Интересно, он вообще умеет волноваться?

Сейчас Лина-Лин лежала между Лапулей и Одуванчиком, чтобы было теплей. К счастью, сегодня никто из них не храпел. Сверху она накрылась черно-красным театральным плащом. Засыпая, Марко еще пробурчал, что прекрасно сыграл роль визиря в этом плаще два года назад.

Шенен не двигался и, казалось, не дышал. Глаза были полуприкрыты. В общем, не смотря на толпу народа со всех сторон, Лина-Лин наконец-то почувствовала себя в одиночестве. Она позволила мыслям идти своим чередом и вскоре погрузилась в приятную негу воспоминаний о Данте.

Неделя Ордена ровно год назад. Ее уже посвятили в пятую ступень, и она проходила обучение в замке Иллингтон на берегу моря. По вечерам она вместе с другими посвященными приходила на праздник. Если Кошка была в церемониальном балахоне с капюшоном, то ей надлежало сидеть в длинной трибуне вместе с сотнями других Хранителей. Но стоило его не надеть, и она полностью была предоставлена сама себе – могла уйти за ограждение в толпу, бродить по ночной ярмарке, пить эль и горькую настойку и постоянно смотреть в сторону трибуны, где в самом центре на резном троне сидел Верховный Хранитель. На нем были длинные тяжелые одеяния и здоровенный белый головной убор, такой, чтобы точно уж всем было видно. Лина-Лин все время подшучивала над этой громадиной.

Данте чинно сидел на троне и благосклонно смотрел праздничные представления. Артистов приглашали со всего света, и там действительно было на что подивиться. Две сотни танцоров в экзотических восточных одеяниях, выполняющие движения абсолютно синхронно. Огненное шоу, которое вызывало в толпе вопли ужаса и восторга. И театр. Лучшие труппы мира показывали свои представления. Для них создавались огромные декорации, костюмы и прически были столь пышными, что невозможно было оторвать взгляд.

Это зачастую были сцены из истории Ордена или из жизни богини Онори. И зрители внимали каждому слову, рыдали и смеялись вместе с актерами. Лина-Лин обожала эти спек-

такли. Она уже тогда в тайне мечтала сыграть главную роль, не зная, что в театре не место женщинам.

Они обсуждали спектакли с Данте, гуляя по роскошному замковому саду, когда удавалось сбежать ото всех на десять минуток. Но даже тогда они шагали в полуметре друг от друга, хотя хотелось обняться до хруста костей.

Но Лина-Лин прекрасно понимала, что другие девушки из Ордена не простят ей излишнего расположения Хранителя. Да и мужчины все до одного осудят и никогда не будут считать ее достойной служения Ордену.

Так что эта прекрасная неделя была наполнена сладкими муками от того, что они так близко друг к другу и при этом так далеко.

Лина-Лин писала ему бесстыдные записки о том, чем конкретно она хотела бы сейчас с ним заняться и как. И издали наблюдала, как слуга приносит ему конверт, как Хранитель разворачивает его, начинает читать. И сначала пытается сохранять ровное выражение лица, будто ему принесли меню на обед для согласования, потом пытается подавить легкую улыбку. Под конец краска приливает к его лицу, он смеется, переполненный эмоциями. А потом ищет ее глазами. И она ловит его взгляд, полный такой страсти, что мурашки пробегают от головы до пяток с такой силой и скоростью, что она едва стоит на ногах.

Так они провели всю неделю, изводя друг-друга взглядами и словами. И в последнюю ночь Лина-Лин, стоя у окна

женской спальни, увидела, что у Данте в кабинете все еще горит свет, а, значит, он работает, не смотря на поздний час.

Все ее соратницы давно спали, и она подумала, что сможет улизнуть ненадолго. Кошка судорожно начала придумывать причину, по которой служащий пятой ступени может пойти ночью к самому Верховному Хранителю.

Он просил ее принести ему книгу, но она забыла сделать это днем? Срочные депеши на подпись? Она обнаружила ценный артефакт и ей необходимо лично сдать его Верховному Хранителю?

Лина-Лин вздохнула – все это было похоже на бред. Ничего такого, что не могло бы подождать до утра или что нельзя было бы передать через доверенного слугу.

Тем не менее, Кошка взяла в руки пару тяжелых фолиантов. Порывшись в своих вещах, нашла несколько свитков "на подпись". И, подумав, водрузила наверх пустую коробку, в которой, якобы, лежал некий бесценный артефакт.

И, чувствуя себя полной дурой, нагруженная весьма сомнительными оправданиями, она пошла через темные и сырые коридоры замка, дрожа от холода и в предвкушении встречи с возлюбленным.

Каждый скрип двери и отзвуки голосов заставляли ее вжиматься в стенку. Старые коридоры замка были продуваемы всеми ветрами насквозь. Но все же она дошла до заветного кабинета.

Робко постучав в дубовую дверь, она вошла и встала по-

среди комнаты, крепко сжимая в руках весь свой хлам. Она ждала, что Данте будет ругать ее за неосторожность и ласково, но непреклонно отправит ее обратно в свою спальню.

Хранитель поднял голову от письма, отложил перо и некоторое время молча смотрел на Кошку с легкой улыбкой, видно догадавшись, зачем она притащила все эти вещи. Потом встал, прошел мимо Лины-Лин и закрыл дверь кабинета на ключ.

Сердце Лины-Лин забилося в три раза быстрее, когда она услышала позвякивание ключа в замке. Книги, фолианты, коробка – все с грохотом упало на пол. Она кинулась в объятья Данте и губами впилась в его губы, вкладывая всю душу в этот поцелуй. Низ живота налился свинцовой тяжестью. Руки Данте были такими теплыми, что ей казалось, ее кожа тает от его прикосновений.

– Моя девочка... – шепнул он между поцелуями.

Это все, что он ее сказал. Лина-Лин обвинила его сначала одной ногой, потом второй, он подхватил ее под бедра и пересадил на огромный дубовый стол. С него что-то посыпалось, но никто не обратил на это внимания.

Все тело Лины-Лин дрожало от страсти, когда он задрал ее платье и тихо застонал, обнаружив, что под ним нет никакого белья...

Прошло совсем немного времени, прежде чем Лина-Лин, обессиленная и вся мокрая упала спиной на прохладную поверхность стола. Ее веки прикрылись, на губах появилась

легкая улыбка. Данте обошел стол, сел на свое место и кончиками пальцев провел по ее волосам.

– Что же мы с тобой творим? – с грустной улыбкой проговорил он.

Потом они думали, что же Кошке сказать, если кто-то увидит ее по дороге назад? Что в такой час она делала в кабинете Верховного Хранителя?

В конце концов, давась смехом, Данте сунул ей в руки те же самые фолианты, с которыми она пришла, свитки и пустую коробку. Потому что служителю пятой ступени все это срочно понадобилось в половине пятого утра.

А сверху он еще поставил пузырек с лекарством от головной боли. Ведь поэтому она и пришла к Хранителю так рано, не могла стерпеть боль, а он вчера обмолвился, что у него есть чудодейственное средство.

Лина-Лин выскользнула за дверь и на цыпочках стала пробираться в свое крыло, надеясь, что никому не придется слушать всю эту несусветную чушь.

И не успела Кошка заснуть, как над головой раздался бодрый голос Марко:

– Лина-Лин, Джен, вставайте! Фридрих зовет всех на репетицию!

Дорогой друг

Гвендель значительно скрасил Хранителю Данте долгую дорогу в замок Иллингтон... Он ехал рядом с ним, а еще с ними путешествовала бочка цветочного вина, которое они разливали в фляги для воды.

Так как Гвен периодически залазил в мысли Данте и не слишком-то это скрывал, Хранитель сам решил рассказать ему все. Разумеется, мысленно. Так было безопаснее и быстрее – долгие предложения можно было заменять картинками и образами.

Теперь друг знал про Шенена, про наемников и немного про Кошку. Данте действительно постарался раскрыть ему совсем немного.

– Вы еле ползете. – Покачал головой Гвендель и печально погладил гриву своего коня.

Скорость передвижения Орденской процессии его действительно раздражала.

– Нас пятьсот человек. – Напомнил Данте. – Мы не можем двигаться быстрее.

– Я имел в виду только тебя и твои двести шестнадцать веснушек. – Коварно улыбнулся Гвендель.

Хранитель выдержал паузу, смерил друга внимательным взглядом и вкрадчиво заговорил:

– У меня в Хранилище есть браслеты, которые почти

невозможно снять, если на тебя их надели. Они были созданы шесть веков назад для слишком любопытных магов. Для того, чтобы лишить их возможности читать чужие мысли.

Гвен демонстративно зевнул.

– Все это очень интересно, но к чему ты мне это рассказываешь?

– Да так. – Холодно отозвался Данте. – Для поддержания беседы.

Неожиданно Гвендель встрепенулся и резко повернулся к Хранителю.

– Знаешь что, у меня есть отличная идея!

– Нет, я не согласен. – Сразу же отозвался Данте, зная, что фраза об "отличной идее" из уст его дорогого друга не может предвещать ничего хорошего.

– Ночью мы незаметно возьмем у поваров удочки и пойдем на рыбалку! – выпалил Гвен.

И как же заманчиво прозвучало его предложение...

– Я не могу оставить процессию. – Против воли возразил Хранитель.

– Уверен, четыреста девяносто восемь человек сумеют сами позаботиться друг о друге.

Возможно, в этих словах была доля здравого смысла. И в три утра Данте открыл глаза и сел, будто и не засыпал вовсе. Он бесшумно вылез из своей утепленной палатки и огляделся по сторонам. Его личная охрана задремала у костра, и он тихонько скользнул мимо. В другой день Хранитель бы мяг-

ко разбудил их, чтобы им стало совестно, но сегодня их безответственность была ему на руку.

Стараясь не хрустеть ветками, Данте двинулся к лесному озерцу, и с радостью увидел, что Гвендель уже ждет его с дочками.

Тихо переговариваясь, они насадили наживки и сели перед отражающей свет луны водой. И замерли. Ничто так не завораживало Хранителя, как неподвижный поплавок на озерной глади. Не было больше ни холода, ни времени, ни недели Ордена, ни козней Тьмы, ни даже...

Они слишком поздно почувствовали движение за спиной и обернулись только на хруст ветки под чьей-то ногой. В полшаге от них неподвижно стояли три черных силуэта, укутанные в плащи. Данте с Гвенделем быстро откатились в разные стороны.

С досадой Хранитель вспомнил, что решил не брать с собой на рыбалку меч. А Гвен уже сжимал свое оружие, отличное из редкого темного металла.

В свете луны Данте смог внимательнее разглядеть неожиданных гостей и тут же понял, кто их прислал.

Под капюшонами поблескивали красноватые глаза. Вместо лиц виднелись вытянутые птичьи черепа с длинными клювами. Среди корявых лысых деревьев в слабом свете луны эти фигуры смотрелись крайне зловеще и не предвещали ничего хорошего. В опущенных руках поблескивали тонкие мечи, прикрытые складками плащей.

– Зачем вы пришли? – спросил Данте, поднимая с земли увесистую дубину.

Одна из птиц что-то сказала, было трудно разобрать, искаженная форма челюсти не позволяла этим существам говорить разборчиво. Потом и остальные птицеподобные начали произносить слова, хотя это было больше похоже на птичий клекот. С удивлением Данте обнаружил, что обращались они к Гвенделю, не к нему. С трудом он различил повторяющуюся фразу:

– Ты сам звал нас! Ты звал нас! Ты звал нас!

Брови Гвена удивленно взметнулись.

– Нет, птенчики, вы меня с кем-то путаете. Последняя, кого я звал во сне, имела крайне мало сходства с вами.

Воспользовавшись тем, что клювы обращены к его другу, Данте нанес очень быстрый, как ему показалось, удар. Но не успела дубина достигнуть цели, как четыре меча из шести отразили нападение, а еще два уже были осторожно направлены на Гвенделя. Черноволосый маг тоже сделал выпад, но его пресекли с молниеносной скоростью.

Тут Данте и понял, что имели в виду его наемники, когда рассказывали, что напавшие на них слуги Тьмы обладали колоссальной скоростью. И если уж им удалось их одолеть, то Хранитель явно не ошибся в выборе людей.

– Ты звал нас! – продолжали клекотать птицелюди в сторону Гвена. – За тобой должок!

– Должок! Должок! – заголосили они наперебой.

Данте снова напал, целясь одной из птиц в голову. В этот раз он даже не успел заметить, как его дубина оказалась на земле.

– Тебя не велено убивать. – Проклокотал самый крупный клюв с неким подобием насмешки. – Ты еще сослужишь свою службу нашей темной богине.

– А за тобой должок! – снова обратились птицы к Гвену.

И наперебой вреща: «Должок! Должок!», существа растворились в неизвестно откуда взявшемся дыме.

– Да не брал я ничего у вашей красотки Нинель, – беспечно пожал плечами Гвен и убрал меч в ножны. – Продолжим рыбалку? Как раз светает.

Но настроение ловить рыбу совершенно пропало. Хранитель пытался понять, что значит сегодняшней визит к Гвену, и было ясно как день, что у самого Гвена спрашивать бесполезно, так как это явно связано с погибшим городом.

Наиболее вероятной казалась версия о том, что Гвен, узнав про ураган и смерть семьи, обезумел от горя. И молил всех богов, чтобы они прекратили этот кошмар. Богиня Тьмы Нинель откликнулась и наложила заклятие забвения. А теперь требует расплаты. Интересно, в чем же эта расплата должна выражаться? Интересы Ордена и Нинель очень сильно расходятся, так что теперь нужно вдвойне внимательнее присматривать за Гвенем.

– Они приходили за тобой. – Сказал он другу, трогая его за плечо. – И если бы они напали, едва ли мы смогли отбиться

– эти пташки очень быстрые.

– Но они не собирались нападать. – С улыбкой кинул Гвендель. – Так, зашли поздороваться.

– Зачем слугам Тьмы здороваться с тобой?

– Не знаю, может потому, что я симпатичный?

Похоже, заклинание забвения сделало его беспечным, как в юности.

– Гвен, переночуй сегодня в моей палатке, мне так будет спокойней.

– Отлично, мне нравится твоя палатка, она такая теплая! – радостно согласился он. – И все эти одеяла, подушки. А ты где будешь ночевать?

– Вообще-то собирался там же... – Удивился Данте.

– Ааа, – с некоторым разочарованием протянул Гвен. – Нет, спасибо, я посплю у себя.

– Если вернуться слуги Тьмы... – начал Данте.

– У меня есть несколько весомых причин, по которым я категорически не могу спать с тобой в палатке. – Очень серьезно сказал Гвен. – Во-первых, я не хочу, чтобы ты видел, с какой прической я обычно просыпаюсь по утрам. А во-вторых, я люблю обниматься во сне.

Данте скривил губы в кислой улыбке.

– Спи, где хочешь, Гвен. Ты отвратителен. Но учти, проснуться в моей компании все же гораздо приятнее, чем в компании трех парней с птичьими черепами вместо голов.

Чинно пожелав Верховному Хранителю спокойной ночи,

Гвендель пошел в сторону своей палатки. А Данте следом отправил двух крепких служителей Ордена дежурить у входа и сообщать ему о любых происходящих в том районе странностях.

Когда утром он попросил охрану Гвена подробно отчитаться о дежурстве, ребята с очень серьезным видом сообщили, что господин Гвендель изволил петь утром романсы, и делал это весьма недурно. И что он очень долго расчесывал свои длинные волосы.

Хранитель, поблагодарил охрану за верную службу и отпустил отсыпаться в повозку. После чего все снова тронулись в неспешный путь.

В дороге Данте обдумывал, насколько удачным способом Марко и Джениус решили спрятать Шенена. Взвесив все за и против, он решил, что уличный балаганчик действительно весьма недурная затея. К тому же, эстетическое воспитание будет полезнее Шенену, чем шататься по грязным трактирам.

Интересно, кого играет Лина-Лин? Он представил ее в легких прозрачных шелках и тонкой диадеме, принцессой лесных эльфов... Длинные черные волосы развеваются на ветру, по губам блуждает загадочная улыбка...

– Да, выглядит просто прекрасно, – промурлыкал появившийся рядом Гвен. – Интересно, она хоть в половину хороша настолько, насколько ты себе ее представляешь?

И Данте с кровожадным удовольствием представил, как

достаёт свой украшенный камнями клинок, вонзает его Гвенделю в живот и медленно проворачивает три раза.

– Тихо, тихо! – улыбнулся Гвен. – Я понял твой ненавязчивый мысленный намек. И да, я помню про браслеты для любопытных магов. На, лучше выпей.

Странно, но цветочное вино уже не казалось Хранителю таким отвратительным. К тому же, цены на него начали стремительно расти, ведь оригинальных Флавернских запасов осталось не так много. Те бочки, которые пылились годами в погребах нетронутыми, потому что считались редкой дрянью, теперь доставались и бережно обтирались от пыли.

Гвендель, между прочим, очень радовался росту популярности продукта, производимого под его личным патронажем. Он ведь не знал и, естественно, отказывался понимать, с чем это связано. Ему казалось, что все наконец-то оценили изысканный букет.

– За вчерашнее маленькое приключение! – заявил друг, поднимая флягу, – О нет, у тебя такое лицо, будто ты собираешься сказать что-то долгое и занудной.

Вообще-то, Данте хотел как-то дать понять другу, что нет ничего веселого в этом «маленьком приключении». А то, что птицелюди не напали на них, говорит о том, что это не последняя с ними встреча.

– Я все скажу за тебя сам. – Решил Гвен. – Надо быть осторожными, потому что бла-бла-бла, слуги Тьмы могут бла-бла-бла. И если ты, Гвен, бла-бла-бла, то они обязательно

бла-бла-бла-бла. Все так?

Хранитель внимательно смерил Гвенделя взглядом.

– Я рад, что ты все правильно понял. – Слегка улыбнулся он, оставляя бесполезные попытки пробудить в маге осторожность. – Мы еще не говорили о том, как именно ты хочешь использовать наш артефакт, я должен иметь очень подробные сведения об этом.

– Разумеется. – Кивнул Гвен, и лицо его стало немного серьезнее. – Есть одно действенное оружие. Это сатира. Народу сложно будет трепетать перед теми, над кем он смеется.

– Тогда зачем тебе артефакт? – не понял Хранитель. – Ты и так мастер писать язвительные памфлеты.

– Да, я могу написать памфлет. Но это будет просто листик со стихом. А с помощью магии я смогу распространить этот опус по всему Великому Королевству. И, что еще важнее, я смогу защитить тех, кто будет читать мои памфлеты и разыгрывать на ярмарочных площадях, тех, кто будет переписывать их и пересказывать в трактирах. Повальные аресты отобьют у людей желание смеяться, а этого допустить нельзя.

– Пожалуй, есть здравый смысл в твоих словах. – Кивнул Данте. – Если у тебя все получится, то на месте Короля, твою голову я бы прибил прямо на центральные ворота.

– О, благодарю! – Искренне обрадовался Гвен. – Но я планирую совсем немного позаниматься подпольным свержением власти, а потом мне надо вернуться к правлению городом, к своей жене, дочке и парикмахеру. И уже оттуда наблюдать,

как благодаря мне рушится система.

Как обычно, при упоминании семьи и города, которых больше не было на свете, лицо Данте помрачнело.

– Что же, – перевел он тему. – Твои сатирические работы действительно хороши. Ту, например, которую ты написал про меня в качестве подарка на день рождения, я до сих пор храню в потайном шкафу, чтобы ее никто не прочитал ненароком.

– А, «Верховный Зануда»? – Припомнил Гвен. – Наверняка каким-нибудь шестьсот шестнадцатым пунктом твоего завещания ты указал уничтожить памфлет после твоей смерти, чтобы потомки не составили по нему ошибочное мнение о Верховном Хранителе Данте.

– А две тысячи пятнадцатым пунктом я не преминул отметить, – ответил другу в тон Хранитель и менторски поднял палец. – Чтобы у тебя не смели заказывать эпиграмму к моему памятнику.

Еще со времен их знакомства в юности Гвен считал Данте ужасным занудой. Он был уверен, что дома у того все разложено по полочкам, весь день расписан по пунктикам, и вся жизнь идет по графику. В том самом памфлете Гвен подробно расписывал его, якобы, расписание дня, и там, например, был час на самолюбование, час на самовосхищение и два часа на упивание собственным величием.

К тому же, Гвен периодически пытался сломать эту систему, которой, на самом деле, не существовало. Конечно, Вер-

ховному Хранителю необходимо было рационально распределять время и, да, он отличался некоторой педантичностью, но никакого шестьсот шестнадцатого пункта в завещании не существовало, как и самого завещания. Еще даже не родился наследник, о смерти не могло идти и речи.

Зато Гвендель отличался любовью к роскоши, шикарным нарядам, украшениям, изысканным блюдам и красоте во всем. И, в качестве мести, Хранитель мог сколько угодно потешаться над этой его слабостью.

– А памятник мне будет сделан весь из золота. – Сообщил он Гвену. – Скромный, не больше сорока метров в высоту. И весь инкрустирован рубинами и изумрудами.

– И с сотней живьем закопанных девственниц в основании. – Изящно завершил картину его дорогой друг.

Хроники бродячих артистов

Марко немного нервничал. Это был его первый выход на сцену за последние годы, и он боялся, что растерял весь талант, который так ценил в нем Фридрих.

Он, кстати, заканчивал последние наставления:

– И запомните: белую одежду берегите от помидоров. От гнилых овощей спасайте декорации – мы их потом не отмоём. Гнилые яблоки – это ничего страшного, можете смело продолжать поклон.

Шенен очень внимательно слушал и то поглядывал на свои белые одеяния, то на декорации, видимо, запоминая, что и в какой последовательности надо спасать, если представление придется зрителям не по нраву.

Фридрих, конечно, рисковал, вводя в свою постановку плохо подготовленных актеров. Вот и готовился, на всякий случай, к худшему. Хотя Марко что-то не помнил ни разу, чтобы их закидывали тухлыми овощами. Но раз уж их режиссер так в этом разбирался, видимо, на его веку это случилось не раз.

Анри уже надел платье, нанес грим, накрутил светлые локоны и был просто душка. Джениус присвистнул, когда эта синьора проходила мимо, и Анри послал ему в ответ воздушный поцелуй.

Кошка хихикнула, хотя до этого ходила мрачнее тучи – ей

не нравилась ее рубаша, подпоясанная куском веревки и нарисованный синяк под глазом. Хотя сейчас она, кажется, уже начала вживаться в образ – подкатала одну штанину и лихо взъерошила волосы. Марко искренне умилился с ее вида.

Оглядевшись по сторонам, он заметил прилаживающего декорацию Джонни. Этот новенький действительно был герой-любовник, как с картинки. Особенно с наклеенными франтовато подкрученными усами. Марко немного ревновал к нему своих старых друзей, ведь Джонни взяли на его место, когда он ушел... вынужден был уйти. Кстати, Мердок, играющий отрицательных персонажей, так и не простил Марко его уход. Он едва кинул бывшему другу пару фраз вне сценария, зато все время метал в него презрительные взгляды, а проходя мимо, старался обдать волной холода. В общем, был в образе.

Марко румянил щеки, когда сзади в зеркале возникло белое существо, похожее на приведение. Повинуясь инстинктам, наемник тут же пригнулся к земле, резко развернулся, хватая по дороге меч, и мгновенно вскочил на ноги.

Лина-Лин с Джениусом так и покатались со смеху. Потому что привидение оказалось Шененом, которого Фридрих с ног до головы обмазал чем-то белым. И в совокупности с обычным ровным выражением лица их подопечного грим смотрелся ну очень реалистично – это странное создание теперь было не отличить от мраморной статуи.

– Это я, Шенен. – На всякий случай сказала живое изва-

ние, видимо опасаясь быть заколотым.

– Да вижу я. – Буркнул Марко, опуская меч под дружный хохот за спиной.

Чудненько он, наверное, смотрелся со стороны в боевой стойке и в платье служанки...

С раздражением Маркус завершил свой образ, напялив слегка потрепанный парик. Лина-Лин и ее братец снова встретили его дружным улюлюканьем и хихиканьем. Хотя на месте Джениуса Марко вообще молчал бы. Тот весь был втиснут в коричневый костюм, наподобие мешка с прорезью для лица. И в каждой руке держал по громадному увесистому букету из свежесорванных веток. И ржал.

– Твоя мама явно хотела девочку. – Заявил Джен.

– А твоя – дерево, – в тон ему ответил Марко.

– А твоя – котенка. – Кинул Джен засмеявшейся было Лине-Лин.

– Тут не поспоришь. – Пожала девчонка плечами. – А мама Шенена совершенно точно хотела непорочного зачатья.

– И, готов поспорить на пять золотых, оно ее настигло. – Поддержал Марко.

– Я бы поспорил... – задумалось дерево. – Но, боюсь, чтобы уточнить этот вопрос у Шенена, нужно будет долго растолковывать ему смысл слова «зачать».

– Может, просто сводим его в бордель? – предложил Марко.

– Хранитель нам головы отрежет. – Возразил Джен.

Лина-Лин улыбнулась.

– Как думаете, у Шенена есть дар целителя? Отрастил же он как-то свои выбитые зубы? Думаю, он сможет пришить нам головы обратно.

– А что если... – дерево зловеще понизило тон. – После этого мы станем такими же тугодумами, как он сам?

– Шенен, не пришивай нам головы! – тут же крикнула Лина-Лин репетирующей в отдалении статуе. – Что бы ни случилось, не вздумай пришивать нам головы! Запомнил?

Шенен даже не посмотрел в их сторону. Он виртуозно играл свою роль, уже десять минут совершенно неподвижно стоя на стуле.

– Да, запомнил. – Ответил он, не меняя гордого положения головы. – Мне не следует пришивать вам головы. И хотя мой жизненный опыт весьма невелик, что-то мне подсказывает, что мне едва ли захочется когда-нибудь это сделать.

– Ну что ты, в жизни каждого человека бывают такие периоды, когда страсть как хочется пришить кому-нибудь голову. – Заверил его Марко.

– Ну... не совсем пришить... – протянула Лина-Лин. – Скорее оторвать. Да, оторвать.

И она мечтательно улыбнулась.

– Ну что же, – из-за импровизированного занавеса возник Фридрих. – Зрителей полно. Мы начинаем. Но сначала наш давний обычай.

Марко помнил, как перед каждым представлением они

вставали в круг, взявшись за руки, и говорили по фразе о том, каким будет предстоящее представление.

– Оно будет просто волшебным! Мы будем на высоте! – с восторгом проговорил Анри женским голосом.

– Мы выступим достойно. – Кивнул Фридрих.

Очередь перешла к Марко.

– Возможно нас даже не закидают помидорами. – С улыбкой предположил он.

–... и другими гнилыми овощами. – Подхватил Джен.

– И даже гнилыми яблоками. – Сказала Лина-Лин. – Хоть это и почти не опасно.

– И камнями. – Вставил слово Шенен. – В меня часто кидали камнями.

Джонни крайне озадаченно посмотрел на их четверку.

– Спектакль пройдет на славу. – Слегка неуверенно произнес он.

– И никто после него не уйдет. – Ядовито сказал Мердок. – Не бросит своих друзей в неведении, страдать и ломать голову, куда...

– Мердок, – окликнул Фридрих, – нам пора идти.

И с дружным шепотом «Мы лучшие!» они разорвали руки.

– Балаганчик "Зеленый гусь" представляет комедию "В покоях знатной дамы"! – громко провозгласил Джонни, первым показавшись на сцене.

И Фридрих, оставаясь за кулисами, заиграл на лютне неж-

ную мелодию, под которую Анри в своем красивом платье выплыл на публику. Толпа восхищенно притихла.

Спектакль пронесся быстро, хотя получился куда длиннее, чем на репетициях. Зрители встретили их так тепло, так громко смеялась над всеми шутками, что не хотелось покидать сцену. Марко импровизировал на ходу, умудрился пококетничать с купцом из зрителей и собрать в чепчик мелочи себе якобы на новые чулочки.

Больше всего он боялся, что придется краснеть перед Фридрихом за друзей, но они смотрелись на удивление живо. Ну, кроме Шенена, он смотрелся абсолютно неживым. И когда в сцене свидания с любовником статуя впервые пошевелилась и поменяла позу, по публике покатила волна восхищения, несколько барышень вскрикнули от неожиданности. Оказалось, многие приняли Шенена за искусную декорацию.

Даже Джениус вжился в роль и вполне реалистично показывал ветвями под шум ветра. Пару раз он пнул незадачливого любовника и так ловко отвернулся и сделал вид, что он не при делах, что, кажется, даже сам Джонни не понял, кто это сделал. А публика от души хохотала над его растерянным лицом.

Но, даже полностью отдавая себя на сцене, Марко не забывал всматриваться в лица зрителей. На ярмарке действительно было пруд пруди Серых Мастеров. Они ходили, что-то выспрашивали, иногда останавливались посмотреть представ-

ление и, убедившись, что оно не о святых деяниях, с негодованием отходили.

Обитель осуждала подобные зрелища, и актеров не жгли на костре только потому, что Король Ринальдо Восьмой любил смотреть представления у себя во дворце, особенно ценил он спектакли пошлого и похабного содержания. Высокие трагедии и жизнь святых навевали на него скуку. Это Марко было доподлинно известно.

Один раз Король казнил целую трупку за то, что он едва не уснул на представлении. Сама казнь была обставлена как некое театральное действие, и тут уж Ринальдо посмеялся от души. Марко тоже присутствовал там, ему было всего одиннадцать, и он закрывал глаза своей младшей сестренке, чтобы хотя бы она это не видела. Трупы, разряженные в клоунские колпаки, были в «танцующих» позах прибиты к крепостной стене. С тех пор трагедия в Великом Королевстве слегка вышла из моды.

Но их спектакль, кажется, понравился бы даже Ринальдо Восьмому. В конце в них кидали только цветы. А в шапки сыпались звонкие монетки.

Когда все закончилось, уже начало темнеть. Все актеры собрались у костра за оживленной беседой. Купец, которого сегодня очаровал Марко, прислал им бочонок доброго эля, который пришелся весьма кстати. Такого громогласного успеха у Фридриха не было давно. Все эти знакомые и родные лица в свете пламени в сочетании с хорошим элем и

удачной премьерой вызывали у Маркуса столько эмоций, что он едва сдерживал слезу. Правильно про него сказал Шенен, что он слишком впечатлительный. Но он правда любил этих людей, и они снова были рядом. И при этом Джен сидел по правую руку. Он теперь играл с ним в театре. И Шенен, и эта невозможная девчонка – Лина-Лин. Марко попытался запечатлеть этот беспечный момент в памяти...

– Может, не стоило привлекать к нашим персонам внимание всего города? – с некоторым сомнением протянул Джен так, чтобы его слышали только напарник и сестра.

– Зато сияние Шенена целиком и полностью растворяется в сегодняшних эмоциях, – заметила Лина-Лин.

Под дружные уговоры актеров Шенен отпил немного эля из кружки, но тут же закашлялся так, будто отхлебнул лошадиной мочи.

– Что будем делать дальше? – снова тихо спросил Джен. – Мы не сможем вечно плясать на ярмарочной площади. Нам нужно двигаться в сторону заказчика. Как думаешь, мой капитан?

Последняя фраза была произнесена, разумеется, с издевкой.

– Фридрих, как долго ты планируешь оставаться в городе? – Кинул он бородатому другу, который все еще активно хлопал кашлявшего Шенена по спине.

Но он не успел ответить. К их костру кто-то направлялся. Сердце Марко свалилось куда-то в пятки, когда он разглядел

полицейскую форму на четверых крупных молодчиках. Подозрительно взглядываясь в лица, стражи встали с двух сторон и как можно ближе, чтобы перекрыть пути к бегству.

– Кто такие? – спросил один из них, усатый и долговязый.

– Бродячие актеры. – Улыбнулся Фридрих. – Мирные служители муз.

– Балаганчик "Зеленый гусь" к вашим услугам, – слегка поклонился Анри.

– Я видел их выступление сегодня на площади. – Кивнул стражник, рыжий и весь в веснушках. Пойдем отсюда, это действительно актеры.

– Как давно в городе? – нахмурился недоверчивый усатый страж.

– Две с половиной недели. – Ответил режиссер очень спокойно и слегка небрежно.

– А те, кого мы ищем, здесь всего несколько дней, – шепнул рыжий усатому. – Говорю же, зря теряем время.

– А в чем дело, можем мы узнать? – доброжелательно поинтересовался Марко.

– Мы разыскиваем опасных преступников. – Важно молвил еще один полицейский. – И мы должны осмотреть всех приезжих на наличие примет.

– И какие же приметы? – весело спросила Лина-Лин.

Марко видел, как она нашарила арбалет под подстилкой. И он не сомневался, что Джелу хватит доли секунды, чтобы достать свой Хаборим. Хотя убить сейчас этих четверых

стражников, означало лишить себя прикрытия и вступить в открытое противостояние с Лионелем. Да и остальным врагам труда не составит их вычислить.

Усатый достал бумагу с описанием преступников.

– Первый имеет высокий рост, худощавое телосложение с ярко выраженной мускулатурой, темные волосы, два плохо заметных шрама на лбу, выделенные скулы и мрачное выражение лица. Ходит в длинном кожаном плаще.

Джениус попытался улыбнуться, но его лицо стало от этого только еще более мрачным.

– Так, – продолжал читать стражник. – Второй имеет волосы очень светлые, глаза серо-зеленые, приятные черты лица. А про третьего указано только то, что у него очень голубые глаза. С ними мальчишка или девчонка.

– Да уж, у нас в театре тоже не всегда разберешь, где мальчишка, где девчонка. – Глубокомысленно заметил Фридрих.

– А теперь встаньте все, кто подходит под описание, – резко приказал усатый.

Марко встал сразу, чтобы не подставлять остальных. К тому же, ему польстили "приятные черты лица" в приметах.

Но все остальные тоже поднялись почти одновременно с ним. Все понятно было с Шененом, Дженом и то-ли-девочкой-то-ли-мальчиком, но Фридрих, Мердок, Анри и даже Джонни встали, даже не замешкавшись.

– У меня ведь сильно голубые глаза? – кокетливо спросил Анри. – Голубые-голубые, правда?

Рыжеволосому любителю театра нечего было на это возразить, он был полностью согласен. Но усатый страж резко возразил:

– Сядь. Ты не подходишь.

Потом он тщательно сверил с приметами Джонни.

– Сядь! И все, кто с бородой, сядьте тоже. Нет никого с бородой в приметах.

Театрально тяжело вздохнув, уселся Фридрих.

– Да я ее только вчера отрастил! – возмутился Мердок. – И вообще я актер, я мог ее наклеить!

Так они и остались стоять вчетвером – те, с кого писались приметы.

– Так... – усатый полицейский пристально разглядывал Джениуса. – Убери волосы с лица. Так, шрамы на лбу, мрачный вид, темнее глаза. Ага.

Джен перестал улыбаться, поняв, что его хитрый прием по скрытию мрачного выражения лица не сработал.

Суровый страж перевел взгляд на Марко.

– Приятные черты, волосы, глаза. Ого...

– Ты мальчик или девочка? – обратился тем временем рыжеволосый полицейский к Лине-Лин.

– Вам же без разницы... – Пожала она плечами. – Но, разумеется, я – мальчик. Девочкам не место в театре.

– И пусть у последнего окажутся голубые глаза, – взволнованно проговорил рыжий, не удержавшись.

И хранители порядка уставились на Шенена. Лина-Лин

нагнулась, как бы перевязывая шнуровку на ноге. Марко нащупал меч под плащом, Джен небрежно наклонился, готовясь к резкому выпадку. И тут заговорил Шенен:

– Боюсь вас расстраивать, но у меня не голубые глаза.– Сказал он спокойно.

– Как это не голубые? – удивился усатый, медленно доставая оружие. – Да голубее я еще в жизни не видел...

Тут и рыжий нервно дернул меч из ножен, ошалело оглядывая четверых "опасных преступников", его примеру последовали и остальные.

– Посмотрите внимательно. – Невозмутимо гнул свою линию Шенен. – У меня не голубые глаза.

Марко не слишком понимал, что происходит. Что за ерунду городит их подопечный?

Четверо стражников снова как бараны уставились в лицо Шенена.

– Голубые... – протянул рыжий. – С чего я взял, что они голубые?

Усатый глянул на товарища удивленно.

– Да они же как небо го... – начал он и продолжил с совсем другой интонацией. – Как болото зеленые.

– И что мы здесь стоим? – медленно произнес третий стражник. – Этот человек не подходит под приметы.

– Пойдем дальше. – Заключил четвертый.

Они очень не спеша и приторможено стали разворачиваться в противоположную сторону.

– А остальные?! – вдруг спохватился усатый. – Остальные же подходят! Надо отвести их к Маршалу Лионелю.

– Нет, – покачал головой Шенен. – Остальные тоже не подходят.

– Что, никто? – грустно спросил рыжий.

– Никто. – Кивнул Шенен.

– Но мрачный вид... – почти жалобно произнес усатый, глядя на Джениуса.

– Что вы... – в ровном голосе Шенена послышались мягкие нотки. – Это самый улыбчивый парень на свете.

И Джен улыбнулся одной из тех своих улыбок, при виде которой хочется спрятаться с головой под одеяло и там дрожать от страха.

– Тогда пойдем. – Окончательно решил усатый. – Это просто приезжие актеры. Простите за беспокойство.

– Мне очень понравился ваш спектакль. – Улыбнулся рыжий. – Особенно...

Он смущенно посмотрел на Анри. Тот тут же послал ему в ответ воздушный поцелуй. Стражник засмутился и отвернулся.

И полицейские преспокойно двинулись дальше.

– Этот рыженький – такое солнышко! – громко прокомментировал Анри, чтобы окончательно вогнать стражника в краску.

А потом наступила полная тишина. Фридрих и его труппа выжидательно смотрели то на Шенена, то на Марко. Им явно

хотелось узнать, что это только что было. Только вот черт его знает, что им ответить...

– Я думал, ты не умеешь врать, Шенен... – наконец нарушила молчание Лина-Лин.

Затем, видимо собравшись с мыслями, заговорил Мердок.

– Нас, разумеется, не удивило, что вы один в один похожи на опасных преступников, – с легким презрением произнес он. – Мы еще три года назад поняли, что ты, Маркус, вечно в розыске. Я уже молчу про то, что все эти твои друзья выглядят очень подозрительно. Но если ты притащил в лагерь колдуна...

И Мердок уставился на Шенена полным опаски и неприязни взором.

Тут вступил Фридрих. Он, напротив, говорил довольно мягко.

– Марко, мы рады тебе. И мне нравятся твои друзья. Я прекрасно отдаю себе отчет, что вы скрываетесь от стражников. Но если он маг....Серые Мастера... Можно покрывать преступников, хоть и это довольно рискованно. Но прятать колдуна... Не удивлюсь, если Серые Мастера сожгут нас всех. А ведь у нас запланирована масштабная постановка.

– Нет никаких следов магии. – Покачала головой Лина-Лин. – Я бы почувствовал. Шенен не колдун. Это, видимо, его дар убеждения.

– Как это работает? – Спросил Джонни. – Как ты это сделал?

Услышав, что магия тут не при чем, вся труппа немного расслабилась. Да уж, хорошо работает Мастер Роланд Серебряный, раз настолько запугал даже Фридриха. А ведь этот режиссер порой показывал такие спектакли, что всю труппу кидали в тюрьму на несколько дней, а два раза даже судили. Но им все время как-то удавалось выкручиваться. И через неделю Фридрих мог на этой же площади показывать басню, которая очень прозрачно намекала на Короля и его интимную жизнь.

Но Серые Мастера... Идти против них в народном сознании – это все равно, что бороться с самим Творцом. Роланд Серебряный был настолько влиятельным, что его и самого считали кем-то вроде бога. Который может покарать за проступки. Очень жестоко покарать. Король Ринальдо Восьмой мог сколько угодно сажать людей на кол и вешать головы на ворота. Роланд страшил всех гораздо больше. Тело отмучается и отойдет, но что если Глава Обитатели Серых Мастеров действительно имеет доступ к душам, как про него и говорят?

Шенен надолго задумался, пытаясь ответить на вопрос, каким таким образом он ввел в заблуждение четверых стражей порядка.

– Я не знаю. – В конце концов ответил он. – Я просто вдруг понял, что срочно должен что-нибудь сделать, потому что Джениус, Марко и Ли собирались их убить.

– Чего? – открыл рот Джонни.

Фридрих и Мердок переглянулись. Вот уж кто не выглядел удивленным.

– Вы правда собирались их убить? – простонал Анри и схватился за сердце.

– Нет, что вы. – Соврал Марко. – Шенен имеет в виду, что мы собирались биться с ними.

– ...пока не убьете. – Поправился Шенен. – Я подумал, что немного лжи поможет спасти четыре жизни.

– Но как ты их убедил в том, что у тебя не голубые глаза? – настаивал Мердок. – Полицейские вели себя будто заколдованные...

– Я просто сам на минуту поверил в то, что говорил. – Сказал Шенен так, будто это все объясняло.

– Даже в то, что мой брат – улыбчивый парень? – приподняла одну бровь Лина-Лин.

– Это было самым сложным. – Ровно согласился Шенен.

– Слышь, умник, ты сам-то хоть умеешь улыбаться? – язвительно поинтересовался обиженный Джениус.

– Я не пробовал, но представляю себе, как именно это делается. – Чинно кивнул Шенен.

– Да ладно! – удивилась Лина-Лин. – Покажи, голубоглазый!

Все уселись обратно к костру, и Шенен послушно растянул губы в резиновой улыбке. Уголки губ подрагивали от непривычного движения. Глаза оставались абсолютно серьезными. Выражение лица стало напоминать лягушачье.

Марко даже стало как-то неудобно за их воспитанника. Лина-Лин, кажется, уже жалела о своей просьбе. В глазах актеров читалось искреннее сострадание, Джениус торжествовал и злорадствовал.

– Может с зубками лучше получится? – с надеждой спросил Анри и с удовольствием продемонстрировал свою улыбку первой красавицы королевского двора.

Шенен кивнул и очень усердно продемонстрировал всем два ряда зубов. В сочетании с ничего не выражающим взглядом он выглядел крайне зловеще. Примерно как голодный вурдалак.

– Эээ... – немного сконфуженно протянула Лина-Лин. – Достаточно, Шенен.

– И пусть после этого хоть кто-то скажет, что я не умею улыбаться. – Удовлетворенно произнес Джениус.

Фридрих ободряюще похлопал Шенена по плечу.

– Ничего, я завтра проведу с тобой пару уроков актерского мастерства по технике улыбки. – Ласково сказал он. – Кстати, тебе, Джениус, тоже не мешало бы присутствовать.

Джен, разумеется, только презрительно фыркнул в ответ.

– А теперь все спать! – скомандовал режиссер. – Завтра вас ждут зверские изнуряющие и беспощадные репетиции с пяти утра.

Послышался общий тяжелый вздох, и все начали тихо и печально готовиться ко сну. Кажется, только Марко был рад репетициям. Он так сильно по ним скучал все это время.

– Марко, – окликнул его Фридрих. – По поводу ваших примет... Почему ты не сказал прямо? У нас в повозке достаточно грима, париков, найдутся и две приличные бороды для тебя и улыбчивого парня.

– Которого из них? – машинально спросил Марко.

– Для Джениуса. А вот глаза Шенена... могу предложить только очки, в которых мы играем слепцов, хотя это и не надежная маскировка.

– Спасибо, Фридрих. – От души поблагодарил Марко и крепко обнял старого друга.

Тот тоже охотно заключил его в объятия.

– Так почему же ты тогда ушел, Маркус? Даже не отыграл свою любимую роль, к которой так долго готовился.

Марко вспомнил ту отвратительную дождливую ночь, когда он, взяв только свой меч, пару монет и сменную рубашку ушел, даже не представляя, куда ему теперь податься. Он оглядел тогда в последний раз спящих друзей, специально не стал забирать свои заработанные деньги, зная, что труппа переживает не лучшие времена...

– Я не могу рассказать тебе, Фридрих. – Глухо ответил он. – Поверь, я бы никуда не ушел, будь у меня выбор. Все это очень сложная и запутанная история, я пока не готов поделиться ею с кем-либо.

– Я понимаю. – Кивнул режиссер.

В его выразительных темных глазах Маркус всегда находил только поддержку. Ну, не считая тех случаев, когда Фри-

дрих с криками "Как можно быть настолько бездарным???" и "Природа обделила тебя во всем!" пытался втолковать ему трудный момент в спектакле. Да, при этом он мог и пнуть как следует. Как-то режиссер даже пытался убить его бутфорским топором...

– Жаль, что твоя кожа не такая гладкая, как прежде, я бы дал тебе главную женскую роль. – Перевел тему Фридрих, пока они шли к повозке с костюмами и декорациями.

– Да уж, очень жаль. – С деланным сожалением вздохнул Марко. – Попробуй на женскую роль Ли.

– Думаешь, он справится? – с сомнением покачал головой режиссер. – Неопытному мальчишке трудно играть прекрасную даму так, чтобы это не казалось смешным и фальшивым.

– О, уверен у него получится. – Улыбнулся Марко.

А потом надолго задумался о том, как бы помягче рассказать Верховному Хранителю, что сегодня они по собственной неосторожности чуть не попались королевской страже.

Ночь в Нави

– Так, давайте-ка еще раз все сначала. – Четко проговорил Данте. – Вы знали, что ваши приметы известны страже? Так? Из-за этого вы и решили спрятаться среди бродячих актеров, если я не ошибаюсь. Но сегодня вы в открытую сидели у костра возле повозок, зная, что стража может прочесывать город. Так? И все потому, что вы были под впечатлением от сегодняшней грандиознейшей премьеры вашего балаганного представления. Я все правильно понял?

Хранитель обвел своих наемников пристальным взглядом.

Джениус сидел с нарочито каменным лицом, Марко выглядел смущенным и виноватым. Они ждали, что после этих уточняющих вопросов последует выговор или строгие наставления, но Данте не собирался больше продолжать эту тему. Он уже добился нужного эффекта.

– Вы говорите, Шенену нравится играть в театре? – спокойно произнес он.

Джен и Марко удивленно переглянулись, не веря, что тяжелый разговор позади.

– Вообще, – немного неуверенно начал Марко, – по нему довольно трудно определить, что ему нравится, а что нет.

Вмешался Джениус, его голос звучал иронично:

– Но наш персональный служитель Ордена Хранителей

пятой ступени утверждает, что незримое поле Шенена радостно сияет.

Что же, Лине-Лин вполне можно было доверять в этом вопросе. Он лично учил ее грамотно читать ауры. Вообще, если бы не их разрыв и не важное задание, она должна была продолжать обучение в замке Иллингтон. И тогда он увидел бы ее там уже через несколько дней. Они бы гуляли вместе по морю и по саду среди лабиринтов из роз. Но нет, в этом году прогуливаться с ним будет разве что Гвендель...

– Смотрите, – сказал он своим наемникам и указал в направлении гор. – Там скачет Всадник ночи. Вы ведь еще ни разу не видели, как на Навь опускается ночь?

Это было удивительное зрелище. Хранитель всегда радовался, когда удавалось хоть одним глазом его увидеть, а сейчас открывался прекрасный обзор. Прямо вдоль побережья скакал всадник на черном коне. От плеч этого мужчины развевался плащ. И этот плащ и был сама ночь. Где промелькнул всадник, там небо темнело, появлялись звезды, планеты, кометы и другие ночные чудеса Нави. Они будто высыпались из складок тяжелой накидки.

Данте с удовольствием смотрел на распахнутые глаза и отвисшую челюсть Джениуса. Не такой уж он невозмутимый. А лицо Марко так и сияло восторгом.

Когда всадник скакал мимо них, то его даже можно было разглядеть – черный бархатный камзол с золотыми пуговицами, и невероятный темный плащ, так гармонично перете-

кающий в ночь.

Всех троих тут же накрыло приятной ночной прохладой. А из складок плаща вывалился месяц и всплыл наверх. Найдя подходящее место, он навис над землей и стал сиять ярче. Тут же с самой высокой скалы слетел белый дракон и закрылся в лунном сиянии.

Помимо алмазной россыпи мелких звезд, в небе повисли крупные планеты, а одна – оранжевая – в эту ночь была так близко к морю, что можно было разглядеть кратеры на ней.

Марко к этому моменту уже был весь в слезах. Мало кому из простых смертных удавалось созерцать такую красоту. Хотя Марко, конечно же, к совсем уж простым смертным не относился. А Джениус и подавно. Он уже, напротив, полностью овладел собой и смотрел на дракона с демонстративно скучающим видом.

– Слишком много чудес на сегодня. – Кисло сказал Джен. – Нам еще надо выспаться перед этими чертовыми репетициями с пяти утра.

– Мой напарник – бесчувственный мудака, которому чуждо чувство прекрасного, – с улыбкой пояснил Марко поведение друга, и наемники исчезли.

У Данте не было утренних репетиций, так что он не стал засыпать, а открыл глаза и тут же увидел перед собой любопытную физиономию Гвенделя.

– Проведешь экскурсию по окрестностям Нави? – попросил друг. – Я ведь проводил тебе экскурсию по погребам мо-

его Флавернского замка.

– Это была экскурсия? – приподнял Данте бровь. – Я думал, ты просто вел меня по погребу и жаловался, что все эти бесконечные литры цветочного вина никто не хочет покупать. А потом ты налил мне чего-то еще более крепкого и цветочного, чем обычно. И на этом экскурсия закончилась.

– Вообще-то на этом она только началась. – Возразил Гвен. – Просто цветочное вино трехсотлетней выдержки имеет некоторые побочные эффекты... Но в любом случае: не помнишь – не значит не было.

Данте сделал вид, что пропустил всю эту тираду мимо ушей.

Он задумался об этой фразе "не помнишь – не значит не было". Больше всего она сейчас подходила ко всей жизни Гвенделя.

– Пойдем. – Внезапно даже для себя самого принял решение Данте. – Я покажу тебе Навь.

Он жестом подозвал к себе охранников, чтобы они берегли их покой. И приложил пальцы к вискам Гвенделя. Потом сам закрыл глаза. И снова открыл их. Они с Гвенем стояли посреди Вечной аллеи.

Данте окинул взглядом любимые им розовые деревья. А потом его взгляд невольно остановился на Гвенделе. Которого он даже не сразу узнал.

Длинные волосы были заколоты наверху чем-то вроде металлических палочек, усыпанных драгоценными камнями.

На друге на восточный манер был надет шелковый халат с алыми драконами, подпоясанный расшитым золотом поясом.

– Ого. – Только и смог сказать Верховный Хранитель.

Гвен улыбнулся.

– Я должен соответствовать великолепию Нави. – Он тоже огляделся по сторонам. – Это Вечная аллея? Я слышал о ней.

Они двинулись вперед, с удовольствием вдыхая воздух вечной весны, такой приятный после осенней промозглости.

– Когда я попадаю в Навь, – неспешно говорил Гвен. – Обычно это бывает перед сном или во время медитации, я не могу выбирать, где окажусь и что увижу. Я и не знал, что ты можешь бродить, где хочешь. А то давно попросил бы меня научить.

Данте молчал. Он все же не был уверен в том, что собирается поступить правильно. К счастью, у него было время подумать. Точнее, времени здесь как раз таки не было, так что можно было раздумывать хоть целую вечность.

Через некоторое время Хранитель все же предложил свернуть. И время снова потекло. В Нави все еще была яркая лунная ночь, и в траве кругом сверкали светлячки самых разных оттенков.

– Никогда не видел Навь ночью. – С тихим восхищением проговорил Гвендель.

Данте понимающе кивнул.

– Ночи здесь очень короткие и случающиеся хаотично.

Все зависит от того, когда и где проскачет Всадник ночи.

– Расскажи, – попросил Гвен. – Каково это – бывать в Нави в своем физическом теле?

Хранитель задумался. Довольно трудно объяснить простые и естественные вещи. Каково дышать, есть, спать?

– Сейчас мы в Нави, но мы знаем, что на самом деле мы сидим у костра в Невильском лесу с закрытыми глазами. Если мы забудем об этом или слишком задержимся, то не сможем вернуться, и тело быстро умрет без души. А когда ты здесь весь целиком, то можешь дышать полной грудью и ни о чем не беспокоиться. Если при этом ты достаточно силен, можешь менять реальность здесь, рядом с собой. Например, подумаешь о других цветах, и вокруг тебя вместо подсолнухов распустятся васильки.

Гвен остановился на секунду. И тут же рядом с ним вылезло пару маленьких цветов, таких синих, как его глаза.

– Да, – кивнул Данте, – так тоже может получиться, но гораздо слабее. Но самое главное ощущение... Сейчас мы воспринимаем Навь, как прекрасную мечту. А в физическом теле, мы осознавали бы, что это реальная жизнь. Еще более реальная, чем ТА наша жизнь. И гораздо более волшебная, яркая и прекрасная. Мало кому из простых смертных захотелось бы возвращаться домой после такого. А еще, когда ты в своем теле, можно есть еду Нави и пить ее напитки. Правда, это может тебя убить. Но не обязательно.

– Так почему же ты не останешься здесь навсегда? – по-

любопытствовал Гвен.

– Я нужен миру. У меня есть долг. – Кротко ответил Хранитель. – К тому же, я уже прожил здесь целую жизнь. Становился все младше и младше, пока не стал совсем младенцем и не родился в семье Верховного Хранителя. А первой моей матерью была богиня Онори.

Гвендель восхищенно присвистнул.

– Мы пришли. – Нахмурившись, сказал Данте.

Все, назад пути не было. Правитель погибшего города должен узнать правду.

На одном небольшом участке Флаверна все еще шел снег. Среди вечной весны только одна поляна была устелена ровным белым полотном. Три Хранителя города Флаверна – отец, сын и внук все еще сидели в ряд на белой мраморной скамейке под заснеженным деревом. Лица их были безмятежны.

Данте и Гвендель зашли в зиму, и снег захрустел под ногами.

– Приветствуем вас, Правитель Гвендель. – Почтительно проговорил старец.

Все трое уважительно поклонились.

– Как думаете, Правитель Гвендель, – спросил младший, Янсон, – в Нави снежинки падают на землю быстрее или медленнее, чем в Яви?

Гвен задумчиво посмотрел вокруг себя.

– Хранители города Флаверна, – начал Данте, – расскажи-

те своему Правителю, почему вы здесь.

Три пары спокойных глаз посмотрели на него.

– Приветствуем вас, Верховный Хранитель, – повторили они по очереди, будто только что его увидели.

– Правитель Гвендель, – послушно начал отец. – Мы здесь потому, что нам нравится сидеть на этой лавке и наблюдать за полетом снежинок.

Так, надо попробовать по-другому.

– Скажите, почтенные Хранители, – снова начал Данте, – жив ли город Флаверн?

Гвен глянул на друга с легким удивлением.

– Какой город Флаверн? – спросил Янсон у своих родных.

– Славный город Флаверн. – Мечтательно протянул его дед.

– Диковинный город Флаверн. – Добавил его отец.

– Восхитительный город Флаверн. – Заключил и сам Янсон.

– И какой еще? – мягко подсказывал Данте. – Каким еще стал этот город?

Все трое переглянулись.

– Лучшим по производству вкуснейшего цветочного вина! – гордо произнес дед.

– Ваши слова словно музыка, – довольно отозвался Гвен.

Неужели они специально ничего не говорят?

– Так жив ли этот славный диковинный восхитительный город? – настаивал Верховный Хранитель.

Трое мертвых мужчин немного помолчали.

– Стоит закрыть глаза, – наконец сказал отец, – и я вижу наш город во всем его великолепии.

И все трое закрыли глаза.

– Смотрите, – сказал один, – вот мои любимые клумбы с цветами, синими, как глаза нашего Правителя.

– Кувшинки... – отозвался другой и вытянул руку вперед, будто собирался их потрогать. – Пруд с кувшинками.

– А это что? – спросил отец, тоже не открывая глаз. – Что за прекрасное здание из красного кирпича возвышается над площадью и четырьмя башнями тянется к небу?

– Я знаю! – послышался голос Гвена.

Данте повернул голову и увидел, что его друг тоже играет в эту дурацкую игру. Он стоял с закрытыми глазами и довольнo улыбался.

– Это Замок Четырех Правителей! – Воскликнул он. – И одна из башен моя.

Последнюю фразу он сказал с гордостью.

Данте вздохнул. У него было чувство, что они дружно над ним издеваются.

– Жива ли Лиз, жена Правителя Гвенделя? – снова попытался Верховный Хранитель добиться от них хоть чего-нибудь.

– Недавно мы виделись с ней. – Ответил Янсон.

– А сами вы живы? – терпеливо продолжал Данте.

Гвен хмыкнул рядом, очевидно посчитав абсурдным этот

вопрос. И три Хранителя тоже слегка улыбнулись.

– Жива ли дочь Гвенделя?

– Она славная девочка. – Снова ушел от ответа дед.

– Благодарю. – Кивнул Гвен и повернулся к Данте со скупающим лицом. – Я премного благодарен за то, что интересуешься здоровьем моей семьи, но я и так уверен, что с нами все в порядке. В Иллингтоне я получу от них письмо. А сейчас я бы хотел увидеть вблизи дворец богини Онори, если ты не против.

Он развернулся и решительным шагом вышел из заснеженного пространства. Данте посмотрел на спокойных и умиротворенных Хранителей.

– Почему вы не сказали ему правду?

– Правду? – переспросил Янсон.

– Истину? – подхватил отец.

– Истина у каждого своя. – Нараспев произнес дед.

Данте захотелось нагнуться, слепить снежок и залепить в одну из этих безмятежных физиономий.

– Правду о городе Флаверне.

– Городе Флаверне? – как эхо повторил отец.

– Нет никакого города Флаверна, – покачал головой Янсон.

– Есть только Погибший город Флаверн. – Сообщил дед то, что и без него всем было известно.

То есть почти всем.

– Вот именно, – гася в себе раздражение, спокойно про-

изнес Верховный Хранитель. – Так почему вы не сказали так Правителю этого самого погибшего города?

Он ждал опять какого-нибудь словоблудия в ответ. Но, как ни странно, дед начал отвечать на вопрос:

– Ты правильно рассудил, Верховный Хранитель, что в Нави его заклятие не будет действовать. Услышав правду от нас, он бы все узнал. Но кое-чего ты все же не учел.

Данте ждал продолжения, но старец уже смотрел мимо него, любуясь снежинками. Да уж, всегда приятно пообщаться с адекватными людьми. Развернувшись, Хранитель Данте двинулся в сторону Гвенделя.

– Потеряв жизнь и Флаверн, мы нашли спокойствие в Нави. – Кинул Янсон ему вслед.

– Я заметил, – буркнул Данте.

И тут его осенило. Он вспомнил, почему Кошка больше не приходила в Навь с момента их расставания. Она говорила «слишком велик соблазн остаться здесь навсегда»...

Узнав страшную новость, Гвендель мог бы не вернуться. Просто не открыть глаза, и его тело умерло бы в лесу у костра, а сам бы он стал полубессмысленным духом, которые бродят в ночи между цветущими деревьями. Данте сжало сердце тисками от этой мысли. Хорошо, что три Хранителя Флаверна не растеряли свою былую мудрость и оказались более прозорливыми, чем он.

– Это чудо, а не дворец! Он так и сияет в свете луны! – Крикнул Гвендель, разворачиваясь к Данте.

– Погоди, вот подойдем поближе. – Ответил Хранитель и невольно улыбнулся, увидев детский восторг в глазах друга.

Как же все-таки славно было видеть его живым. И, главное, счастливым.

Проклятые дети

Лина-Лин проснулась среди ночи от голоса Шенена. Он бормотал что-то едва слышно. Девушка подползла ближе и прислушалась. Он очень тихо и певуче говорил на непонятном языке. Едва ли этот язык вообще мог существовать. Слова были красивые и мелодичные. Словно музыка для слуха. И от этого Кошке сделалось слегка не по себе.

– Эй, Шенен, что с тобой? – прошептала она.

Он медленно поднял на нее глаза, взгляд постепенно становился осмысленным.

– Что со мной? – переспросил он. – Я просто сидел и глядел внутрь себя, как и всегда делаю ночью.

– Ты что-то говорил. Что-то непонятное и... красивое.

– Правда? Я не заметил.

Лина-Лин огляделась, чтобы убедиться, что их шепот не разбудил остальных. Марко мирно почесывался во сне. Да уж, вшей тут хватало. А вот место Джениуса было пусто. Может, вышел по нужде?

– Пойду гляну, где брат. – Кинула она Шенену и вылезла из повозки.

Холод был ужасный. Осень будто уже скоро собиралась перетечь в зиму, хотя было еще рановато для этого. Джен сразу же нашелся. Он сидел один у костра и грел руки.

– Ты чего? – Удивилась Кошка.

Она села рядом на бревно и прижалась к брату как можно ближе, чтобы стало теплее. Он оттянул полу плаща и накрыл ее, приобняв за плечи.

– Не спится. – Сказал Джен, глядя в огонь. – Дурной сон.

Ей было прекрасно известно, что брату очень часто снятся кошмары. На то были особые причины. Но он так к этому привык, что просыпаясь среди ночи в холодном поту, он почти мгновенно успокаивался, переворачивался на другой бок и спал дальше. Так что его поведение сейчас было, по меньшей мере, странным.

– Что тебе снилось? Расскажешь?

Джениус задумался ненадолго, потом ответил.

– Мне снился Мастер Роланд Серебряный.

Ого. Да, это действительно был серьезный повод для беспокойства.

– Лапуля, – осторожно начала она, заранее боясь услышать ответ, он тебе просто снился или он ПРИХОДИЛ к тебе во сне?

– Я не знаю. – Пожал плечами брат. – У меня сложилось впечатление, что приходил. Но ведь мог же мне присниться кошмар о том, что ко мне пришел сноходец...

– Давай попробуем разобраться. Расскажи мне, что он говорил?

Брат снова помолчал, глядя на огонь. Потом неохотно начал.

– Мне снился обычный сон. Я был на поле сражения, один

против нескольких десятков врагов, рубил их налево и направо. Звенели мечи, орали раненные, кровь лилась рекой...

– Действительно, вполне обычный сон... – не удержалась Лина-Лин от шпильки.

Лапуля не обратил на это никакого внимания.

– И тут вдруг сон остановился. – Продолжил он. – Просто замер, будто время внезапно встало и перестало течь. Застыли на дыбах кони, зависли в воздухе мечи, замерли брызги крови. Враги оцепенели с гримасами гнева и боли на лицах. Конь подо мной будто превратился в чучело. И над полем боя воцарилась полная давящая тишина. Только со мной ничего не случилось.

Я вылез из седла и пошел по полю, удивленно оглядываясь по сторонам. И тут заметил движение. Между застывшими фигурами ловко двигался человек. Он что-то напевал себе под нос, но в этой оголтелой тишине его пение звучало невероятно громко.

«Извини, что мне пришлось ненадолго прервать тебя», – сказал он, оказавшись рядом.

И тогда я смог его разглядеть. Он был без серой мантии, а в каких-то диковинных бело-серебряных одеждах, похожих на королевские. Волосы и глаза выглядели еще более серебряными, чем на самом деле.

Мастер улыбался. И в его улыбке я видел что-то... не знаю... опасное что ли, хищное.

Роланд присел, на застывший в воздухе труп, который

валился с коня, но не долетел до земли. Затем долго меня осматривал и заключил с удовлетворением: «Да, действительно похож, память не подвела меня».

Он поманил меня пальцем, и я подошел ближе. Роланд смотрел мне прямо в глаза, и было непросто выдерживать этот металлический взгляд неестественных серебряных глаз.

Потом он опять заговорил: «Когда мне дали приметы тех, кого я ищу, мне сразу показалось, что я видел кого-то похожего. И вот сегодня я вспомнил, что столкнулся с тобой на ярмарке. Какое приятное совпадение, мне как раз хотелось с тобой пообщаться, чтобы выяснить ЧТО ты такое».

Я сказал, что не понимаю, о чем он, и едва ли могу представлять для него интерес. В ответ Мастер рассмеялся. Он хохотал, глядя мне в лицо, и смех у него еще более жуткий, чем улыбка. Это смех сумасшедшего.

Перестал он смеяться так же внезапно, как и начал, а потом резко спросил: «Где Шенен?». Я сказал, что не знаю никого с таким именем. Тогда он обошел меня, внимательно разглядывая, понюхал даже. «В тебе течет дурная кровь. Очень дурная. – Сказал он весело. – Уже за это тебя необходимо сжечь на костре. Я чувствую в тебе невероятную жажду крови». Я ответил, что это оттого, что он мне очень не нравится, и я просто жажду его убить. Но, боюсь, во сне от этого мало толку.

В ответ Мастер снова заливисто рассмеялся и похлопал меня по плечу, будто я старый друг, сказавший забавнейшую

шутку.

Отсмеявшись, он заявил, что, так и быть, пощадит меня, если я скажу ему, где нахожусь. Тут, подражая его манере общения, начал смеяться я. Роланд сначала нахмурился, но потом тоже стал хохотать. Говорю же, псих. Так мы и смеялись, как два идиота, посреди застывшего поля боя.

– А говоришь, дурной сон приснился! – вставила Лина-Лин. – Это же очень веселый сон на самом деле. Все смеются, всем радостно.

– Да уж. Потом сквозь смех он рассказал мне, что сделает когда найдет меня – вырвет по одному все ногти, будет прижигать каленым железом, кастрирует, а потом привяжет сзади своего коня и проедет на полном ходу. Но это все будут просто приятные шалости. Потому что самое страшное начнется, когда я, наконец, сдохну, а он запрет мою душу в самом страшном моем кошмаре на целую вечность.

Я с любезной улыбкой сообщил, что мою душу уже ждет теплое местечко в аду, и с этим он ничего поделать не сможет. Мастер, кажется, понял, что я не рисуюсь, а говорю правду, и немного расстроился. Даже выглядел слегка обиженным.

«Так что ты за тварь? Кто твои родители? Черти болотные?» – спросил он с усмешкой. Я сказал, что самый обычный человек. Но Роланд довольно злобно произнес, что до человека мне так же далеко, как крысе до короля.

– Не слушай его, – недовольно сказала Лина-Лин и обод-

ряюще потрепала брата по руке.

Вообще-то вопрос человечности действительно был большим и для нее и, в особенности, для ее брата. Ведь они были проклятыми детьми. И история их рождения была грязной и темной.

Их общий отец, Герцог Бертран, был очень умным, образованным человеком, у него было много талантов, но слишком уж он был охоч до женщин и азартных игр. Он был честен со своими отпрысками и давным-давно рассказал, как в молодости просадил все свое состояние на развлечения. Жить в бедности ему не хотелось, и он обратился к черному колдуну Нарду. И тот научил его, как вызвать демона и продать ему душу.

Отец долго думал, что бы ему попросить за свое самое большое сокровище. Долго торговался с демоном. В итоге сошлись на богатстве, девяносто девяти годах жизни в здоровом молодом теле и, главное, его мужская мощь стала настолько сильной, что почти любая женщина хотела провести с ним ночь уже через несколько минут после знакомства.

Сколько Лина-Лин их видела – знатных, умных, красивых женщин, которые жертвовали репутацией и счастливой семейной жизнью ради этой всепоглощающей похоти. Хотя во времена Кошкиного детства Герцогу Бертрану уже было за восемьдесят, выглядел он на сорок. Но женщины и азартные игры уже не вызывали в нем прежнего пыла. Он продолжал эти занятия только потому, что ради них продал свою бес-

смертную душу.

Не смотря на обилие женщин, Лина-Лин и Джен были его единственными детьми. Герцог довольно быстро понял, что женщины не могут родить от него. Никто из его жен и любовниц либо не вынашивали младенцев до конца, либо рождали мертвых. Когда после пятидесяти пяти Бертран начал серьезно задумываться о потомстве, он снова пошел к колдуну.

«Ни одна земная женщина не выносит твоего ребенка, – сказал старый Нард, глядя на выложенные на столе внутренности курицы, – слишком тяжела сила твоего проклятья. Если тебе удастся раздобыть существо из другого мира, способное к деторождению, тогда может получиться».

Герцог Бертран загорелся этой идеей. Сама мысль держать в объятьях неземное существо сводила его с ума. Лине-Лин даже думать не хотелось о той, кто стал матерью Джениуса.

В детстве Лапуля был настолько неадекватным, что отец решил завести второго ребенка, на случай, если первого придется убить для собственной безопасности и безопасности всех в герцогстве.

Чтобы раздобыть мать для Лины-Лин он заплатил нечестному служителю Ордена Хранителей, а тот добыл ему существо из Нави. Земляную кошку с горящими кончиками ушей. Ее земное обличие вполне напоминало девушку.

Только кожа ее была абсолютно черной, зубы и ногти слишком острые, к тому же сохранились кошачьи глаза, уши

и хвост. Бертран был просто без ума от своего приобретения. Все тот же черный маг Нард наложил заклятие на новую возлюбленную герцога, чтобы она не могла вернуться в Навь, и черная, как уголь, женщина поселилась в замке.

Чары Бертрана в какой-то степени распространялись и на нее, так что она не пыталась сбежать или покончить с собой, чтобы Навь приняла ее обратно. Она была весьма ненасытной и так орала по ночам, когда была с Бертраном, что не давала спать слугам. Ее учили разговаривать, а так как земляные кошки существа разумные, через месяц она могла довольно сносно изъясняться.

Многие слуги рассказывали Лине-Лин о земляной кошке. Они с содроганием вспоминали мать Джениуса, и после нее черная женщина с ушами и хвостом, которая всегда ходила по дому голая и наотрез отказывалась носить одежду, не казалась им чем-то ужасным.

Когда эта кошка забеременела, все с интересом ждали, кого же она родит – ребенка или котенка. Сама же мать заскучала, загрустила, захворала, потеряла аппетит. Ей хотелось домой. Ребенка выносила она очень быстро, и сразу после родов взглянула всего один раз на свою дочь, улыбнулась ей и умерла. А Навь забрала ее тело.

Сама богиня Онори дала Лине-Лин ее неземное имя, явившись во сне Герцогу Бертрану. Навь заботится о всех своих детях.

Кормилицам ребенок показался довольно милым. У мла-

денца был нормальный цвет кожи, не было хвоста. Правда были кошачьи ушки, но так и обычные тоже были. Опять же, все познается в сравнении. Ведь чтобы заставить служанок кормить Лапулю в младенчестве, их приходилось бить плетьюми. Джениус, во-первых, выглядел пугающе, а, во-вторых, он прокусывал своим кормилицам грудь, чтобы пить молоко вместе с кровью.

Едва научившись ходить, Лина-Лин научилась видеть щелки, через которые можно проскользнуть в Навь. Так она сразу начала жить в двух мирах. Тяжело же приходилось кормилицам и гувернанткам, которые все время ее теряли. Впрочем, немного позже все привыкли. Их главной заботой было научить Лину-Лин разграничивать и не путать человеческое и звериное поведение. Ей запрещали лакать из миски, есть сырое мясо, быстро чесаться.

Знакомить девочку с братом поначалу боялись. Но к тому времени, как ей исполнилось пять, Джен уже получил в подарок свой меч, Хаборим, и много времени проводил на заднем дворе с лучшими учителями фехтования. Отец нанял самых искусных, чтобы они могли за себя постоять. Ведь мальчишка периодически пытался их убить, когда ему что-то не нравилось.

Увидев его в окно, Кошка спросила, кто это, и ей ответили, что это брат. Но подходить к нему не стоит, он опасен. Мальчик сидел на камне и заботливо протирал сияющий на солнце меч. И Лине-Лин брат совсем не показался

пугающим. Скорее очень красивым. В детстве его черные глаза казались огромными. Портили очаровательную внешность только два свежих шрама на лбу и мрачный вид. «Ты не видела, каким он был раньше, – с содроганием произнесла одна из няnek, – сейчас хоть на человека стал похож, слава Творцу».

Мальчик закончил чистить меч и поднял глаза к окну. Увидев сестру, он задержал на ней любопытный взгляд. И тогда она сиганула с окна первого этажа под перепуганные крики прислуги. Лина-Лин легко приземлилась на ноги и пошла прямо навстречу к мальчику. Она молча забралась к нему на колени и принялась тереться головой, хоть ей и объясняли, что так ведут себя кошки, но не маленькие леди.

Вокруг них тут же сгрудились няньки и учителя и с ужасом ждали, что же будет. От сына хозяина они ожидали всего, хотя в этом возрасте он уже почти научился владеть собой.

Джениус хотел сначала стряхнуть с колен навязчивую сестренку, но потом видимо что-то екнуло в его груди, и он неловко погладил ее по волосам. Об этом еще три дня гудел весь замок. От нелюдимого и зловещего мальчишки уже и не ждали проявления каких-либо человеческих чувств.

Им позволили общаться, и братик часто носил ей цыплят и котят с заднего двора. Цыплят она поначалу придушивала и по-кошачьи играла с ними, радуясь их попыткам вырваться и спастись. Джениуса это умиляло. Но потом няньки от-

учили ее от жестоких забав, и Кошка потеряла к цыплятам интерес, а вот с котятами она могла часами бегать по саду и по комнатам замка. Они заменяли ей общение со сверстниками, которые боялись ее и разбегались при виде хозяйской дочки.

Брат иногда читал ей книги перед сном. Хотя учебник по фехтованию не сильно ее занимал, но там хотя бы были картинки. «Пособие по пыткам для палачей» тоже было неплохо иллюстрировано, но вот «Военная тактика» и «Большая энциклопедия ядовитых растений» были скучнее некуда. К счастью, кто-то объяснил мальчику, что маленькой герцогине не следует читать такие вещи.

В свободное время Джен учил ее стрелять из арбалета и драться на мечах. И тут уж никто не смог убедить его, что это совершенно бесполезно для девочки.

Вечером и утром их теперь вместе приводили на поклон к отцу. Лину-Лин одевали в милое платьишко, и она делала реверанс, чем обычно вызывала улыбку на мрачном лице герцога. Он не скрывал от детей, что доживает последние свои годы и редко бывал в настроении. Тогда Кошка еще не разбиралась в аурах, но черная туча проклятья над отцом ей не нравилась, и она никогда не обнимала его и не ласкалась. Страх расплаты заслонял в нем все остальные чувства. Отец много пил, продолжал искать забвения в объятьях самых разных женщин, что, разумеется, не способствовало росту его авторитета в глазах детей. Он никогда не был ей так

близок, как брат.

У Джениуса и вовсе не ладилась отношения с отцом. Герцог Бертран считал его довольно неудачной попыткой завести наследника, а тот в ответ старался как можно сильнее его разочаровать.

Когда Джен подрос, он твердо решил уйти из дома. Отец предложил ему купить небольшое поместье, но брат не хотел его денег. Он ушел, не попрощавшись, наверное, не хотел видеть слез сестры. А, может, боялся передумать.

Когда утром Лину-Лин одну повели приветствовать отца, и он все ей рассказал, Кошка убежала в Навь. Ее не было так долго, что дома ее уже не ждали. Она и сама не уверена была, что нужно возвращаться. Тогда-то она и окунулась в Море Истины. И поняла, что не просто так была рождена среди людей. Лина-Лин осознала, что должна искать свой Путь.

В замке ее встретили радостными криками, а отец отвлекся от мрачных дум, чтобы серьезно поговорить с дочерью. И она заявила ему, что уходит. Герцог нахмурился. Ведь его девочке было всего одиннадцать. Он сказал, что не в праве держать ее, в конце концов, она в любой момент может сама уйти в Навь. Но есть одна проблема. Бертран не зря старался не показывать Лину-Лин никому кроме домашней и дворовой челяди, которую особо за людей не считал. Дело в том, что в человеческом обществе абсолютно не принято ходить с кошачьими ушами. В первой же деревне ее сожгут на костре как ведьму.

Лина-Лин задумалась. Она не сможет постоянно прятать их за чепчиком или прической, но не отрезать же их, ушки прекрасно ей служили. С этой проблемой она пошла к богине Онори, давшей ей имя. Еще котенком она часто спала, свернувшись у нее на коленях, да и сейчас иногда забредала во дворец.

И богиня действительно помогла. Научила прятать ушки в Нави. Это было не так просто, приходилось контролировать их, чтобы они не вылезли обратно в Явь. И поначалу это случалось довольно часто. Но со временем она привыкла.

Было ясно, что отец примется ее всеми путями отговаривать, поэтому девочка просто ушла ночью. Джен прислал ей письмо, и она знала, что он нанялся участвовать в подавлении восстания в поместье графа Феншира в пяти днях от замка Бертран.

Уже тогда она додумалась одеться в мальчишку. Это было удобно, и ей было известно, что мужчина может сделать с женщиной, повстречав ее в лесу. Хотя она, разумеется, всегда умела за себя постоять.

Лук для охоты Кошка прицепила к поясу, маленький, похожий на детский, меч, выкованный специально для нее, повесила за спину. Сейчас она больше доверяла собственным зубам и когтям, да подаренному Хранителем арбалету, но тогда она только познавала мир.

В сказочных лесах Нави она часто охотилась на мелких зверьков в своем кошачьем облике, но и человеческой охо-

те брат ее научил. Они иногда по два дня проводили в лесу, выслеживая дичь, и лес ее не пугал. Лина-Лин легко лазала по деревьям и не боялась диких зверей. Она сама была в каком-то роде диким зверенышем.

Девочка не взяла ничего кроме смены одежды, фляги, карты и котелка (от сырого мяса она к тому времени уже отвыкла). О деньгах она как-то не подумала. И еще Лина-Лин позволила себе украсть любимого жеребца из конюшни. Правда, на второй день пути его задрали волки. Самой ей удалось уйти, благодаря умению лазать по деревьям.

Месяц девочка бродила по лесам и деревням, где к ней, маленькой герцогине, относились как к нищему мальчишке. Одежда ее сносилась, волосы свалились так, что она обрезаала их ножом чуть выше плеч. Вскоре Кошка додумалась менять дичь на хлеб, пшено и молоко, чтобы разнообразить свое питание.

А потом она все же нашла графство Феншир. И не просто графство, а военный лагерь, где занимались подавлением восстания. Там везде носились мальчишки, выполняя мелкие поручения, поэтому никто особо не обращал на Лину-Лин внимания. Она спрашивала всех, называя имя брата, данное матерью, но никто не знал такого. Сама мысль о том, что сын герцога Бертрана может быть среди наемников, вызывала смех у большинства солдат.

Он сменил имя. Конечно же, сменил имя... Лина-Лин думала не долго.

Кормилица рассказывала ей сказку про одного мальчика, который очень любил кошек. Может быть, она придумала ее сама, может и правда где-то услышала. Мальчика звали Джениус. И Лина-Лин с пяти лет называла своего брата так, хоть и знала его настоящее имя.

«Джениус. Я ищу Джениуса», – сказала она первому пробежавшему солдату, и тот резко затормозил.

«Зачем тебе нужен наш командир?», – поинтересовался он, недоверчиво разглядывая Кошку с ног до головы.

«Он мой брат», – устало сказала она.

И тут же солдат засуетился, повел Лину-Лин сквозь толпу. И в тот момент она чувствовала дикое невероятное волнение. Ей не верилось, что цель пути достигнута, что месяц новой, полной лишений жизни прошел не зря. Ей предстояла долгожданная встреча с единственным человеком, который когда-либо был ей дорог. Как же сильно Кошка соскучилась.

Командир. Ее брат – которому только стукнуло двадцать три года – командир. Ничего себе. Потом она узнала, что он так яро сражался, так толково высказывался о тактике боя, что после смерти на поле битвы двух его предшественников, было решено назначить этого никому толком неизвестного наемника. И пока он полностью оправдывал надежды.

Солдат привел ее прямо на лагерный совет. На поляне под небольшим навесом стоял стол, где были расстелены большие карты. Над ними склонилось семь человек и что-то рьяно обсуждали.

«Они запуганы, трясутся как щенки, – жестко говорил Джениус, – нам не зачем выжидать. Нападем сегодня ночью и перебьем их».

«Их много, – возражал старый дядька с длинными седыми усами, – ваш юношеский пыл не оправдан, Джениус, сколько наших солдат погибнет во время этой битвы?»

Слова седовласого встретили одобрителный гул голосов.

В этот момент Кошкин сопровождающий подошел к своему командиру и шепнул несколько слов тому на ухо.

Джениус резко обернулся. Остальные продолжали ссориться и спорить, но он их уже не слышал. Брат смотрел только на Лину-Лин.

Сначала на его лице мелькнуло некое подобие улыбки, что в принципе было ему несвойственно, потом его брови начали сурово сдвигаться. И, не дожидаясь, пока он окончательно рассердится на то, что она натворила, Кошка с разбегу кинулась к нему в объятия. И он, как всегда делал раньше, подхватил и покружил ее.

И тут же оживленная беседа за столом над картами оборвалась, и воцарилось изумленное молчание. Джен поставил Лину-Лин на пол. В абсолютной тишине шлепанье прохуdivшихся ботинок о землю показался невероятно громким.

«Что же, я согласен с тем, что мы не должны наступать сегодня, – холодно сказал он, – а, значит, нам не о чем больше разговаривать. Соберем совет завтра вечером, если повстанцы к этому времени нас не перебьют».

С этими словами он развернулся и пошел прочь, уводя Кошку за собой. Полную тишину так никто и не нарушил.

Джен ругал ее такими грязными словами, каких она еще не слышала за свою недолгую жизнь. Потом молча начал ходить из стороны в сторону, явно решая, что с ней делать.

В конце концов, он решительно развернулся к сестре. «Я попрошу у графа Феншира обоз для тебя. Через неделю ты будешь дома».

Лина-Лин рассмеялась. Ну да, весь этот месяц она просто прогуливалась в саду и теперь готова закрыть веер, поправить беленькое платье и идти домой, чтобы успеть к ужину.

К счастью, брат правильно воспринял ее смех.

«Ты не собираешься домой, да?» – угрожающе поинтересовался он. И уж ему-то было лучше всех известно, что сестренка никогда не делает того, что не хочет.

«Мне больше нечего делать дома, – пожала она плечами, – я туда не вернусь. К тому же, я соскучилась. Ты не должен был бросать меня так надолго».

«И что же ты намерена делать здесь?», – медленно и с опаской спросил брат.

Немного подумав, Кошка начала загибать пальцы: «Подожду, пока ты найдешь мне поесть, новую одежду, распорядишься, чтобы мне набрали ванну. Я, конечно, не люблю мыться, но от меня воняет. Ну а потом... Потом я буду сражаться вместе с тобой».

Джениус фыркнул: «Тебя в жизни не возьмут в отряд».

Потом он помолчал немного и добавил: «К тому же, это не твоя война. И не моя. Я просто сражаюсь за деньги, и мне неплохо платят. Здесь никто не знает, кто я на самом деле».

Он принес ей кусок холодной курицы, несколько ведер холодной воды, чтобы помыться и кое-что из мужской одежды, большей чем она сама в два раза. «Подпояшешься», – буркнул он на ее недовольное замечание.

Пока она ела, мылась и переодевалась, брат расхаживал из стороны в сторону и о чем-то напряженно думал. Лицо его было мрачнее тучи. Еще бы, только он начал самостоятельную жизнь, как на голову ему свалилась малолетняя девчонка. Но Лину-Лин это несколько не заботило, она вычесывала из чистеньких волос колтуны и мурлыкала песенку под нос. А потом сама не заметила, как, спокойная и удовлетворенная, она задремала, ощущая себя под защитой Джениуса.

Сквозь сон девочка почувствовала, что брат взял ее на руки и куда-то понес, но не посчитала нужным просыпаться, только машинально обвила его руками за шею.

«Спи, – шепнул он, – я просто уложу тебя поудобнее».

Проснувшись она в большой мягкой постели, подобной той, в которой она спала у себя дома. Девушка огляделась по сторонам и увидела незнакомую комнату с красивой резной мебелью. На столике с замысловатыми ножками стояли цветы. На стуле висело голубое платье. Простое, но из дорогой ткани.

Лина-Лин озадаченно почесала голову, соскользнула с

шелкового постельного белья и поставила ноги на мягкий ковер. Прикинула платье. Оно было немного большое, но, в принципе, можно надеть.

С удовольствием она стащила с себя одежду, которую дал ей брат

, и сунула руки в голубой наряд, заметив, что его явно уже носила девочка чуть крупнее ее самой. С криво обрезанными волосами она ничего поделать не могла, только смочила их водой из тазика для умывания и взъерошила, чтобы получились легкие кудри.

Остался только один вопрос – что она здесь делала?

В этот момент зашел Джениус. Он был все в той же походной одежде.

«Пришлось рассказать Фенширу, кто мы такие на самом деле, – мрачно сказал он, на лице читалось явное сожаление, – поэтому тебя разместили в покои для гостей, как и положено юной герцогине. Я написал отцу, он пошлет письмо графу Фенширу с просьбой взять тебя на воспитание и назначит хорошее ежемесячное содержание для тебя. Граф не посмеет ему отказать, отец слишком влиятельный. А слухов о детях, которые сбежали из отцовского дома, Герцогу Бертрану и так уже не избежать».

Усмешка брата после этих слов была то ли издевательской, то ли горькой, Лина-Лин так и не разобрала.

«А ты? – нахмурилась она. – Ты будешь рядом?».

Джен кивнул: «Я продолжу командовать графскими вой-

сками. Когда буду свободен, сможем видеться. Пойдем, я должен представить тебя Фенширу и его семье. Одна из его дочерей любезно пожертвовала тебе это платье».

Так началась Кошкина светская жизнь. Неудивительно, что деревни Феншира подняли восстание – в замке постоянно устраивались балы и пышные приемы, так что налоги были непомерные. Даже сам Король как-то приезжал на праздник в честь дня рождения графа. Ринальдо Восьмой Лине-Лин ужасно не понравился. У него был очень тяжелый взгляд, густая светлая борода, крупное телосложение. Он много пил и безобразно приставал к жене графа прямо на глазах у королевы, своей шестой жены. Бедняжка графиня только краснела и вымученно улыбалась.

Чем все закончилось, Кошка так и не узнала, ее и остальных девочек Феншир отпустили спать.

Лину-Лин воспитывали наравне с хозяйскими дочками. А было их всего четыре – две помладше, одна ровесница – Николь, и одна старшая, ей было уже пятнадцать, и граф никак не мог отыскать ей достойную и максимально выгодную партию.

Кошка с интересом погрузилась в новую жизнь. Утром были уроки. Конечно, это было не так интересно, как фехтование с братом, но учиться ей всегда нравилось. В отцовском замке ей преподавали литературу, этикет (который был самым нелюбимым уроком), историю, языки. Здесь к ним добавилось еще стихосложение, рисование и пение. Лине-Лин

нравилось петь, но, судя по лицам окружающих, у нее не слишком-то хорошо получалось. А вот рисунки выходили неплохие, учитель ее хвалил.

После обеда девочки Феншир обычно занимались рукоделием. Это занятие казалось Кошке невыносимо скучным, и она украдкой читала книги из графской библиотеки. Или уходила на прогулку. Во внутреннем дворе, недалеко от виселицы, была небольшая никому кроме нее не видимая дырочка, через которую можно было прошмыгнуть в Навь.

Потом, правда, Лина-Лин все реже стала туда ходить, у нее появилось новое увлечение. Сын графа Феншира, восемнадцатилетний Гилберт Феншир, стал все чаще искать ее общества. Для нее это были новые и очень яркие впечатления. В романах она тогда уже читала о первой любви.

Отец, Герцог Бертран, легко согласился на свадьбу и определил хорошее приданное. В письме он сообщил, что будет рад рождению мальчика. Видимо, все еще надеялся на более толкового наследника. На церемонию он не приехал. Похоже, черные мысли о воздаянии окончательно одолели его с уходом детей.

Она не знала, как брат отнесется к ее замужеству. По правде сказать, она ожидала ревности, даже ярости, ведь он всегда старался защитить ее от других мужчин. Но Джениус был просто счастлив. Он так неприлично радовался, что избавился от обузы в виде младшей сестры, и что теперь эта головная боль переходит Гилберту, что Кошка даже обиделась.

Порадовавшись, он провел с ней беседу о том, что она, хоть и кошка, должна быть верной женой и не позорить дом Бертранов.

«Позорить? – удивилась Лина-Лин. – Наш отец продал душу демону. Его наследник – наемник в соседнем графстве. Его дочь в одиннадцать лет сбежала из дома в мужском платье. Герцог Бертран так же известен как коварный соблазнитель и главный распутник Великого Королевства. Я уже молчу про страшные слухи о наших матерях. Которые, между прочим, соответствуют действительности. Ты уверен, что мы еще как-то можем опозорить наш род?».

«Тем не менее, пока Герцогство Бертран одно из самых богатых, наш род один из самых влиятельных». – Кисло заметил Брат.

«Нашему отцу осталось жить семь лет и три месяца. А потом, не исключено, что демоны заберут свои подарки обратно, и мы будем с тобой делить руины Герцогства Бертран...»

В двенадцать лет она стала женой графа Гилберта Феншира. И, как и наставлял ее брат, была ему верна. Все восемь месяцев, пока жила с ним.

Вскоре после свадьбы Джениус подавил восстание. Тогда еще Кошка не разбиралась в ситуации в стране, и смерть нескольких сотен крестьян, позволивших себе пойти против хозяина, не сильно ее огорчила. Ее волновала только она сама и ее братик. Лина – Лин слышала, что при дворе говорят о Джене. Ходили слухи, что он кровожадный, что он убивает с

удовольствием и любит мучать своих врагов. Говорили, что его черный меч, Хаборим, выкован в аду.

Особо смелые просили Лину-Лин рассказать о брате. И она с милейшей улыбкой говорила, что в детстве он всегда был очень послушным мальчиком, никогда не грубил и не дрался, во всем потакал отцу и играл вместе с ней с цыплятами и котятками. Еще добавляла, что он любил носить белый костюмчик и плести веночки из цветов.

Собеседники уходили крайне озадаченными. А у нее всегда сжималось сердце от всех этих разговоров. Она знала, что такое быть проклятым ребенком. Только вот ее проклятье в итоге обернулось даром, в этом помогла ей богиня Онори, дав ей имя и взяв над ней шефство. Кошка довольно быстро научилась отделять свою звериную сущность от людской и использовала ее только в случае необходимости. Лина-Лин – человек среди людей, своя среди своих. Она – девушка. Хоть и проклята немного, но все же неплохая девушка.

А вот Джениус обречен на вечные страдания при жизни и, как сам он говорит, после смерти. Его действительно пожирают изнутри ярость и жажда крови, он борется с ними, но они требуют выхода.

Говорили, что любовь к сестре помогла обрести ему хоть какие-то человеческие черты. Ей трудно было судить, она всегда знала его с лучшей стороны, но подозревала, на что он был способен.

Не зря юный герцог Бертран не носил имя, данное ему матерью, оно было такое же проклятое, как и вся его жизнь. Впрочем, фамилию и титул отца, виновника своего проклятья, он тоже никому не называл. И предпочел быть просто героем детской сказки, которую любила сестра.

– Джениус, – Лина-Лин снова потеребила за плечо брата, который молча смотрел в костер, – Мастер Ролан Серебряный знает, на какие струны души надо надавить, чтобы вывести человека из строя. Послушай лучше меня. Я много общалась с людьми, знала разных мужчин, дважды была замужем... Ну да, ты прав, не очень удачно... Но, в любом случае, для меня ты – все равно всегда самый лучший. Ты не тварь, не чудовище, ты человек, и не важно, какая в тебе течет кровь. Ты меняешься, становишься все мягче с каждым годом. Тот Джениус, которого я знала еще недавно, не за что не стал бы играть в спектакле. Он бы с легкостью убил режиссера, чтобы этого не делать. Да ты вообще не прикончил никого за последние две недели. Это так на тебя не похоже...

Лапуля криво улыбнулся. Лина-Лин поняла, что последняя фраза едва ли была сильно воодушевляющей.

– Еще мне кажется, Марко положительно на тебя влияет. – Быстро перевела она тему. – Ты уже год с ним, и ни разу не попытался его убить.

– Ты даже не представляешь, как иногда хочется, – вздохнул Джен.

– Надеюсь, что это шутка, – сонно проговорил Марко за

их спиной.

Он апатично стоял сзади, кутаясь в одеяло. Видимо, холод разбудил его.

– Я проснулся, хотел было прижаться к кому-нибудь из вас, чтобы было теплее, – печально объяснил он, – но никого не было рядом. Только Шенен на стуле.

С этими словами Марко присел на бревно напротив них.

При упоминании их подопечного, девушка вспомнила, как тот говорил на непонятном языке во сне. Хотела было обсудить это со своими мальчишками, но вспомнила, что есть тема поважнее.

– Мы думаем, что в сны к Джену приходил Мастер Роланд Серебряный, – сразу сообщила Лина-Лин, – он хотел знать, где мы находимся.

– И вам доброго утра... – проворчал Одуванчик.

– Роланд не уверен, что я – тот, кого он ищет. – Заметил Джениус. – Но он сказал, что будет наблюдать за мной. Ведь рано или поздно мои сны выдадут и кто я такой, и где нахожусь, и с кем общаюсь.

Марко немного испуганно глянул на друга.

– Ты не мог бы видеть во сне что-нибудь нейтральное? Море там или лес?

– Мне часто снится и море, и лес, – со странной улыбкой произнес Джениус. – Только выглядят они довольно странно.

– И что же в них странного? – любопытно спросил Одуванчик.

Лина-Лин знала, что таких вопросов задавать ее брату явно не стоит.

– Море, – протянул Джениус с неприятным скрежетом, – Мое море полностью сковано прозрачным льдом до самого дна. И я, вмерзший в это море, не могу ничем пошевелить кроме зрачков. Я терплю во сне. Долго, невыносимо долго терплю неподвижность, адский холод и нехватку воздуха... А в моем лесу растут странные деревья. Нагромождение плохо сшитых человеческих рук, ног и других частей тела, кровоточащих и шевелящихся. И я – одно из этих деревьев. Только голова моя находится наполовину в земле, ближе к корням-кишкам, ноги пришиты к затылку и образуют ствол, а ветки – это десятки чужих прицепленных ко мне рук. Я хочу кричать от ужаса, но не могу, потому что рот полон земли.

Сестра с ужасом слушала это описание. Ее не пугали сами картинки, но ей очень страшно было за брата, которому приходится верить в реальность этих кошмаров.

– Что же, – Марко натянуто улыбнулся, было видно, что он тоже под впечатлением, – думаю, ад – тоже достаточно нейтральное место. По нему можно судить только о твоём невыносимом характере и поврежденной психике.

– Пока что особо нечего бояться, – неуверенно произнесла Лина-Лин, – ну пришел он к тебе во сне, что ж теперь? Скоро рассвет, и вы можете посоветоваться с Данте. Может, есть способ спрятаться от сноходца.

Она постаралась произнести имя Хранителя как можно

более равнодушно, но на самом деле от самой маленькой сквозной мысли о нем захватывало дух.

– Кстати, я вот еще о чем подумал. – Вдруг встрепенулся Марко. – Я придумал один прекрасный способ выбраться из города!

– Неужели? – скептически приподнял бровь Джениус.

– Мы попросим Верховного Хранителя, чтобы он пригласил балаганчик Фридриха выступить на неделе Ордена со спектаклем! – радостно провозгласил Марко. – Тогда мы спокойно выедем в качестве бродячих актеров по личному приглашению Хранителя.

Идея, действительно, была довольно неплохая.

– Главное, добраться без приключений, – улыбнулась Лина-Лин, понимая всю абсурдность своих слов, – а выступать вовсе необязательно. Передадим Хранителю Шенена и – тадаааам- заберем деньги!

Хотя, едва ли она будет рада, когда все закончится. Сейчас Кошка, по крайней мере, была связана с Данте. Да и Лапуля был рядом. А когда все закончится, он будет опять пытаться послать ее домой, выдать замуж или пристроить в какую-нибудь унылую чопорную семью.

– Выступать, говоришь, необязательно? – сладко улыбнулся Марко. – Вообще-то вся эта идея возникла в связи с тем, что я хотел отблагодарить Фридриха за все, что он для нас и лично для меня сделал. Он будет счастлив выступить на таком грандиозном мероприятии. И все мы обещали сыграть в

его новой трагической постановке. А то, что это еще и неплохой способ уехать из города, пришло мне в голову значительно позже.

Лина-Лин сразу сникла, представив, как на глазах у Хранителя играет очередного мальчика для битья. На лице Лапули она тоже не заметила восторга от грядущей всенародной славы.

Запели предрассветные птахи, воздух стал еще холоднее и свежее.

– Пойдемте, мальчики, я уложу вас спать! – спохватилась Кошка. – Вам еще предстоит встреча с Хранителем. Счастливики...

Еще один проклятый род

Сообщение о Мастере Роланде Серебряном заставило Верховного Хранителя нахмуриться.

– Это опаснее, чем ты думаешь. – Серьезно сказал он Джену. – Мастер Роланд – страшный человек. Если бы меня попросили поведать о нем в трех словах, я бы сказал так: ни жалости, ни страха, ни любви.

– Мне бы хватило одного слова. – Пожал плечами Джен. – Псих.

– Он и ко мне как-то раз явился во сне, – неохотно припомнил Данте, – вроде как по важному вопросу, касающемуся его и моего Орденов. Но на самом деле для того, чтобы продемонстрировать свою силу, почувствовать превосходство. Я тогда очень корректно объяснил ему, что он явился без приглашения, что на сегодня у меня не запланировано решение государственных вопросов. И что вторжение в сон – это грубое нарушение личного пространства. В ответ он этак издевательски раскланялся и исчез. С тех пор все наши встречи, которые, увы, необходимы, проходят наяву.

Джен усмехнулся.

– Боюсь, в моем случае эти аргументы не прокатят.

Данте задумался ненадолго, потом четко, как инструкцию, проговорил:

– Каждое утро во всех подробностях рассказывай сны

Марко и Лине-Лин. Даже если в них не было Роланда, все равно рассказывай, он может присутствовать, но никак не проявлять себя. Со стороны за тобой легче будет наблюдать. Все странности докладывайте лично мне. Я понимаю твою скрытность, Джениус, – добавил Хранитель мягче, – но это необходимые меры. Иначе однажды ты просто можешь потерять грань между сном и реальностью. И одному Мастеру Роланду Серебряному известно, к чему это может привести.

– Думаю, в связи с новыми обстоятельствами, мы должны как можно скорее передать вам Шенена. – Вдруг весело сообщил Марко. – Чем скорее, тем лучше.

Данте сразу почувствовал какой-то подвох.

– Что ты хочешь этим сказать? – осторожно спросил он.

Марко предложил официально пригласить Фридриха, главного в их балаганчике, выступить с постановкой на Неделе Ордена. Это, действительно, был неплохой шанс попытаться выехать из города, но... Марко настаивал, что они должны непременно показать этот спектакль. На мероприятии, куда приглашались только артисты самого высокого класса со всего мира. Которые готовились к столь важному событию не меньше, чем полгода.

А эти веселые ребята, видимо, собрались ставить спектакль по дороге.

– Это будет очень достойная пьеса, я знаю Фридриха! – с жаром заверял Марко. – Там непременно будет богиня Онори и богиня Нинель, противостояние Тьмы и Света, все для

Недели Ордена!

Данте не знал, что сказать.

– Мы пообещали Фридриху, что никуда не денемся, пока он не поставит какую-то чертову пьесу. – Хмуρο заметил Джениус. – Мне лично глубоко наплевать, но ваш золотой Шенен не склонен нарушать обещания.

Что же, это был довод. Каждый поступок Шенена – это формирование его личности. Это действительно важно.

– Ладно. – Пришлось согласиться Данте. – Я лично посмотрю вашу пьесу. Если она будет достаточно сносной, то я даю добро. Но если она не подходит, то тогда извините, ребята.

Марко выглядел довольным. Хранитель не сомневался, что он замечательный актер, но ведь не от него одного все зависит. Если спектакль будет из рук вон плох, он сумеет убедить их отменить выступление.

Гвенделя ситуация со спектаклем изрядно позабавила. Понравилось ему и название театрjка – «Зеленый гусь».

– Уверен, балаганчику с таким названием доподлинно известно, как угодить высшей знати Ордена Хранителей. – Хмыкнул он.

Данте только вздохнул.

– Марко сказал, Фридрих дважды выступал в королевском дворце, – вспомнил он. – Только вот в это слабо верится.

– Почему нет? Нашему дражайшему правителю несложно угодить. Тем лучше спектакль, чем больше в нем пошлости,

ругани и шуток про сортир.

– Пожалуй, да. – Кивнул Данте. – Вкусы Ринальдо Восьмого всем известны.

Гвендель немного помолчал, задумавшись о чем-то, потом заговорил несвойственным ему серьезным голосом:

– Я бы не стал вмешиваться, не будь все так плохо.

Данте сразу понял, что друг снова завел тему свержения власти. Оглядевшись по сторонам, Хранитель решил, что их никто не услышит и не обязательно переходить на мысленное общение.

Все еще завтракали, а двое друзей сидели в отдалении на берегу узкой лесной речушки, греясь в скурых лучах утреннего осеннего солнца.

– Ведь ты же понимаешь, мой город – часть Королевства Ринальдо Восьмого. – Продолжил Гвендель. – И я никак не могу защитить своих граждан от обнаглевших полицейских, от непомерных налогов, от произвола Серых Мастеров. Люди живут в страхе. А ведь славный город Флаверн еще недавно был известен тем, что на улицах почти нет нищих, слабо развита преступность. А теперь мы, четыре правящие семьи, еженедельно собираем совет и ломаем голову, как с этим всем бороться. Зато в королевском дворце наш великий Ринальдо Восьмой построил одну башню всю целиком из золота.

Данте невесело улыбнулся.

– Я думал, ты будешь единственный, кто оценит башню

из золота, вполне в твоём духе.

– Я тебя умоляю, – недовольно отозвался друг, – я чрезвычайно аскетичен и неприхотлив.

С этими словами он поправил волосы рукою, полную золотых перстней с огромными драгоценными камнями. И один из бриллиантов так и засиял на солнце.

– Так о чём я? – вернулся Гвен к рассказу. – Ладно, нищие, но ведь Флаверн был издревле известен своими поэтами! Но они испуганно молчат. Ведь если хоть в одной строчке заподозрят пасквиль на власть, то ты уже палачу будешь доказывать, что это просто образное описание узора на крыле бабочки.

По правде сказать, слышал Хранитель Данте славных Флавернских поэтов и, может быть, это и к лучшему, что они теперь молчат... Послевкусие от этих стихов сравнимо только со знаменитым цветочным вином.

– Я во всем согласен с тобой, дружище. – Кивнул Хранитель, деликатно уходя от темы поэтов. – Когда был конфликт с государством Антея, мне уже тогда хотелось выступить напрямую с неодобрением действий короля, но мой отец, он еще был Верховным, меня удержал. Объяснил, что дальше будет еще хуже, Король выбрал худший из все путей, но Орден не должен открыто вмешиваться. Это посеет смуту.

– Еще бы, – хмыкнул Гвен. – Всем известно, что Великое Королевство держится на трех столпах. Хотя некоторые из них слегка прогнили.

– На трех столпах... – задумчиво повторил Данте. – Королевский Орден, Орден Хранителей и Орден серых Мастеров. Что же начнется, если столпы начнут бороться между собой? Все рухнет. Так считал отец.

– Думаю, Серому Ордену тоже ох как хочется выразить свое неодобрение Орденом Хранителей. – Улыбнулся Гвен. – И, желательно, выразить это неодобрение как-нибудь заметно – например, в огромном костре, очистительное пламя которого подымается до самых небес, где горел бы твой замок и весь твой совет старейшин. Но нет. Бедняги терпят. А который конфликт с государством Антея ты имеешь в виду?

Хранитель был постарше друга, и неудивительно, что тот не припомнил сразу те события.

– Мне было пятнадцать, – начал Данте, – когда столь же юный Ринальдо взошел на престол. Тогда он был полон любви к Королевству и мечтал править лучше, чем его покойный отец. В первую очередь он решил наладить отношения с государством Антея и взял в жены принцессу. Ее тоже звали Антея. И это был первый брак с иноземкой за последние пятьдесят лет.

Ты и сам, наверняка, в курсе, что Королевская династия Базард настолько следит за чистотой крови, что все ее члены женятся друг на друге. И, вскоре после рождения наследника, взгляды Ринальдо резко поменялись в традиционную сторону. То ли под влиянием советников, то ли из-за новой юношеской влюбленности, он объявил, что иноземка недо-

стойна быть королевой столь великих земель и отправил ее в Обитель Серых Сестер. А сам женился на кузине.

– Думаю, Антею не сильно огорчило заточение в Обители. – Пожал плечами Гвендель. – Куда приятнее служить Творцу, чем Ринальдо.

– Но зато ее огорчил специальный указ относительно ребенка. Король лишил своего старшего сына, Ринальдо младшего, престола, по причине того, что он рожден от недостойной королевы и в нем течет «грязная» кровь. Государство Антея потребовало вернуть принцессу на родину. Король отказал, и началась война.

Хранитель нахмурился, вспоминая. Он был юн тогда и кровопролитие из-за глупости правителя вызывало у него недоумение и возмущение. Только через пару лет отец Данте убедил Ринальдо отправить бывшую королеву домой. Война прекратилась, но напряженные отношения остались. Конфликты потом не раз начинались снова по любому поводу.

– Я тогда лично сопровождал бывшую королеву на корабле. – Сказал он Гвену. – Она была хорошей девушкой и вполне могла бы стать справедливой правительницей. Антея сохранила гордость и достоинство даже в такой унижительной ситуации. Единственное, о чем она сожалела, что ей больше никогда не увидеть своего сына.

Друг задумчиво смотрел мимо Хранителя, и тому на секунду показалось, что он сейчас все вспомнит. Поймет, что и ему больше никогда не увидеть своего ребенка, жену, всех

родных и город, за благополучие которого он борется.

– Можно было бы просто переждать его правление, он ведь помрет в конце концов, – к Гвенделю опять вернулся осмысленный взгляд, – но ведь потом на престол взойдет один из его сыновей. В народе болтают про проклятую кровь.

Данте тоже слышал, как его слуги перешептывались про Ринальдо и употребляли слова «проклятая кровь». Это, видимо, относилось к его детям. После того, как Ринальдо выгнал Антею, он женился еще пять раз. При этом он так помешался на чистоте крови, что брал в жены только родственниц. Две жены скончались при таинственных обстоятельствах, еще двух он сдал в Обитель, как и Антею. Шестая должна была вот-вот родить.

Кровь династии Базард должна оставаться чистой, никаких примесей. Только вот кровь их чернее некуда. Ведь на них лежит родовое проклятье. По крайней мере, именно такие слова говорила повариха Верховного Хранителя его горничным.

Базарды столько поколений женились друг на друге, что тут и без родового проклятья будут рождаться слабые и больные дети.

Данте хорошо знал всю королевскую семью и не раз обедал с ними за одним столом. Четыре мальчика отличались бледной кожей, врожденными болезнями, а, главное – дурным характером. Младший, кажется, страдал психическими расстройствами и был сильнее остальных склонен к жесто-

кости.

Девочка – Алевтина – тоже была очень болезненной, казалась, душа в ней едва держится, но эта хрупкость и бледность ей невероятно шла. Как и светлые локоны – фамильная черта Базардов. В отличие от братьев она была патологически скромна, едва осмеливалась поднимать глаза на гостей за ужином.

Самый старший отпрыск, сын Антеи, хоть и носил имя отца, не присутствовал на официальных обедах. Он воспитывался вместе с остальными детьми, но отец относился к нему так, будто это был незаконнорожденный ребенок. Он был лишен многих привилегий, и его судьба была определена. Ринальдо велел воспитать лишённого престола сына хорошим воином, чтобы тот впоследствии мог возглавить королевскую армию.

Да, Ринальдо младший был наиболее здоровый из детей. От королевских слуг Хранитель слышал, что и характером он сильно отличался. Был незлобивым, веселым и лишённым присущего остальным представителям династии Базардов высокомерия. Как ни странно, братья и сестра любили его, хоть отец и внушал им, что Ринальдо младший недостойного происхождения и лишь на половину Базард.

Но так называемая проклятая кровь текла и в нем. Старший сын короля влюбился в собственную сестру Алевтину. И не он один. Вторым по старшинству брат, прямой наследник престола, тоже поддался этой запретной страсти. А что

еще было ожидать, если с детства им твердили, что Базарды должны жениться друг на друге. Хотя о прямых родственниках речь обычно не шла.

Двое братьев, все время до этого бывшие близкими друзьями, сильно рассорились. Младший попытался отравить старшего. Тот обозвал его подлецом и трусом и вызвал на дуэль. И, видимо, с легкостью убил бы слабого и бледного соперника, но принцесса Алевтина каким-то чудом все узнала, прибежала и закрыла наследника грудью. Такие вот непростые отношения складывались среди детей Ринальдо Восьмого...

– Но даже если нам удастся свергнуть короля, кто взойдет на престол? ... – медленно и рассудительно заговорил Данте. – Начнется смута, страна будет ослаблена, а уж внешних врагов у нас сейчас хватает. Да и если династия Базардов, правившая семьсот лет, будет уничтожена или изгнана, как к этому отнесется народ?

– Ох уж наш народ... – недовольно пробурчал Гвен, – они ненавидят Короля, но свержение Базардов они наверняка воспримут как очередной конец света.

– В этом, кстати, слабое место «Братства на крови», – заметил Хранитель, – они хотят избавиться от Короля, но понятия не имеют, что делать дальше.

– Зато они не раболепствуют и не трясутся, как остальные, – отрезал Гвен, – они расстаются со своими жизнями ради будущего. Пусть они не победят сейчас, но подадут

пример. Народ поднимется рано или поздно. Должен подняться.

– Как поднимется, так и поляжет, – покачал головой Данте, – Великое Королевство умоется кровью. Я мечтаю найти другой путь. И, что-то мне подсказывает, твоя идея с сатирическими памфлетами, возможно, станет началом для чего-то нового.

– Ну да, – усмехнулся Гвендель, – Я, разумеется, рассчитываю на то, что Ринальдо Восьмой обидится и сам уйдет. А Мастер Роланд Серебряный разрыдается и всенародно сожжет себя на костре.

– Было бы неплохо, – мечтательно вздохнул Данте.

– Хранитель, все готово! – крикнул юный служитель Ордена, не решаясь подойти близко. – Можем трогаться! Процессия уже выстроена!

Ох уж эта процессия... С каким бы удовольствием Данте бы в четыре раза быстрее доскачал до замка Иллингтон вдвоем с Гвендом. И не пришлось бы тратить столько времени.

Но, разумеется, Верховному Хранителю нельзя было путешествовать без окружения, разве что в Навь. Первостепенная задача его Ордена была сохранять ему жизнь и здоровье всеми путями, так как он единственный прямой представитель богини Онори на земле.

Гвен с насмешкой смотрел, как Данте чинно идет к своему почетному месту среди служителей, сопровождаемый восхи-

ценными взглядами. Помимо Орденских, в почетном отдалении среди деревьев столпились жители местной деревни. Они принесли угощения для Верховного Хранителя, но кто-то из старших служителей, как обычно, жестко отрезал, что господин не ест еду, приготовленную незнакомцами.

Уже сев на коня, Данте краем глаза заметил, что Гвендель не побрезговал взять у деревенских молоко, хлеб и еще что-то дымящееся, завернутое в полотенце. Судя по сияющим лицам местных жителей, Гвен пообещал все это передать Хранителю и лично проследить, чтобы он доел все до последней крошечки.

Подождав, пока процессия перестанет быть такой «до отращения ровненькой и слаженной», Гвен покинул свой ряд и, как обычно, нагнал Данте. При этом он что-то довольно жевал и запивал цветочным вином из фляги.

– Жаль, няньки тебе не разрешают есть, что ни попадя. – С набитым ртом невнятно проговорил Гвендель. – Это пирог с мясом. Я съел уже половину и до сих пор не упал с лошади запертво.

– Бывают яды замедленного действия. – Глубокомысленно изрек Данте и отломил кусок протянутого пирога.

При этом он глянул по сторонам, чтобы никто из старейшин Ордена этого не увидел. Не то, чтобы они ему что-то запрещали, но не хотелось травмировать их психику таким неоправданным, на их взгляд, риском. Гвен называл этих почтенных старцев «няньками» и любил раздражать их фра-

зочками вроде «Вы случайно не видели Верховного Хранителя? Кажется, он час назад вышел по нужде и до сих пор не вернулся». Пожилые служители Первой ступени бледнели, серели, хватались за сердце и, подняв панику, кидались искать своего господина.

И находили минуты через три мирно спящего или заботливо начищающего свой меч. «А, вот ты где! – радостно восклицал Гвен, который до этого весь вечер сидел рядом. – Я тебя уже час ищу!».

Неудивительно, что ближайшие соратники Данте не слишком-то любили Гвенделя и то и дело кидали на него подозрительные взгляды. Зато молодняк души в нем не чаял, особенно женская его часть, для них он был «таинственный красавчик». И когда Хранитель бывал занят, Гвен сидел у костра, окруженный стайкой девушек и с очаровательной улыбкой что-то им рассказывал. Наверняка что-нибудь про средства для красоты волос и ногтей.

Данте боялся, что они начнут расспрашивать друга про Флаверн и поймут, что Таинственный красавчик их не слышит, но, к счастью, они избегали этой трагичной темы. Да и про то, кто он такой, Гвен не слишком распространялся. «Няньки», разумеется, его знали, они еще в молодости Данте намекали, что ему не следует общаться с этим невоспитанным юношей с неприлично-длинными волосами. А для остальных Гвен был просто знатным вельможей из погибшего города.

Как бы то ни было, Хранитель Иллингтон был рад, что судьба и обстоятельства, хоть и довольно трагичные, снова свели двух друзей вместе. Сейчас они, как никогда, были единомышленниками. Пока что оба только раскрывали свои мысли друг перед другом, обличая их в слова. Но скоро, хотя Данте до сих пор в это не верил, они начнут действовать.

Марко и Джениусу тоже были приготовлены не самые последние роли в спектакле, который Хранитель Иллингтон собирался разыграть на сцене Великого Королевства перед лицом всего мира.

Но им пока лучше думать, что они просто наемники. Рабочая сила, чтобы доставить в замок Иллингтон ценный груз. Пусть пока еще немного побудут пешками.

Прощай, город-карнавал!

Утренняя пятиминутка, посвященная пересказу очередного сна Джениуса не способствовала хорошему началу дня. В лучшем случае Марко чувствовал, будто на него опрокинули чан, полный слизней и червей. В худшем на него словно веяло холодом из самых глубоких слоев преисподней. И так каждое утро, пока они вынуждены были скрываться в балаганчике.

Его напарнику в большинстве случаев действительно снился ад во всем своем многообразии. И с помощью шуточек Марко пытался скрыть свои глубокие переживания по этому поводу. Он искренне не понимал, как Джениус это выносит. И успокаивал себя лишь тем, что напарник так живет всю жизнь и, очевидно, привык. Насколько к этому можно было привыкнуть...

Следующим в этот чудесный день его порадовал Фридрих. Сегодня гонец от Иллингтона наконец-то привез приглашение их режиссеру поучаствовать в неделе Ордена. Там было написано, что Хранитель "наслышан о всенародной любви и громкой славе театратора "Зеленый гусь"". Что было, разумеется, откровенной ложью.

Конечно же, Марко так и подмывало рассказать о том, что это он лично попросил Данте об участии труппы в таком масштабном мероприятии... Но, конечно же, он не мог афиши-

ровать их связь с Данте Иллингтоном.

Фридрих же так и раздувался от гордости, поверив в свою мировую известность. Что же, как ни хотелось Марко услышать слова благодарности от старого друга, надо было молчать.

Все остальные участники труппы тоже выглядели радостными и оживленными. И, слава Творцу, собирали и упаковывали вещи, чтобы тронуться в путь. Даже отменили вечерний спектакль, который репетировали последние три дня.

Но Марко не слишком-то разделял всеобщее веселье. Фридрих заявил, что они будут показывать на неделе Ордена ни что иное, как комедию "В покоях знатной дамы". Марко представил себе лицо Хранителя Данте, когда тот будет это смотреть...

– Ты шутишь? – пытался Марко возмущаться. – Пошлая комедия на церемонии посвящения в Орден??? Это же просто смешно!

– Конечно смешно, это же комедия, милый, – улыбнулся Анри.

Джонни поддержал товарищей:

– Ну не на церемонии же посвящения в Серые Мастера мы ее покажем. Хранители не дают обет безбрачия, и тема измены для них, как и для всех, актуальна.

"Но я обещал, что там будет богиня Онори!" – чуть было не вырвалось у Марко. Но он вовремя поправился:

– Но в спектакле для Ордена просто обязана быть богиня

Онори. И Нинель, богиня Тьмы... противостояние Света и Тьмы.

– И они будут. – Спокойно вставил Фридрих. – Мы введем их в этот спектакль. Они будут изображать божественное предзнаменование перед каждым явлением. Ли, ты – богиня Онори.

– Юхуу! – Шумно обрадовалась Лина-Лин.

Ну да, ей хорошо. Предстанет перед своим Данте в красивом платье...

Фридрих снова обратился к Кошке:

– И ты же – богиня Нинель, только переоденешься.

– Юхуу! – Снова отозвалась Лина-Лин и, пританцовывая, ушла помогать Анри готовить обед.

– Вот и все, проблема решена, – довольно заключил Фридрих.

Марко помогал разбирать декорации и складывать вещи в полном молчании. Ох, как ему не хотелось гореть от стыда под внимательным взглядом Данте. Верховный Хранитель, конечно, к ним хорошо относится, но не до такой же степени.

Ну а в довершение настроения ему испортила карта Великого королевства. Кусок изрисованной желтой бумаги лежал такой себе вроде безобидный, но Марко ужасно на него злился. Еще бы, коварная карта упорно показывала, что в замок Иллингтон они попадут вовремя, только если пересекут Центральную Обитель Серых Мастеров.

Город, где располагалась Центральная Обитель Великого

Королевства был одним из крупнейших. При этом если идти в обход, пришлось бы обходить опасные болота и потратить кучу времени. Тем более, что с ними теперь путешествуют две повозки Фридриха, запряженные ослиами.

Но идти через Обитель... Да там куда ни плюнь, сидит по пять Серых Мастеров. Но это не самое страшное. Ходили слухи, что Центральная Обитель целиком была во власти Роланда Серебряного, что бы это ни значило. Марко понятия не имел, как именно эта всеобъемлющая власть проявляется, но желания узнать об этом на своей шкуре у него не было.

Джениус был задумчивым и напряженным. Видимо опасался, что вторжение в его сны на территории Мастера Роланда Серебряного может иметь более тяжелые последствия, чем сейчас. Но Кошка наотрез отказывалась идти в обход. Говорила, тогда они опоздают и не смогут показать спектакль. Может и так, а может, она просто хотела поскорее увидеть своего обожаемого Данте.

После небольшого совещания решено было идти через Обитель.

– Хотя там не слишком-то любят актеров. – Печально вздохнул Анри. – Я слышал, их там предпочитают сжигать на костре под какими-нибудь благовидными предложениями.

– Да там вообще просто обожают кого-нибудь сжигать. – Небрежно кинул Джонни.

Как бы там ни было, сначала им предстояло покинуть Ашер. Джен налепил усы и густую бороду, искусственные

морщины значительно состарили его.

Марко теперь изображал местного дурачка. Джениус без зазрения совести украл для него короткие штанишки, которые сушились на веревке у соседней повозки. Парик с рыжими патлами, торчащими в разные стороны, прекрасно довершал образ.

Лина-Лин в этот раз была девочкой, очень милой и воспитанной на вид. На ней был паричок с русыми косичками. И она вроде как была дочкой Джениуса. Для тех, кто знал, что женщин не берут в театр.

Шенен в очках слепца на красивом лице и с палочкой выглядел таким трогательно-беспомощным, что хотелось схватить его под руку и указывать дорогу так долго, как потребуется, хоть всю жизнь.

Они решили ехать прямо через центральные ворота. И теперь уже час стояли в очереди. Желających выехать из города было не так уж много, основная часть времени уходила на проверку. Отдельно работали Серые Мастера, отдельно стражники. Еще бы, это ведь были конкурирующие подразделения, выполняющие приказы двух разных господ.

Видимо, у них была какая-то договоренность: часть людей проверяли стражи, часть Серые Мастера. Марко заметил, что они чередуются и, посоветовавшись с Дженом и Фридрихом, они поменялись с соседней повозкой местами, чтобы достаться королевской гвардии. По общему мнению, Серые Мастера были куда опаснее в их ситуации.

Один страж приказал всем, кто был верхом, спешиться, остальным – выйти из повозки, и начал пристально осматривать каждого на наличие примет. Второй полез в обоз с декорациями, в надежде, что там кто-то прячется.

– Кто такие? Куда направляемся? – с неприязнью поинтересовался тот, кто в данный момент детально изучал Марко.

Лицо стражника было так близко, что чувствовалось его дыхание – не самое свежее, между прочим.

– Балаганчик "Зеленый гусь". – Ответил на вопрос Фридрих. – Едем на неделю Ордена по личному приглашению Верховного Хранителя.

И режиссер с гордостью развернул официальное письмо. Стражи порядка внимательно осмотрели печать с вензелями Д.И. и неуверенно переглянулись. Да, вмешиваться в дела Ордена Хранителей – ну очень опасно. Но, с другой стороны, не подчиняться приказам начальства еще более опасно.

Пока их пристально сверяли с их же приметами, Марко широко улыбался, чтобы никто ни на миг не усомнился в его придурковатости.

Вжившись в роль, он незаметно стянул шляпу стражника и стал жевать перо на ней. Увидев это, полицейский сверкнул глазами и замахнулся было на Марко, но Лина-Лин жалобным детским голоском попросил не бить дяденьку-дурачка. И, глядя в эти наивные глаза, трудно было ей отказать.

С Шенена сняли очки слепца, чтобы узнать цвет глаз, но он додумался не открывать их.

– Он таким родился, – пояснил Джениус старым скрипучим голосом, – этот паренек не может поднять веки.

Вот, может же напарник сносно играть свою роль, когда захочет.

Стражник равнодушно надел очки на «слепого» обратно.

Марко решил не отставать от Джениуса в театральном искусстве, лег на землю и стал весело пускать слюни.

– Фу... – тихонько сказала Лина-Лин.

Стражник, чью шляпу он до этого жевал, покосился с брезгливостью.

– Все, проезжайте! – не выдержал он.

На радостях Марко обнял стража порядка, перепачкав его слюнями. Все оказалось проще простого, спасибо Фридриху за маскировку. Две яркие повозки, запряженные ослиами тронулись. Под веселые напевы уличных музыкантов у ворот, их труппа покинула город-карнавал Ашер.

Город-храм

Даже лес вблизи Обители был каким-то серым и неприятным. Лина-Лин постоянно вздрагивала и оборачивалась от каждого хруста ветки, а ведь она всегда чувствовала себя в лесу, как дома.

Невыносимо похолодало, и девушке не хватало ее теплой пушистой шерстки, которую она носила в Нави. Или теплых объятий.

Были и приятные моменты. Проклятие давно не беспокоило, нога у Джениуса окончательно зажила, и они с братом охотились вдвоем, как в детстве. Вместе это получалось у них еще лучше, чем по отдельности, так что кушали они очень хорошо. Фридрих и его труппа были просто в восторге, столько жареного мяса у них давно не было.

А вот накормить Шенена – это была та еще проблема. К счастью, недавно по дороге была деревушка, и Марко выменял там дичь на овощи, хлеб и молоко для их подопечного.

Фридрих заставлял их повторять тексты по дороге и мучил репетициями на привалах. Комедия обрастала все новыми текстами и подробностями. Хотя Лина-Лин с Марко сходились во мнении, что их пьесу это не спасет.

Но лесная дорожка неумолимо вела их к Верховной Обители. Город-Храм. Так называли его Серые Мастера. Но Джениус утверждал, что это Город-Уныние.

И в день, когда их старые театральные повозки должны были въехать в Верховную Обитель, девушка еще больше ощущала тревогу. Джену тоже явно было не по себе.

А вот труппа веселилась во всю. Чтобы оправдать их пребывание на «святой» земле, было решено выступить с представлением. Но в репертуаре Фридриха, разумеется, не было ни одной пьески, после которой их не сожгли бы на костре. Поэтому приходилось быстро придумывать какой-нибудь благочестивый сюжет, но выходила все какая-то ересь...

– Эй, мы не можем ставить пьесу про Творца, если это заведомо плохая пьеса! – возмутился Анри. – Так и знай, Фридрих, земля разверзнется, и ад поглотит тебя за это!

– Прямо во время представления, – весело добавил Марко.

– Что будет очень поучительно для всех. – Подытожил красавчик Джонни.

– Успокойся, Анри, – ласково отозвался Фридрих, – никто не собирается оскорблять Творца, все его любят.

– Или почти все... – вставил Мердок, подозрительно покосившись на Джениуса.

– И о чем же тогда будет представление? – недоверчиво прищурился Анри.

– Обитель Серых Мастеров мало интересуется Творец. – Вздохнул режиссер. – Они уже давно служат не ему, а Мастеру Роланду Серебряному.

Лина-Лин посмотрела на брата при этих словах. Его лицо оставалось напряженно-холодным.

– Хм. Мы будем делать спектакль про Мастера Роланда? – поинтересовался Джонни.

Судя по сосредоточенному лицу, он сейчас подсчитывал в уме вероятность собственной смерти на очистительном костре.

– Это будет очень благочестивый спектакль. – Уверил всех Фридрих с хитрой улыбкой.

– Дружище, – на всякий случай встрял Марко, – если там не будет ни одной проститутки, это еще не делает его благочестивым.

– Ни одной проститутки? – удивленно переспросил Анри. Видимо, он понял, что только – что остался без роли.

– Не переживайте, все будет так свято и уныло, что зрители массово уснут на представлении. – Заверил всех Фридрих.

Лина-Лин улыбнулась, представив поголовный падеж зрителей. И чью-нибудь руку, из последних сил тянущуюся к гнилым овощам, но обмякающую на ходу от всеобъемлющего уныния, которое наваял этот спектакль.

– Можем смело выступать в белом, – улыбнулась она.

– А кого буду играть я? – немного обиженно спросил Анри.

– Ты будешь играть мужскую роль. – Отозвался режиссер.

– Мужскую??? – переспросил светловолосый юноша так удивленно, будто ему предложили сыграть роль бородавки. – Но это... так неожиданно...

– Иногда надо играть нетипичные роли. – Поддержал Анри Мердок, сочувственно потрепав друга по плечу. – Это помогает переосмыслить себя, как актера.

– Ты прав, Мердок! – Радостно воскликнул Фридрих. – Именно поэтому ты, Мердок, сыграешь в этой постановке ангела.

– Ангела??? – демонические брови актера зловеще сдвинулись, глаза сверкнули. – А может сразу маленькую принцессу?

Его заостренная бородка даже немного затряслась от возмущения.

– Итак, сюжет таков! – Воскликнул Фридрих и потер руки. – Юный и прекрасный Мастер Роланд Серебряный, в исполнении Анри, прогуливается по розовому саду. И тут к нему является демон. Но не Мердок, нет, это слишком предсказуемо, а, скажем, Джениус.

Все дружно посмотрели в сторону брата Лины-Лин. Но его лицо решительно не планировало менять свое обычное выражение на какое-либо более подходящее.

– Дьявол искушает его и так и этак, – с энтузиазмом продолжал Фридрих, – Роланд говорит свое решительное «нет» и гордо поправляет плащ.

И режиссер изобразил, как именно надо поправить плащ, чтобы получилось гордо. Анри механически повторил этот жест.

– Что же дальше? – театрально спросил Фридрих и сделал

паузу.

Лиана-Лин не выдержала и зевнула.

– ...далее на сцену выходит белоснежный ангел в исполнении Мердока. – продолжил рассказчик, эффектно взмахнув рукой.

Джонни и Анри переглянулись и захихикали. Настолько нелепой была эта идея.

– И Мердок начинает толкать благочестивые речи, все засыпают, в конце Роланд с ангелом поют гимн Обители под кустом роз. – Быстро закончил режиссер, видимо, ему надоело сочинять. Ну как?

– Все бы ничего, только где все остальные? – пожал плечами Джонни. – Наши роли тут, кажется, не предусмотрены.

– Все остальные... – Фридрих начал усиленно чесать бороду. – Все остальные...

Лиана-Лин заметила, что не только режиссер, но и все вокруг задумались. И сама она невольно поддалась общему творческому настроению.

Даже Шенен выглядел задумчивым, насколько это было возможно. Вот кому надо играть ангела... Хотя, конечно, огромный риск выставлять его на всеобщее обозрение. А прятать – еще больший риск. Наверняка в Верховной Обители принято прятать тех, кого вполне могут сжечь со дня на день.

Так что их подопечного нужно просто вписать в обстановку...

– Фридрих, а что если мы сделаем несколько ангелов? – Провозгласила Лина-Лин свою гениальную идею. – Пусть каждый из нас, то есть из ангелов, одаривает Роланда Серебряного какой-нибудь добродетелью – мудростью, справедливостью, красивыми серебряными глазками.

– Безумием, – криво улыбнулся Лапуля.

– Классной прической, – добавил Анри, поправив волосы.

– И кровожадностью. – Подытожил Одуванчик. – Из Мердока получится прекрасный Ангел Кровожадности.

– Нет такого ангела, – грустно покачал головой Шенен.

Серый город был обнесен тяжелой серой стеной. На воротах вместо стражников стояли Серые Мастера, но довольно внушительного вида.

Артистов встретили весьма холодно. Тщательно обыскали повозки, допросили всех о цели визита.

– Мы будем показывать очень благочестивую пьесу. – Гордо поведал стражникам Фридрих. – Ее рассказал нам один Серый Мастер, который уже тридцать лет живет в пустыне. Он увидел сей сюжет в одном из своих видений...

Лина-Лин покосилась на Шенена. Он слушал внимательно и уже ничему не удивлялся. Хранитель будет не в восторге, что их подопечный профессионально научился врать...

–... и мы пять лет репетировали эту постановку, пока не довели ее до совершенства, – увлеченно продолжал Фридрих, – но все же кое-чего не хватало...

И режиссер сделал трагичную паузу. Лина-Лин испуга-

лась, что дальше он еще не придумал, что говорить.

– Актера! – поспешно вставила она. – Актера на роль Мастера Роланда Серебряного.

При этих словах трое привратников крайне подозрительно уставились на нее. Одно неверное слово и придется идти в обход. В лучшем случае. А в худшем... Да уж все и так знают, что в худшем. И именно поэтому вся труппа смотрела сейчас на своего товарища Ли не менее напряженно, чем Серые Мастера. Джениус даже пытался показать ей какой-то жест. Возможно, он означал «Нам всем кирдык» или «Кошка, я тебя убью».

– Мы не могли доверить эту роль рядовому актеру, – с наигранной уверенностью в голосе продолжила Кошка, – и занялись поиском. Полгода мы искали достойного юношу – чистого помыслами, красивого лицом, талантливого и... целомудренного.

Джонни резко закашлялся, искусно маскируя приступ смеха. Похоже, целомудрие Анри вызывало у него некоторые сомнения.

Тем временем, сам Анри потупился, робко прикрываясь длинными ресницами. Одна его рука застенчиво мяла другую. На щеках его выступил самый настоящий стыдливый румянец. Не хватало только легкого сияния вокруг головы и хора мальчиков на заднем плане.

И Серые Мастера почти благоговейно уставились на это чудо природы, способное играть самого Великого Мастера.

Больше расспросов не понадобилось. Их пропустили и даже посоветовали таверну недалеко от рыночной площади, где им предстояло выступать.

В Сером городе почему-то стоял такой холод, что все стали просить у Фридриха провести хотя бы одну ночь в таверне, чтобы нормально согреться и помыться после долгой дороги. Режиссер недовольно нахмурился, но разрешил.

– На спиртное не налегать... – угрожающе сказал Лина-Лин Джениус. – Здесь опасно.

В ответ она только скривила ему кислую мину. Ну и ладно. Не больно-то и хотелось. К тому же, пара кружек эля – это вовсе не налегать, а так, баловство.

Кошка оглядывалась по сторонам. Какой же серый-серый город. Здесь, похоже, намеренно избегали других цветов.

Наверное, весной они обрезают все почки на деревьях, чтобы те не смели цвести зеленым.

Лина-Лин как-то спрашивала у Данте, почему Орден Серых Мастеров использует именно этот цвет. И ее возлюбленный рассказал, что изначально серый означал отречение от земного, его тусклость и незначительность по сравнению с небесным. Этот цвет как бы намекал, что все – тлен.

В центре все постройки были из крупного серого камня, а камушками поменьше были выложены дороги. Из любой точки города был виден главный замок Верховной Обители. Длинные узкие башенки, вытянутые окна с неброскими витражами. Здание будто стремилось как можно выше в небо.

Эта постройка была темно-серой, но в сумерках казалась почти черной. Там и жил Мастер Роланд Серебряный.

То тут, то там на унылой улице, по которой они сейчас шли, мелькала чья-нибудь серая мантия с капюшоном. Простому населению было запрещено ходить в сером, но и обычные люди будто опасались пестрить яркими красками и кутались в грязно коричневые тулупы и платки.

Местные все казались Лине-Лин сутулыми, зажатыми. Смотрели они на яркие фургончики бродячих артистов с любопытством, к которому примешивалась враждебность. Их стремились обходить стороной. Скрюченные фигурки поспешно скрывались за серыми дверями лавок и домов.

– Будто мы чертей перевозим, – недовольно буркнул чистый и непорочный Анри.

Видимо, в этом городе он уже начал страдать от недостатка внимания.

– А всех красивых женщин здесь, и правда, сожгли, – разочарованно протянул герой-любовник Джонни.

Лапуля был сосредоточен и молчалив. Оно и понятно, брат находился во владениях того, кто мог проникнуть в его сны.

А вот Одуванчик весело насвистывал и был в явно приподнятом настроении. Ему дай только возможность где-нибудь выступить, пусть даже в плохеньком представлении. Кошка вообще не понимала, зачем этот довольно-таки талантливый актер болтается с ее мрачным братцем.

– Здесь царит страх. – Тихо промолвил Шенен.

Между его глаз возникла и тут же исчезла едва заметная морщинка. Неужто проявление эмоций? Шенен почувствовал что-то, значит и она должна.

Лина-Лин прищурилась и прислушалась к себе, стараясь почувствовать свою кошачью сущность. С тех пор, как девушка научилась управлять своей звериной стороной, временами ей даже удавалось забыть про нее. Этому, во многом, способствовали хмельные напитки. Они не только помогали немного отвлечься от непрерывного любовного томления по Хранителю Данте, но также немного гасили кошачьи инстинкты. И помогали Кошке приспособиться к миру людей, чтобы не чувствовать себя здесь чужой.

Но когда нужно было, Лина-Лин всегда могла обратиться к своей истинной сущности. Вот и теперь она почувствовала, как походка становится мягче, запахи готовящейся пищи и канализационной системы резко ударили в нос, стали слышны сразу десятки голосов за стенами... «Мамочка, я молился сегодня уже четыре раза, почему я должен опять?», «В этой юбке видны лодыжки. Ты хочешь, чтобы тебя приняли за шлюху? Хочешь, чтобы твои дети остались одни?», «Что ты видел во сне сынок? Там не было Мастера Роланда Серебряного?», «На площади давно не жгли костер. Не к добру это... Неужто в городе перевелись еретики?».

Помимо разговоров, она чувствовала настроения говоривших, видела пятна грязно-синего цвета тут и там – цвет

страха в аурах. И теперь она смотрела на Верховную Обитель другими глазами. Город больше не казался ей сонным и безжизненным. В центре его билось кроваво-красное Сердце. Кошка чувствовала его где-то на юго-востоке. Кострище. Место, где сгорели в страшных муках сотни людей. Оно питало город, задавало настроение, от него текла неповторимая энергия... Лина-Лин чувствовала этот страшный и притягательный источник всем телом, хотя он был скрыт от нее далеко за серыми домами.

– Видишь? – спросил Шенен тихо.

Девушка с трудом перевела свой внутренний взор на их подопечного. Она давно не смотрела на него кошачьими глазами, и уже забыла, что так он еще притягательнее. Если бы она была обычной кошкой, то тут же принялась бы тереться о его ноги. К счастью, сияние было немного притушенным – атмосфера Верховной Обители давила на Шенена.

Но все же не мешало бы балаганчику «Зеленый гусь» скорее начать представление, чтобы спрятать их ценный груз среди чужих эмоций.

– «Благочестие»??? – внезапно воскликнул Фридрих. – Серьезно??? Это худшее название для таверны...

Лина-Лин тоскливо оглядела обшарпанную вывеску. Ничего удивительного, если в такой таверне будет запрещено продавать эль. Но все-таки цвета, которые Кошка чувствовала внутри, несколько отличались от общего фона. Среди них, хоть и ненадежно, но все же получится ненадолго укрыть

Шенена.

Перешагивая через порог таверны, Лина-Лин попыталась запрятать свою внутреннюю сущность куда подальше, хоть та и не хотела никак с нее слазить. В нос ударил резкий и совсем неблагочестивый запах пота и слегка стухшей рыбы. Но тут же девушку ждал приятный сюрприз – на столе стояли две большие бочки и, опять же, по запаху она легко определила, что там. Хотя и довольно скверного качества.

– Так себе благочестие... – довольно улыбнулся Марко.

Да уж, удивительно, что это заведение не прикрыли. С некоторым удивлением Кошка даже обнаружила двух страшных беззубых проституток, любезничающих с толстячком за крайним столиком. Видимо, прелюбодействовать с такими не считалось грехом. Или просто симпатичных всех уже сожгли.

– Моемся, ужинаем, спим до четырех утра, а потом готовимся к выступлению! – скомандовал Фридрих.

Лина-Лин тяжело вздохнула. Ну вот, еще и мыться.

Впрочем, вскоре выяснилось, что в округе они не найдут ни одной бани. Чудесное нововведение Серых Мастеров – частая помывка объявлена грехом. Народ из солидарности тут же устроил торжественное сожжение бань.

Трактирщик любезно объяснил им, что мыться часто, это значит излишне заботиться о теле, забывая о душе. К тому же, смотреть на голых в общественной бане – это первый путь к греху.

Марко очень активно кивал головой, пока слушал и серьезно говорил, что полностью со всем согласен. И что теперь даже сам на себя голого смотреть никогда не будет.

Фридрих и аетеры к этому времени ушли уже спать, но трактирщик и остальная присутствующая публика слушали его с одобрением.

Шенен тоже внезапно решил высказаться и поведал, что до недавних пор он никогда не мылся, но потом осознал пользу, приятность и необходимость гигиенических процедур.

– Но теперь-то ты понимаешь, что ошибся, а изначально был совершенно прав? – с нажимом спросил Одуванчик, работая на публику.

При этом Марко яростно подмигивал и даже заговорщицки наступил Шенену на ногу.

Тот озадаченно наклонил голову в бок.

– Нет, я все еще считаю, что человеку следует мыться. И, кажется, ты первый мне это объяснил и даже тер меня молчалкой. А ты что, сейчас специально наступил мне на ногу?

После этого Марко впал в немилость у здешних завсегдаев. И ему только осталось обсуждать с повеселевшим Дженуисом, как повезло Лине-Лин, что не придется мыться. И что Кошке впору остаться в этом городе. И что вши, наверняка, прибавят ей пикантности в глазах ее любимого Хранителя.

Они так достали Лину-Лин, что она пригласила за столик

двух беззубых проституток и предложила своим мальчикам поразвлечь их разговорами, раз уж рот у них сегодня не закрывается. Барышни явно были теми еще праведницами и тщательно блюли запрет на мытье. Так что пахли не лучшим образом. А в прическах явно кто-то шевелился. Но при этом они оказались крайне общительными.

– Ох, какой голубоглазый красавчик, – воскликнула одна сиплым голосом, сходу усаживаясь на колени к Шенену.

– Благодарю, очень приятно. – Невозмутимо отозвался тот, не делая никаких попыток отсесть.

Видел бы это Данте...

Впрочем, Лапуля с Одуванчиком тоже не остались без внимания прекрасных дам. Мальчикам с трудом удалось избавиться от жриц любви, не привлекая излишнего внимания.

Больше они не допекали Лину-Лин. И вообще не разговаривали с ней. И Джениус отобрал у нее эль. Так завершился подозрительно спокойный и семейный вечер в Верховной Обители.

Засыпая, Кошка снова ясно почувствовала, как бьется ярко-алое сердце города и как жаждет оно новых жертвоприношений.

Она

Марко проснулся от того, что его нежно покусывали вши. Чего и следовало ожидать...

Как раз уже было время вставать. По крайней мере, по мнению Фридриха. Он как раз закашлялся и потянулся в соседней койке.

– Беспощадно раннее утро... – простонал Анри еще через одну кровать.

Чтобы немного взбодриться, Марко решил послушать пересказ очередного сказочного сна Джениуса. Может, хоть в этот раз ему снились пони и радуги.

Как ни странно, Джениус сидел на койке рядом с Шененом, полностью одетый.

– Я не спал. – Мрачно сказал он, отвечая на немой вопрос напарника.

Что же, его можно было понять. Мастер Роланд Серебряный хоть и далеко, но ведь никто не знает, какой властью он обладает в своем городе.

Лина-Лин выбила в этот раз себе отдельную комнату для девочек, хоть это и было очень небезопасно. Но она была такая злая после того, как они с Джениусом доконали ее за ужином, что и они рады были переночевать от нее подальше.

– С ней все нормально, я слышу ее. – Опять прочитал мысли Марко Джен. – Кошка умывается.

– Или это авизотль, который сожрал ее ночью и теперь плещется в ее рукомойнике. – Предположил Марко.

И пошел проверить. Открыл дверь без стука. Голая по поясу Лина-Лин подняла на него глаза и надменно усмехнулась. Похоже, естественное желание прикрыться, когда на девушку смотрит чужой мужчина, было ей не знакомо.

– Подойти поближе, чтобы ты мог получше рассмотреть? – издевательски поинтересовалась она.

– Спасибо, у меня хорошее зрение, – мило улыбнулся Марко.

Он и правда засмотрелся. То ли эта девчонка нравилась ему как женщина, то ли у него просто давно никого не было.

– Че пришел? – буркнуло милое создание, неспешно напяливая нижнюю сорочку.

– Убедиться, что у тебя все хорошо. – Пожал плечами Марко.

– Как думаешь, у человека может быть все хорошо, если ему приходится вставать в четыре гребанных утра?

– Вполне. – Бодро ответил наемник.

Его здорово грела мысль о предстоящих репетициях. Он все еще не верил, что снова играет в «Зеленом гусе». Хоть и ненадолго...

– Так, сладкий, ты убедился, что у меня все хорошо, а теперь проваливай. Дай насладиться блаженными минутами без ваших с Лапулей небритых рож. – Еще более мрачно процедила Кошка. – И передай моему дорогому братцу, пусть

он только попробует запретить мне позавтракать элем.

Марко вернулся в свою комнату. Там уже все были собраны и готовы завтракать.

– Осторожнее со своей младшенькой. – Кинул Марко Джениусу. – Боюсь, как бы она не сожрала кого...

А потом полдня пролетели так быстро, что сейчас Марко недоуменно оглядывался по сторонам и не понимал, куда они делись. Все было отрепетировано. И даже тряпочные ангельские крылья были уже готовы к выступлению. И как же хорош был в них Шенен... Хотя Лина-Лин тоже ничего так. Только едва ли существуют ангелы с таким мрачным выражением лица. Она, а точнее оно, было настолько не в духе от раннего подъема, что у нее даже глаз нервно подергивался.

Кошка играла ангела Любви. А любовь, как известно, зла.

Время сегодня явно продолжало прыгать. Может, оно как-то по-особому течет здесь? И вот Марко уже стоит на сцене и одаривает кротостью и смирением Мастера Роланда Серебряного, посыпая его лепестками роз. Анри благочестиво тупит взор.

И так как зритель выглядит заинтересованным, Марко не хочется уходить со сцены.

– Скажи же, отрок, что такое смирение? – задает он вопрос не по сценарию.

– Повтори вопрос свой, о ангел, – невозмутимо переспрашивает Анри, поднимаясь с места. – Ибо свет твой так ярок, что я ничего не слышу.

Марко действительно наслаждался моментом. Он еще более пафосно произносит:

– Тогда я расскажу тебе!

И начинает свою импровизированную речь на тему смирения. И так как публика, в том числе и Серые Мастера, одобрительно кивает, он с удовольствием болтает...

Но тут Марко увидел в толпе одну девушку. Не то, чтобы он ее разглядел. Глубокий черный капюшон скрывал лицо почти целиком, только прядь светлых волос немного выбивалась. Но эта осанка, прикрытые плащом плечи были ему так знакомы... Хотя Марко и не был уверен до конца, но сердце его замерло. И впервые в жизни он замолчал на сцене, растерявшись.

Она не должна была быть здесь. Только не она. Это было совершенно невозможно.

Марко молчал, глядя на эту фигурку, пока не услышал гневный шепот Фридриха из-за кулис: «Доигрывай и проваливай со сцены, идиот!»

Зрители тоже нервничали.

– Смирение... – тихо продолжил он уже совсем не с ангельскими интонациями, а низким, слегка охрипшим голосом, – это когда любишь женщину, больше всех на свете, но исчезаешь из ее жизни, потому что знаешь, что ей будет лучше без тебя. Смирение – это признать себя, что она тебя никогда не полюбит и перестать бороться.

Девушка скинула капюшон. Ее серые глаза смотрели на

наемника в упор. На мраморном лице даже издали были заметны крупные веснушки. Он всегда считал их невероятно красивыми.

«Да что с этим ангелом?» – воскликнула крупная женщина, стоявшая близко к сцене. Марко развернулся и пошел за кулисы.

– Благодарю за дар смирения! – крикнул Анри ему в след с плохо скрываемым сарказмом.

Представление было испорчено. За ширмами Марко молча стянул с себя ангельский костюм под ругательный шепот Фридриха. Он не мог говорить громче, чтобы не мешать действию, поэтому, в основном, шипел и брызгал слюной.

Мердок, от которого он больше всего ожидал осуждения, положил руку Маркусу на плечо и тихо спросил: «Что с тобой, друг?». Но наемник только с благодарностью сжал его руку и быстрым шагом вышел из укрытия. Он обошел сцену и двинулся через толпу к тому месту, где стояла девушка. Некоторые зрители узнавали недавнего ангела и неодобрительно шикали на него. Кто-то даже обозвал его приспешником дьявола, но Марко сейчас было все равно.

Она стояла на том же месте и явно ждала его.

– Мой милый, пойдём поговорим. – Сказала она тихо.

Из таких родных серых глаз потекли слезы. Видно было, что она хочет обнять его, но сдерживает себя.

– Ты одна? – удивленно спросил Марко

Девушка кивнула, сдерживая рыдания.

– Как такое возможно?

– Я должна была найти тебя!

Он взял ее маленькую ручку в свою и повел через толпу. Все с предельным интересом смотрели на сцену, и Марко невольно оглянулся.

Там стоял Шенен. Он был так хорош и разве что не светился. Хотя светился наверняка, только бы вот никто этого не понял. Лина-Лин была уверена, что цвета людских эмоций заглушат незримое сияние.

Шенен говорил. И тоже не по сценарию.

– Я дарю тебе Бесстрашие. Даже если тебе придется жить во мраке, если каждый твой день будет все больше погружать тебя в пучину страха, если тебе будет казаться, что удавка на твое шее затягивается все сильнее... Посмотри на небо. Вспомни Творца. Не забывай, что он всегда с тобой и не оставляет тебя ни на секунду. Доверься ему и расправь плечи. Страх – это просто липкая паутина, окутавшая твой разум. Страхни ее. С тобой никогда не случится то, что с тобой случиться не должно...

– Идем же, – сказала девушка и потянула его за руку.

Марко решительно отвернулся. Он знал, что нельзя оставлять Шенена надолго, но не разговаривать же здесь. И наемник двинулся через замороженную ангелом Бесстрашия толпу.

Теперь девушка вела его за собой. И он шел. Вот они уже свернули с площади, пошли по одному из серых переулков.

А он все смотрел то на ее спину и плечи, то на подол ее юбки и не мог поверить... Но все же это была она...

– Ты давно в этом городе? – спросил он, слегка опомнившись. – Идешь так уверенно, будто всегда здесь ходила.

– Нет. – Не оборачиваясь кинула она. – Я приехала следом за тобой. Просто хочу увести тебя подальше от толпы.

– Мы ушли достаточно далеко.

Они свернули на совсем уже безлюдную улицу, но светло-волосая красавица все вела его дальше по серой брусчатке.

– Здесь повсюду уши, – бормотала она, все ускоряя шаг.

Брусчатка кончилась, и они уже шли по замерзшей осенней слякоти

Марко было не по себе. Они так долго не виделись. Она как-то оказалась здесь, и все тащила его куда-то за собой. Как они так быстро оказались на окраине? Невдалеке виднелась большая куча мусора, от нее соответственно пахло. Они проходили покосившуюся лачугу с обветшалым забором. А ведь еще совсем недавно Марко стоял в самом центре на ярмарочной площади. Что же здесь со временем?

– Стой, Тинь. – Он решительно потянул ее за руку.

Девушка резко обернулась. Бледное лицо чуть порозовело от быстрой ходьбы. Она вымученно улыбнулась.

– Тинь... Никто так не называл меня, кроме тебя.

– О чем ты хотела поговорить? Мне надо скорее вернуться к друзьям... А тебя мы отправим домой, только надо будет организовать хорошую охрану. Ума не приложу, как ты здесь

оказалась одна!

Хотя, видит Творец, ему совершенно не хотелось никуда отправлять Тинь ни с какой охраной. Три года прошло, он думал, что уже излечился от этой любовной горячки, но вот она стояла рядом, совсем близко и, запрокинув голову, смотрела на него огромными серыми глазами.

– Я поняла, что не могу без тебя... – прошептала она.

– Неужели? – эти слова вонзились ему словно нож в сердце. – А как же Римус?

– У меня ничего не было с ним... – из глаза девушки снова потекли слезы, – лучше бы он ушел, а не ты...

И на секунду Маркусу показалось, что он был не прав тогда, погорячился. Действительно, не стоило уезжать, надо было бороться...

– Я сделал то, что сделал. – Выдохнул он, взяв себя в руки. – И ты прекрасно знаешь, что так лучше для всех.

– Не для меня, милый мой. Только не для меня. – замотала головой девушка. – Давай вернемся. Пожалуйста, поехали со мной. Все будет так, как ты захочешь.

Тинь затаила дыхание в ожидании ответа.

Вернуться? Но это не тот случай, когда возвращение окончится счастливой свадьбой. Вернуться придется не только к ней, но и ко всему, что он оставил. А этого он не хотел бы ни за что на свете.

У него чуть не вырвалось: «Останься со мной...» Но где? Шататься по лесам и трактирам? Да и не получится ее дол-

го прятать – девушку быстро найдут и вернут домой. И его заодно...

– Тинь, прости, я не поеду с тобой. – Эту фразу он сказал, едва выговаривая слова и не веря себе.

Она приехала за ним. Нашла его, так далеко, проделала такой путь одна. Одна? Но ведь это действительно было невозможно. Это Кошка могла путешествовать одна, но не изнеженная хрупкая Тинь. Да и кто бы ее отпустил?

Так с кем же она приехала? И почему привела его к этой заброшенной лачуге? Но не успел он получше оглядеться, как Тинь прижалась к нему и поцеловала.

Земля ушла у Маркуса из под ног. Они никогда не целовались. У него были другие женщины тогда, но Тинь была его единственной чистой платонической любовью. Не удивительно, что он потерял бдительность и упустил тот момент, когда из лачуги вылезли четыре здоровенных бугая.

И удар по голове был не столь болезненным, сколь осознание, что она предала его. Марко даже забыл, что надо сопротивляться, когда ему заломили руки за спину.

– Это для твоего блага, – сказала Тинь, опустив глаза. – Ты вернешься домой.

– Вот как... – горько усмехнулся Марко, – тебя заставили...

– Заставили? – удивленно переспросила девушка, и ресницы взметнулись вверх. – Меня попросили. И я сочла эту просьбу целесообразной. Ты беглец. И я тебя возвращаю.

Потому что все должны заниматься тем делом, для которого были рождены.

– Почему ты знаешь, для чего я был рожден, милая моя Тинь.

Она холодно улыбнулась в ответ. Никогда раньше Маркус не видел у нее такого выражения лица. Его Тинь всегда был с ним нежной и кроткой. А это была точно такая улыбка, как у ее отца...

– Дорогой мой, мы обязательно поговорим с тобой о тайне твоего рождения и предназначения, пока ты будешь ехать связанный домой.

– Тинь, милая моя Тинь... Как же я скучал по тебе... Ведь несколько лет прошло. Ты, видимо кое-что забыла обо мне... Меня не так-то просто связать.

С этими словами Марко резко напряг все мускулы, чтобы вырвать руки. Не ожидавшие сопротивления наемники, не удержали его. Меч мгновенно оказался в руке. Конечно, от четырех здоровенных бугаев отбиться было бы сложновато, и Маркус прикидывал пути к отступлению. Он даже не смотрел в ту сторону, где стояла Тинь, боясь отвлечься.

Наемники действовали очень слаженно. Они нападали одновременно с разных сторон, что заставляло Маркуса проявлять чудеса изворотливости. Он немного ранил одного и не заметил меча, направленного ему в живот. В последний момент Марко дернулся, но лезвие болезненно полоснуло по боку, потекла кровь.

Теперь силы были совсем уж неравными. Сделав отвлекающий выпад, Маркус бросился бежать. И как же ему хотелось оглянуться на Тинь – свою мечту, любовь и идеал. Но та девушка, которая смотрела на него серыми холодными глазами и презрительно улыбалась, была кем угодно, но только не Тинь.

Шаг за черту

– Куда он побежал? – спросила Лина-Лин у Фридриха и Мердока. Но они не знали. Вроде Марко увидел кого-то в толпе и кинулся туда. Хорошо хоть, не прямо со сцены прыгнул, а обошел. Судя по последним словам про смирение, там была какая-то его бывшая возлюбленная.

Хотя Фридрих сказал, что им Маркус ни разу не был замечен в таких сильных чувствах.

Это бы еще ничего, но Марко подал пример живой импровизации, которой последовал Шенен. И теперь он там стоял и разглагольствовал про бесстрашие на сцене. И, самое ужасное, что его слушали, затаив дыхание. Еще бы, ведь он рассказывал это людям, привыкшим жить в страхе...

– Нам конец. – Провозгласила она. – Сейчас нас заберут Серые Мастера и поведут сжигать. Может, тогда Шенни наконец-то заткнется.

– Нам нужен Марко. Вдвоем мы не отобьемся. – Вяло добавил брат.

Он был сегодня сонным и потратил последние силы на роль дьявола-искусителя. Которая неожиданно удалась.

– Я пока буду складывать вещи. – Грустно сказал Фридрих. – На случай если придется быстро убежать.

– Не утруждайся, старик. На костре они тебе не понадобятся. – Успокоил его Лапуля.

– Ну почему же? – не согласился Мердок, выглядевший мрачнее прежнего. – Вдруг им не из чего будет сложить костер. Тогда все наши пожитки очень даже пригодятся... А где Джонни?

И тут Лина-Лин поняла, что герой-любовник, как и был, в костюме ангела, незаметно вышел и, похоже, дал деру.

– Ну, его можно понять. – Пожала она плечами. – Опасность налицо, я бы и вам советовала сделать то же самое. Хотя не факт, что снаружи нас уже не поджидают Серые Мастера.

Фридрих только печально улыбнулся.

– Как же я уйду? В этих повозках вся моя жизнь. А на сцене все еще сидит Анри и распинается Шенен. Не могу же я бросить в беде свою труппу. Да и сражаться я умею. Сколько раз делал это на сцене... А ты чего же, Мердок? Иди.

– Семью не бросают. – Глухо ответил тот, глядя в пол.

Тем временем Шенен закончил таки говорить.

– Спасибо за дар бесстрашия!!! – почти истерически простонал Анри.

– Ну что же, мой выход. – Сказал Фридрих. – Попытаюсь хоть что-то исправить. Или хотя бы достойно завершить свое последнее в жизни представление.

И на сцену шагнул Ангел Справедливости.

А за кулисы вошел Шенен.

– Шенни, – начала было Лина-Лин и тут же замолчала.

Их подопечный сиял. Нагло и открыто сиял, и это было

видно даже без кошачьего зрения. Никакие эмоции других людей не смогут это заглушить. Им конец. Данте не получит Шенена. Миру конец.

Лина-Лин не могла поверить, что все это происходит по-настоящему. Видимо, они попали в действительно проклятый город.

Джениус апатично присвистнул, увидев сияние, во всю излучаемое их подопечным. Никогда еще Кошка не видела своего брата таким вялым и безучастным в момент опасности. Где была его обычная собранность и сила?

Она призвала на помощь свою кошачью сущность, чтобы понять, что с Дженом. И тут же ей все стало ясно. Это был не простой упадок сил. По всему его энергетическому полю расплзлись здоровенные черные пятна.

Холодок пробежал по телу Лины-Лин. И шерсть встала бы дыбом, если бы была в этом теле. Ей прекрасно было известно, что это значило. Кошка невольно сделала шаг назад.

Брат поднял на нее тусклые глаза. И пересохшие губы медленно и зловеще расплылись в улыбке безысходности.

Она выглянула на улицу из-за ширм и увидела, что трое Серых Мастеров уже приближаются к их повозкам.

– Но ты не можешь сражаться в таком состоянии, Лапуля, ты ведь знаешь, что будет... – едва слышно проговорила она.

– Не сражаться? И дать тебя убить? – сонно отозвался брат. – Тебя и это... неземное сокровище...

Он насмешливо указал подбородком на Шенена. Тот слу-

шал и не вмешивался. Похоже, он прекрасно понимал, что сейчас происходит и пытался принять какое-то решение со своей стороны.

Ей тоже надо было подумать, нужно было время, а, может быть, и совет... И девушка огляделась в поисках дыры или щелки в пространстве. Такая благополучно оказалась прямо у входа, и Кошка нырнула туда, не слишком заботясь, что исчезла на глазах у непосвященного в ее тайны Мердока.

И тут же снова начались странности. Она не обратилась в кошку. Девушка сидела на сияющем пахучем лугу Нави в своем женском теле и белом одеянии Ангела Любви. Такое было впервые. Но озадачиваться было некогда, Лина-Лин поспешно поднялась и побежала в сторону Вечной Аллеи. Бесконечная весна вокруг будто издевалась, сияя своим неземным великолепием. Сегодня холмы Нави были усыпаны мелкими желтыми цветочками с медовым запахом. А три солнца кружили по небу друг за другом в космическом хороводе.

Запыхавшись, Кошка добежала до Вечной аллеи и обессиленно опустилась на землю. Тенек окутал ее приятной прохладой. Осознав, что время остановилось, она сделала глубокий вдох и выдох. Все хорошо. Там, снаружи, все точно так же, как и было, когда она ушла. А она не сбежала, а просто отошла собраться мыслями. От этой успокоительной мысли на душе немного потеплело. Посидев немного, она поднялась и пошла вперед, любуясь падающими лепестками саку-

ры.

Сегодня ей как никогда не хотелось идти обратно в реальность. Она даже не представляла себе, что делать. Конечно, Серые Мастера так себе противники, но их много, очень много. Весь город, черт возьми. А Джениус... Он будет сражаться. Но чем это обернется для него? И почему именно сейчас его настигло то, чего он всегда боялся больше всего на свете? Надо было идти в обход. Просто идти в обход...

Внезапно Лина-Лин остановилась посреди вечной аллеи, как вкопанная. Первой ее мыслью было развернуться и побежать назад. Потому что ей навстречу шел Хранитель Данте. Все и так хуже некуда, осталось только добавить в этот чертов котел порцию Проклятья.

Но ноги ни в какую не слушались, а, напротив, понесли ее вперед. В конце концов, слишком много свалилось на ее хрупкие девичьи плечи, пусть он со всем этим теперь разбирается.

– Данте, – начала она говорить, едва он оказался в пределах слышимости.

– Я знаю, все знаю, – ответил он.

И Кошка не узнала его голоса. В нем была грусть и сожаление, а в шагах была неспешность человека, который уже со всем смирился. Так не должно было быть.

– Пойдем туда, сделай что-нибудь! – резко сказала она и потянула его за руку.

Он слегка улыбнулся.

– Я не смогу пройти, я уже смотрел, дырка слишком мала.

– Тогда скажи, что мне делать?? Дай мне что-нибудь из артефактов.

В ответ Хранитель отрицательно покачал головой.

– Я в лесу, Лина-Лин, у меня ничего нет. Боюсь, ты ничего не сможешь сделать. Им уже не помочь.

Не помочь? Кошка подумала, что ослышалась. Для Данте нет безвыходных ситуаций, он всегда знает сотни способов все исправить.

– Я здесь давно, – продолжил он, рассеянно оглядываясь по сторонам. – Я просчитал множество вариантов развития событий. Прости, что говорю тебе это, но... Они либо умрут в сражении, либо их отведут на костер. Шенена могут сжечь по ошибке, или же он окажется в руках у Мастера Роланда Серебряного, что не намного лучше. Мне трудно это признать, но я при всей своей силе и власти ничегошеньки не смогу сделать.

– Я смогу, – тихо и твердо произнесла Лина-Лин и отвернулась.

Она сделала шаг в сторону выхода с Вечной аллеи. Потом еще один.

– Девочка моя, – тихо позвал Данте и легонько придержал ее за руку, – не ходи туда. Я не хочу, чтобы ты умирала. Мир катится во Тьму. С тех пор как я потерял надежду, любовь к тебе – это единственное, что у меня осталось.

Лина-Лин закрыла глаза и сделала глубокий вдох, пыта-

ьясь восстановить сбившееся дыхание. Сердце бешено колотилось, по телу пошла сильная нервная дрожь. Даже сейчас, когда все обернулось крахом, слова любви накрыли ее с головой.

Хранитель шагнул к ней и обнял сзади, прижал щеку к ее щеке.

– Проклятье, – еле шепнула она.

– Теперь уже все равно, – сказал он почти равнодушно, – хуже уже не будет.

– Не говори так.

– Твой брат обречен. Он еще дышит, разговаривает, готовится принять бой. Но он уже мертв.

– Не говори так... – земля уходила у Лины-Лин из-под ног, сдерживаемые рыдания душили ее. – Я пойду туда, я буду биться до конца...

Последние слова она почти прохрипела. Голос не слушался ее.

Данте развернул девушку к себе. В его глазах была тихое глухое отчаянье человека, враз потерявшего все.

– Что у меня останется, если и ты сейчас уйдешь? Как я буду жить с мыслью, что тебя больше нет на свете? Ты нужна мне сейчас сильнее, чем когда-либо. Не уходи. Не оставляй меня.

И он поцеловал ее. Кошка больше не могла сдерживаться, слезы хлынули ручьем. Она рыдала, едва переводя дыхание, а он целовал ее в губы, лоб и щеки, трепетно прижимая к

себе.

– Мы не можем стоять здесь вечно. – Шепнул Данте ей на ухо. – Мы должны позволить случиться тому, чего все равно не избежать.

– Нет.

– Так надо.

– Нет, – Лина-Лин отчаянно затрясла головой.

Хранитель Данте мягко, но решительно повел ее к выходу с Вечной аллеи.

– Я не пойду, – рыдала она.

Под конец девушка уперлась, понимая тщетность своих усилий. Но она отчаянно не хотела делать этот последний шаг.

Тогда Данте шепнул «прости» одними губами, поднял ее и переставил на траву. Время снова потекло. Она физически чувствовала каждую секунду, которая приближала смерть ее брата. И Марко. И Шенена. И, возможно, всех ребят из труппы. Еще раз она дернулась в сторону дыры в пространстве. Но Хранитель удержал ее. Девушка поняла, что он ее не отпустит.

Тогда Кошка упала в высокую траву и громко отчаянно закричала, потом завывала, впиалась ногтями в землю. Полное и абсолютное бессилие. Данте опустился рядом, обнял ее. Как в ту ночь, когда им пришлось расстаться. Он шептал ей что-то утешительное, гладил ее.

Лина-Лин плохо соображала от душившей ее боли, но по-

разительно ярко ощущала прикосновения его горячих рук и губ. Она сама не заметила, когда стала отвечать на его ласки. Теперь ее ногти впивались уже не в землю, а в его спину. Она чувствовала, как по пальцам струится его кровь. Лина-Лин прокусывала его губы, будто это могло помочь ей забыть, что сейчас происходит в Яви. Она чувствовала, как сильно она нужна Хранителю. И как сильно она нужна брату тоже чувствовала. И еще плотнее прижималась к своему любовнику, пытаясь хоть на мгновенье забыться.

Они не отрывались друг от друга мучительно долго. Так долго, чтобы там уже все успело случиться. Они вымотались, Данте был бледен, Кошкины руки и лицо были перепачканы в его крови.

– Спи, – шепнула она пересохшими губами.

– Ты не уйдешь?

– Куда мне теперь идти? – сухо улыбнулась она.

– Ты все сделала правильно. – Ослабевшей рукой Хранитель погладил девушку по волосам. – Ты жива, и это сейчас главное. Когда мир будет катиться во Тьму, и я буду тщетно пытаться хоть что-то исправить, ты будешь моим светлым лучом.

– Я всегда теперь буду с тобой. – Кошка через силу улыбнулась непослушными губами.

Очень быстро он уснул, дыхание выровнялось, тело расслабилось.

Тогда Лина-Лин, не совершая резких движений, высвобо-

дилась из его объятий и поцеловала в щеку, едва коснувшись кожи. Затем натянула на себя перепачканную травой тунику ангела. Она кинула последний взгляд на спящего возлюбленного. Морщинка между глаз не выровнялась даже от глубокого сна.

Нет, она не соврала ему. Она всегда будет с ним. Когда Лина-Лин умрет, по-видимому, сегодня, и душа ее в виде черной кошки вернется в Навь, она сможет часами лежать у Данте на коленях. А он будет говорить с ней, чесать за ухом. Пусть тогда у нее уже не останется никаких эмоций, погаснут все страсти и желания, но все же и тогда она хочет быть с ним.

А сейчас она должна вернуться в Явь. Как бы не разворачивались события в Сером городе, она должна быть там. Все дело в том, что она не чувствовала, что ее брат мертв.

Мир, который рухнул

Марко не мог сразу вернуться к ребятам, ему нужно было увести подальше наемников, с которыми приехала Тинь. Он заплутал по серым улицам, хотя рана в боку мешала ему двигаться достаточно быстро. Но и один из четверых преследователей тоже был прилично ранен и вскоре отстал.

Другой сильно вырвался вперед, и Марко подкараулил его за углом и мгновенно вывел из строя.

Если бы не истекающий кровью бок, справиться с двумя не составило бы большого труда. А так Марко предпочел немного вернуться и спрятаться в незаметном переулке.

Когда запыхавшиеся бугаи добежали таки до этого места, то первым делом увидели лежащего лицом в землю товарища. Разразившись бранью, они рванули вперед, даже не потрудившись проверить жив ли их напарник.

Тогда Маркус наконец смог вернуться на площадь.

Там уже было пусто. Зрители рассеялись. Рядом с маленькой сценой балаганчика «Зеленый гусь» валялись разломанные ширмы и декорации. Как же Фридрих дорожил тем, что сейчас превратилось в кучу мусора.

Зайдя за сцену, Марко обнаружил, что двери обоих повозок распахнуты настежь, перед ними валяются тряпки, которые раньше были костюмами. Он остановился среди всего этого хаоса, машинально поднял платье, в котором играл

свою первую женскую роль, повесил его на дверь. Будто в этом теперь был какой-то смысл.

Все было кончено. Он предал Фридриха, предал Шенена и Джениуса и Кошку. Он оставил их в опасности. Без зазрения совести ушел с женщиной из прошлого, хоть и слышал, что Шенен вещает с трибуны слишком животрепещущие тексты. Он же понимал, чем это должно кончиться...

Маркус стоял среди руин собственной жизни и не понимал, как вообще это могло случиться. Его труппа, которую он когда-то считал семьей. Он попросил их о помощи, а теперь они едва ли отделаются тюрьмой. В Верховной Обители не слишком-то жалуют тюрьмы. Святые костры здорово экономят место.

После балаганчика его семьей стал Джениус. Марко казалось, что он без раздумий отдаст жизнь за своего напарника. Но стоило появиться его запретной страсти, как тот, кого Джен считал другом, ушел и бросил его в беде. А ведь Джениус во время представления выглядел очень болезненным и утомленным. У него, похоже, даже не было возможности сражаться в полную силу.

Шенен. Чистая, как свежий снег, душа, которую Маркус поклялся беречь и защищать. Вот уж кто точно не способен за себя постоять. Хорошо еще, если его взяли живым.

То, что когда-то было бутафорским тронем, раскололи надвое. Марко узнал след демонического меча своего напарника. Рядом растеклась внушительная лужа крови. Оставалось

только надеяться, что это была кровь врага.

С ними еще была Кошка. Вдвоем с братом ей пришлось принять бой с Серыми Мастерами, которых, похоже, было немало. И Марко не было рядом, когда он был больше всего ей нужен.

Она так давно и естественно была рядом, что Марко не понял сразу. Но теперь, когда он, возможно, навсегда потерял ее, до него наконец дошло, какие именно чувства он все это время испытывал к сестре друга. Она так была не похожа на нежную и утонченную Тинь, его первую любовь. И при этом Лина-Лин была так хороша в своей непосредственности. Проводя с ней день за днем, Марко не на что не претендовал, ничего не ждал. Ему было известно, что ее сердце отдано другому. Но ему так хорошо всегда было в Кошкином присутствии...

Так, доигрался. Что-то совсем все плохо.

Из ступора его вывели приближающиеся голоса.

– Давай посмотрим, может здесь есть какие-нибудь ценные вещи.

– Тебе было приказано искать доказательства вины этих еретиков, а не мародерством заниматься.

– Здесь все равно нужно прибраться. Так какая разница.

Марко осторожно выглянул из-за разломанной декорации. Два Серых Мастера перешагивали через останки тряпичных розовых кустов в пяти шагах от него.

Наемник прихватил серую мантию, в которой Анри играл

Мастера Роланда Серебряного. Затем бесшумно обошел повозки и быстрым шагом двинулся в ту сторону, где возвышалась громадина главного замка Верховной Обители. У него не осталось сомнений, где теперь были его друзья.

По дороге Марко остановился, чтобы переодеться в серую мантию. А свою окровавленную рубашку он разодрал и наспех перевязал рану на боку. Она пульсировала и сильно болела. Маркус понимал, что у него очень мало времени, прежде, чем он истечет кровью, и силы оставят его.

Благо замок находился рядом с площадью. Первое, что он увидел – это кострище. Ничего особенного, просто сколоченные вместе доски. И толстое бревно посередине. Но почему-то это место так и приковывало взгляд. Страшно представить, сколько людей здесь сгорело заживо...

Пока Маркус, прикрываясь серым капюшоном, шел мимо, трое Серых Мастеров привезли на тележках хворост и начали старательно укладывать его сверху на доски. Калитку за собой они не закрыли, и наемник спокойно скользнул во двор.

Вблизи замок выглядел просто огромным. По размерам он уступал разве что королевскому дворцу. Но, в отличии от последнего, роскошь здешним обитателям была несвойственна. Только витражные окна контрастировали с общей сдержанностью стиля. Да и те были тусклыми, будто сто лет немытыми.

Вместе с Серыми Мастерами, несущими огромные котлы

с супом, Марко удалось проникнуть в замок. На вопрос, кто он такой, наемник хмуро ответил, что его прислали помогать на кухню. Так что ему даже обрадовались.

Один из поваров дал ему чистить ведро рыбы, которая еще трепыхалась. Наемник послушно взял ножик и присел на табурет.

– Мастер Роланд Серебряный очень заинтересовался этими артистами. К вечеру будет в замке. – Кинул один из серых поваров другому.

– А ты, Руфус, почему знаешь? – с недоверием поинтересовался его товарищ.

Повар выдержал поистине театральную паузу и торжественно провозгласил:

– Мастер Роланд Серебряный собственноручно явился мне во сне, сказал, чтобы мы приготовили побольше сладкого, он будет к вечеру.

Все присутствующие воззрились на Руфуса с откровенной завистью.

– Мастер Роланд Серебряный разве не в Ашере? – не выдержал Марко.

Несколько лиц повернулись к нему, и наемник подумал, что чем-то себя выдал, так сурово на него смотрели служители Верховной Обители.

– Грех думать, что Верховному Мастеру могут помешать такие мелочи, как время и пространство. – Осуждающе молвил один из поваров.

Понятно. А вот Маркусу очень сильно мешало время. Оно кончалось. Наемник чувствовал, что его серая мантия скоро намокнет от крови, а сам он давно уже покрылся липкой испариной.

Отпросившись у главного повара в туалет, он двинулся по замковому коридору, прикидывая, где может быть вход в подземелья. Ноги Маркуса все сильнее слабели, голова наполнялась какой-то липкой кашей, мешавшей нормально мыслить. Надо собраться. Наемник остановился, берясь за стенку. И тут же почувствовал чью-то руку на своем плече.

Толстый двухметровый Серый Мастер окинул его внимательным взглядом.

– Ты кто такой будешь?

– Мастер Маркус. – Уверенно ответил он. – С кухни.

Бдительный служитель хмыкнул, пытаясь припомнить своего соратника.

– А если с кухни, то чего здесь болтаешься?

Мысли в голове путались, не так-то просто было сообразить, что ответить. Но еще сложнее будет достать из-под мантии меч и напасть на этого здоровяка. Марко совсем не был уверен, что он еще способен хоть кому-то причинить вред.

– Меня послали в подземелья. – Медленно начал он, выдавывая из себя слова. – Мастеру Руфусу собственнлично явился Верховный Мастер и приказал приготовить побольше сладкого и сходить в подземелья.

– Зачем? – искренне удивился здоровяк.

Действительно, зачем? Марко едва скрыл зевок. Его уже начала одолевать опасная сонливость. Во рту была горячая сухость. Сейчас бы хоть глоток воды...

– Мастер Роланд Серебряный попросил узнать, что хотят заключенные на свой последний ужин перед сожжением.

Теперь удивлению толстого Мастера просто не было предела.

– Это не простые заключенные, – со значением произнес Марко, – вот и все, что сказал наш господин.

Здоровяк почесал репу.

– Ладно, пойдем. А то одного стража тебя может не пропустить.

За спиной у своего невольного помощника Марко проверил не протекли ли еще повязки. Ему не хотелось объяснять кровавое пятно на своей мантии. Но пока все было нормально, только невыносимо хотелось пить.

– Я что-то не помню тебя. Ты новенький? – поинтересовался толстяк.

– Да нет. – Пожал плечами наемник. – Я-то тебя прекрасно помню. Как забыть такого благочестивого Мастера.

Эта ложь явно порадовала проводника.

Вскоре они уже спускались по винтовой лестнице. И каждая ступенька все больше кружила голову Марко. Он боялся упасть и потерять сознание. Пару раз ему пришлось схватиться за стену. Наемник натянул капюшон пониже. Сейчас его лицо наверняка бледное, как полотно, а пот так и катится

градом. Не хватало только, чтобы его спутник это заметил.

На секунду в глазах потемнело, но Марко с усилием вытащил себя обратно в агонизирующее тело. Только не сейчас. Сначала он освободит своих друзей, затем они все вместе выберутся из замка, а потом и сдохнуть не жалко. Раз уж он оказался таким непроходимым тупицей.

Здоровяк объяснился с двумя стражниками на входе. Они звякнули ключами и шагнули в стороны. Путь был открыт. Проводник Марко шел впереди. Сердце наемника сжалось. Он не привык наносить удар в спину, но схватку он сейчас точно не осилит. Очень тихо и быстро он достал из-под полы меч. Толстяк не обернулся.

Марко откинул капюшон и уже замахнулся было для колющего удара, но внезапно передумал и просто огрел Мастера прикладом по голове. Это было рискованно. Он мог прийти в себя раньше, чем друзья окажутся на свободе. Но наемник не хотел, чтобы одним из последних поступков в его жизни был удар в спину.

Мутнеющим взглядом он окинул мрачные пустующие клетки. Видимо, не сезон охоты. Шаг. Еще шаг.

– Марко, ты какого черта здесь делаешь? – услышал он, наконец, тихий голос Джениуса.

Он рассеянно огляделся, подсвечивая себе факелом. Тяжело облокотившись на стенку темницы, на него смотрел напарник. Глаза зловеще светились в темноте. Рядом с ним стоял Шенен, все еще облаченный в костюм ангела. Что удиви-

тельно, на нем не было ни пятнышка. А Джен был весь в крови, грязи и ссадинах. Видно было, что он отчаянно сражался, прежде, чем оказался здесь. Но что-то с ним было явно не то.

Напарник тяжело дышал, глаза его сильно покраснели. И взгляд... Он был потухшим.

– Что с тобой?

– Что с тобой?

Сказали они друг-другу почти одновременно.

Марко усмехнулся и тут же тяжело закашлялся.

– Где остальные? – с трудом вымолвил он.

– Через одну клетку, – вместо напарника ответил Шенен.

– Ты зря пришел, – мрачно проговорил Джениус и отодвинулся вглубь камеры, будто происходящее его не касалось.

С трудом сфокусировав взгляд на замке, Марко достал из сапога маленький ножичек и отмычку. Теперь ему нужно было буквально несколько секунд. Взлом – это была неотъемлемая часть их с Дженем ремесла.

Пошатнувшись, Маркус молча отдал факел Шенену. Перед глазами все так и плыло. Наемник схватился за решетку, чтобы удержать равновесие, с трудом склонился над замком. Он вроде вставлял отмычку в дырку, но каждый раз почему-то оказывалось, что он не попал в отверстие. Будто замок скакал от него то в одну, то в другую сторону. Почему-то это показалось Марко очень смешным. Он попытался рассмеяться, но вместо этого закашлялся. И вдруг понял, что земля уходит у него из-под ног, а в глазах темнеет.

Последней мыслью в гаснущем сознании было: «еще несколько секунд... пожалуйста...».

Он очнулся от приятного чувства воды на губах. Маркус позволил жидкости влиться в рот, пустил ее в пересохшее горло, закашлялся, затем открыл глаза. Шенен мягко придерживал его голову и поил из железной кружки. С другой стороны сидел Джениус. Он выглядел так, будто не спал целый месяц.

– Где мы? – поинтересовался Марко.

– В перевозной клетке. – Равнодушно ответил Джен. – В ней нас доставят прямо к кострищу на сожжение. В другой такой же клетке сидят Фридрих, Анри, Мердок и Джонни.

– А Кошка? – спросил Марко и почувствовал, как замерло сердце в ожидании ответа.

Он был готов услышать «она умерла, сражаясь». Но Джениус странно хмыкнул.

– Она нырнула в Навь, когда за нами пришли. По правде сказать, я думал, что она вернется. Но она не вернулась. И знаешь почему?

Да, Марко знал. На это могла быть только одна причина. Но ему не хотелось в это верить.

– Ты уверен? – с надеждой спросил он.

– О, еще как. – Джен даже немного проснулся. – Я во всей красе ощутил Проклятье Лины-Лин, пока бился с Серыми Мастерами. Например, я почти сразу уронил свой меч, а вместо него случайно поднял деревянный бутафорский. А когда

добрался наконец-то до Хаборима, то первый же удар вогнал его в трон. И пока я пытался освободить меч, меня трижды чуть не убили. Причем, все три раза это был Фридрих, который думал, что умеет владеть оружием, потому что не раз делал это на сцене... А как ты объяснишь, что потерял сознание прямо перед тем, как открыть замок? Ведь ты не так-то сильно ранен, мы с Шененом смотрели.

Марко с удивлением понял, что чувствует себя значительно лучше. Что, впрочем, было не важно, раз им все равно предстояло сейчас сгореть на костре. День и так был не самым удачным, а в совокупности с Проклятьем у них не было ни единого шанса спастись.

– Значит она с Данте... – задумчиво произнес Марко, борясь с неуместным приступом ревности. – Так давай напоследок заглянем в Навь и набьем ему морду.

– Я уже пробовал, – вновь апатичным тоном отозвался Джениус. – Почему-то отсюда невозможно попасть в Навь. Не получается. Никакого фиолетового моря.

Маркус снова настороженно оглядел напарника. Он не был болен, не был ранен. Да, он не спал ночь, но нельзя же из-за этого превратиться в существо из загробного мира.

Он хотел было предложить другу поспать, но понял всю абсурдность такого предложения в данный момент.

– Он весь черный. – Вдруг сказал Шенен, спокойно молчавший до этого.

Хоть здесь и было темновато, но Маркус видел, что лицо

и руки Джена были вполне себе обычного цвета.

– Его незримое поле почти черное. – Объяснил Шенен. – Утром это были всего несколько пятен, а теперь почти не осталось других цветов. Джениус такой вялый, потому что все силы уходят у него на внутреннюю борьбу.

– С кем? – спросил Марко, совершенно не понимая, что происходит.

– С глистами, – сквозь силу усмехнулся напарник.

– С Тьмой. – Вместо него ответил Шенен.

– А что будет, если... Тьма победит? – медленно спросил Марко, чувствуя, как ему становится страшнее и страшнее.

Он мог объяснить приезд Тинь и ее предательство, собственную дурость, Проклятье, выбор Лины-Лин, свои чувства к ней, ранение, но эта мифическая Тьма внутри его друга не поддавалась никаким объяснениям. Откуда она вообще взялась? Или... она всегда была в нем?

Внезапно ему вспомнилось, как посланник Нинель с клювом ворона, умирая, разглядел что-то родственное в Джениусе, и как тот поспешно отпрянул. Что все это могло значить?

– Если Тьма победит? – растягивая слова повторил напарник. – Ты хотел сказать – «когда Тьма победит»? Лучше бы вам не быть рядом со мной в этот момент. Это все, что я знаю. Вся моя надежда на то, что я смогу дотянуть до костра.

– Как прекрасно, когда душу греет светлая надежда на будущее, – нервно улыбнулся Марко.

– Ты убьешь нас, когда Тьма победит, – то ли спросил, то ли сказал утвердительно Шенен.

Он был так же спокоен, как всегда. Кажется, даже перед спектаклями он волновался сильнее, чем перед смертью.

– Не знаю. – Холодно и тускло ответил Джениус. – Скорее всего.

Теперь Марко понимал, что его напарник прислушивается к тому, что творится внутри него. Вглядывается в накрывающую его Тьму и пытается понять ее и отдалить тот момент, когда она поглотит его целиком. Маркусу сложно было представить какво это, но даже при мысли, что такое может происходить с его другом, наемника охватывал ужас. Он так хотел хоть чем-то помочь...

Снаружи послушались крики, повозка с клеткой тронулась. Вот и все. Жизнь стремительно подходила к концу. И единственное, о чем сейчас мог думать Марко – как же он виноват перед всеми...

– Я не так давно живу в этом мире, но считаю, что такая концентрация плохих событий за один день совершенно невозможна. – Спокойно произнес Шенен.

– Жаль, что нам не горячо, не холодно от твоих рассуждений. – Буркнул Маркус.

Звуки толпы и крики все усиливались. Небось, весь город пришел в этот вечер посмотреть на казнь еретиков. И порадоваться, что сегодня в очистительном костре горят не они.

Наконец, ткань сдернули с клетки. Теперь Марко не толь-

ко слышал, но и видел эту ревущую толпу. Кострища теперь было три. К одному уже привязали Фридриха и Анри. Режиссер гордо смотрел вдаль, лицо его было твердо. Он и сейчас продолжал играть какую-то героическую роль.

Анри тихонько плакал. Слезы текли по его лицу. Он смотрел по сторонам, будто надеясь, что кто-то скажет: «все, снимайте их, спектакль окончен». У Марко сердце сжималось от жалости. Фридрих-то всегда знал, что рано или поздно может кончить именно так, а мальчишка даже не понимал, за что умирает. Он просто занимался искусством, играл женские роли на радость публике, и никогда никому не желал зла.

К другому кострищу сейчас привязывали Джонни и Мердока.

Еще один столб был пустым. Для них.

А напротив всей этой красоты на троне восседал Мастер Роланд Серебряный в окружении других Серых Мастеров. Среди них был и тот, которого пришлось сегодня оглушить рукояткой меча. Значит, с ним уже все хорошо.

– Джениус, – тихонько позвал Марко.

Напарник поднял на него совсем уже тусклые глаза.

– Спасибо тебе за этот год. – Сказал Марко. – Я ни о чем не жалею. Я прожил его в свое удовольствие. Я рад был быть рядом с тобой. Никогда у меня не было друга, ближе, чем ты. Шенен правду тогда сказал, что я готов был повсюду следовать за тобой. И сейчас готов. Мне плевать, что там за Тьма

внутри тебя, и мне все равно, кто ты на самом деле. Для меня ты был самым лучшим. В любом сражении я знал, что ты всегда вовремя окажешься рядом и встанешь со мной плечом к плечу... Мы были славными наемниками.

При этих словах Джениус с огромным усилием улыбнулся и крепко сжал руку друга.

Марко охрипшим от волнения голосом продолжил:

– Я знал, что ты никогда не предашь меня. Жаль только, я оказался не так хорош, как ты. Прости, что бросил тебя в беде. Прости, что предал тебя. И ты, Шенен. – Наемник посмотрел в невероятно красивые голубые глаза слева от себя. – Ты пришел в этот мир, чтобы сделать его лучше, а теперь из-за такого идиота, как я, ты тут сгоришь вместе с нами. А мир продолжит себе катиться во Тьму.

– Не кори себя. – Спокойно ответил их подопечный. – Ты не мог противостоять обстоятельствам. Раненый, из последних сил, ты пришел за нами. Ты ни в чем не виноват.

– Мастер Роланд Серебряный не сожжет Шенни. – Едва слышно проговорил Джениус. – Он ему нужен живым.

Действительно. Марко и не подумал об этом.

– И Кошка... – Маркус тяжело вздохнул. – Как все же славно, что ее здесь с нами нет. Она выживет.

В этот момент в толпе зрителей он увидел Лину-Лин в белом одеянии ангела. И тут же справа от него Джениус громко, нечеловечески громко заорал и согнулся пополам.

Откровение

Лиана-Лин не сразу заметила, что идет босиком. Так и не обулась после спектакля. Ветер насквозь продувал ее белое тонкое одеяние.

Когда Кошка покинула Навь, на площади вокруг кострища уже было полно народа. И девушка спокойно уверенно пробивалась через толпу. Ей все время наступали на голые ноги. Она чувствовала кровь на стопах, но продолжала идти вперед.

Лиана-Лин не знала точно, зачем туда идет, но чувствовала, что ей нужно, просто необходимо туда попасть. Кострище так и манило ее своим красным свечением. Огонь еще не горел, но сердце города жило. Оно все сильнее пульсировало в предвкушении жертв. Оно дарило энергию толпе и люди орали и требовали немедленного сожжения еретиков, сами не понимая, почему так разошлись.

Кошку даже ничуть не удивило, что она может видеть и чувствовать сердце города даже без своего кошачьего зрения.

Продраться в первые ряды стоило ей множества синяков и кровоподтеков на ногах, но какое это имело значение.

Теперь ей было видно все. Труппа "Зеленого гуся" уже была привязана к двум бревнам. А в закрытой клетке, по-видимому, находились все остальные.

Когда ткань с перевозной тюрьмы сдернули, народ окончательно разошелся. Некоторые стали похожи на бесноватых. Несколько гнилых овощей полетело в сторону заключенных. Зачем они их кидают? Это ведь хороший спектакль. Ни одну из постановок Фридриха еще не встречали такими бурными эмоциями...

Мастер Роланд Серебряный сидел на троне в небрежной позе. Его глаза горели. Настроение явно было приподнятое. Еще бы. Сердце города – это было и его сердце. Кошке показалось, что она слышит, как красный огонь костра пульсирует в такт с человеческим сердцем под парадной серой мантией Верховного Мастера.

И тут она не столько увидела, сколько почувствовала, как с ее братом начало происходить то, чего он так боялся всю свою жизнь. Толпа заглушала звуки, но Кошка ясно слышала, как он орет. Тьма внутри него вышла из-под контроля. Лина-Лин уже не могла никак реагировать, она выплеснула все свои эмоции еще в Нави, только из глаз по спокойному лицу тонкими струйками потекли слезы.

Неужели он не мог просто сгореть? За что ему эти адские мучения перед самой смертью. Хотя у него не было шансов отделаться просто костром. Лина-Лин сама виновата в том, что удача отвернулась от ее брата. Теперь Проклятье не отпустит его до самой смерти.

– Жители Верховной Обители! – начал Мастер Роланд Серебряный, и все звуки в толпе тут же смолкли. – Сегодня

мы казним еретиков, которые под личиной благочестивого спектакля пытались поднять зрителей на бунт. Один из обвиняемых по имени Фридрих признался, что он лично сочинил сценарий и заставил актеров играть свои роли.

Ропот в толпе, гневные слова и взгляды в сторону несчастного ни в чем не повинного Фридриха.

– Но и другие актеры должны очиститься от скверны путем сожжения на костре.

В полной тишине Лина-Лин слышала всхлипывания Анри.

– В клетке вы видите демона во плоти, которому все обвиняемые продали свои души. Но есть среди них одна чистая душа, которую еретики угрозами и насилием заставили участвовать в их грязных замыслах. Я, Верховный Мастер, сразу распознал невинного, и повелеваю отпустить его.

Клетку открыли. Шенена и Марко оторвали от корчащегося на полу Джениуса и вывели. Брата оставили там.

– Ты свободен. – Ласково обратился Роланд к Шенену. – Душа твоя так чиста, что мы без обучения принимаем тебя в нашу Обитель. Завтра ты пройдешь посвящение в Серые Мастера.

По толпе прошел гул удивления и восхищения. Видимо, такое здесь впервые.

Шенен ничего не ответил. Он придерживал ослабленного Марко под руку и молча смотрел на Верховного Мастера.

– Привязывайте этого актеришку! – скомандовал Роланд

Серебряный.

Марко повели на костер. Он все смотрел то на нее, то в сторону, где бесновался в клетке Джениус, кидаясь на решетки с диким отчаянным криком, перераставшим в рык.

Она постояла еще мгновение, а потом не выдержала. Лина-Лин метнулась очень быстро, почти мгновенно, в сторону Верховного Мастера. Она не контролировала себя, ее кошачья суть проявилась настолько, что вылезли звериные ушки.

Кошка целилась прямо в горло Мастера Роланда Серебряного. Последствия ее не интересовали. Терять ей все равно было нечего.

Лине-Лин не хватило пары мгновений. Двухметровый толстяк перегородил ей дорогу, она врезалась в него, и тут же еще двое схватили ее за руки.

Мастер Роланд удивленно привстал.

– О, как чудненько, что за славный мальчишка? Или это девица?

Он подошел и потрепал ее по щеке. Лина-Лин попыталась укунить его палец.

– Жители Верховной Обители, вы сейчас собственными глазами можете наблюдать дьявольское отродье. – Прямотаки весело провозгласил Роланд.

Толпа уже просто захлебывалась от экстаза.

Тем временем, подожгли первый костер. Тот, на котором стояли Фридрих и Анри. Нижние деревянные весело затрещали, пошел дым. Не густой, дрова были сухие. Еще бы, сы-

рые дрова считались проявлением милосердия. Ведь обвиняемые задохнулись от дыма прежде, чем сгорали живьем.

В клетке билось то, что когда-то было Кошкиным братом. Фигура отдаленно напоминала Джениуса, но была изуродована Тьмой по ее вкусу. Он уже не кричал, а издавал громовое рычание. Вся клетка была в крови и слизи. Лина-Лин закрыла глаза, чтобы не видеть эту агонию.

– Дьяволица – сестра демона в клетке. – Внезапно догадался Верховный Мастер и на губах его промелькнула безумная улыбка. – Жители Верховной Обители! Сегодня вы увидите, как зло уничтожает зло. Мы кинем сестру демона в клетку и вы своими глазами убедитесь, как беспощадно зло. Брат разорвет сестру на части и сожрет ее плоть.

Вопли толпы. Весь мир потонул в ее воплях. Они уже даже не хотели слушать своего бога и господина. Они жаждали как можно больше крови и боли. Их сердца теперь тоже бились в бешеном такте вместе с Сердцем города. Костер уже подбирался к своим первым жертвам. Фридрих больше не мог выдерживать героический вид. Ему было страшно. Он шевелил губами, читая молитву. Анри с глазами, полными ужаса, вжался в столб. Он рыдал в голос.

Лина-Лин не допустит, чтобы ее брат так страшно кончил жизнь. Если ее посадят в клетку, Джениус разорвет ее, как прикажет ему Тьма внутри. Но при этом он прекрасно будет понимать, что в данный момент он убивает свою любимую младшую сестренку. Это страшнее костра. Страшнее того,

что Тьма поработила его. Лина-Лин знала, что Джениус всю жизнь избегал ее и бросал в чужих домах именно для того, чтобы этого никогда не случилось. Самый страшный кошмар Джена заключался в том, что он выпустит себя из-под контроля и убьет единственное существо, которое он когда-либо любил.

Пока внимание Серых Мастеров было поглощено речами их милосерднейшего господина, Лина-Лин дернула руки, выкрутилась и рванула вперед. В костер, где уже почти начали гореть Фридрих и Анри. Красное сердце города манило и звало ее. Вот уже и ее собственное сердце забилося с ним в такт.

Она умрет. Навь заберет ее тело. И она тенью черной кошки придет на ту поляну, где оставила спящего Данте. Лина-Лин тихонько ляжет рядом. И когда он проснется, он все поймет. Он будет оплакивать ее, а она будет молча смотреть на него кошачьими глазами, и не одна эмоция не проникнет в ее упокоившуюся душу...

– Стой, Лина-Лин. – Услышала она голос у самого пламени.

И она не остановилась бы, но это был голос Шенена. Который несколько мгновений назад был довольно далеко от нее. А теперь он стоял совсем близко. Он мягко взял девушку за руку.

– Стойте. – Спокойно сказал Шенен пяти Серым Мастерам, которые бежали за Линой-Лин.

И те озадаченно остановились. Переглянулись. И попятнулись назад.

Толпа внезапно прекратила вопить и свирепствовать. Только удивленный шепот неся, как волна.

– Тебе незачем сжигать себя, Лина-Лин. – Ласково сказал ей Шенен. – На самом деле ты никого не предавала. И Марко никого не предавал. И Джениуса не поглотила Тьма. Это все сон.

Что? Кошка оглянулась по сторонам. Джен метался в клетке, исходя хрипом. Марко привязывали к костру. Фридрих и Анри начали истошно кричать, чувствуя жар. Что-то не похоже на сон.

– Это сон. – Повторил Шенен. – Поверь, Кошка. Иначе откуда у меня вот это?

Лина-Лин раздраженно повернулась к своему подопечному и замерла.

За спиной Шенена раскинулись два огромных крыла. Это не были птичьи крылья. Тонкие и нежные, почти прозрачные, будто сотканые из воздуха. Но при этом в них четко можно было разглядеть перья. Белые, местами серебристые, несколько бежевых, будто попавшие туда случайно. Два неземных крыла немножко трепыхались и подрагивали, будто Шенену сложно было удерживать их долго в расправленном положении.

Толпа постепенно оживала. Кто-то стал рыдать в голос, кто-то бухнулся на колени, а некоторые, напротив, были на-

строены агрессивно...

Шенен протянул в сторону руку, даже не глянув на людей. И все исчезли. Вся огромная толпа в мгновение испарилась, не оставив после себя ни огрызка яблока, ни куска одежды.

– Куда ты их дел? – Медленно спросила Лина-Лин, озираясь по сторонам.

– Им теперь просто снится другой сон.

Все вокруг тоже очень изменилось.

Пламя очистительных костров застыло в движении, как замерзшие волны в море. Фридрих и Анри, уже ни к чему не привязанные, осматривали свои конечности, не понимая, почему нет ожогов. Брат притих за решеткой. Лине-Лин было не очень хорошо видно, но она разглядела, что его тело приняло прежний облик. Он просто сидел на полу и тяжело дышал. Марко, свободный от веревок, и уже не такой бледный, шел, почти бежал в сторону клетки.

Все Серые Мастера тоже исчезли. Только Роланд Серебряный сидел на своем троне. Его лицо было все таким же довольным. Происходящее вокруг его явно забавляло.

– Что же, я знал, что ты рано или поздно догадаешься. – Сказал он Шенену. – Теперь ты вспомнил кое-что из своего прошлого, не так ли?

– Немного. – Спокойно ответило неземное создание.

Крылья он опустил вниз, и они стали почти невидимыми.

– Но одно ты должен был вспомнить точно. – Жестко проговорил Роланд. – Ты служишь Творцу. А, значит, тебя от-

правили сюда, чтобы ты помогал нам, его верным подданным и наместникам на земле.

– Как интересно все устроено в твоём мире, Верховный Мастер, – сказал Шенен, игнорируя последнее замечание.

Этому он совершенно точно научился у Джениуса. Тот отлично умел отвечать только на те вопросы, которые ему нравились.

– Мне потребовалось много времени, чтобы догадаться, что весь Серый город ты оплел одной паутиной снов. – Шенен рассуждал по-прежнему спокойно и невозмутимо. – Все жители оказываются здесь, когда засыпают. Иногда это просто сны. Но чаще всего людям снится то, чего они больше всего боятся. Весь город у тебя как на ладони, ведь таким образом ты можешь видеть их мысли и чувства.

– Мне даны удивительные способности ходить по снам и управлять ими, – сказал Роланд Серебряный, глядя Шенену в глаза.

Сейчас они были просто невероятно ослепительно голубыми.

Мастер поднялся, и мир вокруг резко изменился. Над ними раскинулось огромное звездное небо. Под ногами Лина-Лин почувствовала холодный песок. Он был повсюду, куда ни глянь. Никаких костров, серый замок тоже исчез. Труппа Фридриха ошарашенно оглядывалась по сторонам, сбившись в кучу. Марко обнимал Джениуса, все еще слабого и подавленного. Клетка вокруг них тоже испарилась. Кругом

только пустыня.

Теперь Кошка верила, что это был сон, но она совершенно реально ощущала холод, запах ночной прохлады, израненные ноги продолжали болеть и кровоточить.

– Мой дар я использую, чтобы поддерживать порядок в родном городе.

Шаг, и все они на оживленном базаре в жаркий летний полдень. Пахнет фруктами и рыбой. Народ не спеша ходит от прилавка к прилавку, настороженно поглядывая на странных незнакомцев.

После холода ночной пустыни, здесь приятно припекало.

Роланд Серебряный взял яблочко с прилавка.

– Я хожу по снам, и слежу, чтобы во всем Великом Королевстве люди не переставали верить в Творца, – продолжил он и вгрызся в крупный плод белыми зубами.

Снова они резко оказались на пустой площади у замка Верховной Обители. Пространство так резко и внезапно менялось, что земля уходила из-под ног и голова шла кругом. Здесь снова была только их труппа, Роланд и застывшие неподвижные костры. Джениус, опираясь на Марко, подошел ближе.

Лина-Лин с тревогой отметила, что он невыносимо бледен и еле-еле двигается. Даже во сне Тьма была способна так изменить его.

При виде Лапули Мастер Роланд широко улыбнулся.

– Ну здравствуй, старый знакомец. Я люблю иногда про-

гуляться по твоим снам: все природа и свежий воздух... То мимо деревьев в лесу пройду, то у ледяного моря посижу. Красота. Только стоны и крики истязаемых немного портят атмосферу. Представь же мое приятное удивление, когда сегодня я зашел и увидел свой родной город. Я понял, что наконец-то и ты решил нанести мне дружеский визит. Еще и Шенена привез. Благодарю тебя, я как раз его искал.

И Верховный Мастер отвесил шутовской поклон.

Лапуля молчал. Он до сих пор не мог прийти в себя, так ужасно было то, что с ним совсем недавно происходило. А, точнее, даже не происходило, а просто снилось. Вообще, раз это сон, надо бы побыстрее очнуться. Где гарантии, что они не проснутся в окружении Серых Мастеров. Наверняка Роланд Серебряный уже отдал соответствующие приказы.

И она ущипнула себя за руку. Было больно, на коже остался след. И ничего не произошло...

– Я уже пробовал, – покачал головой Марко.

Верховный Мастер громко рассмеялся. Прав был Джениус, смех этого человека был абсолютно безумным.

– От моего дара не было бы никакого толка, – насмешливо провозгласил он, – если бы из этих снов можно было бы вот так вот просто выбраться, ущипнув себя за руку.

Джениус сильно закашлялся и согнулся пополам. Ему все не становилось лучше.

Шенен подошел к Лапуле, легонько коснулся его лба, и тот исчез.

– Не делай этого, Шенен. – Медленно и четко проговорил Роланд.

Его лицо из насмешливого резко превратилось в ледяное. Серебряный взгляд был таким тяжелым, что хотелось отвернуться.

Крылатое создание дотронулось до Марко, и тот тоже исчез.

– Шенен, ты видел истинную суть этих людей. – Продолжил он жестким, как кремьнь голосом. – Один из них и не человек вовсе. Ты теперь знаешь, кто он.

– Знаю. – Кивнул Шенен.

– Ты думаешь, что Творец послал тебя на землю, чтобы ты приумножал зло?

Некоторое время голубоглазый молча смотрел на Верховного Мастера. Затем медленно проговорил:

– Я не настолько хорошо все вспомнил, чтобы судить, зачем меня послал сюда Творец. И не слишком научился разделять добро и зло, Тьму и Свет. Здесь это очень сложно. Но то, что делаешь ты, Мастер Роланд Серебряный, точно не относится к Свету. Твой мир даже не серый. Он черный.

После этих слов Шенен коснулся Кошкиного лба, и она очнулась в постели в таверне. Так и подпрыгнула среди мокрых скомканных простыней. За окном было еще темно. Часа четыре утра.

Она побежала в комнату к мальчикам. Те уже зажгли свет. Все были на месте. Лица были встревоженные и подавлен-

ные.

– Лапуля, как ты? – кинулась девушка к брату.

Он уже выглядел гораздо лучше. Но все же Кошка еще никогда не видела Джена таким потерянным. Он осматривал свои руки, трогал себя за голову, будто не верил, что ничего на самом деле не было.

На труппу «Зеленого гуся» смешно было смотреть, такой ошарашенный вид у них был. Лина-Лин не сдержала нервный смешок. Анри, посидев немного с вытаращенными глазами, тоже начал смеяться. И смех этот довольно быстро перерос в истерические рыдания. Фридрих заторможено хлопал товарища по плечу.

Марко тихо переговаривался с Джениусом, пытаясь убедиться, что у того все хорошо. Но взгляд его был задумчив. Похоже, и ему не сладко пришлось в этом сне.

Шенен молча осматривал всех присутствующих. Никаких крыльев у него не было и в помине. Прическа была немного потрепана. Сияния не было, по крайней мере, если смотреть обычным взглядом. Глаза все еще голубые, но вполне себе человеческие.

– Шенен... – начала Лина-Лин, но тут же замолчала.

Она не знала, что ему сказать теперь. Как вообще разговаривать с созданиями, в существование которых она не слишком-то верила всю свою жизнь. Точнее, не то чтобы не верила. С таким же успехом можно было не верить в саму Кошку. Просто небесная Правь казалась такой далекой и совсем не

относящейся к земле. Не то что близкая и родная Навь.

– Как ты-то туда попал, Шенни? – тихо спросил Марко. – Ты ведь даже не спал.

– Я просто понял, что все вы куда-то провалились и шагнул за вами.

– Так ты с самого начала знал, что это сон? – нахмурился Одуванчик.

Все головы тут же обратились к Шенену. Знал и ничего не сказал. А ведь он мог бы спасти всех от пережитого ими...

– Я не сразу понял, что это сон. – Ответил на вопрошающие взгляды ангел. – Я ведь никогда не видел снов. К тому же, все люди вокруг были настоящие. Все, кто находился в этом городе.

Марко медленно спросил.

– А те, кого не было в этом городе, но кого мы видели во сне?

И Лину-Лин тут же накрыло волной паники. Данте. Она была с ним. И если он тоже видел все это во сне, то Проклятье, возможно, будет действовать. Как с тем поцелуем в Нави.

– Как я понял, – начал Шенен, – вы видели свои страхи. Если они связаны с какими-то людьми, то вы видели этих людей во сне. Точнее, их фантомы.

На лице Марко отразилось облегчение.

– Я была в Нави... – задумчиво произнесла Лина-Лин. – Или мне снилось, что я была в Нави. Да, мои страхи связаны

с Данте и... Проклятьем. Но я не могу быть точно уверенной, что он мне снился. Может же такое быть, что и я снилась ему.

– Этого нам как раз и не хватало, – криво усмехнулся Джен.

Похоже, он начинал приходить в себя.

Марко зашагал по комнате.

– Так, – решительно начал он, – Фридрих, собирайте вещи, запрягайте коней и ослов в повозки, мы с Дженем задержимся на десять минут. Не спрашивай зачем.

Сердце у Кошки бешено колотилось. Был это сон или все было на самом деле? Ее предательство и его слова любви. Его отчаянье и ее ощущения. Она вышла за дверь с вещами, ожидая приговора. Будет ли теперь Джениуса преследовать Проклятьем? Тогда им точно не выбраться из города...

Но все же, если его там не было, то не было и его объятий, слов и поцелуев, после которых Лине-Лин и умереть было не жалко... Как же ей хотелось поговорить об этом всем с Данте самой. Она прерывисто вздохнула и быстрым шагом пошла в конюшню за Молочком.

Что ты знаешь о снах?

– Он заставил нас пережить наши самые сильные страхи. По правде сказать, мы не знаем, чем бы все это кончилось, если бы Шенен нас всех не вытащил. – Закончил свой краткий рассказ Марко.

Хранитель Данте хмурился, пытаясь переварить это обилие новостей после бессонной ночи.

Вечером наемники не вышли на связь. Он подождал немного, коротая время в разговорах с Гвенделем. А потом не выдержал и пошел к Онори, чтобы она поискала Джениуса и Марко в мире людей. Но их там не было.

Данте не сразу понял, как такое возможно. Они посмотрели Кошку, потом Шенена. Не было и их. По крайней мере, они были все вместе. Точнее все вместе не были.

Хотя ответ, разумеется, не заставил себя ждать, когда Хранитель вспомнил, где именно сейчас должны были находиться его наемники и Шенен. Владения Мастера Роланда Серебряного.

Анализируя степень риска при прохождении через Верховную Обитель, Данте оценил ее довольно низко. Ведь ее хозяина на месте не было. Но они имели дело со сноходцем.

Получается, что все жители города видят друг-друга во сне, передвигаются в одном и том же пространстве... Знают ли они, что живут под колпаком или думают, что по ночам

просто спят? Помнят ли они свои сны так, будто это было наяву?

Данте примерно представлял, какие страхи преследовали Маркуса и Джениуса. И, по правде сказать, он им не завидовал. Особенно Джену.

А что касается Кошки...

– Сон Лины- Лин был связан со мной? – спокойно спросил он.

Наемники переглянулись.

– Собственно это нам бы и хотелось выяснить... – с некоторой неприязнью произнес Кошкин брат. – Был ли сон просто связан с вами, или вы были там с ней, и нам теперь всем не сладко придется...

– Меня там не было. – Ровно проговорил Данте.

Волнение Джениуса на этот счет было вполне понятно.

– Что именно она видела? – вновь задал вопрос Хранитель.

– Не знаю точно, – задумчиво произнес Марко, – но, похоже, ей пришлось выбирать между вами и братом. И она выбрала вас. А потом в честь этого собиралась спалить себя на костре.

Данте ожидал чего-то подобного.

Джен смотрел на море, сжав зубы. Хранитель чуть ли не физически ощущал его ненависть в этот момент. Ничего, это у него пройдет. Он переживает не столько за себя, сколько за сестру.

– Я тоже кое-кого видел во сне... – неуверенно начал Марко и замолчал.

Он боялся, что придется назвать имя этого человека. Но это было вовсе не обязательно.

– Та, о ком ты говоришь, сейчас в Вертоне. А это значит, ее не было в Верховной обители, и она не могла тоже видеть тебя во сне. – Невозмутимо произнес Данте.

И с некоторым удовольствием пронаблюдал за реакцией наемника. На лице того отразилось и облегчение, и откровенное удивление по поводу осведомленности своего нанимателя, и некоторая грусть.

– Спасибо. – Только и сказал Марко в итоге, не глядя на Данте.

– А теперь бегите из города, как можно быстрее. Скоро Серые Мастера придут за вами.

Марко попрощался, а Джениус так и исчез, не сказав ни слова.

Хранитель, полюбовавшись еще немного морем Истины, тоже открыл глаза.

– У тебя все в порядке. – Утвердительно сказал Гвендель утвердительно, вместо того, чтобы задать вопрос.

А это значило, что он опять залез к другу в мысли.

Хранитель только посмотрел на Гвена как можно строже, но тот только хмыкнул в ответ.

– Похоже, завтра к ночи мы будем в поместье Иллингтон, – непринужденно перевел тему маг.

Они присели вдвоем у костра, чтобы согреться горячим вином перед сном.

Да, их путешествие кончалось. Впервые Данте сожалел об этом. Дни, проведенные с Гвенем, хоть и были периодически тяжким испытанием, но все же их можно было назвать веселыми и насыщенными. Хранитель особенно ценил их, ведь совсем недавно он думал, что потерял своего лучшего друга навсегда.

– Ты что-нибудь знаешь о сноходцах? – спросил Данте Гвенделя.

– Не слишком много. – Пожал плечами друг. – Но зато могу подробно рассказать тебе о девушках-суккубах. Это гораздо интереснее.

– Меня вот что интересует... – продолжил Хранитель, глядя в костер. – Если сноходец, тем или иным образом, убивает жертву во сне, что случается с человеком на яву? Он просто просыпается?

– Все зависит от силы сноходца. – Ответил Гвен.

Хранитель Данте невесело усмехнулся.

– Я говорю о сноходце Мастеру Роланде Серебряном.

Гвен изобразил испуганные глаза.

– В этом случае я не удивлюсь, если те, кого он сжег во сне, просыпаются утром горсткой пепла.

– Этого-то я и боюсь, – вздохнул Хранитель.

Видя обеспокоенность друга, Гвен заговорил серьезно:

– Думаю, убить человека через сон довольно сложно. Я не

слышал о таких случаях. Но, разумеется, полно способов хорошенько навредить. В снах жертва не понимает, во сне или в реальности она живет. А, значит, ее легко ввести в заблуждение или свести с ума. Известны происшествия, когда раны, нанесенные сноходцем во сне, частично, в облегченной форме, переносились в реальность. Но это очень сильная магия. Мастер Роланд должен будет торжественно сжечь себя на костре в качестве еретика, если будет ее использовать.

– Было бы неплохо, – улыбнулся Данте. – Есть, кстати, и хорошая новость. Шенен, благодаря этому сну, частично вспомнил, кто он. И сознательно отказался от покровительства Верховной Обители.

– Тоже мне удивил, – фыркнул друг. – Я же прочитал твои мысли.

Нужно поработать над защитой своих мыслей. Но Данте все время произвольно расслаблялся при Гвенделе, потому что доверял ему. Хотя и не стоило быть таким уверенным... В конце концов, его друг повредился рассудком, с подозрительной избирательностью потерял память, и к нему приходили птицелюди, требуя какой-то там должок.

– Данте, – позвал Гвен, – я тут подумал, что проникнув в сны твоих наемников один раз, Роланд теперь сможет заходить туда постоянно. Как минимум, присутствовать там. А, возможно, и управлять сновидениями.

Хранитель нахмурился, но потом его лицо прояснилось.

– Пока Шенен с ними, он легко отличит сон от яви.

– Что же будет, когда они отдадут тебе Шенена? – усмехнулся друг. – Верховный Мастер сможет до конца жизни мстить им за все.

– Давай будем решать проблемы по мере их возникновения, – вздохнул Данте.

Костер уже догорал. Нужно было отправляться спать. Завтра им предстоял последний день пути, а потом множество встреч и событий в поместье Иллингтон. Разговоры с управляющими, учителями и учениками Ордена. Нужно было проверить, в каком состоянии хозяйство этого обширного поместья. Да и просто хотелось спуститься к морю и подышать воздухом. Целый год он там не был.

И снова память навязчиво стала рисовать картинки, где они вместе с Линой-Лин смотрят на волны, стоя в метре друг от друга – вдруг кто будет проходить мимо.

Кошка растерянно смотрит вдаль. Такая юная, совсем девочка, но, все же, в чем-то взрослее многих. Тело на вид хрупкое и тонкое, кажется, что если его обнять слишком сильно, то что-нибудь можно сломать. На ней белое одеяние служителей ордена. Капюшон сдуло ветром, и длинные волосы немного развеваются за плечами. Она прекрасна, будто сон.

– Смотрю я на тебя, – тихо заговорил он с легкой улыбкой, – ты будто почти несорванный цветок.

Она тоже улыбнулась.

– Так себе комплимент. Ключевое слово – почти?

– Ключевое слово – цветок, – поправил ее он.

Обычная ситуация – они совсем рядом, но им нельзя ни обнять, ни даже просто прикоснуться друг к другу.

– Ведь у нас с тобой скоро все закончится, да? – внезапно спросила она. – Ты и твоя жена родите наследника, займитесь его воспитанием. Ты бы и сейчас уже ушел от меня, но ты пока не можешь. Ничего не можешь поделать со своими чувствами. Тебе не нравится, что ты не способен контролировать ситуацию... Но скоро ты возьмешь себя в руки. Я – просто твоя слабость.

– Я действительно предпочел бы больше думать о делах Великого Королевства, чем сходить по тебе с ума и представлять тебя без одежды, – признался он.

– Нет уж, представляй. – Немного мрачно отозвалась девушка. – Сколько нам с тобой осталось? Несколько дней? Месяцев? Лет? Да даже если несколько десятилетий... Этого мало. Даже несколько жизней – это бесконечно мало, чтобы быть с тобой. Вечность. Вот единственный вариант, который бы меня устроил.

Данте с грустной улыбкой покачал головой.

– Это просто слова, Лина-Лин. Ты еще так молода, у тебя впереди целая жизнь. О какой вечности ты можешь говорить?

– Молода? – она криво улыбнулась. – Ты прекрасно знаешь, что кошки взрослеют быстрее. Ты бы не связался с обычной малолетней девчонкой. К тому же, я окуналась в

Море Истины, и могу говорить о Вечности, Смерти, Смысле, Поиске Пути и многих других вещах.

Вместо Вечности у них тогда оставалось полгода до расставания.

Догорела последняя головешка в костре. Данте вспомнил про холод. Он растолкал Гвена, который сидел рядом с закрытыми глазами. Видимо, блуждал где-то по Нави. С тех пор, как Хранитель научил друга это делать, тот постоянно пропадал там вместо того, чтобы спать.

– Онори просила пожелать тебе сладких снов, – непридуманно бросил маг, потягиваясь.

Вот как. Он уже свел знакомство с богиней Нави.

– Ты не говорил мне, что Онори – твоя мать. – Продолжил Гвендель.

– Это сложно. – Неохотно ответил он. – Она моя мать в Нави. А в Яви моя мать – покойная Джоанна Иллингтон.

– Онори рассказывала, как в детстве, в том, которое до рождения, ты хотел прокатиться на Грозовом жеребце, но вместо этого тебе привели Радужного пони. Но в итоге ты смирился, и так полюбил кататься на радужном пони, что вся Навь вдоль и поперек была исчерчена радугами. Богиня переживала, как же ты сможешь поддерживать баланс в Яви, если не способен равномерно распределять радуги по небу.

Хранитель Данте одарил друга недобрым взглядом.

Как так получилось, что у скрытного и таинственного Хранителя Данте есть такой друг, который знает о нем бук-

важно все? Иллингтон стал вспоминать артефакты, которые стирают память. Несколько таких были в его Хранилище. Правда, с неприятными последствиями... Не убивать же ему Гвенделя в случае чего.

– Эй! – Обиженно воскликнул Гвен, по привычке залезший в мысли Данте. – Ну что здесь такого, что я много о тебе знаю! Я вот ничего от тебя и не скрываю! Хочешь, читай мои мысли, я вот не запрещаю.

– Я не умею, Гвендель.

– Твоя ограниченность – это не повод ненавидеть людей, которые в чем-то тебя превосходят. – С наигранной обидой проговорил Гвен. – То есть я хотел сказать, которые во всем тебя превосходят.

Заявив это, черноволосый маг довольно склонил голову на бок, ожидая реакции друга.

Но Данте только спокойно улыбнулся.

– Да, ты прав, не повод. Пойдем уже спать. Завтра сложный день.

На лице Гвена выразилось некоторое разочарование, что не удалось немножечко довести друга, но он послушно отправился спать. Или опять бродить по Нави.

Данте обошел свой притихший лагерь, проверил посты с часовыми и тоже отправился к себе. На него опять накатила тревога за Лину-Лин. Что пришлось пережить ей во сне, обрекая своего брата на смерть. И сколько еще таких снов ей предстоит увидеть. Он хотел, как лучше, отправляя ее в это

опасное путешествие. Оставалось только надеяться, что все закончится хорошо...

Сотвори мне чудо

Вернуться и пойти в обход Верховной Обители. Это была бы неплохая идея, только вот с двух сторон от серых стен простирались болота. С учетом, что один день они уже потеряли, их труппа совсем не успела бы показать спектакль. Фридрих категорически с этим был не согласен.

И они двинулись с их повозками по еще спящим улицам, не зная, ищут ли их уже или еще нет.

Это во сне Марко окраина Верховной Обители была совсем близко от центра, на самом же деле до выхода из города им предстояло ехать до вечера. Благо пока было раннее утро, улицы были пустые. Но скоро их яркие повозки, запряженные ослами, будут двигаться у всех на глазах. Что тут было делать?

– Нас остановит первый же встречный Серый Мастер. – Разделила опасения Марко Кошка.

Он мельком глянул на нее. Ее Молочко шагал в двух метрах от Музы Марко. После своего сна он стал смотреть на Лину-Лин совсем другими глазами. Ему хотелось поймать ее взгляд, коснуться руки. Но он только отвесил сомнительную шутку про неудачную прическу Кошки. Маркус не собирался демонстрировать свои чувства девушке, которая без ума любила другого.

Когда на еще темных улицах стали появляться первые

торговцы, Маркус крикнул всем своим спутникам:

– Притормозите на минуту!

Фридрих и Мердок, правящие повозкой с декорациями резко остановились. Так резко, что Марко стал переживать за Шенена, который ехал внутри этой самой повозки. Он и правда вскоре вылез оттуда, озадаченно потирая ушибленный лоб.

Анри и Джонни притормозили и спрыгнули с козел повозки с костюмами.

На удивление молча спешили Джен и Кошка. Такая их послушность даже пугала.

Все сошлись у небольшой клумбы с засохшими цветами.

– Я не против принять бой, если придется. – Сразу начал Марко. – Но силы могут быть катастрофически неравными.

Фридрих горестно и немного театрально вздохнул.

Анри слегка побледнел, похоже, воспоминания о сне были в нем еще слишком сильны. Мердок всем своим видом выражал решительность, а Джонни нервно смотрел то на одного, то на другого члена труппы. После того, как в том сне он пытался сбежать, спасая свою шкуру, он не знал, как себя вести. Все вроде пока молчали, ведь это был только сон. Но все прекрасно знали, что хоть и реальность, конечно, была ненастоящая, но их действия были самые что ни на есть искренние...

– Джонни, ты можешь уйти сейчас. – Не выдержал все же Мердок. – Одному тебе ничего не грозит.

Актер в ответ открыл рот, потом закрыл. И, немного помолчав, тихо произнес:

– Я не повторю своей ошибки.

Еще бы, ведь мало того, что он оказался предателем, так еще и чуть не сгорел на костре вместе со всеми. То есть, сбежал он явно зря.

– Может, разделимся? – Предложил Джениус. – Бросим повозки и...

– Бросим повозки? – Не дал ему договорить Фридрих. – Что значит бросим повозки??

Джен вопросительно посмотрел на Марко. Но он только развел руками.

Конечно, сейчас рациональнее всего было бы отделиться от труппы и спасти Шенена. Это, наверняка, было у Джениуса на уме. Но Марко не мог бросить друзей. А Джениус, как смел надеяться Маркус, не мог бросить своего дорогого напарника. Впрочем, можно было это проверить... Марко набрал воздуха глубоко в легкие и нарочито небрежным тоном произнес:

– Джен, бери Шенена и Ли, и сворачивайте в эти дворы. Если вам удастся раздобыть серые мантии или хотя бы обычную местную одежду, то вы сможете почти спокойно пересечь город. Только с привратниками могут быть проблемы, но тебе не привыкать.

После этих слов труппа во главе с Фридрихом очень выразительно уставились на Марко. До них медленно доходи-

ло, что их бывший товарищ собирается остаться с ними и их приметными повозками, вместо того, чтобы пойти более простым путем.

Кошка уже было открыла рот, чтобы разразиться неодоб- рительной тирадой по поводу этого плана, но Джен и сам за- говорил:

– Уйти и бросить тебя с этими котятками? Ты идиот? Тебя не было, когда они сражались во сне.

Фридрих насупился, Анри обиженно поджал губы, глаза Мердока сверкнули праведным гневом. Только Джонни мол- ча смотрел в пол.

Тогда Марко сурово нахмурился. Хотя от слов напарника ему сразу стало весело и радостно. Он действительно не был уверен в приоритетах Джениуса. Иногда, натолкнувшись на очередную грубость с его стороны, Марко думал: "А что если этот человек работает со мной только потому, что это удоб- но. Я неплохо сражаюсь, в моей верности он уже не раз убеж- дался, я не задаю лишних вопросов... Но вдруг, как только ему откроются другие перспективы, то он без зазрений со- вести бросит меня и продолжит свой путь, даже не оглянув- шись?"

И сейчас Марко продолжал изображать недовольство:

– Джениус, ты забыл, кто из нас главный? Это приказ! На- до спасти Шенена, это первоочередная задача. И не только потому, что нас наняли. Ты теперь и сам понимаешь, что мы обязаны спасти Шенена.

– Понимаю... – медленно ответил Джен.

И сердце Марко ушло в пятки. Он сейчас уйдет. Да, он сделает это потому, что так надо. Трое таких дорогих Маркусу людей получат ощутимый шанс на спасение. Но все же на душе стало так невероятно пасмурно.

– Я сделаю все для спасения своей се... своего брата и Шенена. – Тихо сказал Джениус. – Точнее мы сделаем это вместе с тобой, кусок идиота. Так что пошел ты со своими приказами.

Последнюю фразу напарник произнес довольно грубо, но Марко только улыбнулся в ответ. Он чувствовал в себе силы сражаться с целой армией.

Все, что он делал последний год, было не зря. Теперь он понял это.

Его воодушевление, похоже, передалось и труппе. Они немного воспряли духом, загалдели. Ребята обсуждали предстоящую схватку, будто готовились к очередному представлению. Джен тоже давал какие-то наставления Кошке.

– Я кое-что вспомнил в том сне. – Послышался ровный голос Шенена.

И все разговоры мгновенно смолкли. Семь голов повернулись в сторону Шенена. Четырнадцать глаз смотрели на него в ожидании.

Все видели крылья во сне, но никто не решался спросить. Так невероятно и чуждо это было, что проще было не обратить внимания, чем пытаться узнать правду.

– Не так много... – Продолжил Шенен. – Но я вспомнил свой дом. Он далеко отсюда. На вашем языке его называют Правь или Небеса. Я знаю, что жил там тысячи лет, если использовать ваше летоисчисление. Но я не чувствую этого. Все дни были одинаково светлыми и счастливыми. Это была Вечность и в то же время всего одно мгновение. И все это как будто было не со мной. Да, Шенен – это мое имя. На вашем языке оно звучит именно так.

Все слушали, затаив дыхание. Правь. Место, про которое все знали, но мало кто в него верил. Легко поверить в Ад. Особенно, когда Джениус пересказывает свои сны по утрам. Можно поверить в Навь, ведь все оказываются там во время засыпания и пробуждения. Но как можно поверить в место, где все вечно, стабильно и хорошо? Где нет зла, боли, страданий. И живут такие чистые души, как Шенен.

Взгляд у всех стал задумчивым и немного грустным. Никто не спешил вскочить верхом, рассесться по козлам и спасти свою жизнь, выбираясь из проклятого города. Все слышали сказки про Правь, которые принято было рассказывать детям Великого Королевства. Но кто бы мог подумать, что она действительно существовала где-то там, вне времени и пространства.

– Когда вы видели свои страхи во сне, – продолжил Шенен, – я думал, что не боюсь ничего. Тогда я еще не отдавал себе отчет, что теперь я тоже испытываю эмоции, как и вы. Но потом ко мне вернулась память. И это как раз и было то,

чего я на самом деле боялся больше всего.

Голос Шенена был, как обычно, не слишком выразительным, но он сделал небольшую паузу. Марко понял, что их подопечный прислушивается к себе, отмечает изменения в настроении, которые пришли с дурными мыслями.

– Я вспомнил небесное состояние счастья, безмятежности и величия, стоя у подножия костра. В тот момент я испытывал голод, холод, страх за вас всех. Я невольно разделил боль и тьму каждого из вас, пытаюсь немного облегчить ваши страдания. Я почувствовал несовершенство своего тела, всю его смертность и уязвимость, которых не было раньше. Я понял, что у меня больше нет крыльев. Только призрачные воспоминания о них, которые вы видели. Но все это не самое страшное.

Марко попробовал себе представить состояние Шенена. Каково это – быть низвергнутым с Небес? Может, как если бы ты был человеком, а какой-нибудь черный маг превратил бы тебя в таракана. Но при этом сознание и воспоминания у тебя остались бы прежние.

– Я безропотно принял бы свое нынешнее состояние, – продолжил небожитель, – но у меня была действительно одна важная вещь. В Прави мы воспринимали ее естественно – как глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Это связь с Творцом. Я говорил с ним, когда хотел, его присутствие и любовь всегда были со мной. Но здесь это невозможно. Вы, люди, давно уже утратили эту связь. Но представьте, каково

это – иметь ее – как воздух, как смысл, как душу – а потом потерять. Вот что самое страшное.

Спокойный и невозмутимый голос Шенена немного дрогнул на последних словах. Впервые в жизни.

– Но я не это вам хотел сказать. – Он вновь был само спокойствие. – Я кое-что умел раньше. В Прави, если ты чего-то желал, то это сразу у тебя появлялось. Правда, нам нечего было желать. У нас и так все было. Но я запомнил, каково это. И, похоже, я могу немного изменять пространство вокруг себя в этом мире. У меня есть сильное желание – помочь вам выбраться из города без кровопролития. Так что давайте тронемся в путь. Вам надо ехать плотно друг к другу. А я попытаюсь отвести от нас лишние взгляды.

– Я поеду с тобой в повозке, – сказала Лина-Лин.

Но Шенни покачал головой:

– Лучше, если я буду там один.

Марко побрел к своей лошадке Музе. Он не сомневался в Шенене, но ему было за него тревожно.

Когда окончательно рассвело, и мрачные фигуры понуро поползли по серым улицам, все с удивлением отметили, что на яркие повозки и всадников рядом, действительно, никто не смотрит.

На полпути Фридрих раздал всем по большому куску припасенного пирога с капустой. И они притормозили, чтобы покормить Шенена.

Лина-Лин залезла в повозку, и тут же оттуда высунулось

ее испуганное лицо:

– Воды! – крикнула она.

Все бросились к повозке. Марко залез первый и увидел бледного, очень бледного Шенни. Он сидел, тяжело привалившись к стене. Пот тек с него градом. Пустая фляга валялась рядом.

Лина-Лин уже поила его из своей, успокаивающе поглаживая по волосам.

– Шенен, я не знаю, что именно ты делаешь с собой, но перестань, – растерянно проговорил Марко.

– Со мной все в порядке, – с трудом проговорил их небожитель.

– И кто же научил тебя врать, небесное ты создание? – глухо спросил Джениус, присаживаясь рядом с Шененем и щупая ему пульс.

– Я приспособливаюсь к среде, – выдавил из себя их подопечный.

Не смотря на уговоры, Шенни отказался перестать творить свое странное чудо. Он заверил всех, что его сил хватит до конца пути. Лина-Лин осталась приглядывать за ним и поить водой.

Дальше Марко ехал с камнем на душе. Его уже не радовали прохожие, которые в упор не замечали странную процессию. Наемник знал, каких невероятных усилий это стоит Шенену.

Их команда попыталась ускориться, но не замечающие их

люди то и дело норовили попасть под колеса повозок или под копыта коней.

Только ближе к окраинам, где кругом были опустевшие поля, они прибавили скорости. Фридрих даже забеспокоился что у его старой колымаги отлетит колесо.

Уже видна была городская стена, когда раздался окрик Лины-Лин.

Марко спрыгнул с коня и кинулся к притормозившей повозке. Когда он заглянул вовнутрь, сердце упало в пятки.

Лиана-Лин плакала. Неподвижный Шенен лежал на полу, и его голова покоилась на Кошкиных коленях.

– Он умер? – дрогнувшим голосом спросил наемник и замер в ожидании ответа.

Марко спиной чувствовал, что и Джениус позади него застыл в мучительном напряжении.

Лиана-Лин подняла на них глаза.

– Когда он потерял сознание, я подумала, что все конечно. – Девушка вытерла слезы и уже говорила спокойно. – Потом нащупала пульс.

Вздых облегчения вырвался у обоих наемников.

– К нам приближаются привратники. – Это Фридрих просунул голову в повозку. – Их около двадцати.

В его голосе даже слышался легкий азарт. Хорошо, когда весь мир для тебя – увлекательная пьеса.

– А что с Шененем? – тут же спросил руководитель трупы.

За его спиной мелькали встревоженное лицо Анри и на-
супленные брови Мердока.

– Все нормально, – соврал Марко.

Теперь, когда "чудо" Шенена перестало действовать, се-
рые стражи их видели. Конечно же, основные силы разыс-
кивали беглецов в городе, но небольшой отрядик все же по-
слали сторожить выход из Обители. Знать бы еще, насколько
хороши их противники... Хотя что-то подсказывала Марко,
что Роланд Серебряный отправил на их поиски свои лучшие
силы.

– Ли, тебе придется оставить Шенена одного. – Вздыхнул
Марко. – Мы должны сражаться.

И Лина-Лин молча поднялась, проверяя по ходу свое ору-
жие.

Ни слова не говоря, все семь человек растянулись в ряд,
вглядываясь в приближающихся противников. Лина-Лин
сжимала арбалет, остальные держали наизготовку мечи. Хо-
тя больше, чем от половины команды толку было мало. Ан-
ри, кажется, и сейчас больше думал о том, насколько краси-
во он смотрится с мечом.

– Они не должны погибнуть. Пожалуйста. – Тихо сказал
Марко Джениусу.

Тот сжал зубы, чтобы не разразиться бранью, и кивнул. Он
понял, что им двоим нужно будет не только отбивать напор,
но и защищать всю труппу "Зеленого гуся". И теперь Марко
был уверен, что Джениус постарается хотя бы ради него.

Не сговариваясь, они сменили позиции – Маркус встал между Мердоком и Фридрихом, а второй наемник на полшага впереди Анри и Джонни. Кошка чуть улыбнулась, заметив этот маневр.

Серые стражи, не смотря на сумерки, уже заметили оголенное оружие и приближались бегом.

Дождавшись, когда они будут достаточно близко, Кошка сделала несколько выстрелов из арбалета, потом метнула пару ножей. Так что добежали не все. Двое упали сразу. Еще трое были ранены, но продолжали идти в атаку.

А девушка уже достала свой легковесный меч. На серых стражах были плотные тяжелые одеяния, поэтому, видимо, девушка не надеялась на свои зубы и когти. Вот и хорошо. Маркусу было жутковато, когда он видел это хрупкое создание в виде разъяренного животного, перепачканного в крови. И его трупке не стоило это видеть.

Джонни первый не выдержал и кинулся в атаку. Видно, после случившегося, пытался показать всем, что он не трус. Джениус, правда, потянул его за ворот обратно, как щенка.

И Марко снова невольно загляделся, как в дело вступил Хаборим, прекрасное демоническое творение.

Крики и лязг оружия мгновенно наполнили слух. Привычными движениями Марко отводил от себя удары, пытаюсь при этом приглядывать за Фридрихом и Мердоком. По сравнению с Анри и Джонни они держались не так плохо.

Стоило Марко об этом подумать, как Фридриха чуть не за-

кололи ударом в спину, который наемник отразил в последний момент. Он без сожаления проткнул человека, нападающего со спины. И тут же вспомнил, как сам недавно чуть не поступил так же. Хоть и во сне.

С удивлением Маркус отметил, что Джениус сражается не в полную силу. Он мастерски отражал все атаки на себя, а также половину ударов, направленных на Анри и Джонни, но будто бы старался никого не убить при этом. Что было совсем для него не характерно.

На самом деле, такое поведение напарника вовсе не прибавляло им шансов на победу.

Зато Анри, видимо случайно, воткнул меч в грудь одного из стражников. И тут же вскрикнул, выпустил свое оружие и попятился в ужасе от свершенного.

Джен громко выругался, вытащил меч из тела, впихнул его обратно в дрожащие руки актера и толкнул несчастного в самую гущу сражения. Видимо, чтобы привести в чувства.

Что было дальше Марко не увидел, он резко развернулся вправо, отражая атаку сразу троих врагов. Они напирала так жестко, что Марко уже начал коситься по сторонам, в поисках подходящей подмоги. Но противников хватало у всех.

Тогда, скорее для устрашения, Марко издал дикий рык и бросился на своих врагов, вкладывая в удар максимальные силы. Будто надеялся, что это поможет разрубить пополам сразу троих.

И, совершенно неожиданно, все его противники упали на

землю и развалились там без чувств.

Воодушевленный успехом, Маркус развернулся влево в поисках новых врагов. Но все они валялись на земле. И, судя по растерянным лицам товарищей, их туда уложили не они.

Увидев Джена, Маркус слегка похолодел, а волосы на руках встали дыбом. Это скалившееся лицо и налитые кровью глаза не принадлежали его другу. Существо в ярости занесло меч над одним из беззащитных противников.

Марко кинулся туда, но не успел. Лина-Лин опередила его.

Она крепко и цепко ухватила брата за запястье. Он издал недовольный злобный рык, но тут девушка что-то зашептала на ухо брату. И постепенно произошло чудо: оскал исчез с лица, взгляд стал более осмысленным, руки медленно опустились Хаборим.

Марко быстро отвернулся. Вся сцена длилась несколько секунд, и он не хотел, чтобы Джениус знал, что его напарник все видел.

По крайней мере, теперь Маркус понимал, что кошмар Джениуса не был пустой фантазией. И, кажется, догадывался, почему он сдерживал себя сейчас на поле битвы. Но, в целом, все было непонятно. И страшно.

Но что же случилось с серыми стражами? Он присел рядом со своими недавними противниками. Вся троица мирно спала друг на друге, один из них даже начинал похрапывать.

– Шенен! – вскрикнула Лина-Лин.

Маркус вскочил и рванул к повозке. Разумеется, кто еще мог их усыпить.

Их подопечный лежал на траве. Он снова был без чувств. Мердок сказал, что видел, как Шенни во время битвы вышел из повозки, сильно шатаясь, схватился за стенку, что-то зашептал. А после того, как стражники посыпались, как осенний листопад, чудотворец тоже рухнул в траву без сознания.

Пuls все еще был, хоть и очень слабый. На губах виднелась кровавая пена. Чудеса его доконали. Маркус готов был перебить всех этих стражников, если бы пришлось, лишь бы не видеть Шенена таким.

– Надо ехать, пока серые ребята не проснулись, – глухо сказал Джонни. – Иначе то, что сделал для нас Шенен пропадет зря.

– Я возьму его. – Тихо проговорил Джениус.

Его лицо не выражало ничего. Не было и следов странного события, только что случившегося с ним.

Наемник склонился над Шененом, бережно завернул в полы его синего плаща и без труда поднял. Марко и Фридрих помогли усадить ценный груз на Порто перед Дженом. Голова их подопечного безвольно склонилась набок, тело обмякло, придерживаемое рукой Джениуса. Положение было не самое устойчивое, но Марко знал – напарник довезет Шенена в целости и сохранности. Им теперь нужно было другое чудо. Это голубоглазое небесное создание, пожертвовавшее последними силами, чтобы спасти всех, в том числе и при-

вратников, должно было выжить.

И, в самом мрачном расположении духа, вся их команда выехала за ворота. Стражники проводили их дружным храпом. Отъехав на несколько десятков метров, Марко в последний раз обернулся, чтобы посмотреть на черные шпиль Верховной Обители, пронзающие пасмурное небо.

Ветер с моря

Они немного свернули с лесной дороги на ночлег, и теперь Лиана-Лин периодически прикладывала ухо к земле, прислушиваясь. Но погони не было. Видно, их все еще искали в городе.

В идеале, их команде не следовало останавливаться на ночь, но все беспокоились за Шенена.

Одуванчик с Фридрихом быстро развели костер. Лапуля аккуратно перенес Шенни на гору теплых вещей у огня. К счастью, он уже не был таким бледным, дыхание наладилось, пульс стал более отчетливым.

Он чуть не умер совсем недавно, Лиана-Лин чувствовала предсмертную агонию, оттого и плакала тогда перед схваткой с привратниками. И потом никто не был уверен, что Шенен не угаснет на руках у Джениуса. Но теперь тело их подопечного постепенно восстанавливалось, лицо перестало быть мертвенно бледным.

– Удивительно... – протянул Фридрих, видя такие перемены.

Но тут, как раз-таки, не было ничего удивительного. Ведь Шенен не был человеком. То есть, сейчас, конечно, был. Но до этого не был. И его тело еще сохранило способность к самоисцелению.

Бывшему небожителю пока сложно сопоставить то, что

было в Прави и то, что происходило с ним сейчас. Он не рассчитал свои силы в попытке сотворить чудо и чуть не расстался с жизнью. Хранитель Данте не обрадуется, когда узнает, что его наемники допустили это. Кошка вздохнула.

Тем временем, Мердок разогрел в кастрюльке вина.

– Я знаю, он не любит, – начал он, нерешительно держа кружку, – но это может помочь.

И, совместно с Лапулей, они бережно напоили Шенена дымящимся вином.

Через несколько секунд он закашлялся и открыл глаза. Обвел присутствующих внимательным взглядом. Его голубые глаза были сейчас совсем блеклые. Сияние, как Лина-Лин убедилась, тоже едва было заметно.

– Простите, – тихо сказал Шенен, – я не знал, что так будет. Раньше я мог делать подобные вещи без всяких усилий.

– Пообещай, что больше не будешь творить никаких чудес. – Мягко попросил Марко. – Мы с Дженом и Ли здесь, чтобы оберегать тебя и в сохранности привезти в поместье Иллингтон.

Джениус заговорил очень недовольным тоном, хоть и слегка фальшиво:

– Сегодня ты пытался спасти наши шкуры и чуть сам себя не угробил. Данте ни черта не заплатит нам за такую паршивую работу.

– Так вот почему у нас спектакль на Неделе Ордена... – мрачно провозгласил Фридрих. – Дело не в прославленном

режиссере и не в известности "Зеленого гуся". Вы выполняете задание.

Похоже, все потеряли осторожность. Труппа Фридриха стала им за это время настолько близка, что трудно было что-то от них скрывать. Хорошо хоть, у мальчиков хватало ума все это время называть Кошку Ли. Иначе ее попросту выгнали бы из спектакля.

– Прости, друг. – Марко обеспокоенно потеревил Фридриха за плечо. – Мы, действительно, едем в Иллингтон со своими целями, но насчет спектакля я правда договорился. Спектакль будет.

– Спасибо, Маркус. – Холодно поблагодарил режиссер.

В его голосе сквозило такое горькое разочарование в собственной славе и гениальности, что Лине-Лин стало его жалко. Всегда бывает горько внезапно осознать, что ты не центральный персонаж важного события, а просто пешка.

Кошка плеснула себе горячего вина. Сделала большой глоток.

– Я буду в порядке еще до рассвета. – Тихо сказал Шенен. – В этом лесу небезопасно.

– Поспим несколько часов. – Скомандовал Одуванчик. – Будем по одному дежурить возле Шенена.

– Я посижу всю ночь одна. – Сказала Лина-Лин. – Я услышу погоню издалека, если что. А днем выплусь в повозке.

– Спи. – Резко прервал ее Лапуля. – Я дежурю.

Лина-Лин сразу поняла, что брат боится уснуть. После

того кошмара, который не прошел бесследно... Сегодня, во время битвы, Тьма ненадолго завладела Джениусом. Такое случилось и раньше, не зря его называли кровожадным. Лапуля давно научился контролировать Тьму внутри себя. Но сон, похоже, вывел его из равновесия... Это было плохо, очень плохо.

– Не бойся, Джениус. – Слабо проговорил Шенен. – Когда мне было плохо, я чувствовал, как ты оберегаешь меня, делишься своим теплом и своей силой. Я не был в сознании, но чувствовал связь с этим миром, благодаря тебе. Теперь я буду рядом. Ты можешь спокойно спать, я не дам никакой сущности проникнуть в твой сон и в сны всех остальных.

Джен хотел было что-то ответить, но, постояв немного, взял одеяла и пошел устраиваться на ночлег. Он верил Шенену.

Вскоре все разбрелись, кто-то захрапел. Только Лина-Лин осталась одна. Тепло костра напоминало ей тепло рук любимого человека. Она отгоняла от себя навязчивые образы, обзывала себя дурой. Потом, не выдержав потока воспоминаний достала из сумки огарок свечи, зажгла и принялась просить прощения у невидимой Сардинеллы, Сицилии, Констанции и Патриции. Это занятие вызывало у нее скорее злость, чем предполагаемое смирение, но все же это было лучше, чем идиотские и бессмысленные страдания.

Через три часа она угрюмо растолкала выспавшихся ребят. Шенен был все еще слаб, но это было не критично.

Марко и Джениус выглядели подавленными после встречи с Данте. Лина-Лин была уверена, что он не ругал их и не отчитывал. Наверняка молча выслушал все с каменным лицом. А потом сказал что-нибудь вроде: "Вы допустили ошибку. Не фатальную, но все же это ошибка". В его устах это могло прозвучать просто убийственно.

Девушка кинула одеяло на пол повозки с костюмами и легла отдыхать. Шенен сел с ней рядом, прислонившись к стенке. Уже очутившись в Нави на несколько мгновений, Кошка почувствовала, что сияние их подопечного все еще совсем слабое. А потом она погрузилась в легкий и приятный сон.

Проснулась она в обед. По счастью, Джениус настроил дичи с ее арбалета. А Анри все приготовил.

От Обители они были уже довольно далеко, до поместья Иллингтон оставалось не так много. Шенен уже мог самостоятельно передвигаться. Настроение у всех было приподнятое. Даже солнышко промелькнуло пару раз на хмуром осеннем небе.

Закат они встретили на потрясающей красоты равнине, где с одной стороны было видно море, а с другой горы. И хоть Кошка сотни раз видела куда более впечатляющие виды в Нави, лаконичная и суровая красота Яви была ни с чем не сравнима.

Наверное, о том думал и Шенен, глядя вдаль. Противопоставлял свой дом и свое теперешнее обиталище. Хотя какая

она – Правь, это в принципе было сложно постичь человеческим разумом.

Дорога теперь шла вдоль побережья. И пару дней они ехали в абсолютном спокойствии. Если не считать ветра, который периодически нещадно дул с моря.

Фридрих заставлял всех репетировать и хвалил Лину-Лин за роли богинь Онори и Нинель. По правде сказать, последнюю ей даже больше нравилось играть.

Джениусу больше не снился Мастер Роланд Серебряный. Только старый добрый ад.

Шенен уже вполне уверенно передвигался и чувствовал себя хорошо. Внутреннее сияние постепенно возвращалось к нему. Иногда он ехал на козлах с Фридрихом и тот учил его улыбаться. И вообще, хоть как-то выражать чувства. Но пока что у их подопечного это получалось откровенно плохо. Его эмоции выглядели как худшие из масок, развешанных на стенах таверны "Злые маски".

До поместья Иллингтон оставалось два дня пути. Кошку трясло при мысли о предстоящей встрече с Хранителем. И не во сне, не в Нави, а совсем по-настоящему. Хотя Джен с Марко периодически напоминали ей, чтобы она не смела подходить к Данте ближе, чем на три метра. Но она и не собиралась. Ей хотя бы увидеть его издалека.

– Я купил у местных рыбаков рыбу на завтра и картошку для Шенена, – радостно объявил Марко, присаживаясь рядом с Линой-Лин.

Девушка поделилась с ним одеялом, которым прикрывала плечи. Маркус был таким теплым и привычным, что Кошка в своем зверином облике обязательно свернулась бы калачиком у него на коленях. А так она просто положила голову ему на плечо.

Все сидели у вечернего костра вокруг котелка с горячим вином. Они только что поели вкусной похлебки, ветра почти не было, спектакль уже был совсем отрепетирован, и Фридрих развлекал всех актерскими байками.

Марко шепнул Кошке на ушко, что он, а также Анри, Мердок, и Джонни слышали их уже неоднократно. И тут же рассмеялся в конце очередного красочного рассказа. Остальные тоже веселились, будто в первый раз. Даже Джениус позволил себе несколько раз улыбнуться.

Шенен слушал с предельным вниманием и явно пытался понять, почему все хохочут. Один раз он попытался засмеяться со всеми, но получилось что-то среднее между кашлем и сипением. Фридрих только печально покачал головой и ободряюще похлопал своего ученика по плечу.

Это был на редкость беззаботный и теплый вечер. Лина-Лин смеялась и шутила вместе со всеми. Ей было хорошо и уютно. А утром началось самое интересное.

– Я не хотел вас расстраивать раньше времени, – ровно начал Шенен, когда все позавтракали. – Но с тех пор, как я понял, кто я, у меня появилась незримая связь с Маршалом Лионелем.

– Ты знаешь, где он сейчас? – поинтересовался Марко.

Он, видимо, еще не догадался, в чем суть проблемы. А вот до Лины-Лин уже начало доходить...

– Да, я знаю, где он. А он теперь всегда знает, где я. – Также спокойно продолжил Шенен. – Он давно уже пустился за нами в погоню со своим отрядом. Я все рассчитал и понял, что встречи никак не избежать. Она состоится сегодня после обеда.

– Встречи... – медленно протянула Лина-Лин. – Дружеских посиделок, ты хотел сказать. Поболтаем за чайком...

Ее мозг начал работать с бешеной скоростью, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. Сердце увеличило ритм. Через несколько часов до них доберется целый отряд солдат с отличной подготовкой. Даже если они бросят повозки, скорость будет заведомо ниже. У них три коня, а на осликах остальные далеко не уедут. Если они оставят труппу Фридриха с их фургончиками и ослами, отряд Лионеля без жалости всех убьет.

– Сколько их? – быстро спросил Лапуля.

– Я не знаю. Думаю, не больше сорока, – ответил Шенен. Все молчали. Новость хорошенько огрела всех по голове. Только их дорогой Шенни был просто олицетворением спокойствия.

– Сожаление. – Вдруг произнес Фридрих, глядя на небожителя. – Здесь уместно будет сожаление.

Шенен кивнул и, как послушный ученик, поочередно вы-

полнил разученные с режиссером действия: тяжело вздохнул, раздосадовано покачал головой и скорбно поджал губы.

Не смотря на всю серьезность ситуации, Лина-Лин испытала умиление. Шенни был как ребенок, который учится повторять за взрослыми. На губах Марко тоже промелькнула улыбка.

Закончив изображать сожаление, Шенен продолжил все так же ровно:

– Я понимаю, вы все сейчас осуждаете меня за то, что я не сказал вам про погоню раньше. Но если бы я сказал раньше, вы бы пытались убежать или спрятаться, напряженно ждали бы развязки, переживали и нервничали, спорили, ругались бы от неизбежности этого дня. А так мы спокойно двигались вперед. И вчера провели прекрасный вечер.

– Да! Просто прекрасный! – С энтузиазмом поддержала Кошка. – Жаль, что последний в нашей жизни.

Их подопечный потрепал по загривку подошедшего к нему ослика. Хотела бы Кошка оставаться настолько же спокойной.

– Сейчас мы достаточно близко к поместью, чтобы попросить подмогу. – Снова заговорил Шенен. – Правда, она все равно не успеет. Но, возможно, охранники понадобятся нам позже.

– Чтобы закопать наши кости, – угрюмо предположил Лапуля.

– Почему только кости? – озадачился Шенен.

Видно он представил, как из мертвых тел вытаскивают кости, чтобы закопать. И ему стало интересно, куда девают остальную телесную оболочку бессмертной души.

– Не переживай, Шенен, Джениус так шутит. – Слегка раздраженно пояснил небожителю Одуванчик. – Все остальное тоже обязательно закопают.

– Но не сожгут в очистительном костре. Это радует! – Как можно бодрее попытался сказать Мердок.

– Ты можешь подробнее узнать, сколько их? – сдержанно поинтересовался Лапуля у Шенена. – Перспектива сражаться втроем против сорока человек не совсем меня радует.

– Это "сражаться втроем" меня убивает... – обиженно протянул Анри. – Дженни такой гордец...

– Мы все будем сражаться, Джениус. – Пояснил Фридрих. – И от нас не так мало толка, как тебе кажется.

– Я тоже буду сражаться. – А вот это уже сказал Шенен.

– Ну тогда мы спасены! – не сдержала сарказма Лина-Лин. Все остальные снисходительно заулыбались.

– Шенни, – мягко начал Одуванчик, – это вовсе не обязательно...

Но голубоглазое создание перебило Марко:

– Я обещал вам не творить больше чудес, так как это может убить меня. А, значит, единственный способ вам помочь – это сражаться.

– Тогда сражайся, – усмехнулся Лапуля и вынул из ножен свой Хаборим.

Марко пожал плечами и протянул Шенену свой меч.

– Давай, Шенни, уложи эту наглую морду! – пошутил Одуванчик.

Их подопечный не реагировал. Он осматривал меч, как предмет, который видел в первый раз. Он потрогал лезвие, переложил оружие из одной руки в другую, коснулся пальцем кончика острия.

Лапуля сделал слабый выпад вперед. К всеобщему удивлению, Шенен отбил удар так быстро, что Джен даже не ожидал. Затем их подопечный мягко, но уверенно ударил слева. Брат Лины-Лин легко увернулся.

То, что началось потом, заставило всех потерять дар речи. Скорость боя мгновенно выросла. Мечи теперь буквально летали в воздухе. Джениус уже не пытался дать фору Шенену, в этом не было нужды. Голубоглазый наносил точные, выверенные удары. А уворачивался с такой легкостью, будто был заправским фехтовальщиком.

Глаза Лапули загорелись, так всегда было, когда он встречал достойного противника. Выражение лица Шенена, как обычно, нисколько не поменялось. Разве что стало чуть более сосредоточенным.

В какой-то момент Джен начал теснить Шенена, но уже через секунду небожитель почти выбил меч у наемника из рук.

Их битва была будто танец. Темп стал уже почти невероятным, от лязга мечей звенело в ушах.

Совершенно внезапно Шенен остановился. Лапуля от неожиданности чуть не разрубил беззащитного подопечного пополам.

Громко выругавшись, он устало опустился на землю. Шенни тоже тяжело дышал, пот тек с него градом, но он остался стоять, пытаясь выровнять дыхание.

– Шенен... – восхищенно протянул Маркус, – как так?

– Ты ведь даже мяса не ешь, – заметил Фридрих, – но при этом такое чувство, что ты всю жизнь только и делал, что убивал.

– Всю жизнь? – переспросил Шенен.

И Лина-Лин вдруг осознала, что вся жизнь для небесного создания – это сотни и сотни лет.

– Я не люблю убивать, – сказал Шенен, – но это не значит, что я никогда этого не делал. В войнах, солдатом которых я был, мы разрушали целые миры. Я не хотел поднимать руку ни на кого живого, но старшие товарищи говорили мне: "Иди и сражайся, все они давно мертвы. В независимости от того, убьешь их ты или кто-то другой". Сейчас, уже давно, у меня дома все спокойно. Благодаря тому, что сотни лет назад мы сражались с демонами во имя Творца.

– Хватит болтовни, – неожиданно резко прервал Джениус, – нам давно пора двигаться вперед.

Странно было даже представить себе, что легенды о сражениях небесных легионов против адских полчищ были правдой. А перед ними стоял не просто свидетель, а участ-

ник космических войн. Но им сегодня предстояло свое сражение, исход которого был очень даже сомнительным...

– Надо связаться с Данте, – вздохнул Марко.

И Лина-Лин тоже вздохнула, услышав его имя.

Домик у моря

Заботы сразу же захлестнули Данте, едва он въехал на территорию поместья. Жители окрестных деревень и городов собрались поприветствовать Верховного Хранителя. Для церемониального въезда старейшины Данте переодели его в цвета Ордена. На нем теперь был тяжелый белый с золотым плащ с большим стоячим воротником и фиолетовый камзол. На коня тоже надели парадную сбрую и красиво заплели гриву, отчего бедняга недовольно фыркал.

Дорогу до поместья Иллингтон выстлали разноцветным песком и украсили цветами. Нарядные дети бежали за процессией. Девушки с корзинами кидали в Данте и старейшин лепестками роз. В Гвенделя, хоть он даже не был членом Ордена, тоже летели цветы. Еще бы, его длинные черные волосы так и сияли на солнце. К тому же, на нем был роскошный темно-синий бархатный плащ и парадный костюм.

С каждым годом Хранителя Данте приходило встречать все больше народу. А ведь раньше поместье Иллингтон было отделено от других населенных пунктов большими расстояниями. Это было закрытое место для членов Ордена.

Но постепенно вокруг отстраивались деревеньки, которые превращались в довольно крупные населенные пункты. Все дело было в здешнем особенном климате.

Наконец, огромные кованые ворота поместья распахну-

лись перед Данте, и процессия въехала в цветущий сад. Райский уголок, которому не было дело, что в остальном Великом Королевстве сейчас осень.

Данте с удовольствием окинул взглядом лабиринты из фигурно стриженных кустов, мысленно поздоровался с громадиной замка, вдохнул сладкий запах роз. Солнце скрылось за тучами, но было так тепло, что Хранителю было жарко в парадном костюме.

– Мир полон приятных сюрпризов! – весело воскликнул возникший рядом Гвендель. – Я понимаю, что все рады тебя видеть – помыли и согнали в кучу детей, надрали лепестков, всю ночь красили песок, но как они избавились от осени?

– Видишь, у того, чтобы быть Верховным Хранителем есть свои преимущества. – Улыбнулся Данте.

Гвен с удовольствием оглядывался по сторонам.

– Я чувствую здесь следы очень древней и сильной магии. – Наконец сделал он вывод.

Хранитель кивнул.

– Моим прадедам не нравилось, что единственный раз в году, когда им удастся вырваться к морю, здесь сплошная сырость, холод и никакого удовольствия. Тогда магия еще не была под запретом, и несколько сильных магов, принадлежавших к Ордену, сделали тогдашнему Верховному Хранителю такой подарок. Здесь, конечно, не лето, но достаточно тепло, чтобы чувствовать себя комфортно.

– Это распространяется и на округу, хоть и в меньшей

степени. – Понял Гвендель. – Вот почему вокруг поместья столько поселений. Урожай, наверное, так и прет.

– Конечно, Серые Мастера не в восторге, что здесь замешана магия. – Протянул Хранитель. – Но магический акт был свершен так давно, что уже можно называть его просто "особенности местного климата".

У замка длинными рядами выстроились ученики Ордена в белых церемониальных одеждах. Многие из них впервые увидели своего господина, и по толпе пронесся восхищенный ропот. Хранитель приветливо помахал всем рукой. Позже он скажет какую-нибудь вдохновляющую речь, примет участие в обучении молодежи и подробнее расспросит о талантливых учениках. Возможно, кто-то даже удостоится личной встречи и получит первые серьезные задания.

Хотя, сложно, конечно, придумать задание труднее, чем он дал своей самой способной ученице.

За вишневым садом, который, правда, цвел только весной, просвечивалась пасмурная синь моря. Хотелось поскорее спуститься вниз и пройтись босиком по слегка прохладному песку.

– А не сходить ли нам на море? – Предложил Гвен.

И это было очень даже подозрительно.

– Зачем? – Холодно поинтересовался Данте.

– Даже не знаю, – весело пожал плечами друг, – например, походим босиком по прохладному песку.

Так и есть. Опять читает мысли. Интересно, а влияют ли

длинные волосы Гвенделя на его магические способности и умение слышать мысли? Есть довольно большая вероятность, что если мага подстричь, с волосами он потеряет часть своей Силы...

– Ты этого не сделаешь... – кисло сказал Гвендель.

Данте только таинственно улыбнулся в ответ.

За этой дружеской беседой они доехали до парадного входа в замок. Передав коней прислуге, они с Гвендом шагнули в холл, облицованный малахитовыми плитами. Они все еще смотрелись яркими и сверкающими, хотя ими обили пол и стены больше пятисот лет назад.

И тут Хранитель услышал, что его зовут. Он тут же напрыгся. Наемники выходили на связь вчера вечером. Все было так спокойно, что Данте попросил сегодня утром не ждать его в Нави, так как он ежесекундно будет окружен огромным количеством людей. Но они сейчас стояли на обрыве и звали его.

Хранитель извинился перед управляющими, встречающими его, и двинулся по ступенькам вверх в свои комнаты.

– Дурные новости от наемников, – тихо кинул он Гвену, проходя мимо. – Мне надо заглянуть в Навь.

Джениус и Маркус даже не присели. Видно было, что они спешат

– К нам приближается отряд Лионеля, – выпалил Марко вместо приветствия. – К полудню они на нас нападут.

– Сколько их? Я высылаю подмогу, – тут же среагировал

Хранитель.

– Не больше сорока. Шенен говорит, подмога не успеет. Мы возле поселка Рыбий хвост.

Данте прикинул расстояния. Да, при всем желании не успеют.

Хранитель уже несколько дней не просил Онори посмотреть, где отряд Лионеля. Он был уверен, что Шенен теперь чувствует его, и заранее узнает о приближении.

– Шенен вас не предупреждал? – уточнил Данте.

– О, что вы, он не мог. – Покачал головой Джениус. – Не мог испортить нам настроение такой отвратительной новостью.

Понятно. Шенен учится проявлять заботу.

– Похоже, подмога действительно не успеет. – Серьезно заговорил он. – Какой бы тяжелой ни была схватка, пусть их хоть в десять раз больше будет, чем вас, вы должны во что бы то ни стало сохранить Шенена.

– Мы в курсе, – немного раздраженно отозвался Маркус.

Данте пристально посмотрел на Джениуса.

– Вы должны воспользоваться любыми методами. – С нажимом произнес Хранитель, глядя в глаза наемнику. – Даже если считаете их неприемлемыми.

Джен сжал зубы и посмотрел на Хранителя почти с ненавистью. Что же, душевная гармония его наемников сейчас не самая важная задача.

– Идите. А я отправлю отряд, – коротко кинул Данте на-

последок и открыл глаза.

Да, изначально путешествие с труппой актеров показалось Хранителю отличной идеей в плане маскировки. Но теперь эти повозки с осликами здорово замедляют ход. Логично было бы отделиться от труппы и прибавить ходу, но Шенен не пойдет на то, чтобы обречь невинных людей на верную гибель.

Его первой мыслью было бросить все, сесть на коня и самому с отрядом во весь опор скакать в лес. Но он не мог вступать в открытое противостояние с Маршалом. Ему сейчас нельзя было портить отношения Ордена с Королем.

Данте встал и прошелся по комнате. Кинул взгляд на тяжелые коричневые гардины. Их не было в прошлом году. Да и вообще в замке, похоже, прошел небольшой ремонт. Управляющие хотели сделать ему сюрприз.

Он пошлет отряд без опознавательных знаков. Только надо кого-то толкового поставить во главе.

– Поверить не могу, слуги набрали мне ванну, в которую я едва влезаю! В ней можно только по-быстрому помыться, но никак не полежать и уж точно не расслабиться!

В комнату, как к себе домой, без стука вошел Гвен. На нем был шелковый халат с драконами, который он не понятно где успел достать, волосы были заколоты наверху чем-то золотым и сверкающим.

Решение пришло сразу же.

– Гвендель, отряд Лионеля к полудню нападет на моих на-

емников, которые сопровождают Шенена. Они сейчас у поселка Рыбий хвост. Я прошу тебя выехать к ним на подмогу.

С Гвена мгновенно спала его маска изнеженного жизнью вельможи. Он стал серьезным и сосредоточенным.

– Я могу не успеть, – сказал он. – Если только...

– Я дам тебе "Пыль". Ты сможешь использовать магию. Но только незаметно для всех.

– Я не смогу переместить себя и отряд во времени, – чуть улыбнулся Гвендель, – мои возможности не безграничны. Но с заклинанием "Попутный ветер" мы немного ускоримся. Только на счету каждая минута.

– Мы все сделаем быстро, – сказал Хранитель, направляясь к двери.

– Да, я приму ванну очень быстро. Даже не буду добавлять в нее эфирные масла. – пропел Гвендель. – Да шучу я, шучу. Не смотри на меня так.

– Собирайся, а я пойду воровать из Хранилища "Пыль", – мрачно сказал Хранитель Иллингтон.

– А я пойду украду из кухни кексики на дорожку. Я явно чувствую запах яблочных кексиков. – Ответил ему друг.

И они быстрыми шагами разошлись в разные стороны.

Братья

Они рассказали Данте о трогательной заботе Шенена, который скрывал от них приближение Лионеля. По правде сказать, Хранитель не слишком удивился. Марко подумал, что этот человек всегда готов к любому раскладу. Никакие обстоятельства не смущают его. На вас нападет целый отряд? Во главе сам Маршал Лионель? Ну ничего, сражайтесь. И будьте добры победить.

Хорошо, если подмога застанет их всех живыми.

– Ну где там они, Шенен? – спросил наемник, равняясь с Молочком.

Сегодня они усадили своего подопечного вместе с Кошкой. Сама она не слишком много весила, и ее белому жеребцу не составляло большого труда везти двоих.

– Перешли речку. – Ровно отозвался Шенен.

Мурашки пробежали у Марко по спине. Сами они меньше получаса назад переходили эту речку. Уже вот-вот начнется схватка.

Осмотревшись по сторонам, Марко принял решение:

– Остановимся здесь и будем готовиться к бою. Далеко уже все равно не уйдем.

Джениус не стал возражать.

Лина-Лин оставила коня Шенену и отдала ему свой небольшой меч и клинок. Сама она залезла на дерево с ар-

балетом. Возможно, так от нее действительно будет больше пользы.

Сегодня Марко особенно опасался за жизнь всей труппы Фридриха. Пешие против конных – на что им было вообще надеяться. Но и если они с Джениусом отдадут им своих коней, то будет еще хуже. Хотелось оставить Анри и Джонни в повозке, но они, разумеется, не пойдут. Особенно Джонни – он, после того, как сбежал, всячески старался доказать всем и себе, что так он мог поступить только во сне.

Шенен спокойно и уверенно вышел вперед, лицом к приближающейся опасности. Твердо встал на земле, расставив ноги на ширине плеч, в правой руке был зажат опущенный меч. Воин Света. От него веяло силой и опасностью.

Молочко сам подошел к своему временному хозяину. Как и все кони, белый жеребец Лины-Лин обожал Шенена. Небожитель легко запрыгнул на спину коня.

Все же их подопечный изменился с тех пор, как все вспомнил. Раньше он не представлял, как ставить ногу в стремя, что такое меч, и для чего он нужен. А сегодня утром едва не одолел Джениуса.

Шенни всегда был слегка потеряннным, но теперь многие вещи делал вполне уверенно и осознанно. Например, скрывал плохие новости.

Многое из правил земной жизни он тоже неплохо усвоил – сам мылся и одевался, стал лучше разбираться в эмоциях, хотя его лицо все еще напоминало лик древней статуи, умел

почти адекватно поддержать беседу, следовал правилам приличия.

Марко даже почувствовал гордость за своего подопечного – ведь это они его научили. И не всякой гадости, как беспокоился Данте, а вполне себе воспитанный мальчик растет.

Запрыгнув в седло, наемник подвел Музу к Молочку с левой стороны. Джениус на Порто занял свое место с правой. Пешие стояли позади.

В напряженном молчании послышался легкий шелест шагов. Вскоре на дороге показался человек. Он шел один неспешным прогулочным шагом.

– Это еще кто? – раздался позади голос Фридриха.

Человек все приближался, было похоже, что он забрел сюда случайно. На середине пути он развел руки в стороны, показывая, что у него нет оружия.

– Это же Лионель! – Воскликнула Кошка с дерева.

– Не стреляй. – Почти приказал Шенен. – Он пришел поговорить.

– О чем ему с нами разговаривать? – искренне удивился Марко, глядя на тонкую изящную фигуру Маршала в бежевом камзоле и коричневом плаще.

– С вами не о чем, – согласился Шенен, – но есть о чем со мной.

С этими словами Шенен спешился и сделал шаг вперед.

Лионель остановился в нескольких метрах, пристально его разглядывая. На остальных же он кинул только беглый

равнодушный взгляд. Было не ясно, узнал ли он своих старых знакомцев из кабака или нет.

– Здравствуй, Шенен, давно же я тебя не видел, – сдержанно улыбнулся Лионель.

– Здравствуй, брат. – Тихо поприветствовал их врага небожитель.

Брат? Маркус подумал, что ослышался. Хорош братец... Но ведь Хранитель говорил, что Маршал был послан в мир, чтобы спасти его. Значит, он тоже создание Прави. Они все там, небось, братья? Или не все?

– Я пришел за тобой. – Лионель протянул руку. – Как видишь, я оставил войско у реки. Я знал, если я убью этих людей, ты не пойдешь со мной.

– Скажи мне, зачем мы здесь? – неожиданно и все так же тихо спросил Шенен.

В ответ Лионель рассмеялся сухим и не предвещавшим ничего хорошего смехом. И тут же закашлялся.

– Ты думаешь, ты не все вспомнил, так, братец? – откашлявшись, ответил Маршал насмешливым голосом, – Тебе кажется, ты не можешь вспомнить самого главного – зачем Он нас сюда послал? Так вот – я помню все.

На последней фразе тон Лионеля резко изменился. Он произнес ее холодно и жестко. Сильный кашель снова прервал его речь. И когда Маршал заговорил вновь, голос его был тусклым и уставшим:

– Я помню, дома я часто слушал молитвы здешних людей.

Меня удивляло, как мелочны и глупы большинство из них. "Пусть жена не узнает, что у меня есть любовница", "помоги продать мне глиняный горшок"... Да кому я говорю, ты и сам часто был рядом со мной. И мы знали, что некоторым надо помочь, а кто-то должен пройти испытание до конца. И как же бессмысленно и низменно было то, что они считали испытаниями. Но тогда мы не думали об этом, ведь в нас звучал Его голос и мы всегда исполняли Его волю. И как-то голос Творца сказал мне: "Люди Великого Королевства молят, чтобы я послал им помощь в борьбе с Тьмой – внешней и внутренней. И я пошлю им тебя". "Да будет воля твоя" – смиренно ответил я тогда. Но ведь я не знал, что будет так. Я очнулся на земле, скрючившийся от холода. Меня мучил голод, хотя тогда я не понимал, что это такое. Мне было больно – я увидел несколько синяков и ран на теле. Я зашел в первый же попавшийся дом, меня поразило как неприятно в нем пахло жареной плотью животных, немытыми человеческими телами.

– Конечно, ведь до этого мы вдыхали только запахи цветов, да нектаров. – Встал на защиту Шенен. – Но не все миры так хороши, как наши. Чтобы понять людей, мы должны чувствовать, как они.

– Я сказал, откуда я. – Маршал смотрел в глаза своему брату и уже почти монотонно рассказывал свою историю. – И что послан помочь. Жильцы расспросили меня, не слишком веря моим словам. Они потребовали явить им чудо. Я

спросил, что, интересно, они считают чудом. "Накорми нас, например" – попросили. И я взял кусок хлеба со стола и приумножил его на пятерых. Мне после этого стало очень плохо. Потом я понял: все, что не подчиняется законам этого мира, считается чудом. И отнимает слишком много сил. Больше я чудес не творил.

– Почему же тебе тогда так плохо? Ты никогда не задумывался об этом. Почему ты задыхаешься и кашляешь кровью.

– Эти люди помогли мне, – сделал вид, что ничего не услышал Лионель. – Они сказали, кто главный в этой стране. И я сразу пошел к Королю Ринальдо Восьмому. Он был уже наслышан о моем появлении и обеспечил мне должный прием.

– Ты даже не искал, в чем истина и кому действительно ты должен помогать.

– Не искал... – Лионель усмехнулся. – Я не спросил точных указаний у Творца, потому что не думал, что он лишит меня самого главного... Связи с ним. Ну что ты молчишь, Шенен? Скажи, каково это – не слышать его больше, не ощущать?

– Это худшее, что могло со мной случиться. – Тихо вымолвил Шенен. – Но это уже случилось. И в этом тоже есть Его умысел.

Глаза Маршала гневно сверкнули.

– Он кинул нас, как слепых котят, в этот гадкий мирок. Не сказал, что делать и, главное, зачем все это. Ты не забыл о своем предназначении, Шенен. Ты его просто не знаешь.

"Помочь Великому Королевству". Вот и все.

– И ты думаешь, ты ему помогаешь?

– Да, я нашел самый верный способ. Король – наместник Творца на земле. Будучи его правой рукой, я сохраняю Великое Королевство от внешних и внутренних опасностей.

– Ты убиваешь людей... сотнями.

И снова смех, переходящий в кашель.

– Ты же видишь, насколько ничтожны души в этом мире. Какие жалкие, низкие стремления. Когда собаки слишком размножаются, их отстреливают, чтобы они не мешали. Так же и с людьми. Сначала я жалел их, но потом понял, что смерть одного может спасти сотню.

– Как мог ты сделать такие выводы, брат? Ведь не так давно мы вместе с тобой старались помочь каждому из них, дорожили каждой душой.

– И зачастую только делали хуже. Люди не знают сами, чего хотят.

Голос Маршала Лионеля был полон презрения.

– Прошло всего несколько лет по местному времени, но ты забыл все простые истины, которыми мы жили тысячелетия.

– Ты говоришь мне об Истине? Мы не дома, больше нет никаких инструкций, никаких правил, нет Его голоса. Только Собственная Воля. Я ненавидел ее сначала, мне сложно было принимать решения. Но потом привык и даже полюбил ее. Свобода заменила нам с тобой дом, заменила нам Его...

С тех пор, как я это понял, у меня только одно правило: ничто не истинно, все разрешено.

– Ты делаешь этот мир хуже.

– Я лишь живу по его законам.

– Ты разрушаешь этот мир.

– И на его руинах строю свой.

Лионель улыбнулся сияющей улыбкой, такой резкой и острой, как укус. И тут же снова закашлялся в страшном приступе, он, кажется, уже едва стоял на ногах.

И тут Шенен, совершенно неожиданно для всех, подошел и обнял его за плечи. Маршал кашлял, а Шенен укачивал его как ребенка. Кашель постепенно смолк, и Лионель вцепился в брата тонкими руками, уткнулся лицом ему в плечо.

И Марко показалось, что Шенен уйдет с ним. Каким бы он ни был, но в этом мире для их подопечного нет никого ближе. Это единственная ниточка, связывающая его с Правью. Его семья.

– Я не пойду с тобой, Лионель, – почти ласково проговорил Шенен, продолжая обнимать Маршала. – У тебя нож в кармане. Ты хотел убить меня, если я откажусь?

– Да. – Невозмутимо признался Лионель. – Но я понял, что это будет слишком милосердно.

Он отстранился, глядя Шенену в глаза.

– Вдруг, когда ты умрешь, то вернешься домой. Ты ведь еще не запятнал себя никакой помощью этим жалким созданиям. Ты еще дитя Прави. Нет уж, насладись своей свободой

сполна. Ищи, как я, смысл там, где его нет. Пытайся жить по нашим законам в мире, который погряз во Тьме. А когда поймешь, что творить добро здесь можно, только пролив реки крови, тогда приходи ко мне. Я буду ждать тебя.

– Ты ослушаешься приказов своего Короля?

– Он такой же слабый, как и все люди. Я подчиняюсь ему, когда мне это удобно. Ничто не истинно, помнишь?

Марко заметил, что вся труппа "Зеленого гуся" обступила двух небожителей и, раскрыв рты, слушают их диалог, будто на представлении, где играют два гениальных актера. Кошка тоже слезла с дерева и стояла неподалеку, забыв про свой арбалет.

– Уходи, брат. – Покачал головой Шенен. – Ты тоже слаб, хоть и мнишь себя всемогущим. Твое тело едва живо. Чтобы убить тебя, мне достаточно двух движений. Но я не сделаю этого. И им не дам. Никто не тронет тебя.

– Пойдем со мной. – Лионель протянул руки к Шенену. – Мне так одиноко. Холодно. Умоляю тебя.

– Прости меня. – Шенен не протянул рук в ответ.

Маршал Лионель горько усмехнулся. Потом расправил плечи, поднял голову, окинул всех присутствующих ледяным взглядом. Кое-кто из труппы невольно попятился, Кошка сжала арбалет. Перед ними снова стоял Железный Маршал, который, подобно Роланду Серебряному, не знал ни жалости, ни страха, ни любви.

– Сегодня я отпускаю вас. Это было бы попросту скучно

перебить вас как кучку детей и увезти Шенена. – Холодно проговорил он. – Скажу своим ребятам, что вы бросили повозки и поскакали в другую сторону. Но мы еще встретимся с тобой, Шенен. И с теми, кого ты считаешь своими друзьями. Я сделаю все, чтобы Путь моего брата был ничуть не проще моего.

После этого Маршал Лионель повернулся к ним спиной, ничуть не опасаясь, и пошел по той же дороге. Марко и все остальные молча провожали его взглядом, пока он не скрылся из вида.

Они даже не успели обсудить происшедшее, как услышали топот копыт.

– Маршал Лионель передумал? – удивился Фридрих.

– Едут с другой стороны... – возразила Кошка.

– Обманный маневр? – Предположил Мердок.

– Зачем ему тратить силы на "кучку детей"? – пожал плечами Марко.

Но меч на всякий случай обнажил снова. Джениус тоже лениво достал Хаборим из ножен.

Через несколько секунд на поляну ворвался красивый всадник на вороном коне. Черные волосы незнакомца, собранные в хвост, красиво развивались на ветру. Это было прямо картинное появление.

За ним, немного отставая, двигались еще люди. Наметанным глазом Марко определил, что их не меньше тридцати. Опознавательных знаков на них не было. Нападать эти люди

не собирались. Похоже, это была подмога Данте. И ведь они прискакали почти вовремя, что казалось совершенно невероятным.

– Мы успели? – крикнул предводитель всадников, притормаживая вороного скакуна.

– Да. – Ответила Кошка. – Но сражения не будет.

Незнакомец чуть приподнял брови, огляделся по сторонам, прислушался к чему-то и повернулся к одному из всадников:

– Отдыхайте. Сражения не будет.

И тут же спешился.

– Мы загнали коней, да и сами устали. – Весело обратился он к Марко и всем остальным. – Вам тоже самое время остановиться и перекусить. У нас есть сухой паек. И еще специально для вас я припас вкусных кексиков.

– С кем имеем честь? – не слишком дружелюбно поинтересовался Джениус.

Гвендель пристально посмотрел на наемника.

– Герцог Бертран младший, я полагаю? – внезапно произнес черноволосый. – Я легко узнаю фамильные черты.

– Герцог? – Марко присвистнул.

Он, конечно, ожидал чего-то подобного. Но Герцог... Получается, они с Линой-Лин дети знаменитого Бертрана, который так внезапно разбогател, что ходили слухи, будто он продал душу демонам. Хотя, это, конечно, мало похоже на правду. Еще в светском обществе модны были сплетни и да-

же шутки о его невероятной притягательности для женщин. Говорили, он дважды был женат на туземках, но никому не показывал своих жен. А его родные дети бросили его, едва смогли самостоятельно ходить и говорить. Тут Марко еще раз посмотрел на своего друга и его сестру. До него дошло, что они и есть те самые дети.

– Я тоже Герцог Бертран младший. – Быстро сказала Лина-Лин. – Меня зовут Ли.

Похоже, она испугалась, что проницательный незнакомец назовет ее Герцогиней.

– Разумеется. – Улыбнулся черноволосый. – Я так и подумал. Я точно помню, что у моего старого знакомца – Герцога Бертрана – было два сына.

Он слишком сильно выделил последнее слово. После этой фразы незнакомец повернулся к Марко. И тут его взгляд изменился. Наемник понял, что его узнали. По фамильным чертам или как-то еще, но перед ним стоял человек, который знал его тайну.

– Не думаю, что мы с вами знакомы. – С нажимом произнес Маркус, пристально глядя в синие глаза.

Оставалось только надеяться, что этот человек не выдаст его, раз не выдал Лину-Лин.

– Так давайте познакомимся. Можете звать меня просто Гвен.

– Маркус, – с облегчением выдохнул наемник.

– А это труппа знаменитого уличного театратора "Зеленый

гусь"! – воскликнул Гвен и пустился в обмен любезностями с Фридрихом.

– Гвен... – Вдруг тихо произнесла Кошка. – Гвендель Энироуз Ланти Кроус. Один из четырех правителей города Флаверна.

– Погибшего города Флаверна. – Уточнил Джен.

Действительно... Марко уставился на Гвенделя, как на приведение. Он совсем не выглядел как человек, недавно потерявший все.

– Держите кексики! – довольно объявил Гвендель, разворачивая платок.

Замечание о погибшем городе правитель проигнорировал. Ладно, Марко решил, что логичнее будет делать вид, что все нормально. Он взял кексик и начал жевать. И правда вкусно.

Гвендель тем временем с огромным интересом изучал Шенена.

– Рад познакомиться, – наконец произнес он.

– Я тоже рад. – ровно ответил их подопечный.

– Улыбка, Шенен, – шепнул Фридрих, – здесь уместна улыбка.

И их голубоглазое чудо изобразило на лице одну из своих чудовищных улыбок.

Фридрих сокрушенно вздохнул, Гвен весело рассмеялся. И от этого его смеха все вокруг тоже заулыбались.

Все же удивительный человек был этот Гвендель. Мало

того, что он был невероятно красив, Анри все время с завистью смотрел на сверкающие на солнце черные длинные волосы, он был еще и на удивление приятен. От него веяло силой, уверенностью, насмешливостью, но вполне добродушной.

У него не было высокомерия правителя. Понятно, что с Марко и отпрысками Герцога он мог общаться почти на равных, но он и с труппой вел себя запросто. Хотя, с тех пор, как Кошка объявила, что перед ними правитель, хоть и уже несуществующего города, ребята стали называть его не иначе как Господин Гвендель. Хотя он и им при знакомстве кинул: "Зовите меня Гвен".

Одет он был вовсе не в траур, что следовало бы ожидать, а в франтовской камзол для верховой езды темно-синего цвета. Сверху изящного покроя черный плащ с капюшоном. На пальцах были перстни, но самое удивительное украшение висело на шее на крупной серебряной цепочке – крошечный круглый стеклянный сосуд, вставленный в тонкие серебряные кружева. В сосуде не было отверстия, но при этом он был наполовину заполнен невесомой серебряной пылью, которая поднималась от каждого движения и медленно кружилась за стеклом. Это зрелище невольно завораживало.

Перед тем, как тронуться в дорогу, Марко успел вычистить свою лошадь. Когда он клал щетку к остальным вещам, к нему приблизился Гвендель. Больше поблизости никого не оказалось, и Маркус понял, о чем с ним хотят поговорить.

– Я удивляюсь, как тебя до сих пор не поймали и не вернули обратно, – невесело улыбнулся черноволосый.

– Я тоже, – хмыкнул Марко, – иногда у меня складывается впечатление, что меня не очень-то и ищут. Возможно, не все члены моей семьи хотят возвращения блудного сына домой.

– Отец? – осторожно спросил Гвендель.

– У отца были на меня планы. – Покачал головой Марко. – А вот мой брат, думаю, не в восторге будет, если я внезапно вернусь.

– Просто это не тот случай, когда тебя могут оставить спокойно бегать на воле и сделать вид, что о тебе забыли. – Серьезно проговорил Гвен. – Если тебя больше не пытаются вернуть, то тебя, скорее всего, пытаются найти и убить.

У Марко похолодело в груди, при мысли, что кто-то из его родных мог быть способен на такое. Хотя, чего тут удивляться, нечто подобное с ним уже было. Вопрос в том – все ли ополчились против него или только его брат Римус.

– Спасибо, Гвендель, я учту, – через силу улыбнулся Марко. – Это еще ничего. Вон, у Шенена брат – Маршал Лионель.

– Не повезло. – Сочувственно вздохнул черноволосый. – Наверняка в детстве он сжег, расстрелял и повесил все игрушки, которые не хотели платить налоги.

Гендель уже развернулся, чтобы пойти к своему вороному, но Марко придержал его за плечо.

– Мне жаль, что Флаверна больше нет.

Правитель погибшего города оглянулся через плечо.

– У меня с собой есть фляжка отличного Флавернского вина, – весело сказал он и кинул наемнику инкрустированную камнями черную флягу.

Марко едва поймал ее от неожиданности. Да уж, Гвендель Энироуз Ланти Кроус меньше всего был похож на убитого горем человека.

Озадаченно глядя в спину удаляющегося Гвена, Маркус машинально сделал глоток. И тут же закашлялся. Его накрыло сильным цветочным ароматом, а вкус оказался настолько приторным, что наемник едва это проглотил. Надо пойти угостить Джениуса.

Но друг только с ужасом посмотрел на черную флягу и опасно отошел в сторону. Похоже, ему уже довелось испить этого райского напитка.

– По коням! – громко скомандовал Марко.

Еще совсем немного, и они передадут Шенена, сыграют обещанный Данте спектакль и... что будет дальше?

Джениус опять попытается избавиться от Кошки и непонятно, сможет ли Марко еще ее увидеть.

Он покосился в сторону Лины-Лин. Она рассеянно трепала Молочко по загривку. Взгляд ее был напряженный. Опять думает о своем Данте, о встрече с ним. Как бы чего не вышло. Маркус не столько ревновал, сколько переживал за Джениуса и его Проклятье.

А что же будет делать Марко, когда они выполнят это за-

дание? Он с удивлением понял, что не хочет, чтобы все заканчивалось. Он снова играл в театре, с ним рядом были его старые друзья. И при этом он продолжал работать с Джениусом. Шенен тоже полюбился Марко, и он ни за что не хотел с ним расставаться.

Сможет ли Марко после общения с Данте и Шененом взяться опять за грязную работенку? Редко кому нужны наемники для благих деяний. Или, может, стоит двинуться дальше с трупой Фридриха? Но тогда придется навсегда распрощаться с Джениусом...

– Джен, что ты собираешься делать, когда все закончиться? – спросил он, поравнявшись с напарником.

– Собираюсь напиться. – Мрачно кинул наемник.

Понятно. Марко вздохнул и огляделся. Все уже собрались, Гвен расставил своих людей так, чтобы Шенен оказался в центре колонны. Но это были скорее запоздалые меры предосторожности. Нападения они не ждали.

Что же, оставалось просто с радостью прожить этот еще один счастливый день.

– Может все же по цветочному вину, Джениус? – предложил он, вертя в руке изящную флягу.

– А черт с ним, – обреченно вздохнул напарник, – давай.

Магия цветочного вина

Всю дорогу Лина-Лин не находила себе места. А когда поняла, что не может больше находиться наедине со своими мыслями, то поравнялась с Лапулей и Одуванчиком. С ними рядом ехал и друг Данте – Гвендель. Все трое весело и слишком уж оживленно болтали. В руках у Маркуса обнаружилась фляга.

Только Лина-Лин не поняла, почему все трое были настолько бодры и веселы. Ведь это всего лишь одна фляга, и та наполовину пустая. В этом девушка убедилась, когда и сама глотнула жидкости с убийственным цветочным запахом.

–... и тогда Джениус проснулся в объятьях девиц не первой свежести под столом, – весело продолжил Марко какой-то сомнительный рассказ.

Гвендель и даже ее братец при этом во всю улыбались.

– Как вы умудрились так надербаниться с пары глотков? – искренне удивилась Кошка.

Вино, конечно, было крепким, но не настолько же.

– Магия, – пожал плечами Гвендель.

Кошка не очень понимала этого человека. Кажется, даже она тяжелее пережила гибель Флаверна, чем он. Девушка на всякий случай глянула на него кошачьим взглядом. Невидимое поле чистых цветов и больших размеров очень сильного и уверенного в себе человека. Больше ничего интересного.

И никакого следа горя.

На всякий случай она осмотрела флягу на предмет магии, но ничего подобного не обнаружила. Зато с кошачьим нюхом запах цветочного вина казался уж совсем невыносимым.

Девушка быстро вошла в свое обычное человеческое состояние и сделала еще глоток.

– А что скажет Верховный Хранитель, когда его наемники заявятся к нему на встречу пьянящие? – ехидно поинтересовалась Лина-Лин.

– О, он обязательно что-нибудь скажет! – Подтвердил Гвендель. – Это тот еще Верховный Зануда.

Джен и Марко захихикали. Лина-Лин нахмурилась. Она не понимала дурацких шуточек про Данте.

– Зато вы, господин Гвендель, просто образец остроумия! – громко сказала она.

– Спасибо, что заметил, малыш Ли. – Это обращение прозвучало с таким откровенным пренебрежением, что ее дорогие мальчики так и прыснули со смеху.

– Лина-Лин, если ты не в духе по личным причинам, – с насмешкой произнес Марко, – это не повод пытаться испортить настроение всем остальным.

Девушка быстро оглянулась проверить, не слышал ли кто-то из труппы ее настоящее имя.

– Одуванчик, – с угрозой произнесла она, – если меня выгонят из спектакля, я очень расстроюсь. И буду мстить.

– Не связывайся с ней, Одуванчик. – Хмыкнул Джен. –

Она кусается и царапается.

– Я бы на твоём месте тоже не слишком шутила, Лапуля.

– Лапуля, значит... – Гвендель с сомнением оглядел мрачную длинную фигуру Джениуса. – Два безжалостных наемника – Лапуля и Одуванчик. Ли, ты знаешь толк в именах.

– Вы действительно так считаете, Господин Гвендель? – С издевательским почтением спросила Кошка. – Тогда может вы не против, если вас я буду называть Василечек?

– Господин Василечек, – придирчиво поправил Марко.

– Что же, ты весьма точно определила цвет моих глаз, – Улыбнулся Гвендель. – За это я буду ласково называть тебя Котенок.

Лина-Лин скривила кислую мину. Хуже прозвища и придумать было нельзя. Ей все меньше нравился правитель погибшего города Флаверна. Данте мог бы и получше выбирать себе друзей.

Они выехали на широкую дорогу, и сердце Кошки забилось в два раза быстрее: в сгустившихся сумерках вдали виднелись подсвеченные факелами ворота поместья Иллингтон.

Лина-Лин отъехала подальше от любителей цветочного вина и украдкой достала зеркальце, чтобы поправить мальчишескую причёску. Ей хотелось подкрасить губы красным гримом, но этого она не могла себе позволить до самого спектакля.

Приехали они уже ночью, но поместье не спало. Ворота гостеприимно распахнулись перед ними. Сад был освещен и

смотрелся сказочно и таинственно в огненных бликах.

– Здесь весна... – с тихим изумлением проговорил Марко. – Мы что, попали в Навь?

– Нет, Одуванчик, – послышался спокойный голос Гвенделя за спиной Лины-Лин, – это магия.

– Как с вином? – все еще ошарашенно оглядываясь, уточнил Марко.

– Вроде того, – согласился Василечек, – только немножко сильнее.

От благоухания местных цветов у Кошки закружилась голова, а сердце защемило от воспоминаний. И тут же оно чуть и вовсе не остановилось, потому что им навстречу шел Данте в сопровождении старейшин.

Девушка попыталась найти изменения в знакомых чертах, но он был все таким же, каким она его любила.

Она смотрела ему в глаза, но Верховный Хранитель едва удостоил Лину-Лин взгляда. Он мельком поприветствовал ее традиционным Орденским способом – правая рука кладется на левую на уровне груди. Затем сдержанно, но крепко пожал руки своим наемникам, кивнул артистам. И замер напротив Шенена.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

– Я очень рад видеть тебя здесь, Шенен, – искренне и просто произнес Данте.

– Спасибо, очень приятно. – Ответил воспитанный Шенни.

Он подошел к ближайшему кусту и аккуратно понюхал розу.

– Я попал на землю в холодный период и не знал, что в вашем мире есть такие прекрасные цветы.

– Это ты еще вино из них не пробовал, – хмыкнул Лапуля.

– Оно не из роз! – обиделся Василечек.

– Слуги разместят всех артистов в западном гостевом доме, – по-деловому заговорил Хранитель. – Джениус, Маркус, вы с труппой?

– Да, – ответил за двоих Одуванчик. – Фридрих наверняка в четыре поднимет нас на репетиции. Брат Джениуса, Ли, тоже с нами.

Последнюю фразу Марко добавил, видимо, для того, чтобы Хранитель случайно не выдал труппе ее секрет. Кошка глянула на друга с благодарностью, он улыбнулся ей в ответ.

– Шенен, тебе приготовили комнату в замке.

– Но я тоже играю в спектакле и должен ночевать со всеми. – Ровно возразил их подопечный.

– Мне говорили, у тебя совсем небольшая роль. – Мягко сказал Данте.

– В театре не бывает незначительных ролей. – Сказал Шенен фразу, которую как-то услышал от Фридриха.

Режиссер умилился до слез. Да и Лине-Лин было ужасно приятно, что Шенни не хочет расставаться со всеми ними. К тому же, кто будет охранять их сны от Роланда?

– Хорошо, Шенен. – с улыбкой согласился Верховный

Хранитель. – Ты будешь жить с труппой, пока вы не покажете спектакль на неделе Ордена. Я буду ждать твоего визита завтра после репетиции.

Затем Данте повернулся к Одуванчику и Лапуле.

– У гостевого дома будут дежурить мои люди, но личная охрана Шенена все еще на вас. Мне нужно, чтобы вы были максимально собраны. Я понимаю, как трудно устоять перед флавернским цветочным вином, я и сам большой его любитель...

Пока он произносил последнюю фразу нарочито ледяным тоном, Гвендель, стоя за его плечом, проговорил одними губами: "Верховный Зануда".

Лицо Джениуса приобрело тот суровый вид, который он принимал, когда скрывал свои эмоции. А Марко не выдержал и фыркнул.

– Гвендель, будь добр, встань так, чтобы я тебя видел. – С холодком произнес Хранитель, обо всем догадавшись.

И Василечек с самым невинным видом возник прямо рядом с Линой-Лин.

– Подвинься, Котенок, – шепнул он.

Девушке хотелось сказать этому человеку все, что она о нем думает, но вокруг было слишком много народу.

– Я по-прежнему на вас надеюсь. – Повторил Данте, глядя на Джена и Марко, – Вы действительно сделали невозможное. Я не зря выбрал вас – никто другой, я уверен, не справился бы с такой сложной задачей.

А Лины-Лин будто там и не было. Не единого взгляда в ее сторону. Она закусила губу от досады.

– Ладно, не буду вас более задерживать, всем надо поесть и отдохнуть. – Закончил Данте. – А Гвендель расскажет мне про сегодняшнее столкновение с Маршалом.

– С удовольствием! – усмехнулся Василечек. – Это была схватка века!

И Данте ушел. А Лина-Лин все глядела ему вслед. Она надеялась, что он сейчас обернется и посмотрит на нее. Или вернется со словами: "Лина-Лин, можно тебя на пару слов..."

Но он уже скрылся в лабиринте из розовых кустов, по которым они когда-то бродили вдвоем.

– Ну и жалкий же у тебя вид, сестра, – услышала она голос Джениуса.

Не глядя на него, девушка побрела в сторону западного гостевого дома, дорогу в который им указывали слуги с факелами.

Огненные блики расплывались и шли кругами от стоявших в глазах слез.

Вопрос без ответа

Верховный Хранитель смотрел в окно кабинета на море. Дел было столько, что он так до сих пор и не спустился походить босиком по песку.

После того, как Шенен оказался в поместье, у него с плеч словно гора свалилась. Он обошел всех – Роланда, Лионеля, даже саму Нинель. Потому что выбрал нужных людей.

Вчера он поблагодарил их, но не смог ни слова сказать Лине-Лин. Он старался даже не смотреть на нее, так как чувствовал, что ее присутствие может выбить его из колеи.

Он в первый раз увидел Кошку без ее длинных красивых волос. С небрежной мальчишеской стрижкой она выглядела по-своему очаровательно...

Но сейчас его гораздо больше должен волновать Шенен. Сегодня они разговаривали. Данте заметил, что это чудесное создание уже довольно неплохо ориентируется в мире.

– Как дорога? – Начал разговор Хранитель. – Тебе было не слишком тяжело? Мои наемники хорошо обращались с тобой?

– Дорога? – Повторил Шенен, немного склонив голову набок, – я не думал о том, что это дорога, и что она имеет конечную цель. Для меня это и была жизнь. А твои наемники были ее значимой частью. Они учили меня, направляли... Наверное, так в вашем мире воспитывают детей. И если у

детей обычно есть семья, то Джениус, Марко и Лина-Лин – моя семья.

Данте немного опешил от такого заявления. Наемники обычно утверждали, что их воспитанник не слишком-то склонен к эмоциям и чувствам. По правде сказать, Верховный Хранитель выбрал бы для небесного создания совсем другую семью, менее безбашенную.

Одетый в чистую одежду, вымытый, причесанный Шенен был необычайно красив. Он довольно уверенно расположился в мягком кресле в кабинете Хранителя, и Данте понял, что посланец Прави перенимает манеру Джениуса. Удивительно, учитывая сущность его наемника, что у них образовалась такая тесная связь.

– Ты уже немного увидел наш мир, Шенен. Скажи мне, что ты думаешь о нем? – спросил Данте, с некоторым волнением предвкушая ответ.

Надо было узнать, готов ли посланный Земле спаситель кого-нибудь вообще спасти. Хочет ли он что-то делать для этого мира или планирует тосковать по дому. Как Лионель, который в своей безысходной тоске по Праву ищет утешение во власти и жестокости.

– Я жил в лучшем из миров, а теперь оказался здесь. – Медленно произнес Шенен. – Незнакомые люди кидали в меня камни и делились со мной едой, обсыпали руганью и давали советы. Тогда я понял, что все души очень разные. В Праву все мои братья были похожи друг на друга. Если

посмотреть на их ауры, то они тоже схожи – просто белые, иногда с легкими оттенками. Но стоило нам с моим братом Лионелем немного пожить здесь, мы с ним стали абсолютно разные. Здесь можно провалиться очень глубоко, но можно и очень высоко подняться.

Хранитель поймал себя на том, что заслушался. Плавная спокойная речь небесного создания текла, как живительный поток. И хотелось безоговорочно ей внимать. Скорее всего, такая реакция возникала у всех людей. И это, безусловно, можно будет использовать в благих целях.

– Я – Хранитель Данте Иллингтон, глава Ордена Хранителей, – пафосно начал Данте, – моя цель – следить, чтобы в нашем мире был баланс Света и Тьмы. Ты видел много зла, слышал о страшных событиях... Землю накрывает Тьма. Она действует плавно и постепенно, используя отдельных личностей. И если ей не помешать, то по всему миру начнутся войны, разорение, голод. В Великом Королевстве уже сжигают на кострах невинных людей, вспыхивают и жестоко гасятся восстания. И это только начало. От переизбытка негативных эмоции сюда потянутся существа из нижних слоев Нави. Вы видели авизотля, но он вполне безобиден по сравнению с остальными. Орден не ставит задачу полностью истребить Тьму. Это невозможно. Нам нужно лишь вернуть баланс, приумножить Свет и доброту. И тогда все встанет на свои места. И каждый житель Земли будет иметь прекрасную возможность не только падать все ниже, но и расти.

Шенен выслушал Хранителя очень внимательно. И, немного обдумав полученную информацию, задал вопрос:

– Твоя задача – хранить баланс. Сейчас ты борешься с переизбытком Тьмы в мире. Но если Свет начнет перевешивать, ты будешь бороться с ним?

Это был вполне логичный вопрос, но никто никогда не задавал его Верховному Хранителю. Впрочем, ответ на него всегда был готов:

– Это невозможно. – Уверенно сказал Данте. – Испокон веков Тьма рвется в мир, а Хранители изо всех сил пытаются ее остановить. Это и есть поддержание баланса. Были времена, когда Тьма почти побеждала, и на Земле или в отдельных странах, воцарялся хаос. Тогда Орден брал в руки оружие, искал героев, сотрудничал с Серыми Мастерами, тогда они еще не забыли, кто такой Творец. И постепенно хрупкий баланс возвращался. Чтобы через пару десятков лет снова покачнуться в сторону Тьмы.

– И все же, Хранитель Иллингтон, – вновь заговорил Шенен, – зимой ночи длиннее, а летом длятся всего несколько часов. Если наступят времена, когда в мире станет слишком много Света, что ты будешь делать?

Думал ли об этом Данте? В памяти всплыла картина из детства. Из того, которое было еще до рождения. Онори сидит у его кровати и читает легенды о древних героях. Таких древних, что были еще до Великого Королевства и даже до богини Онори. Среди них есть обитатели Прави и жители

ада, благородные рыцари и жаждущие власти короли. И во всех этих легендах, кому бы не служили герои – Свету или Тьме – они все убивают, убивают, убивают...

– Кто из них хорошие? – иногда путается Данте.

Онори объясняет, и все становится на свои места.

– Скажи, Нора, – снова спрашивает маленький Хранитель. – Я тоже буду сражаться с Тьмой, когда вырасту?

– Скорее всего, да. – мягко говорит богиня. – Ведь Тьма не дремлет.

– А когда я одолею Тьму, и в мире станет слишком много Света, потом мне придется сражаться со Светом?

Онори не отвечает. Она смотрит в книгу, которая лежит у нее на коленях, рассеянно перелистывает страницы. Наконец, она поднимает голову, на губах появляется улыбка:

– Не придется. Ты, милый мой, всегда будешь посланником Света.

Данте вполне удовлетворил этот ответ тогда. Но все же, что он значил? Что когда наступят Светлые времена, Орден Хранителей больше будет не нужен? Или что такие времена вообще никогда не наступят?

– Я не могу ответить тебе на этот вопрос, Шенен, – негромко произнес Данте. – Я только знаю, что сейчас надо спасти мир от Тьмы. Ты с нами?

– Мне нужно подумать, Хранитель Иллингтон. – Ответил Шенен. – Я никак не могу вспомнить, для чего именно меня послали сюда... Я дам ответ до конца недели Ордена. Да-

же если сам так и не получу никаких ответов. А сейчас мне нужно идти на примерку.

Он встал и пошел к двери кабинета. Данте не сразу сообразил, о какой примерке идет речь. Но потом вспомнил, что обещал труппе Зеленого гуся прислать портных и декораторов, чтобы подготовиться к спектаклю. Не мешало, конечно, отсмотреть этот спектакль, можно ли его вообще выпускать на всеобщее обозрение, но пока что у Хранителя каждая минута была на счету.

Сейчас он должен был прочитать речь перед учениками Ордена. А что если кто-нибудь спросит про баланс? Про то, что будет, если Свет перевесит? Что он им ответит? Но никто не спросит. Ведь все знают, что это невозможно. Все, кроме Шенена. И Онори. И самого Данте.

Прекрасная танцовщица

Подготовка к спектаклю шла так бурно, что Марко забыл обо всем. Фридрих совершенно безжалостно заставлял их репетировать по три раза в день. Постоянно что-то менял, хотя пьеса от этого не стала более благочестивой. Да, они сменили название «В покоях знатной дамы» на «Свет Онори, Тьма Нинель», но суть осталась та же. Только Кошка должна была постоянно бегать переодеваться то в одну, то в другую богиню и читать монологи.

Марко покорно репетировал, но при этом с содроганием ждал, когда Данте отсмотрит постановку и запретит ее показывать.

Фридрих, тем временем, заказал роскошные костюмы, которых до этого никогда не было в его маленьком театрике. Когда принесли готовый расшитый золотом костюм Онори и позолоченную ветвистую корону с нарисованными глазами, у старого режиссера потекли слезы от восторга.

Несколько рабочих, художник и механик готовили для них меняющиеся декорации – царство Тьмы для Нинель, царство Света для Онори и будуар для знатной дамы.

Похожим был только будуар. Марко, который видел Навь, так и не смог переубедить Фридриха, что Нинель не обязательно изображать на веселеньком фоне из душ грешников. Эскиз художник с полными ужаса глазами срисовывал с ру-

коятки меча Джениуса.

Марко пьянила фальшивая весна в поместье Иллингтон, запах цветов, близость Кошки, которая была невероятно красива в костюмах Онори и Нинель. Он рад был, что вся труппа «Зеленого гуся» работала с таким воодушевлением. Даже Джениус был не таким мрачным, как обычно.

Шенена они и вовсе не узнавали. Он почти научился улыбаться, а один раз даже понял шутку Джениуса и сделал весьма сносную попытку рассмеяться.

Все шло так хорошо, что Марко старался не думать, что это завершение очередного этапа его жизни, после которого снова придется прощаться с дорогими ему людьми. Почему все время приходится прощаться?

– Вы все трудитесь? Я принес вам еды с ужина и вина.

Марко оглянулся и увидел Гвенделя. Они часто общались последнее время. Правитель погибшего города часто приходил посмотреть их репетиции или просто провести время с наемниками, Шененем, ребятами из труппы. Только с Линной-Лин у них отношения не ладились. Она считала друга своего дорогого Данте наглецом, выскочкой, еще и пьянчужгой. Хотя сама вместе с ним пила его цветочное вино.

На поле для торжеств уже зажглись фонари, было людно. Здесь и там мелькали артисты и танцоры, кое-где шли репетиции. Места было так много, что никто никому не мешал. Чем ближе к началу представлений, тем больше выступающих толпилось здесь по вечерам. Все знакомились, болтали,

обменивались историями. Кругом царила атмосфера дружеской любви, веселья и ожидания начала торжеств.

Фридрих только что закончил их мучить, и все присели в траву отдохнуть и полюбоваться танцовщицами. В некотором отдалении от них повторяли танец не меньше семидесяти девушек в белом. На них были крупные головные уборы с глазами, символизирующие Онори.

Все актеры радостно приветствовали Гвена, Мердок взял из его рук корзину с продуктами, Джениус тут же потянулся к бутылке, все сдвинулись в полукруг.

– Я жалею, что не выступаю в одном из представлений, – вздохнул Гвендель.

– На неделе Ордена не предусмотрено цирковых номеров, – мило улыбнулась Лина-Лин.

– Ты имеешь в виду Шоу уродов? – весело поинтересовался Гвендель. – Вообще-то ты меня не недооцениваешь, Фридрих сказал, у меня отлично получились бы женские роли.

– Эй! – возмутился Анри, – Фридрих, у тебя уже есть актер на женские роли.

– Не переживай, Анри, я тебе не конкурент, пока у меня есть город Флаверн.

Все резко замолчали. Вообще-то Данте предупредил их, чтобы они не говорили с Гвеном о Флаверне. Вообще.

Но все же было совершенно не понятно, что творилось с их новым другом. Город Флаверн был жив, здоров, цвел и пах в голове у его правителя. Он рассказывал им про свою

жену Лиз и дочку, хотя их, похоже, тоже не было в живых. И неизвестно, как самому Гвенделю удалось выжить.

– Хотя мне все чаще хочется бросить все на оставшихся трех правителей и податься в бродячие актеры, – как ни в чем не бывало продолжил Гвендель, не замечая замешательства своих слушателей.

– Для тебя всегда найдется место в моем балаганчике, – наконец выдавил из себя Фридрих.

– Посмотрите на этих танцовщиц, – быстро перевел тему Марко, – они двигаются, как единый организм.

Музыки почти не было слышно в общем оживленном шуме, тем диковинней выглядел танец. Семь рядов девушек одновременно поднимали руку, высоко взмахивали ногой, припадали к земле.

– Это очень красиво, – оценил Шенен.

– Шенни, хочешь, мы познакомим тебя с одной из этих девушек? – улыбнулся Гвендель.

Все захихикали. Кроме Лины-Лин, которая принципиально не смеялась над шутками Гвена.

– Данте отрежет нам голову за такие идеи. – Радостно проговорил Марко. – Гвен, не порти нашего блаженного.

– Ну чего, пора уже нашему мальчику повзрослеть. – Усмехнулся Джениус.

– Нашему мальчику уже несколько тысяч лет, – напомнила Лина-Лин.

– Посмотри, Шенен, какая тебе больше нравится? –

Вкрадчивым голосом дьявола-искусителя произнес Гвендель.

Девушки были все одинаково одеты и так далеко находились, что лиц было не разглядеть. Марко, например, сильно затруднился бы в ответе на вопрос Гвена.

– Как насчет вон той, рыженькой? – продолжил искуситель.

Одна из танцовщиц и правда выделялась копной ярко-рыжих волос.

– Я с ней уже знаком. – Невозмутимо произнес Шенен.

В ответ раздался гул одобрительных голосов со стороны труппы, Джонни присвистнул.

– Когда это ты успел, ты же все время был с нами? – удивилась Лина-Лин.

– Это Джулия. – Ответил небожитель.

Марко опешил. Та рыжая жрица любви? Как она могла сюда попасть?

Джениус, да и все остальные так и приклеились взглядами к этой танцовщице.

– Да, это она, – удивленно подтвердила Лина-Лин.

Похоже, она использовала свои кошачьи способности, чтобы хорошенько рассмотреть девицу.

– Какого черта она здесь делает? – сквозь зубы произнес Джен.

– Кажется, мы тоже ее знаем. – Воскликнул Анри. – Мы с ней познакомились в таверне в Ашере, она забавная.

– Это жена Джениуса. – С удовольствием произнес Марко, наблюдая за реакцией.

Вся труппа так и опешила. Даже Гвен удивился, хоть и не знал Джулию. Видимо, само наличие жены у Джениуса казалось ему маловероятным.

– Жена? – наконец осторожно произнес Фридрих. – Но мы думали, она... как бы это сказать...

– Проститутка? – подсказал Марко. – Так и есть. Неужели вы думаете, что Джен женился бы на приличной девушке?

– Я и на этой бы не женился никогда в жизни, – мрачно произнес Джениус. – Если бы не был так смертельно пьян.

Репетиция храмовых танцев закончилась, и девушки направились в сторону поместья. Когда Джулия оказалась на достаточном расстоянии, Лина-Лин вскочила и радостно закричала:

– Джууууу-лиии-яаяя!

Рыжая оглянулась и направилась к ним.

Ее, похоже, эта встреча ничуть не удивила.

– Здравствуй, сладкий! – с улыбкой сказала она своему мужу, наклонилась и смачно чмокнула его в губы.

Джен никак не отреагировал на этот ее жест.

Потом Джулия долго с радостными писканиями и визгами обнималась с Линой-Лин. Остальные тоже удостоились радушного приветствия, Шенена девушка даже поцеловала в щеку, чем изрядно его озадачила.

– Некоторые так здороваются, – подсказал Марко их под-

опечному, и тот убрал ладонь от лица.

– Так как же тебя сюда занесло, Рыжая сволочь? – не слишком приветливо спросил ее муж.

– По тебе соскучилась, милый, – ответила она.

Что было откровенной ложью, ведь она понятия не имела, что они здесь.

– А заодно решила сменить профессию. Я встретила храмовых танцовщиц по дороге, – весело сообщила она всем. – Одна из них сильно захворала, а их обязательно должно быть некое сакральное число для выступления. И я любезно согласилась заменить больную.

Рассказав эту странную историю о смене профессии, Джулия повернулась к Джениусу:

– Так что твоя жена теперь не какая-то там проститутка, милый, а храмовая танцовщица. А это что за красавчик с вами?

Последнюю фразу она протянула, глядя на Гвенделя.

– Ни одного красавчика я здесь не вижу, – хмыкнула Кошка.

Никто не научил ее, что глупо отрицать очевидное чисто из вредности.

– Гвендель. – Вежливо представился правитель погибшего города. – Вы просто прекрасно танцуете.

– А у тебя просто божественные волосы. И глаза. – томно заметила Джулия. – И, если что, я еще не совсем до конца сменила профессию, так что...

– Эй, тебе, кажется, уже пора, – грубо прервал ее притягания Джениус.

Потом обратился к труппе Фридриха:

– Кто-нибудь из вас спал с моей женой?

– Нет, неет, – ответил ему дружный хор голосов.

Джонни нервно сглотнул, поглядывая на бугрящиеся под кожаной курткой мышцы Джена.

– По правде сказать, твоя жена нам не по карману, – акkuratно заметил Мердок.

– Так люблю, когда ты ревнуешь, Джениус, – улыбнулась Джулия.

– Я не ревную. – Холодно отрезал ее муж. – Я беспокоюсь за здоровье товарищей.

– Да неужели, – хмыкнула девушка. – А что это у вас? Судя по запаху, знаменитое Флавернское цветочное вино?

Гвендель расплылся в довольной улыбке.

– Прекрасная дама знает толк в не менее прекрасных напитках.

Дама сделала приличный глоток из горла и довольно причмокнула. Неужели кому-то и правда нравится это вино?

– Ладно, мне пора на вечернюю молитву, – вздохнула Рыжая сволочь, – хорошо хоть, благодаря вашему вину она будет не такая скучная, как обычно.

И жена Джениуса упорхнула вслед за остальными танцовщицами.

Шутки про идеальную семейную пару были в этот вечер

весьма популярны. Вся их компания спустилась к морю и, по совету Гвенделя, все ходили босиком по песку. Только вот море было по-осеннему холодным. Похоже, на него древняя магия не распространялась.

– Правда, здорово? – спросил Марко у напарника.

Звезды над головой, песок под ногами, запах цветов, лица друзей рядом, даже это чертовое цветочное вино...

– Угу, – неопределенно промычал Джен.

Он был подозрительно задумчив после внезапной встречи с Джулией.

– Правда, здорово? – повторил он свой вопрос Кошке.

– Да, здорово. – Ответила она таким апатичным голосом, которым можно говорить только фразы типа «Все тлен» и «скоро мы все умрем».

Опять страдает по Данте. На нее особенно накатывало по вечерам.

– Лина-Лин, прекрати жить прошлым, – не удержался Марко, – распробуй свое настоящее. Чувствуешь, как песчинки щекочут ноги? А с какой стороны дует ветерок? Запах каких цветов он доносит к морю?

– Отстань, Одуванчик, – вяло отмахнулась она.

Марко вздохнул. Никто не хотел разделить с ним радость от этой прогулки. Интересно, когда все кончится, будут ли они так же, как он, с сожалением вспоминать этот весенний вечер на берегу?

Еще один важный вопрос

– Здесь по-настоящему хорошо. Я пишу памфлеты на Короля, сидя на берегу моря. С помощью твоего артефакта, я смогу распространить их по Великому Королевству, не покидая поместья. И еще здесь волшебным пахнет цветами. Что это за сорт роз? Я хочу взять ростки для Флаверна и засадить ими несколько центральных клумб.

Хранитель Данте слушал своего друга вполуха, пытаясь разобраться в письмах. Они все утро сидели вместе с Гвенделем в беседке с видом на море, занимаясь каждый своими делами.

– А еще мне нравятся твои наемники. – Продолжал Гвен. – Ты не говорил мне, кто они на самом деле.

Данте кинул беглый взгляд на черноволосого мага. Как он узнал? Хотя, это, не удивительно. С Герцогом Бертраном он, кажется, был знаком лично. Да и отца Марко видел не раз.

– Хотел тебя удивить, – ответил Хранитель.

– Тебе это удалось. И твоя Кошка – просто прелестное создание. Герцогини ее возраста вышивают крестиком и учатся правильно держать веер. А она отлично управляется с арбалетом и одолевает меня язвительными замечаниями. Других талантов я, правда, пока не заметил, но не сомневаюсь, что они есть.

Хранитель Данте усердно читал письмо от управляющего

замка в Столице. И не понимал ни единой строчки.

– Например, у нее есть редкий талант молчать, когда кто-то рядом занят важными делами. – Вздохнул Данте и отложил письмо.

– В жизни не поверю, – хмыкнул Гвен.

Да, Данте действительно соврал, за Линой-Лин и правда не наблюдалось такого таланта. Самым важным делом в жизни Хранителя она считала себя. И в чем-то, возможно, была права.

– Скажи мне, ты видел спектакль «Зеленого гуся»? – вспомнил Данте. – Никак не могу его отсмотреть.

– Да, я часто сидел на репетициях, – кивнул Гвен.

– И как? Совсем все плохо?

– Нет, это замечательный спектакль, – серьезно ответил друг.

И Верховный Хранитель не смог определить, шутит он или говорит серьезно.

– Соответствует ли постановка по теме? Пригодна ли она для показа на Неделе Ордена?

– Тебе ведь уже говорили, что спектакль называется «Свет Онори, Тьма Нинель». Куда уж еще больше соответствовать теме?

– Тебя вот тоже принято называть взрослым умным человеком, но это вовсе не означает, что ты соответствуешь этому названию.

– Нет, зато ты соответствуешь этому названию сполна, –

улыбнулся Гвендель, – как и названию Верховный Зануда.

И они вновь погрузились в свои занятия – Гвендель с воодушевлением писал памфлет, коварно улыбаясь, а Данте погрузился в письмо управляющего.

Как он узнал, его жена, Миранда, больше не появлялась в их замке. Но зато его люди выяснили, что она сейчас гостит при дворе Короля. Вот это была новость. Данте несколько раз прочитал строчки, где это сообщалось. Как бы Миранда в своей обиде не рассказала чего-нибудь такого, что может навредить Ордену... Хотя Данте, конечно, не слишком сообщал ей про свои дела. И что ее вообще туда понесло?

Но больше всего Хранитель беспокоился не столько о том, что она будет говорить людям про него, их отношения, про его работу. Главное, чтобы она не начала пользоваться магией. Ее тогда сразу схватят. Хотя его жена всегда была весьма разумной.

Данте тяжело вздохнул и отложил письмо. В его жизни существовало три женщины – богиня, ведьма и кошка.

Первая была его матерью. И значила для него гораздо больше, чем женщина, которая действительно его родила.

Вторую он как-то укрывал в своем замке от преследования Серых Мастеров. И она так там и осталась на долгие годы. Миранда была древнего знатного рода, поэтому для всех их свадьба была вполне закономерной. Кроме Верховной Обители. Было много трудностей тогда, отношения с Роландом Серебряным портить было нельзя... Ну да что уж об этом

вспоминать.

А третья сейчас была здесь. Совсем рядом. Репетировала в какой-то сомнительной пьесе, учила Шенена жить в этом мире, периодически дулась на своего брата, отвечивала язвительные замечания Гвенделю и при этом постоянно думала о Данте. Он точно знал это и почти физически чувствовал ее мысли.

– Пойду я все же посмотрю их спектакль, – решил Хранитель и отложил стопку писем. – А то что-то я не очень тебе верю.

– О, ты получил бы огромное удовольствие, – поднял голову Гвендель. – Только вот в двенадцать тебя ждут ученики твоего Ордена.

Действительно. Он лично взялся учить их классификации артефактов. Нужно же было ему как-то объяснить свое посещение Хранилища, когда он забрал оттуда Пыль. И заодно прихватил еще несколько занятных вещиц, чтобы продемонстрировать начинающим членам Ордена.

Хранитель решил, что сходит на вечернюю репетицию.

Но когда он до нее, наконец, дошел, труппы "Зеленого гуся" на поле уже не было. Там во всю шли приготовления к завтрашней церемонии, кругом мельтешили работники и служители Ордена. В отдалении раскладывали свои товары продавцы и ремесленники, ожидая завтрашнего наплыва посетителей. Кое-кто из зрителей уже расположился на поле заранее, прямо за ограждением, чтобы быть поближе к свя-

ценнодействию.

Хранитель Данте проверил, как идет подготовка, поговорил с распорядителями. Но его все же беспокоила мысль, можно ли показывать спектакль "Зеленого гуся" на таком серьезном мероприятии.

И он двинулся в сторону восточного гостевого дома. Мимо шли несколько молоденьких танцовщиц. Они смотрели на него с благоговением. Только одна, рыжая, что-то зашептала тихонько подругам, продолжая коситься в сторону Верховного Хранителя, и те прыснули со смеху. И тут же засмутились.

До гостевого дома на востоке поместья Хранитель добрался уже затемно. Разумнее было проехаться верхом, но он был рад размять ноги. На нижнем этаже трехэтажного дома было шумно и весело. Играла гитара и стучали барабаны, артисты из разных коллективов проводили вместе время.

Когда Данте возник на пороге, все постепенно смолкло. Только какой-то смелый малый негромко предложил Верховному Хранителю чарку вина.

– Есть здесь кто-нибудь из "Зеленого гуся"? – спросил Данте, уже понимая, что не видит никого из них за длинным столом.

Кто-то хихикнул. А смелый малый ответил:

– На репетиции Марко забыл свою реплику, и Фридрих отправил всех по комнатам разучивать слова.

– Ну кроме Джениуса, – добавил еще один осмелевший

актер, – он все равно играет дерево. И Шенена тоже освободили от наказания.

– Благодарю, – кивнул Данте, – продолжайте отдыхать.

И артисты продолжили. Только весьма вяло и натужно. Даже гитара затренькала как-то фальшиво. Похоже, появление самого Верховного Хранителя здорово вывело их из колеи. Испортил ребятам праздник.

Данте, разумеется, знал, где поселили Шенена. И вместе с ним жили Марко и Джениус. Можно было начать разговор с них.

Он коротко постучал и вошел в комнату. И тут же встретился взглядом с Линой-Лин. Она стояла одна посреди комнаты.

Первой мыслью Данте было выйти и плотно закрыть за собой дверь, но такое поведение он счел недостойным.

Кошка, похоже, почувствовала, что он надеялся встретить в комнате кого-то другого, и ее лицо приняло холодный и надменный вид.

– Что угодно Верховному Хранителю? – с подчеркнутым равнодушием спросила она. – Если вы искали Лапулю, Шенена и Одуванчика, то я сама пытаюсь понять, где они.

Хранитель решил заговорить, хоть и отступил на шаг назад. Он ни на минуту не забывал о Проклятье, но пока они не делали ничего, что могло бы его активировать.

– Лина-Лин, ответь мне честно на вопрос, – сухо и серьезно сказал он. – Это очень важно. Подумай сейчас об Орде-

не, которому ты служишь, а не о своих друзьях. Ваш спектакль можно показывать на Неделе Ордена? Он соответствует уровню и тематике мероприятия?

– Да. – Сказала Кошка и сделала шаг вперед.

Солнечный глаз

Похоже, Лина-Лин одна повторяла текст. А Марко, из-за которого, между прочим, Фридрих на всех наорал, в наглуую сбежал из своей комнаты. И, что особо разозлило Кошку, он ушел через окно, чтобы не натолкнуться в коридоре на режиссера. Она поняла это по следам на подоконнике. Джениус и Шенен почему-то тоже спустились с ним тем же образом, хотя их и не заставляли учить текст.

Кошка уже собралась пойти всех искать, как за спиной послышался скрип двери. Она резко обернулась, чтобы с порога высказать Марко все, что о нем думает. Но перед ней стоял Данте.

Дыхание прервалось на мгновение, но потом она сообразила, что он пришел не к ней. У него был такой вид, будто он искал кого-то очень важного, а наткнулся всего лишь на служителя Ордена пятой ступени.

Данте очень сухо стал расспрашивать ее об их постановке. И призывал сказать правду во имя всего Ордена. Но Лина-Лин не могла. Как она посмотрит в глаза Фридриху, если постановку снимут с показа? Да и не только в этом дело...

– Да, Верховный Хранитель, – Девушка невольно сделала шаг ближе, – это очень хорошая и благопристойная пьеса. Она о божественном промысле.

Вот. Она произнесла это без всякого зазрения совести.

Нечего было ее бросать. Пусть удивится завтра.

– Там действительно есть богиня Онори и Нинель в очень достойном исполнении, – к тому же добавила она.

И замерла, глядя ему в глаза. Ей так давно хотелось просто посмотреть ему в глаза. Он тоже молчал, видимо уже забыв, зачем пришел. Потом медленно и немного грустно улыбнулся ей. Кошка почувствовала, как подступают слезы.

«Я так скучаю» – вертелось на языке, но она молчала. Нельзя. Ни в коем случае нельзя...

Лина-Лин даже не заметила, как подошла к Хранителю еще ближе. Слишком близко. Это была опасная, очень опасная близость.

По щеке скользнула предательская первая слезинка, за ней вторая.

И Данте рукою провел по ее лицу, стирая слезы большим пальцем.

– Ты плачешь... – тихо сказал он, – я думал, уже не будет больно...

– Я плачу от радости... – шепнула она, – что снова вижу тебя.

Сама не понимая, что делает, Кошка поймала его руку, стиснула в своих и прижалась к ней губами. Она просто держит его руку, от этого ничего не будет, это ведь такая мелочь...

Одновременно они сделали еще полшага навстречу и сжали друг друга в объятьях так сильно, как могли. Мигом Ли-

на-Лин очутилась в таких райских кущах, которые не смог бы себе вообразить даже Шенен. Мужчина, которого она любила, гладил ее по спине, прижимал подбородок к ее волосам. Под тканью его одежды она чувствовала тепло, слышала биение сердца, ритм которого она так хорошо помнила. Стоило только поднять голову, и совсем рядом окажутся его невообразимые зеленые глаза, отливающие всеми оттенками...

Точно так же, как кинулись друг-другу в объятия, они одновременно отстранились, поняв, что надо это сделать, пока не поздно.

И Лина-Лин попятилась назад, в ужасе от того, что только что случилось. Объятия длились целую вечность... Хотя нет, на самом деле не более четырех секунд.

– Джениус... Я должна найти Джениуса!

– Лина-Лин, прости. – тихо произнес Данте. – Я снова потерял голову при виде тебя.

Тут Кошку окончательно накрыло, она села на кровать своего брата и разрыдалась.

В этот момент в окне возник Марко. И так и замер на подоконнике. Посмотрел на плачущую Лину-Лин, которая поспешно утирала слезы, кинул взгляд на Данте, замершего у дверей.

– Неет, – простонал он, – только не говорите, что...

Он спрыгнул с подоконника и направился прямо к Хранителю.

– Хотя нет, лучше скажите. Что сейчас было между вами двумя?

Данте смотрел на плачущую Кошку и не отвечал, будто Марко не было в комнате.

– Ну чего же вы молчите, Верховный Хранитель? – Зло поинтересовался Марко. – Должен же я знать, доведется ли мне погулять на похоронах своего друга!

Хранитель посмотрел на наемника так, будто только что заметил его присутствие.

– Я обнял Лину-Лин. – Сказал он так спокойно, будто на самом деле обнял столб.

– Обнял! – Нервно всплеснул руками Марко. – Как же это мило! Они давно не виделись, соскучились и обнялись! А все остальные вокруг могут хоть сдохнуть, им наплевать!

Лина-Лин сделала над собой усилие и перестала рыдать. Надо было что-то делать.

– Это длилось всего несколько секунд, – сказала она, шмыгнув носом.

– Всего несколько секунд? – переспросил Марко. – Тогда может, смерть твоего брата будет не такой мучительной и тоже продлится всего несколько секунд?

– Не преувеличивай, – буркнула Лина-Лин, чтобы хоть как-то защитить себя.

Марко снова повернулся к Данте.

– Я понимаю, Кошка – глупая шестнадцатилетняя девчонка, но вы, Верховный Хранитель, о чем вы думали? Ведь

Проклятье распространяется не только на Джениуса, а на всех, кто ей дорог. Вы рисковали своим драгоценным Шененом! Судьбой Великого Королевства! Ради чего???

– Я сам как раз об этом думаю, – горько усмехнулся Данте.

– Марко, перестань орать, ты уже ничего не исправишь. –

Лина-Лин поднялась с кровати. – Где Джениус и Шенен? Их надо предупредить.

– Я пойду в Хранилище. – Сказал Данте. – Там есть несколько защитных артефактов. Так что, не переживай так сильно, Марко. Никто не умрет.

И, кинув на Лину-Лин последний быстрый взгляд, он вышел.

– Нам в южный гостевой дом, – глухо проговорил Марко, – возьмем коней, чтобы не тащиться.

Он уже немного успокоился. В самом деле, чего он так разорался? Едва ли Проклятье сможет кого-то убить. Ведь несколько раз Джениус уже ощущал на себе его действие. А это всего лишь объятья. Хотя до этого был всего лишь ненастоящий поцелуй в Нави, а перед капканом и вовсе записка из трех слов.

Все окна южного гостевого дома горели, оттуда доносился женский смех и скрипичная музыка. Лина-Лин поняла, что здесь живут танцовщицы.

– Хочешь сказать, Шенен тоже тут? – с ужасом спросила Кошка.

– Не переживай, он просто общается с девушками, это же

не бордель. – Отмахнулся Марко. – По крайней мере, когда я уходил, он с ними просто общался.

– Джениус! – крикнул он под окнами, не слезая с коня.

Через некоторое время в окне второго этажа появился брат Лины-Лин. Он был по пояс раздет.

Девушки, которые повыглядывали из других окон, с любопытством и смущением рассматривали его рельефный голый торс.

– Чего тебе надо, Марко? – недовольно спросил Лапуля.

– Джулия! – Позвала Лина-Лин.

И рыжая голова высунулась из того же окна, что и Джен.

– Прости, придется подпортить ваше семейное счастье, – сообщил другу Марко.

– Семейное счастье? – усмехнулся Джениус. – Да она взяла с меня втридорога!

– Имей совесть, милый! – возмутилась Джулия. – Я теперь не проститутка, а храмовая танцовщица! Вот и цены соответственные!

Все больше девушек высовывались в окна. Они хихикали и переговаривались, глядя на Джулию.

– По-моему, Рыжая Сволочь разлагает храмовых танцовщиц и учит их плохому, – с усмешкой шепнул Марко Лине-Лин и слегка ехидно обратился к другу:

– Джениус, кое-кто сейчас скажет тебе только одно слово, и ты не будешь больше так переживать из-за того, что переплатил своей собственной жене.

Кошка набрала в легкие побольше воздуха.

– Проклятье, – выдохнула она.

И услышала в ответ отборную брань своего брата. Ему хватило тридцати секунд, чтобы одеться, опрокинув что-то из мебели, спуститься и выбежать из южного гостевого дома, таща за собой Шенена.

– Кошка, я тебя убью, – гневно прошептал Лапуля, поравнявшись с ней.

Лина-Лин тяжело вздохнула. Она была согласна, что убить ее будет вполне справедливо.

– Шенен, приходи еще! – крикнула какая-то девица вслед их подопечному.

– Хранитель обещал подобрать нам защитные амулеты, – сообщил Марко Джениусу.

– Пусть подберет себе амулет для...

Дальше последовала невоспроизводимая лексика, грубо указывающая, что Верховному Хранителю следует поумерить свои аппетиты относительно Лины-Лин, куда ему нужно надеть амулет и почему.

Краска ударила Кошке в лицо. Девушка была не из стеснительных, но слышать подобные вещи от собственного брата ей еще не приходилось.

Даже Марко опешил, а у Шенена на лице явно прослеживалось удивление, хотя раньше естественное проявление эмоций за ним не водилось.

– Джениус, – выдавила из себя Лина-Лин, когда брат

закончил, – мы только обнялись. И это длилось только несколько секунд. Всего того, что ты сейчас описал, не было и в помине.

– Да? – озадаченно переспросил он. – Ну ладно.

– Что бы там ни было, мы не знаем, чем обернется даже такая мелочь, – вздохнул Марко.

Данте снова зашел к ним вечером. При этом Джениус и Марко как церберы следили, чтобы Хранитель и Кошка не приближались друг к другу слишком близко. Можно подумать, они так и мечтали кинуться целоваться, как только наемники хоть на секунду отвернутся. Да они с Данте даже не смотрели друг на друга после случившегося.

– Я подобрал подходящий артефакт, – сказал Хранитель, аккуратно разворачивая бархатную тряпицу.

У него в руке заблестел крупный перстень, по спирали усыпанный мелкими желтыми камушками. По краям были надписи, Кошка издали не видела на каком языке.

– "Солнечный глаз", – сказал название Хранитель. – Мощный защитный артефакт.

– Кто его должен носить? Джениус? – спросил Марко.

– Лина-Лин, – ответил Хранитель, впервые взглянув на нее. – Это ее Проклятье.

Джен взял перстень из рук Хранителя, небрежно повертел и передал Кошке.

Она с трепетом приняла редкую вещицу, аккуратно уложила ее на ладони. От артефакта веяло древней Силой.

– Он сядет на любой палец. Надевай. – Тихо обратился к ней Данте.

Со своими плохенькими знаниями мертвых языков Лина-Лин определила, что надписи по краям кольца носят защитный характер. Два камушка в начале спирали оказались черными. В отличие от своих желтых собратьев, они совсем не отражали свет.

– В артефакте есть определенный запас Силы, но рано или поздно она иссякнет, – вновь заговорил Хранитель. – С каждой отраженной атакой один камушек будет чернеть.

– То есть каждый раз, когда Джениус не врежется в дерево? – уточнил Марко.

– А так же каждый раз, когда Джениус не провалится в сцену во время выступления, – начал загибать пальцы Лапуля, – когда он не упадет с лошади, когда ему не попадетсся ядовитый гриб в супе, когда он не встретит случайно Джулию...

– Эй, это не относится к Проклятью! – возмутилась Лина-Лин.

Перстень идеально сел на пальчик. Кошка залюбовалась. Она обычно не носила украшения, но это было просто волшебным. В прямом и переносном смысле. К тому же, можно было считать, что его подарил ей Данте.

– И, кстати, этот артефакт будет защищать не только Джениуса. – напомнил Марко. – Лина-Лин, кто еще рискует попасть по твое Проклятье?

Кошка задумалась, кто же еще был ей дорог помимо Лапули и ее возлюбленного.

– Шенен, – тут же сказала она, потом всплыли и другие имена, – Фридрих, Анри, Джулия. Мердок и Джонни.

– И все? – с деланной усмешкой спросил Марко.

– Ах да, и ты, Одуванчик! – вспомнила она.

Но, похоже, он все равно уже обиделся.

– И еще. – Данте отстегнул от пояса толстый кошель. – Завтра Церемония Посвящения. А послезавтра вы покажете спектакль и уйдете. Шенен слишком привязался к вам. Меня это беспокоит.

Хранитель Данте положил кошель на стол. Лине-Лин даже не интересно было, сколько там денег. От этого "уйдете" у нее внутри что-то будто оборвалось. Ей хотелось сказать, что она вообще-то член Ордена пятой ступени и имеет право присутствовать на Неделе Ордена. И что она ни за что не хочет терять возможность хотя бы изредка и издалека видеть Данте. И что она не может вот так вот взять и оставить Шенена, она еще так многому хочет его научить, так о многом расспросить... Но Кошка молчала.

У Шенена теперь свой путь. А Данте должен, просто обязан убрать Лину-Лин подальше от себя. Да и Джениус не возьмет ее с собой. Даже в трупке она не сможет остаться. В конце концов, они вычислят, что она девчонка.

Кошка так резко осознала свое предстоящее одиночество, что ее просто захлестнуло волной тоски. Она присела на кра-

ешек кровати и уставилась на трех мужчин, находившихся с ней в комнате. Лапуля, Одуванчик, Данте. Сейчас они все с ней рядом. А скоро не останется никого.

– С тобой все нормально? – встревоженно спросил Марко. – Ты побледнела, Кошка.

– Да просто вы надышали перегаром от своего цветочного вина, – грубо отозвалась она, – мне не хватает воздуха!

Одуванчик пожал плечами и приоткрыл окно. Тут же запахло розами. Лина-Лин сделала глубокий вдох. Она с детства привыкла быть сильной и самостоятельной. Ей никто не нужен. Выдох.

– Я пойду. – Сказал Данте. – Лина-Лин, следи за кольцом. Если все камушки почернеют, Проклятье может настичь Джениуса и тех, кого ты назвала. Но, надеюсь, этого не случится. Артефакт довольно сильный. Послезавтра я с удовольствием посмотрю ваш спектакль. Я уверен, он будет достойным.

Хотя как раз таки уверенности в голосе ему не хватило.

Уже почти в дверях Хранитель встретился с Шененом. Их подопечный опять весь вечер принимал ванну. Он обожал мыться. Ему нравилось ощущение, когда вода касается кожи, так он говорил.

– Шенен, – мягко обратился к нему Данте, – после спектакля Марко, Джениус и Лина-Лин уедут. Мы переселим тебя в замок, если ты не против.

Шенен помолчал. Трудно было понять, о чем он думает.

Лина-Лин надеялась, что он сожалеет об их отъезде.

– А труппа Фридриха? – наконец спросил он.

– Труппе "Зеленого гуся" разрешено остаться до конца Недели Ордена, как и всем другим артистам.

– Я поживу с ними, – тут же отозвался Шенен.

– Просто в замке нам легче будет тебя защитить после отъезда Марко и Джениуса, – объяснил Данте.

– В большинстве случаев я сам могу за себя постоять, – спокойно ответил Шенен.

– Это правда, Хранитель. – Подтвердил Марко. – Мы не рассказывали, но с тех пор, как к Шенни вернулась память, он сражается не хуже Джениуса.

– Хорошо, мы позже обсудим этот вопрос, – кивнул Данте и вышел из комнаты.

– Как помылся? – машинально спросила Лина-Лин у их подопечного.

– Погрузился в воду, взял мочалку, нанес на нее немного мыла... – послушно начал отчитываться Шенни.

Лина-Лин не сдержала улыбки.

Марко тоже фыркнул.

– Шенни, в данном случае нужно ответить "Спасибо, хорошо". Так же, как и при вопросе "как дела?"

– Но это только если все правда было хорошо. – Встрял Джениус. – Если, например, вода была бы слишком холодная, а мыло щипало тебе глаза, ты можешь ответить "Ох, это было ужасно. Просто ад". Этот ответ так же подходит на во-

просы "Как прошел твой день?", "Как спалось?" и "Как прошел спектакль театрера "Зеленый гусь"?

– Шенни, – ласково начала Лина-Лин, – Джениус сейчас что делает?

– Шутит? – не очень уверенно определил их подопечный. Марко громко зааплодировал.

Лина-Лин тоже преисполнилась гордости. С определением шуток у небожителя обычно все было плохо.

– Ты быстро учишься, – сказала она грустно, вспомнив, что скоро они расстаются.

– Я хочу поблагодарить вас за то, что вы были рядом со мной, – серьезно произнес Шенен и присел на кровать.

– Нам за это платили, – пожал плечами Джениус и подкинул в воздух кошель с монетками.

Он был таким тяжелым, что взлетел совсем невысоко.

– Не порти лирический момент, – рыкнула на брата Лина-Лин и сильно пнула его в ногу.

– Нам за это платили, – грустно повторил Одуванчик, – а мы даже не посчитали, сколько там. Впервые мне неинтересно.

Марко, в отличии от Джена, не пытался скрыть грусть от разлуки.

– Я рад, что встретил именно вас, – Шенен переводил взгляд своих пронзительно-голубых глаз с одного лица на другое. – Вы многому научили меня. В основном тому, чему не хотели.

Это точно. Лина-Лин вздохнула.

– Я никогда не знал любви к смертным. – ровно продолжил их подопечный. – Не знал, как это тяжело и больно, когда на общение с теми, кого ты полюбил отведено всего несколько дней или лет, а потом ты обязан их потерять. Но с другой стороны, ты учишься ценить каждое мгновение, пока люди, которые тебе дороги с тобой рядом. Пока бьются их сердца, пока их дыхание не остановилось навсегда. Пока ты можешь взять их за руки и посмотреть им в глаза.

Под конец голос Шенни стал не таким спокойным как обычно, в нем проскальзывали настоящие человеческие эмоции. Лина-Лин не выдержала и обвила Шенена руками за шею. Ей так не хотелось с ним расставаться, оставлять его Ордену и чужим для него людям.

Марко положил ладонь на плечо их подопечному, а Дже-ниус крепко сжал его руку.

– Моя любовь к Творцу вечна, – продолжил Шенен, – он всегда со мной, хоть я и не слышу его больше. Все мои братья живут вечно, и мы знакомы с самого нашего сотворения. Я любил их всех одинаково. Разве что Лионель был мне немного ближе, чем другие, потому что у нас с ним всегда было больше всего вопросов. И Творец предоставил нам самим искать на них ответы. Я встретил много противоречий с самого начала.

Шенен повернулся к Лапуле. И они долго смотрели друг другу в глаза.

– В тебе Тьма, Джениус. От самого рождения. Мир создал тебя, чтобы ты проливал чужую кровь. Но я помню, как я был без сознания, и ты вез меня на своем коне и прижимал к себе. Это был Свет, который помог мне вернуться к жизни. И я понял, что здесь каждый сам в ответе за свою судьбу. За меня всегда все было решено, но теперь мне всегда нужно будет выбирать и решать самому. Это сложно.

– Что ты решил, Шенен? – Тихо спросил Маркус. – Какой ответ ты дашь Верховному Хранителю.

– Я теперь знаю, чего я хочу, – ответил небожитель. – Уйти с вами.

Лине-Лин не хотелось его отговаривать, но это было необходимо. Впрочем, ей не пришлось, Шенен продолжил свою мысль:

– Я понимаю, что этого не будет. Наши пути теперь должны разойтись. И не только потому, что мое предназначение не в этом. Я чувствую ваши настроения тоже. Джениус считает, что Лине-Лин не место рядом с ним, он боится за нее и хочет, чтобы она жила нормальной жизнью.

– Лапуля, ну какой нормальной? – тут же отреагировала Кошка. – Вышивание, танцы, этикет – это ты считаешь нормальным? Открой глаза и увидь наконец, как я далека от этого.

– Лина-Лин хочет остаться с Джениусом, – продолжил Шенен, – но склонить его к более праведной на ее взгляд деятельности – к служению Ордену или восстанию против Ко-

роля.

Джен усмехнулся:

– Я сам себе хозяин и мне чужды высокие идеалы и праведные идеи. Я могу повести повстанцев, а могу и выступить против ополчения. Смотря, кто больше предложит.

Шенен не обращал внимания, на то, как брат и сестра буквально изничтожают друг друга взглядами, он продолжал свою речь:

– А Марко хочет заниматься театром, уехать с труппой Фридриха. Но не в силах расстаться с Джениусом.

Теперь Одуванчик старался не встретиться взглядом со своим напарником, а Лапуля помрачнел и отвернулся к окну.

– Мне жаль, что вам никак не договориться. – Шенни вернулся к своей ровной манере изложения. – Я тоже все учусь договариваться с собой. Я все эти дни ждал ответа свыше, стоит ли мне остаться с Верховным Хранителем, но так и не дождался. И все же я останусь, раз больше мне пока некуда идти.

– Думаю, ты сделал правильный выбор, Шенни, – тихо сказала Кошка, – мы уж точно не для тебя компания. А Данте мудр и справедлив, тебе он понравится со временем, я знаю это.

– Я не уверен, что точно понимаю значение слова "скучать", – внезапно перевел тему небожитель, – но, кажется, я буду скучать по вам троим.

– Мы тоже, – грустно улыбнулась Лина-Лин.

– Хватит разводить слюни и сопли. – встрял Джениус. – Меня сейчас стошнит.

Кошка закатила глаза к небу. Сегодня вечером братец, определенно, ее раздражал. Вот и хорошо, что их пути скоро расходятся.

– Он говорит так, дабы скрыть, что он переживает и тоже будет скучать, – определил Марко.

Лапуля демонстративно снял ботинки и одетый влез под одеяло. Отвернулся к стене. Похоже, это означало "спокойной ночи".

Кошка легонько поцеловала Шенена в лоб и молча вышла из комнаты. Эмоции этого дня так и захлестывали ее. А еще ж и спектакль завтра! И хотя Лина-Лин идеально знала текст, ей захотелось еще раз прокрутить его в голове перед сном. Ведь завтра на нее будет смотреть огромная толпа. Хотя что там толпа, опозориться перед зрителями – это ерунда. Главное, чтобы Данте оценил ее в роскошных нарядах богинь. Прежде, чем сообразит, что за ересь показывают его наемники вместе с театриком "Зеленый гусь".

В Кошкиной комнате все было убрано цветами. Ее поселили с Анри, и он повсюду расставил букеты. Сам актер сидел на краешке кровати в длинной, похожей на сценическую, ночнушку и расчесывал красивые светлые локоны. Лина-Лин улыбнулась ему.

– Я так волнуюсь перед завтра... – пожаловался Анри.

По крайней мере, с ним девушка не сильно опасалась ве-

сти себя слишком женственно. Все равно Анри значительно превосходил ее в этом умении.

– Все будет хорошо, Анри. – Ответила Лина-Лин, не слишком себе веря. – Утром ты проснешься, сделаешь маску на лицо из творога и огурцов, и будешь самым неотразимым.

– Тоже смеешься надо мной, – грустно улыбнулся актер, – а ведь ты тоже играешь женскую роль. И должен понимать, каково это.

– О нет, мне этого никогда не постигнуть, – отрицательно помотала головой Кошка, – я просто делаю то, что говорит мне Фридрих.

– Когда-нибудь ты поймешь, как важно по-настоящему вживаться в роль, – поучительно сказал Анри.

– Не думаю, что я стану бродячим актером, – вздохнула Лина-Лин.

А кем теперь она станет? Раз уж она не может быть рядом с Данте или с братом, то ей просто надо продолжить дальше искать свой Путь. Мир огромный, так много мест, где Кошка никогда не была. Она найдет способ служить Ордену и Верховному Хранителю как можно дальше от них. Или, быть может, она присоединится к восстанию Братства на крови, когда они вновь соберутся силами.

К счастью, ее тоску от предстоящей разлуки со всеми перебивала паника перед завтрашним спектаклем.

Девушка быстро переделалась, повернувшись спиной к Анри, и залезла под одеяло.

Чтобы побыстрее заснуть, она начала повторять про себя волшебную фразу «Я ни о чем не думаю. Я ни о чем не думаю». Правда потом ее отсутствие мыслей переросло во что-то вроде: «Я ни о чем не думаю. Особенно я не думаю о Данте. Данте. Мммм, Данте... Я не думаю о том, как он меня сегодня обнимал. И не думаю о том, как близко сегодня были его глаза. И не думаю о кольце, которое он мне сегодня подарил. Или не подарил? Нет, все-таки подарил. Проклятье – это просто предлог, чтобы подарить мне кольцо. Только вот я совсем об этом не думаю. Он ведь все еще любит меня? Как хорошо, что я об этом не думаю. Или не любит? Не думаю-не думаю».

Наконец-то после часа терзаний по вполне привычному поводу, Навь приняла Кошку в свои объятия, а следом пришли и сны. Глупые сны о том, как она вышла выступать, но при этом забыла надеть платье. И о том, как Шенен воспарил на огромных прозрачных крыльях и скрылся за облаками. Еще ей снилось, что она – это не она, а Анри. И Анри все пытается вжиться в женскую роль, но никак не может, ведь он же на самом деле мужчина. И Кошка, а точнее Анри, долго рыдал от бессилия по этому поводу. А может и недолго – трудно ориентироваться во времени, если это сон.

Миг, ради которого стоит жить

Марко едва открыл глаза и тут же вскочил на ноги. Сегодня самый грандиозный спектакль в его жизни. Правда, весьма спорный, но тут уже ничего не поделаешь. Марко умел получать удовольствие от того, что есть.

Похоже, что вся труппа разделяла его эмоции. Фридрих был в приподнятом настроении в предвкушении своего "величайшего триумфа или не менее великого позора" – так он выразился.

Анри и Лина-Лин трещали наперебой. И довольно сложно было отличить, кто из них переодетая в мужскую одежду девушка. На Кошке не было и следа вчерашних проблем. А кольцо на пальце блестело солнечными камушками, обещая всем защиту от Проклятья.

Джен был, разумеется, мрачен. Но если представить специальную шкалу, измеряющую обычное настроение наемника от "слегка мрачен" до "убийственно мрачен", то сегодня стрелка указывала на "слегка" или даже "очаровательно мрачен". И это было отлично, потому что чаще всего она перемещалась между "подозрительно мрачен", "высокомерно мрачен", "меланхолично мрачен" и "я-вас-всех-ненавижу-мрачен".

К завтраку в просторном холле из замка пришел Гвендель, чтобы пожелать им удачи. Даже Джулия забежала ненадолго.

го. За столом все оживленно болтали, не смотря на то, что Фридрих запретил своим актерам пить эль до спектакля. Лина-Лин горестно вздохнула по этому поводу.

– Котенок, – ласково обратился к ней Гвен, – если во время спектакля я хоть на секунду поверю, что ты – девушка, с меня бочка цветочного вина.

Кошка в ответ поднесла два пальца ко рту, чтобы изобразить рвотные позывы.

– Василечек, – сладко ответила она после этого, – я понимаю, что женские роли – это предел твоих мечтаний. Но завидуй молча.

В честь великого праздника, Правитель погибшего города был одет в ярко синий, как его глаза, жилет, вышитый тонкой золотой нитью. Волосы были убраны золотыми заколками рукой искусного парикмахера. Неужели он захватил все это из Погибшего города, прежде, чем его покинуть? От этой мысли Марко стало не по себе. Хотя, Гвен, в принципе, был человеком-загадкой.

Джулия так и косила на него глаза, не скрывая интереса. Джениус упорно делал вид, что его это нисколько не трогает. Странно все-таки, что его жена уже второй раз ненароком встретила на их пути. Марко не верил в случайности. Но опасений эта рыжая стерва у него почему-то не вызывала. Может, все дело в любви? По мнению Марко, то, что происходило между Джениусом и Джулией, мало напоминало любовь. Но не ему судить.

– Обожаю мальчиков, переодетых в женские платья! – радостно воскликнула Джулия. – И особенно любовные сцены. Я всегда помню, что героиня – на самом деле герой. Анри, тебе приходилось целоваться на спектакле?

– Все поцелуи на сцене ненастоящие, постановочные. – снисходительно объяснил Фридрих.

Рыжая девушка разочарованно вздохнула.

– Не все, – хитро шепнул ей на ухо Анри, пока Фридрих на него не смотрел.

Джулия хихикнула.

Так в увеселительных беседах прошло их утро. Потом они неспешно одевались, красили лица и Шенена, повторяли и без того въевшиеся в память слова.

Марко что-то напевал, нанося грим. Ему не терпелось выйти на сцену.

Шкала в настроении Джениуса поднялась аж до "мрачного веселья", когда Лина-Лин подложила уснувшему на куче костюмов Анри висельника с декораций. Бедняга спросонья пришел в нетеатральный ужас.

Шенен, как обычно, репетировал статую. Стоял на стуле, не двигаясь. Казалось, он даже не дышал. Марко периодически полностью забывал о его присутствии в помещении и вздрагивал, когда статуя подавала признаки жизни.

Лина-Лин переоделась в Онори для первой сцены. Как же она была хороша в изящном светлом платье. Парик с длинными белыми волосами невероятно преобразил ее ли-

цо. Неужели кто-то из труппы до сих пор может думать, что Ли – мальчишка?

Кошка повернулась, почувствовав пристальный взгляд наемника. Марко поспешно изобразил скучающий вид.

Шикарную церемонию Посвящения им пришлось наблюдать сзади через щели между досками. Для артистов сколотили просторное помещение за сценой. Здесь пока был только "Зеленый гусь" и еще одна труппа в костюмах членов Ордена. Среди них был даже некто, изображающий Верховного Хранителя в гигантской нелепой шляпе.

– Могли бы кого-нибудь посимпатичнее найти на эту роль, – недовольно пробурчала Кошка.

– Это не важно, как он выглядит, – возразил Фридрих. – Хорошая игра так преображает человека, что даже последний урод может казаться красавцем.

– Ничто и никогда не преобразит эти красные уши, торчащие в разные стороны. – Кошка упорно отказывалась верить в силу искусства.

Марко изо всех сил пытался увидеть церемонию посвящения. Но в щели разглядел только много-много людей в белых балахонах со свечами в руках.

А за ними – толпа. Огромная, благоговейно притихшая толпа. Это были его будущие зрители.

На трибуне, тщательно отделенной и высоко приподнятой над простым людом, сидел церемониальный костюм Хранителя. Сам Данте, наверное, тоже присутствовал в своем ко-

стюме, но из-за огромной белой высокой шапки и широких плеч мантии казался почти незаметным. По рядам трибуны чинно расселись Старейшины и другие заслуженные члены Ордена.

В конце концов, Марко приноровился смотреть через щели, время от времени меняя угол обзора. С жадностью он наблюдал за выступлением разных артистов и все больше убеждался, что сцена – это то, чем он мечтает заниматься всю жизнь.

– Я весь потный в этом костюме дерева. – Недовольно произнес Джениус. – Когда наш выход?

– Не бойся, со сцены запахов не слышно. – успокоил его Фридрих.

В помещение для артистов зашел Гвендель. Он был уже в другой одежде. Довольно странной, между прочим. Ярко фиолетовый бархатный камзол, куча каких-то золотых цепочек, штаны из зеленого бархата. Даже для этого человека слишком.

– Проходи, Гвендель, – приветливо сказал Фридрих и затем обратился ко всем. – У меня для вас новость, ребята. Я заметил, что из-за слишком долгих и частых репетиций, наш спектакль стал чересчур гладким и причесанным. Таким идеальным, что аж тошнит. Я решил вернуть ему дух импровизации.

Режиссер довольно улыбнулся и потер руки.

– Я ввожу в пьесу нового персонажа. Господин Гвендель

милостиво предложил нам свои услуги в качестве актера.

Марко подумал, что ослышался. Он молча переводил взгляд с раздетого черноволосого красавца на Фридриха и обратно. Наемник ждал, что кто-то из них скажет "Да ладно, ребят, это шутка". Марко даже уже был готов рассмеяться после этой фразы.

– Мы через полчаса выходим на сцену, – медленно протянул Джонни, непонимающе глядя на своего руководителя. – как же... без репетиций...

– Он же мужскую роль будет играть, да? – Анри интересовала только возможная конкуренция.

Мердок подошел к Фридриху, протянул руку и спокойно проговорил:

– Дай сценарный план.

Режиссер действительно достал из камзола пару крупно исписанных листов. И протянул их Мердоку, ласково потрепав его по плечу.

Это была не шутка. Гвендель будет играть. Нет, ничего удивительного в этом, конечно же, не было. Марко помнил, что почти все их спектакли строились на импровизации. В сценарном плане Фридрих писал, кто когда выходит, и что должно происходить на сцене, а текст они придумывали по ходу. Удачные куски запоминали и переносили в следующий показ. Но ведь сегодня был совсем особенный спектакль...

– Переживать не из-за чего, – спокойно объявил Мердок, – Гвендель появляется всего в трех сценах. Он играет

романтически влюбленного юношу-поэта.

– В кого влюбленного? – кокетливо спросил Анри.

– В тебя, милый, в тебя! – отмахнулся от него Фридрих и обратился ко всем. – Театр должен быть живым! Я прослушал господина Гвенделя. Уверяю вас, он отличный актер. Необходимость реагировать на нового персонажа выведет вас из скорлупы заученных текстов.

– А Верховный Хранитель знает, что его дорогой наизнанейший друг опустился до игры в театре? – Кисло поинтересовалась Лина-Лин то ли у Гвена, то ли у Фридриха.

– Я решил сделать ему сюрприз. – довольно улыбнулся Правитель Погибшего города. – Думаю, это его развеселит. А то, похоже, он получил не самые приятные известия от своей жены и ходит хмурый.

Лина-Лин отвернулась, не выдержав насмешливого взгляда. Марко почувствовал смесь ревности и брезгливости от такой ее реакции. Похоже, Гвен откуда-то знает про связь Ли с Данте.

Но сейчас важнее всего было выяснить, как персонаж Марко – служанка – должен относиться к пылко влюбленному поэту.

Последние полчаса перед выступление прошли очень бурно – все выхватывали друг у друга сценарный план, задавали вопросы Фридриху и Гвенделю, придумывали отдельные реплики, иногда все вместе раздражались веселым смехом.

Только Дерево и Статуя не разделяли общей суеты. Им

было все равно кого там еще ввели в пьесу. Шенен не выходил из своей гармонической медитации, стоя на стуле. А Джениус пытался сделать глоток воды, не выколов при этом себе глаз одной из собственных веток.

Наконец, словно во сне, Марко услышал, как глашатаи объявили:

– Театрик "Зеленый гусь" господина Фридриха представляет вашему вниманию спектакль "Свет Онори, Тьма Нинель". Марко не смог не улыбнуться в очередной раз этому взятому от балды названию.

Все замерли у выходов к сцене с двух сторон. Напряжение с приятным предвкушением читалось на лицах актеров. У Лины-Лин горели щеки и глаза, обтянутая шелком белого платья грудь вздымалась от частого дыхания.

Интересно, она так волнуется перед спектаклем или перед тем, как предстать взору Хранителя? Да нет же, совсем не интересно. Марко отвел взгляд. Он вновь досадовал на себя за эти мысли.

Шенен выглядел таким одухотворенным. Каким бы небесным созданием он ни был, но он явно любил сцену. Даже Джениус, похоже, только делал вид, что ненавидит играть и его раздражает все происходящее.

Под чистую игру музыкантов Ордена, на сцену вышла богиня Онори. Декорации сменились на красоты Нави, которые изобразил местный художник. Хорошо направленный луч света, отраженный зеркалами, изобразил сияние вокруг

девушки. В толпе пронесся восхищенный ропот. И очень быстро все замолчали, чтобы не пропустить ни слова.

Онори заговорила, заняв свой хрустальный трон. Голос Лины-Лин звучал мягко и неестественно громко – Ордену был известен секрет механической подзвучки во время представлений.

Богиня сокрушалась по поводу людей, которым судьба дает все – и богатство, и здоровье, и любовь, но они не радуются своему счастью, а грешат и творят темные дела. Одну из таких историй Онори предлагала посмотреть уважаемым гостям праздника.

После этого все, в том числе и Марко, выбежали на сцену и под веселую музыку началось шаривари – песня, танцы, Мердок жонглировал цветными шарами, Фридрих кидал обручи, Анри разбрасывал цветы из корзинки, Джонни вынес и поставил на пьедестал статую-Шенена. Гвендель, ко всеобщему удивлению, показывал фокусы с огнем. В какой-то момент Марко испугался, что сейчас загорится его парик.

Декорации сменились на комнату-будуар. Это было знаком к началу действия. Все лишние на время исчезли со сцены, осталась только скучающая знатная дама Анри в своем роскошном наряде и служанка, обмахивающая ее веером. Да еще декорации – дерево и статуя.

Марко махал веером не глядя, глаза его жадно впились в публику. Столько взоров, устремленных на него. И полная тишина, в которой должны прозвучать его, точнее служанки,

первые слова. От восторга у наемника мурашки бежали по телу. Он набрал в грудь побольше воздуха и начал:

– Я передала вашу записку, леди Анжелика! И, скажу вам, адресат был рад чрезвычайно!

И время для Марко перестало течь. Он играл, и больше ничего в этом мире не было важно.

Это полный провал

Лиана-Лин быстро переодевалась за сценой в костюм богини Нинель. Она до сих пор не могла понять, как этот напыщенный и расфуфыренный Гвендель смог уговорить Фридриха испортить их спектакль. Совершенно не понятно, зачем он влез в то, что никак его не касается. Да еще своими дурацкими огненными фокусами отвлек внимание от ее плавного и красивого танца богини Онори.

Кошка оглянулась в поисках кого-нибудь, кто зашнурует ей корсет.

– Я помогу, – сладко улыбнулся проходивший мимо Гвен.

Лиана-Лин хотело было кинуть презрительное "я сама", но так как это было невозможно, она неохотно и молча повернулась спиной к Гвенделю.

– Я часто шнурую корсет своей жене, – промурлыкал Гвен.

"Которая умерла в погибшем городе" – закончила про себя девушка. Ей все еще было совершенно не понятно, почему этот господин отказывался признавать смерть своей семьи и своего народа, но, в целом, это было его личное дело.

Она чувствовала, как уверенно и мягко его пальцы управляют с шнуровкой.

– И все-таки, что заставило такого важного господина, как вы, заняться столь недостойным ремеслом? – спросила Кош-

ка, не скрывая сарказма.

– А что заставило тебя, Котенок, – ласково начал Гвен, – пренебречь святыми правилами театра, которые запрещают женщинам играть, и выйти на сцену в этом роскошном одеянии?

С этими словами Гвендель воодрузил на ее плечи большой стоячий воротник Нинель и принялся его закреплять.

Лиана-Лин сжала зубы. Потом медленно выдохнула, уговаривая себя не раздражаться.

– Это нелепые правила, – ровно ответила она.

– Разумеется, – послушно согласился Гендель, – уверен, если открыть правду Фридриху и всей его труппе, они скажут точно так же...

Девушка молчала, не зная, что ответить на эту почти прямую угрозу. Он как ни в чем не бывало поменял ей белый парик на черный.

– О, не бойся, дорогая, я никому ничего не скажу. И даже отвечу на твой вопрос. Считаю, у нас одинаковые причины, почему мы вышли на сцену. Привлечь внимание Верховного Хранителя Данте.

С этими словами он подмигнул Кошке, водррузил на ее голову черную корону Нинель, и пошел к кулисам.

Это был самый невыносимый человек, которого она встречала. Даже ее первый муж не был таким назойливым и раздражающим.

Лиана-Лин была полностью одета в свое черное одеяние с

длинным шлейфом. И только сейчас она заметила, что все замерли у щелей, высматривая что же происходит на сцене.

Там уже появился Джонни в виде незадачливого любовника, Лина-Лин слышала текст и даже не глядя понимала, что играют они прекрасно.

Но все же что-то было не так. Она тоже подошла к одной из щелок и, встав на цыпочки, заглянула через плечо напряженного, как камень, Фридриха.

Служанка как раз говорила одну из любимых шуток Лины-Лин. И тут девушка поняла, что не так.

Никто не смеялся. Народ в полной тишине взирал на происходящее на сцене. Наверное, искал в этом глубокий божественный смысл. Или же им просто было не смешно.

На трибуне Ордена все сидели с каменными лицами. Периодически кто-нибудь из Хранителей аккуратно поворачивал голову в сторону Данте, пытаясь понять его реакцию. Но тот был невозмутим, ничего не читалось на его лице, когда он этого не хотел.

Когда ожила статуя-Шенен, народ немного ожил тоже, слегка пошумели, кто-то вскрикнул от неожиданности, и вскоре снова воцарилась тишь да гладь. Никто не ожидал увидеть на Неделе Ордена смешную комедию. И никто не смеялся.

После первой сцены с любовником был выход Лины-Лин. Жуткие декорации вызвали общий ропот, а сама богиня Нинель появлялась из дыма. Девушка старалась не дышать по-

ка шла, чтобы не раскашляться на сцене. К счастью, ветер быстро развеял дым.

– Так легко угодить во Тьму, – начала она железным голосом, – я жду вас там, ничтожные жалкие души, полные мелких страстишек!

Кошка говорила свою речь с полным воодушевлением, забывая на время даже о Данте, сидящим перед ней. Пока прямо во время ее монолога на сцене не появился Гвендель. Перебив Лину-Лин, он начал читать стихи.

И теперь зрители не услышат прекрасный конец ее зловещей речи.

– Чего тебе здесь нужно, жалкий смертный? – спросила она его с ненавистью. Ей даже не пришлось играть.

– О, богиня! – почтительно поклонился он, но даже сейчас Лина-Лин слышала в его голосе насмешку. – Я бедный поэт. И я прошел все миры в поисках любви, но так и не нашел.

– Не там ты ищешь любовь, бедный поэт, – злобно усмехнулась она.

Ну и что ей дальше с ним делать? С этим появившемся не по сценарию шутком...

– Ты потревожил мой покой, смертный! – холодно провозгласила девушка.

У нее едва не вырвалась фраза "И прервал мой прекрасный монолог!"

– Прости, о божественная! Я искал богиню Нинель, чтобы на коленях умолять ее одарить меня любовью, которая пре-

образит мое жалкое существование!

– Мою сестрицу? – с презрением отозвалась Кошка. – Не стоит ходить так далеко. Моя темнейшая милость преподнесет тебе этот дар.

– Неужели? – усомнился Гвен снова с насмешкой.

Но тут же бухнулся на колени, чтобы не выходить из образа.

– О, верь мне, мальчик, – ответила Лиина-Лин, сверля его ядовитым взглядом. – Выйдя из моего царства, увидишь ты прекрасную деву, имя ей Анжелика. К ней воспылаешь ты самыми волшебными чувствами.

– О, великая! – с преувеличенным восторгом воскликнул Василечек и припал губами к подолу ее платья.

Кошка вырвала платье из его рук презрительным жестом и отошла, бормоча что-то про недостойных смертных, пускающих слюни на ее прекрасные платья.

Затем она обратилась к зрителям:

– Жалкий юноша не знает, что иная любовь неизмеримо хуже, чем проклятье. Он полюбит Анжелику, которая не ответит ему взаимностью. Более того, она жената и у нее есть любовник. Для вас, убогие смертные, нет ничего мучительней несчастной любви, которая заставляет страдать от ревности. Может кто знает, каково это любить замужнюю женщину? Или женатого мужчину?

Произнося последнюю фразу, она не сводила взгляда с Верховного Хранителя.

– Куда может привести такая любовь? – тихо спросила она, обращаясь только к Данте. – Прямым в мое царство. В царство Тьмы.

И девушка ушла, гордо, величественно, не выходя из образа. Хотя от осознания только что произнесенных фраз ей стало сильно не по себе.

Как бы то ни было, она справилась с задачей и кознями Гвенделя.

– Молодец, Ли. – Кивнул ей Фридрих за кулисами. – Ты был настоящим. Настоящей.

Немного придя в себя, Лина-Лин снова прикинула к щели между досок. Юноша-поэт, одаренный сомнительной любовью, вел диалог с леди Анжеликой. Он был так искренен и нелеп в своих возвышенных чувствах, а Анри так цинично ему отвечал. Но вскоре и Гвендель слегка вышел из образа и начал отзываться остротами на остроты в своей привычной манере.

Лина-Лин слышала редкие смешки.

– Ну не дура ли? – Спросил Гвен у дерева, ткнув его локтем.

– Дура, – неожиданно согласилось всегда молчавшее дерево.

Кошка и Марко переглянулись и приснули.

Поэт и Анжелика продолжали перепалку, во время которой Гвен несколько раз довольно дерзко притянул даму к себе, а дама не слишком-то сопротивлялась.

К тому моменту, когда Гвендель в пикантной сцене получил по голове от статуи, которая тут же сделала вид, что не причем, смеялись все.

Даже Данте довольно улыбался и слегка посмеивался в особо удачных местах. Глядя на него, развеселились и почтенные Хранители.

Дальше спектакль шел как по маслу. Народ замолкал, чтобы услышать следующую фразу, и тут же опять раздражался смехом.

Лина-Лин еще несколько раз переделалась, чтобы изобразить противостояние Света и Тьмы. Во время ее выходов люди вспоминали, куда и зачем они пришли, но тут же снова забывали, глядя на нелепых поклонников леди Анжелики.

Заглянув в сценарный план, Лина-Лин выяснила, что финал несколько изменился. Теперь счастливый конец включал в себя спасение поэта от проклятья Нинель.

Богиня Света одарила поэта настоящей любовью, и он воспылал страстными чувствами к служанке. Зрители с восторгом встретили такой союз, потому что оба героя невероятно полюбились им за это время. На радость зрителям, Гвен и Марко звучно поцеловались, и поэт унес служанку за кулисы на руках. Хотя это было далеко не просто.

Онори сказала заключительные нравоучительные слова, заиграла музыка, все запели песню. Лина-Лин не упустила случая станцевать на переднем плане свой красивый танец богини, но, похоже, зрители смотрели на отплясывающих в

паре Гвена с Марко и на Анри с Фридрихом с другой стороны. Когда в очень странный танец пустились дерево со статуей, у Кошки вовсе не осталось шансов, и она печально утанцевала на задний план.

Это был успех. Полный и абсолютный успех. Какую бы ерунду они не показывали, зрителям это понравилось. Сам Верховный Хранитель хлопал им из своей ложи. И Кошка знала, что львиная часть его аплодисментов предназначена ей. Это еще больше усиливало ее эйфорию после спектакля.

За кулисами все обнимались со всеми. Лина-Лин сняла глазастую корону и с удовольствием окунулась в этот водоворот. В какой-то момент она обнаружила себя обнимающейся с Гвенделем и тут же отпрянула. Но все же стоит признать, он изменил этот спектакль в лучшую сторону. И Василечек был первым, кто заставил зрителей засмеяться. И даже Данте... Ему наверняка понравилось, как играл его дорогой друг...

Лина-Лин заметила слезу, стекающую по щеке Фридриха, для него это, возможно, один из самых важных дней в жизни. Джениус улыбался. Она протерла глаза. Нет, не показалось, ее суровый брат поддался общему эмоциональному подъему. Интересно, а что чувствует Шенен? Наверняка даже их воспитанник что-то сейчас чувствует. Она огляделась в поисках посланника Небес, но его нигде не было.

– Шенен! – позвала она.

Джениус подошел к сестре, тревожно оглядываясь

– Где святоша, провались он в ад! – прорычал он.

От его былой веселости не осталось и следа.

И тут Кошка почувствовала едва уловимый запах серы.

– Провались он в ад? – тихо повторила она, идя на запах. –

Не самое удачное ругательство, брат.

Прекратив обниматься, все артисты провожали ее взглядом. До них тоже начало доходить, что Шенен никого не пачкает белой краской во время объятий, только потому, что его нет. За кулисы шумной толпой забежали танцовщицы.

– Тихо! – резко сказала им Лина-Лин.

Девушки в нерешительности остановились.

Кошка уже включила все свои животные инстинкты, и легкий запах серы превратился в вонь. Она встала на четвереньки, и приложило ухо к земле. Почувствовала вибрацию и все поняла.

– Шенена забрали те уроды. – сказала она, вставая с колен. – Птицелюди.

Всю веселившуюся минуту назад труппу будто водой окатили. Они стояли на своих местах, переглядываясь между собой.

Фридрих неуверенно потянулся к своему бутафорскому мечу.

– Птице...кто? – почти жалобно спросил Анри.

– Чего мы стоим? Они не могли далеко уйти! – Мердок первый избавился от оцепенения.

– Они вообще не могли уйти. – горько усмехнулся Гвендель. – И они никуда не уходили. В этом-то и проблема.

– Открыли темный портал и утащили его, пока все отвлеклись.

Лина-Лин удивленно подняла голову. Последнюю фразу очень уверенно произнесла Джулия. Ей-то откуда известно?

Стоявшие вблизи танцовщицы тоже ошарашено смотрели то на свою рыжую подругу, то на землю, где, в общем-то, не было никаких следов.

Джулия окинула всех своим обычным насмешливым взглядом.

– Да шучу я, ваш Шенен наверняка просто пошел пописать, а вы тут стоите, как примороженные. Девочки, пойдем на сцену.

Танцовщицы, успокоившись, потянулись к кулисам.

– Потом поговорим, – шепнула Джулия Лине-Лин по дороге.

– Стой, Рыжая сволочь. – Джениус схватил ее за руку. – Если ты что-то знаешь – говори немедленно!

Глаза Кошкиного брата пылали тихим гневом. Он готов был сейчас убить любого, кого заподозрил бы в пропаже Шенена.

Джулия совсем не боялась его. Она только улыбнулась и с легким раздражением высвободила руку.

– Пусти меня, говорящее дерево, я должна выступить, потом поговорим.

Она ушла, а Джениус не стал ее удерживать. Похоже, он знал, что силой от Джулии ничего не добьешься. Вместо это-

го он начал снимать с себя костюм дерева.

– Фридрих, ребята, – поникшим голосом обратился Марко к труппе Зеленого гуся, – случилось то, чего мы пытались избежать, скрываясь среди вас и прикидываясь актерами. Отправляйтесь к себе, а мы займемся поисками Шенена.

– Мы с вами, – твердо ответил режиссер.

Все остальные члены труппы молчали, но всем своим видом высказывали согласие.

– Нам сейчас предстоит встретиться с Хранителем. Он не одобрит, что мы вмешиваем вас в это дело. – Встряла Лина-Лин.

Ребята переглянулись и, поколебавшись немного, отправились к выходу.

– Вы всегда можете на нас рассчитывать, – сказал Фридрих Марко и крепко сжал его плечо.

– Спасибо, Фридрих, ты очень много сделал для нас. Для меня. – Глухо ответил наемник и крепко сжал друга в объятьях.

– Не смей говорить так, будто прощаешься, – покачал головой Фридрих.

Когда дверь за ними закрылась, Лина-Лин опустилась на пол. Силы будто разом покинули ее. Что они сделают с Шененом? Что скажет Данте? Они подвели его, предали...

– Соберись, – грозно приказал ей брат.

Она кивнула, но не двинулась с места. Они потеряли Шенни. Упустили. И так глупо. Все они с головой погрузились в

земной успех, забыв о главном. Мир на грани, а они самозабвенно обнимались, радуясь громким аплодисментам. Идиоты.

– Как нам связаться с Данте? – услышала девушка голос Марко. – Он еще несколько часов должен сидеть на церемонии.

В помещение для артистов заметно стемнело, и Лина-Лин заставила себя встать, чтобы зажечь факелы. Руки слегка подрагивали.

– Я попробую его вызвать, – сказал Гвендель. – Только не сюда, здесь проходной двор.

И он пошел к двери. Марко быстро стянул одежду служанки, влез в рубашку с брюками и кинулся за ним. Лина-Лин поставила на место так и незажженный факел, чуть задержалась, чтобы сделать глубокий вдох и выдох, и вышла следом за Лапулей. Не время раскисать. Надо действовать.

Сплошные сюрпризы

Они заперлись в комнате, которая принадлежала наемникам. Южный гостевой дом был пуст – все сейчас веселились на церемонии. Даже слуги сбежали туда, побросав работу. Марко понятия не имел, как именно Гвендель собирается связываться с Хранителем, но он почему-то доверял Правителю Погибшего города.

– Он не сможет войти в Навь во время церемонии. – Дже-ниус ходил по комнате, как волк по клетке. – Как он будет сидеть на трибуне с закрытыми глазами. У народа начнется паника.

– Думаю, я что-нибудь смогу с этим сделать, – задумчиво проговорил Гвендель.

Марко увидел, как амулет на его груди засветился. Это не было обычным украшением. Песок за стеклом переливался сине-зеленым цветом. Лиана-Лин уставилась на эту игрушку широко раскрытыми глазами.

– Это же... – начала она, но тут же замолчала, встретившись взглядом с Гвенделем.

– Друзья, отправляйтесь на берег фиолетового моря. Я приведу его.

Марко больше не задавал вопросов. Он закрыл глаза и открыл их уже в Нави. Рядом тут же возник его напарник. Кошка уже сидела по другую руку от Марко.

Он ожидал, что здесь у нее будут видны ушки. Но перед ним сидела Лина-Лин. Только какая-то слишком красивая – длинные кудрявые волосы, красные губы, ресницы длиннее, чем обычно бывают у девушек. Только платье осталось тем же – она так и уехала с церемонии в платье Нинель, и здесь тоже сидела в этом роскошном белом шелке.

– Чего пялишься? – вяло спросило его это прекрасное создание.

– Ты даже в такой момент думаешь, в каком виде предстать перед Хранителем? Больше тебя ничего не интересует?

Девушка посмотрела на него долгим взглядом. В нем не было ни злости, ни раздражения, только непонимание. Действительно, зачем он ей это сказал? С каких это пор его словами управляет ревность?

Внезапно Кошка улыбнулась.

– А ты тогда для кого приоделся, Одуванчик?

Марко опустил взгляд на свою одежду и крайне озадачился. На нем был расшитый золотом жилет из красной парчи, белоснежная сорочка, гольфы, туфли с бантами и завершал композицию алый плащ. Он выглядел как принц из детской сказки. Ничего глупее и придумать нельзя.

Джениус хихикнул.

– Ты не знал, что в Нави выглядишь как идиот?

Нет, Марко не знал. Джениус не изменялся ни на йоту, да и Данте выглядел совершенно так же. И Марко никогда не думал о том, как сам он выглядит. Во сне ты тоже не знаешь,

во что ты одет, пока специально не начнешь рассматривать. Тут-то и обнаруживаются всякие интересные вещи.

– Это еще не все, – сладко пропела Лина-Лин и протянула ему зеркало, которое отрыла тут же в песке.

Марко заглянул в него, потом машинально поднес руку к голове, чтобы проверить увиденное. Так и есть. Его светлые волосы были длиннее раз в десять, чем на самом деле, и сзади были собраны в кудрявый хвост шелковой ленточкой.

Наемник только сплюнул при виде такого зрелища и отдал зеркало девчонке. Она тоже с интересом рассмотрела себя в нем и положила на песок. Зеркало тут же исчезло.

Оказывается, Навь сама преображает людей. Интересно, по какому признаку. В его случае явно по принципу "чисто поржать".

Появился Гвендель. И Марко понял, что не один такой. На их новом друге был роскошный шелковый халат с широкими рукавами, а волосы сдерживали две золотые заколки. Но, в отличие от Марко, ему этот образ невероятно шел.

Следом возник Данте. И Марко тут же забыл о том, кто как выглядит в Нави. Верховный Хранитель был серьезен до предела, морщинка между глаз четко выделялась на его побледневшем лице.

– Я не виню вас, – сказал он вместо приветствия. – Гвендель говорит, все произошло так быстро, что вы едва ли успели бы что-то сделать.

Марко так не считал. Он в происшедшем винил только

себя. Он позволил себе полностью погрузиться в мир театра.

Судя по тому, как Лина-Лин опустила голову, она тоже чувствовала себя виноватой. Наверное, боится, что ее обожаемый Хранитель разлюбит ее из-за того, что она допустила ошибку.

– Мы должны сейчас же отправиться к Нинель. – Принял решение Данте. – Птицелюди – ее порождения, а значит Шенен сейчас у нее.

– Нам надо идти в физической форме. – Серьезно сказал Гвендель.

– Да. – Кивнул Хранитель. – Но это займет время. А его у нас сейчас нет.

Он стоял на фоне фиолетового моря и пасмурного неба Нави. Данте был крайне сосредоточен. Похоже было, что он специально не смотрит на свою бывшую любовницу, чтобы не отвлекаться.

– Отправимся прямо сейчас, – продолжил он после короткой паузы, – попробуем отыскать, где его держат. Я найду морок, будто мы настоящие, мы будем отбрасывать тени. Нинель это не обманет, но ее слуги не так умны. Скорее всего, придется сражаться, поэтому мы пойдем все вместе. Ваша работа, как вы поняли, еще не окончена.

Гвендель шепнул что-то на ухо Хранителю. Тот едва заметно кивнул.

– С нами пойдет еще один человек. Возможно, мой выбор вас удивит, но на это есть свои причины. Джениус, раз-

решишь ли ты, чтобы с нами пошла твоя жена?

– Рыжая сволочь?

– Джулия???

Почти одновременно воскликнули брат и сестра. Марко тоже был весьма озадачен. Может, Данте изначально послал эту рыжую женщину, чтобы следить за ними? И ведь в той схватке с птицелюдьми она здорово помогла им. Но разве можно было подстроить их первую встречу, где Джулию чуть не скормили авизотлю?

– Я приглашу ее, – улыбнулся Гвен.

Он прикрыл глаза, и через мгновение перед ними предстала рыжая сволочь. Навь ничуть не поменяла ее внешность – платье храмовой танцовщицы, чуть растрепанные волосы убраны наверх. Она огляделась, абсолютно не удивляясь происходящему, и улыбнулась.

– Верховный Хранитель, и вы здесь? – она слегка поклонилась. – Не поверите, я прямо сейчас видела вас на церемонии. Вы сидели на своем месте, смотрели представление и в нужных местах даже хлопали в ладоши.

– Я же говорил, все будет именно так. – тихонько сказал Гвендель Данте.

– Правда, в какой-то момент вы, Верховный Хранитель, рассмеялись очень не к месту. Кажется, на словах актера о вреде пьянства.

Данте очень серьезно посмотрел на Гвенделя.

– Прости-прости, – пропел он, – мне не просто одновре-

менно управлять иллюзией и находиться здесь.

Что же это за артефакт такой? Взгляд Марко то и дело притягивался к таинственному амулету: мелкий песок, похожий на пыль, так и сиял разными цветами на груди у Гвенделя.

– Вообще-то некрасиво получилось. – Вдруг опять заговорила Джулия. – Я здесь, а мое тело упало под ноги толпе. Меня подняли, обмахивают, плюют водой в лицо. Гадость какая. А я никак не прихожу в себя.

– И ближайšie пару часов не придешь, – сочувственно проговорил Гвендель. – Ты ведь не против пойти с нами?

– К Нинель? Нет, не против, – рыжая пожала плечами.

– Кто ты такая, черт тебя возьми? – довольно спокойно поинтересовался Джениус, не ожидая ответа.

– Я – жрица любви из публичного дома в городе N.

– Тебя, жрица, нисколько не удивляет ни то, что ты в Нави, ни предстоящая встреча с Нинель, ни птицелюди... – не выдержал Марко.

– Поверьте, я многое повидала на своем веку. – беспечно отозвалась рыжая.

– Вам нужно оружие, – прервал праздные разговоры Хранитель. – Представьте себе свои мечи, и они у вас будут. Правда, только до тех пор, пока противник верит, что они настоящие. Но больше я пока ничего не могу сделать.

Марко представил, что его меч лежит рядом с ним на песке, пошарил рукой возле себя и действительно нащупал твер-

дую надежную рукоятку. Джениус достал Хаборим из воздуха и любовно сжимал его в руках. Лина-Лин повесила арбалет на пояс. Под тонким шелком платья можно было угадать наличие метательных ножей под ремешками вокруг ног.

У Гвенделя был роскошный меч из черного металла, причем лезвие было таким зеркальным, что в нем отлично можно было рассмотреть себя.

Джулия вообразила себе огромный тяжелый двуручный меч, рукоятка была немного с ржавчиной, будто им давно не пользовались. Все с удивлением разглядывали это совершенно неподходящее для хрупкой женщины оружие.

– Это моего отца, – пояснила она. – Он учил меня сражаться на нем, когда я была маленькая.

И она с благоговением погладила длинное лезвие. "Час от часу не легче", – подумал Марко, представляя себе восьмилетнюю рыжую девочку, пытающуюся поднять с земли меч, который в два раза больше, чем она сама.

Когда все были готовы, Хранитель коснулся лба Марко и его напарника пальцами и они оказались в том слое Нави, который принадлежал Нинель.

Черные тучи закрыли небо. Было дымно, потому что один из вулканов в отдалении плевался лавой. На черных костлявых деревьях набухли красные мясные почки. Пахло серой. А еще повсеместно стоял жуткий вой.

Марко резко стало очень сильно не по себе.

– Черные волки, – определила источник воя Лина-Лин. –

Странно, чего это они так развылись.

Ей эти места, похоже, были относительно привычны.

– Кто из вас знает дорогу к замку? – Спросил Джениус.

Выяснилось, что дорогу знает половина присутствующих – Кошка, Хранитель и, опять же, Джулия.

– Нет ничего проще, – пояснила Рыжая сволочь. – На любом слое Нави все располагается на своих местах. Вечная аллея всегда там, какие бы деревья на ней ни росли. Море Истины тут, море Времени по другую сторону. Дворец того, кто обжил данный слой и создал свою реальность, тоже всегда в одном и том же месте.

Марко уже ничему не удивлялся.

Они двинулись по тропинке. Под ногами что-то все время хрустело, и наемник не сразу понял, что это кости каких-то мелких зверюшек. Ими была выстлана тропа.

Растения, которыми были усеяны местные поля, тоже не вызывали у Марко доверия. Некоторые из них пахли мертвечиной и явно были плотоядными. Другие были покрыты неестественно яркими пятнами – голубыми, салатовыми, красными – и источали приторно-сладкий запах.

Они шли какое-то время мимо зарослей дремучего колючего кустарника. И Марко готов был поклясться – то там, то здесь среди веток загорались красные глаза. Но стоило повернуться в ту сторону, взору представляли только сплетенные ветки.

– Держитесь как можно плотнее, – сухо приказал всем

Хранитель.

– Данте, – тихо позвала Кошка.

– Да? – ответил он, не оборачиваясь.

– Башен не видно... – неуверенно проговорила Лина-Лин. – Мы уже давно должны были увидеть дворцовые башни.

В следующее мгновение Марко врезался в Джениуса. Как оказалось, это Хранитель резко притормозил, и все плотно идущие налетели друг на друга.

– Что бы это могло значить? – протянул Гвенель.

Все сильно прибавили шагу и вскоре вышли к высоким черным воротам. За которыми не было ничего. Огромная территория с черной выжженной землей, огороженная высоким забором. Несколько крупных ям, немного мусора. И ничего больше. Видимо здесь и должен был быть замок.

– Внезапненько, – озадаченно произнесла Джулия.

– Иллюзия? – предположил Джениус.

Они толкнули незапертые ворота и вошли. Трудно было поверить, что когда-то здесь что-то было. Только ветер поднимал пепел с земли, да все громче выли волки.

– Нет, не иллюзия, – констатировал Данте, сделав несколько шагов.

– Сад. Зверинец. Конюшни. – Кошка оглядывалась по сторонам. – Все исчезло.

Марко вгляделся вдаль и увидел, как кто-то к ним приближается. Скоро стало понятно, что это волки. Если мож-

но было назвать этим словом черных громадных мохнатых чудовищ с горящими зелеными глазами. Остальные тоже их заметили, потянулись к оружию.

Маркус смотрел, как быстро бегут эти животные. Казалось, они не касаются лапами земли. Стоило признать, помимо того, что они очень страшные, эти волки также еще очень красивые. Их шерсть была угольно черной и длинной, а крупные острые зубы ярко контрастировали с ней по цвету.

Кошка откинула волосы назад и взвела винт арбалета. Вскоре она сможет выстрелить. Марко с удивлением отметил, что она улыбается. Наверное, ей не терпится сцепиться с волками вручную. Вечная война кошек и собак.

– Нам не за что с ними сражаться, – покачал головой Данте. – Шенена здесь нет.

В следующее мгновение их шестерка стояла в том месте на обрыве, где встретилась сегодня. Шум моря, чистый воздух, чуть больше света и никаких волков. Марко поймал разочарованный взгляд Лины-Лин. Он ее понимал сейчас. Сам он тоже был настроен на битву, кровь уже вскипела в его жилах, и вот их вернули обратно, не спросив.

– Я пытаюсь связаться с Онори, но ее нет на месте, – как ни в чем ни бывало продолжил Данте. – Кто еще из повелителей Нави сможет нам помочь?

Этот вопрос он будто обращал к Джулии и частично к Кошке.

– Ты же знаешь, никто не рискнет ввязаться в противосто-

ание между Онори и Нинель, – покачала головой Лина-Лин.

– Только тот, кому действительно наплевать, – вдруг улыбнулась Рыжая сволочь.

Все взгляды обратились на нее.

– Мы слушаем тебя, Джулия, – прервал затянувшуюся паузу Хранитель, подталкивая девушку к ответу.

– Доктор Че. – Торжественно провозгласила она.

– Сумасшедший Че? Бог Хаоса и Абсурда? – с сомнением переспросил Данте.

– Почему бы нет? – пожал плечами Гвендель, – Мы ничего не теряем.

Марко помнил, что читал про него в книжке "Мифы Нави". Это был очень странный бог, который вообще ни за что не отвечал. Даже за самого себя. Разве что покровительствовал сумасшедшим и безумным гениям. Кажется, два-три приюта для умалишенных на территории Великого Королевства были названы именем Доктора Че. Что вовсе не гарантировало больным скорейшего излечения...

– Идем. – Принял решение Данте.

Прикосновение теплых пальцев ко лбу, и мир преобразился. Яркий свет ударил Марко в глаза после пасмурного неба владений Онори. Три солнца весело сияли на бирюзовом небосводе. Радуги зачирикали небо, будто кто-то весь день летал на радужном пони. Чистые, ничем неразбавленные цвета повсюду – красный, желтый, зеленый, фиолетовый. Марко вспомнил, что Хранитель уже показывал как-

то им этот мир, но снова озирался, как в первый раз. Дикое буйство красок пугало еще сильнее, чем мрачные пейзажи Нинель.

Фиолетовое море в этот раз так и кишело существами, которые были вовсе не такими милыми, как казались.

– Сейчас, мне надо привыкнуть, – Джениус жмурился и с отвращением смотрел по сторонам.

– Похоже, мрачной душе моего брата совершенно не импонирует этот яркий мир, – улыбнулась Кошка.

– А мне здесь нравится, – кинула Джулия, – я пару раз заходила сюда сорвать панталонов с деревьев. В моей профессии очень важно иметь красивое белье, а здесь попадаются просто отличные панталоны. Хорошего качества, к тому же.

Было не понятно, шутит она или нет, но вся Вечная Аллея по-прежнему была засажена деревьями, где вместо листьев и плодов росли самые разные панталоны всех цветов и размеров. У Марко даже возник на мгновение соблазн подобрать себе что-нибудь.

Доктор Че

Хранитель Данте удивлялся своему спокойствию, ведь сегодня мир ушел у него из-под ног. Шенен был похищен прямо во время церемонии. Удивительно, как птицелюди смогли проникнуть на его территорию, сотни лет защищенную сильными заклятиями. Скорее всего, слугам Нинель это стоило жизни. Но, как бы то ни было, свою задачу они успели выполнить.

Каким образом и куда мог исчезнуть дворец Нинель? Подобных случаев не было за всю историю Нави. И куда делась Онори, когда она так нужна? Богиня отлучалась иногда, но он уже три дня не мог с ней связаться. Не причинила ли ей вред Нинель?

Данте винил себя в том, что позволил выставить Шене на на всеобщее обозрение в этом спектакле. Представление "Зеленого гуся" – это вообще была отдельная история. Сейчас не время было высказывать всем великим деятелям "искусства", в том числе Гвенделю, что он о них думает по этому поводу. После спектакля Шенен так сиял, что определить его местоположение не составило труда. Просто направить портал в место, которое так и излучает энергию.

Только вот откуда Нинель были известны такие подробности, чтобы спланировать всю эту операцию по похищению? Внезапно Хранителю пришло в голову, что птицелюди

уже один раз приходили к Гвенделю. А в момент похищения он был рядом с Шененем. Какого черта Правитель Погибшего Города вообще участвовал в этом спектакле?

Данте сбоку разглядывал Гвенделя, пока они вместе шагали по дорожке из разноцветного кирпича. Почувствовав его взгляд, друг повернул голову и ободряюще улыбнулся. Не может быть, что он предатель. Хранитель бы понял, почувствовал. Интуиция редко его подводила. Но червь сомнения все же точил его душу.

Замок Доктора Че, по счастью, стоял на месте. Все такой же желтый и нелепый. Башни росли вкривь и вкось, некоторые и вовсе были не башни, а огромные грибы на тонких бледных ножках. Нижние пристройки были сделаны из льда с одной стороны и из песка с другой. Причем выглядели так, будто их слепил ребенок. Только очень большой ребенок. И, похоже, еще и с нарушением пространственных ощущений.

В здании не было даже двух одинаковых окон: огромные витражи, маленькие тюремные окошки, деревянные ставни и просто дырки в стене – все это отлично дополняло общую картину.

В том детстве, которое было до рождения, Данте любил здесь бывать. Здание всегда выглядело одинаково снаружи, но было текучим и изменяющимся внутри. Доктора Че можно было найти то в одной, то в другой комнате, и маленький Хранитель любил с ним разговаривать.

В те времена речь бога Хаоса и Абсурда не казалась ему

безумным, да и поведение не вызывало опасения. И только спустя годы, вспоминая эти недолгие встречи, Хранитель осознал, что большинство людей и обитателей Нави не такие.

– Доктор Че любит кошек, – улыбнулась Лиана-Лин, – в детстве, когда я гуляла сама по себе, это место было одним из тех, которые я считала своим домом.

Лиана-Лин никогда не рассказывала ему об этом. Он невольно глянул на нее и снова не смог не отметить, как же она соблазнительна и прекрасна в этом образе, который нарисовала для нее Навь.

Дом никем и ничем не охранялся. В этом не было нужды. Если Доктор Че не захочет принимать гостей, то здесь можно годами блуждать из комнаты в комнату, так никого и не встретив. Разве что пару кошек и гонимый ветром чертополох.

– Доктор Че, мы просим оказать нам честь и принять нас, – попросил Хранитель, перешагивая порог.

Они прошли по длинному зеркальному коридору. Следующая комната была вся засажена подсолнухами, нужно было раздвигать их, чтобы сделать шаг вперед. Они росли еще и на стенах. Данте поднял голову, чтобы выяснить, растут ли подсолнухи на потолке, но в лицо ему полилась вода.

– О, привет! – воскликнул бодрый голос сверху. – Извините, я просто поливал цветы, когда вы вошли.

Вытерев лицо, Верховный Хранитель увидел плетеное кресло на потолке, в котором вниз головой восседал сам Док-

тор Че. В руках у него была большая розовая лейка, а на голове соломенная шляпа с широкими полями, украшенная ромашками.

– Видите ли, сверху подсолнухи поливать гораздо удобнее.

– А еще удобнее растить их на улице, где их поливает дождь, – мрачно заявил Джениус, который намок так, будто на него три таких лейки выплеснули.

Доктор Че посмотрел на него совершенно ошарашенно. Потом отвернулся, качая головой.

– Плохой мальчик, – пробормотал он себе под нос, но так, чтобы наемник услышал, – и как ему не стыдно являться в гости таким мокрым.

И тут же спрыгнул вниз, примяв подсолнухи, и радостно провозгласил:

– А кто это пришел меня навестить? Сейчас-сейчас...

С этими словами он достал из ботинка моноколь и поднес его к глазу.

Доктор Че был таким, каким Данте его запомнил: довольно симпатичным и высоким черноволосым юношей с глазами разного цвета. Один был карий, другой голубой. Сегодня на нем была довольно странная рубашка и, приглядевшись, Данте понял, что она сделана их крыльев бабочек.

Бог Хаоса и Абсурда с ног до головы оглядел Данте в моноколь.

– Ба, да это же Верховный Хранитель! – наконец-то вос-

кликнул он. – Ты же заходил ко мне вчера и при этом был
раза в три короче.

– В Яви прошло больше тридцати лет со времени нашей
последней встречи. – вежливо пояснил Данте.

Скорее всего, Доктор Че и сам прекрасно это знал, но он
был таким, каким был, поэтому в ответ он скорбно помотал
головой и недовольно проговорил:

– Глупая Явь!

Дальше Доктор Че принялся выяснять, с кем же пришел
его старый знакомец. Для этого он не стал утруждать себя
близким разглядыванием в моноколь, а достал бинокль.

Лина-Лин улыбнулась, пока ее с интересом созерцали.

– Киса-киса! – радостно воскликнул Доктор Че. – Ты тоже
изменилась. Выросла, потолстела, облезла.

Марко, Гвендель и Джениус так и прыснули в ответ на это
замечание. Кошка одарила всех троих убийственным взгля-
дом.

– Доктор Че, я сейчас не Кошка, я- девушка. – Членораз-
дельно проговорила она.

– Фух, тогда все нормально, а то я не знал, как покоррект-
ней сказать тебе, что твой прекрасный хвост отвалился.

Наемники стояли чуть поодаль и Доктор Че решил, что
только подозрная труба поможет ему их разглядеть. Данте
упустил момент, когда соломенная шляпа бога превратилась
в капитанскую.

– Вас двоих я прежде не видел, – констатировал сума-

шедший Че, – но с помощью трубы теперь прекрасно вас рассмотрел. Ваши имена все равно не настоящие, поэтому я буду называть вас Мрачная задница и Солнечный принц.

Тут уж все кроме Джениуса не удержали смешок.

– И кто же из нас кто? – выдавил сквозь смех Марко.

– Что за вопрос, все очевидно. Ты – Мрачная задница, а твой напарник – Солнечный принц.

Озадаченный Марко перестал смеяться. Джен злорадно покосился на приятеля.

На Джулии зрение, похоже, перестало подводить Доктора Че, и он без трубы и бинокля взглянул на нее и сказал: "А, это ты", будто бы видел девушку каждый день и даже немного устал от нее.

Что же, Хранитель не отрицал такую возможность.

Потом, как бы между делом, бог добавил:

– В Яви весна или осень?

– Осень, – отозвалась Джулия.

– Тогда прими мои соблезнования, – сказал он.

– А я думала, ты предложишь теплых панталон, – улыбнулась она.

– Мне правда жаль тебя, Джу, – снова сказал Че.

Рыжая перестала улыбаться и серьезно кивнула в ответ. Похоже, она действительно поняла, что он имел в виду. Кажется, теперь и Данте понял.

На Гвенделя безумец посмотрел лишь мельком.

– Я много слышал о тебе, Гвендель Энироуз, – небреж-

но кинул он, отворачиваясь. – Огромная трагедия, великая судьба, большие деяния, бла-бла-бла. Ты сам скоро все узнаешь.

Данте отметил для себя эти "большие деяния", хотя сам Гвендель только усмехнулся в ответ. Он вообще был на редкость молчалив и слегка отстранен. Управление иллюзией, которая сейчас окружала неподвижное тело Верховного Хранителя в его ложе, требовало много сил и внимания.

– Мы просим тебя о помощи, – наконец перешел к сути Данте.

– Да знаю я, знаю, – замахал не него руками Доктор Че. – Сейчас я вам все расскажу.

Некоторые из спутников Хранителя встрепонулись. Но Данте знал, что это "все расскажу" может означать что угодно.

Бог Абсурда и Хаоса начал:

– Противостояние Света и Тьмы, их вечная борьба... скучно. Даже съесть на завтрак яйцо с джемом и то веселее. Когда-то я был богом Тьмы.

С этими словами сумасшедший Че шагнул в тень, его одежда стала быстро меняться.

Несколько мгновений, и он стал выглядеть, как черный маг с памфлетов Серых Мастеров, только вместо зловещего капюшона на нем была здоровенная черная корона. Такая большая, что церемониальный убор Данте проигрывал. Оба глаза теперь были карики, даже черные.

– Я был богом Света, – продолжил Доктор Че свой рассказ и вышел из тени.

Свет из окна залил его фигуру. Мантия стала белой, заструилась шелком по полу и быстро заняла полкомнаты, закрывая подсолнухи. На конце посоха вырос букет гладиолусов. Оба глаза теперь были лучисто-голубыми.

– А еще я всегда был любителем дешевых представлений, – добавил бог.

Он вздохнул и устало присел на плетеный стул, который только что отвалился от потолка. На Докторе Че опять была соломенная шляпа, только теперь она казалась какой-то потрепанной, а подсолнухи в комнате склонили свои головы и слегка пожухли.

Перед ними сидел усталый старик, скрывающийся в теле молодого паренька. Он поднял на Данте свои разные глаза.

– Хочешь быть рыцарем света, милый маленький Данте? Хочешь скакать вперед на белом коне, и чтобы сзади развивался белый плащ? Сеять свет налево и направо?... Нет.

Он вскочил, не было больше и следа вековой усталости, и запел:

– Нет-нет-нет. И еще раз нет.

Потом он весело погрозил Данте пальцем:

– Любишь сеять Свет, люби потом вернуть все, как было и не забудь подмести за собой.

Внезапно он очень резко повернулся к Джениусу и сказал очень серьезно:

– Ты умрешь.

Лиана-Лин вздрогнула от этих слов. Марко нахмурился и сделал полшага вперед, явно собираясь вмазать богу по лицу. Но Джулия поймала наемника за его красный плащ принца из сказки. Сам Джениус только слегка приподнял бровь.

– Ох, о чем это я? – снова беспечно продолжил Доктор Че, – Я хотел сказать, ты умрешь от смеха, когда услышишь мой новый анекдот.

– Доктор Че, прошу тебя, – перебил Данте, – куда исчез замок темной богини?

– Куда же куда? – бог в ужасе схватился за голову.

Он заметался по комнате, поднял лейку, потряс ее.

– Здесь нет.

Заглянул за занавеску.

– И здесь нет.

Данте терпеливо ждал. Краем глаза он видел, как закипает Джениус, и как довольно улыбается Гвендель, которого явно забавляет происходящее.

– Ах да! – сумасшедший Че замер среди комнаты. – Я слышал, как она обсуждала с... нет-нет, я не подглядывал, не подслушивали ничего не знаю, мне пора собирать урожай панталон, пока они не стали слишком больших размеров.

И Доктор Че направился к окну. Прежде, чем выпрыгнуть оттуда во двор, он повернулся через плечо и небрежно кинул:

– В общем, Нинель отлучилась по делам. Ей нужно посе-

ять немножко Тьмы и Хаоса в Яви и она сейчас там вместе со своей свитой и замком.

Доктор Че скрылся, подсолнухи сразу съежились и позакрывали свои чашечки. Данте стоял, как громом пораженный, пытаюсь собраться с мыслями. Она в Яви.

– Со своей свитой... – медленно повторила Кошка. – Со своим замком и придворным зверинцем... К несчастью, я видела ее зоопарк. Да и вы все видели авизотля. Там полно интересных представителей флоры.

– И где же он стоит, этот замок? – поинтересовался Гвендель. – Может сразу на месте королевского дворца в Вертоне? Было бы неплохо.

– Едва ли. – Данте думал. – Поначалу она постарается скрыть свое местоположение, насколько это возможно. Явь для Нинель чужая территория, ей нужно будет набраться сил, построить план.

– Неужели для того, чтобы посеять хаос, нужен план? – усмехнулся Джениус. – Моя сестрица лет десять назад мастерски сеяла хаос повсюду без всякого плана.

Уже не было смысла находиться в замке Доктора Че, к тому же пол, кажется, начал превращаться в болото. Данте взглянул под ноги. В болото из джема. Персикового, судя по запаху.

Верховный Хранитель вернул всех на их холм у Моря Истины. Марко растерянно огляделся по сторонам – видимо, все никак не мог привыкнуть к мгновенным перемещениям.

Данте же за это время успел побывать еще в одном месте и убедился, что богини Онори все еще не было в замке. Это вызывало тревогу.

– Я должен вернуться на церемонию, – сказал он всем.

– Можешь не спешить, – Гвендель будто очнулся от опе-
нения.

Данте понял, что ему все труднее применять магию. "Пыль" на его шее так и сияла от напряжения.

– Джениус и Марко, я не могу требовать, могу только предложить, но, думаю, вы согласитесь...

– Попытаться освободить Шенена из замка Нинель, кото-
рый населен всякой невиданной хренью и к тому же еще черт
знает где находится? – уточнил Марко.

Данте кивнул.

– Мы беремся за это дело, – хмуро отрезал Джениус.

Разумеется, они берутся. Не ради денег, ради Шенена. К
тому же, формально, это они упустили его, когда должны бы-
ли стеречь. Верховный Хранитель изначально едва сдержал-
ся, чтобы не обвинить их в халатности. Это Гвендель насто-
ял, что никто бы не смог ничего поделаться, в том числе и сам
черноволосый маг. А может... Неприятная догадка кольнула
Данте и заставила задуматься.

– А он не мог уйти с ними сам? – спросил он у своих на-
емников.

Те переглянулись в ответ.

– Конечно, он не очень хотел оставаться с тобой, – про-

молвила Кошка. – Но не настолько. Шенен говорил нам, что птицелюди точно не его вариант.

– Разве что... – встрепенулся Марко. – Он мог добровольно сразу пойти с ними, чтобы избежать битвы. Он видел, как сражаются эти длинноносые уродцы и, возможно, побоялся, что нас всех перебьют.

– Пожертвовать собой ради других – это так в духе Шене-на, – раздраженно отозвался Джен.

– Но никакой битвы не было бы, – покачал головой Данте, – этих существ убили бы охранные заклятия.

Все замолчали, глядя друг на друга. Действительно, так глупо все получилось. Может, это часть Проклятья? Но артефакт... Он кинул взгляд на руку Кошки. Половина камней была черной. А ведь еще вчера не горели только два-три камушка.

Их вчерашние объятия имели серьезные последствия. Кольцу пришлось отражать атаку за атакой. Сколько всего не случилось за этот день... Не был провален спектакль, все части тела Джениуса на месте, Марко вроде тоже отлично себя чувствует. Только вот Шенен пропал. Но Проклятье тут не причем.

– Лина-Лин, следи за кольцом. – Сказал он, стараясь не глядеть в ее волшебные глаза с огромными ресницами. – Оно уже отразило несколько неприятных происшествий.

Кошка посмотрела на артефакт и ахнула.

– Когда все камушки потухнут, – продолжил он, – мо-

жет что-нибудь случиться. Но, скорее всего, заряд Проклятья за...

Все же он глянул в ее глаза. Дыхание на миг перехватило. Она хотела, чтобы он смотрел на нее, эта женщина чувствовала свое влияние на него. При воспоминании о той вчерашней слабости мурашки бежали по телу. И у нее тоже, Данте знал это.

– ...Проклятье за то, что я позволил себе вчера обнять тебя, уже исчерпает себя, – максимально невозмутимо закончил он.

– Если только вы опять не будете вести себя как идиоты, – процедил сквозь зубы Джениус.

Хранитель вдруг вспомнил про Гвенделя. Тот уже вообще ничего не говорил и был совсем бледен. Надо было возвращаться.

– После церемонии я жду вас всех у себя в кабинете.
И Данте вернулся в Явь.

Реальность

Лина-Лин открыла глаза. Она лежала на кровати своего брата. Сам он сидел у нее в ногах, прислонившись к стенке. Марко удобно устроился на своем ложе, прежде чем отправиться в Навь, а Василечек уселся на полу, скрестив ноги.

Сейчас все моргали и приходили в себя. Было уже совсем темно, только свет уличного освещения падал в окно. Музыка с праздника было слышно и тут.

Марко первый поднялся и пошел зажигать свечи. Все молчали. В первых отблесках свечей Лина-Лин увидела, что Гвендель был очень бледен. И она прекрасно понимала причины. Артефакт, который он носил на шее, был не чем иным, как "Пылью". Страшная вещь, скрывающая любые следы колдовства. Но, похоже, у Данте были причины дать ее своему самовлюбленному другу-магу. Стоило признать, что сегодня Василечек здорово помог им. Как поняла Кошка, пока Верховный Хранитель был в Нави и, соответственно, сидел в своей ложе с закрытыми глазами, некая магическая иллюзия выполняла за него все механические действия.

Кошка представить себе не могла, насколько это трудно – иллюзия должна была моргать, временами хлопать и улыбаться. Похоже, Гвенделю пришлось смотреть весь концерт, одновременно находясь с ними в Нави. Девушка понятия не имела, как это вообще возможно.

– Держи, дружище, – это Марко закончил зажигать свечи и протянул Гвенделю флягу. – Это, конечно, не твое цветочное вино, но что есть.

Тот кивнул и улыбнулся через силу. Приложился к фляге, тряхнул волосами. Он так и был в одеянии юноши-поэта из их спектакля... Казалось, это было так давно – "Зеленый гусь", "В покоях знатной дамы", Кошка в образе Онори и Нинель. Безудержный восторг, слезы счастья от головокружительного успеха. Сейчас это уже не имело никакого значения.

Ей было зябко после долгого лежания на кровати. И на душе тоже было так липко и холодно. Шенен пропал. Точнее, это они упустили своего небесного подопечного. Камни на кольце тухнут. Замок Нинель стоит где-то в Яви.

– Идем, церемония скоро закончится, – Гвендель немного пришел в себя. – Мы должны отправиться на поиски завтра.

– Мы? – переспросила Лина-Лин.

Этого еще не хватало.

– Рассчитываете втроем обойти богиню и ее свиту? – улыбнулся Василечек. – Самонадеянно.

– О, вчетвером наши шансы значительно возрастают! – язвительно заметила девушка. – Примерно на ноль целых одну десятую процента.

– Не думал, что ты знакома с математикой. – Притворно удивился Гвендель. – С каждым днем я открываю в вас все новые и новые таланты, леди.

– Как и я в вас, господин черный маг! – не выдержала она.

И тут же пожалела. Такие вещи вообще нельзя было проносить вслух в непроверенном месте. Вряд ли им всем будет лучше, если Гвенделя схватят.

– Черный? – насмешливо приподнял бровь маг. – Боюсь, ты плохо различаешь цвета.

Джениус и Марко только переглянулись. Им хватило ума не рассуждать вслух о запретных вещах.

Вероятно, Гвендель был очень сильным магом, хотя бы потому, что мог это скрыть. Она просматривала его ауру неоднократно, потому что этот человек казался ей чрезвычайно подозрительным, но цветовые пятна были самые, что ни на есть обыкновенные – никаких следов магии. Он так долго был Правителем Флаверна, наверняка тесно общался с Серыми Мастерами, и его никто и ни в чем не заподозрил. Это о многом говорит.

Они пошли к замку Данте пешком, понимая, что Верховный Хранитель еще не скоро сможет их принять. Музыка тем временем смолкла, и им навстречу стали попадаться люди – артисты, работники, домовые слуги, гости – все были веселы, возбуждены, смеялись и болтали наперебой. И не знали, что замок Нинель находится где-то совсем рядом, в их реальности. А та, кому посвящен праздник, уже второй день отсутствует, и никто не знает, где сейчас богиня Онори.

Звезд сегодняшнего спектакля узнавали на улице, хлопали по плечу, жали руки, поздравляли. Двое остановили их,

чтобы разрешить свой спор. Они поспорили, какой пол на самом деле у актера, игравшего богиню Онори и Нинель.

– Мужской, – не задумываясь соврала Кошка.

В других обстоятельствах ее бы позабавила такая внезапная слава. Но сейчас мысли были заняты другим.

– Вы видели, как Хранитель танцевал в своей ложе? – С ошалелым восторгом спросил их актер из другой труппы.

– Танцевал? – переспросила Лина-Лин.

– Да, на народных танцах он в приступе патриотизма встал и начал пританцовывать... насколько позволял ему его головной убор.

Когда их знакомый отошел, Марко похлопал Гвенделя по плечу.

– Дружище, боюсь, никуда ты с нами не поедешь... По крайней мере, я бы на месте Хранителя вздернул тебя за такое отношение к его чести и достоинству.

– По правде сказать, я надеюсь, что он не узнает, – с усмешкой кинул Гвендель.

Лиине-Лин пришлось признать, что заставить Данте танцевать при всех в его ложе – это очень смешно. Даже в этой невероятно серьезной ситуации, в которой они оказались.

Сладких снов

Беседа с Хранителем в его кабинете была недолгой. Он выглядел бесконечно усталым, а на лбу отпечатался след от громоздкого головного убора. Марко испытал к нему легкое сочувствие.

Идти договорились на рассвете. Данте посылал их четверых – двух наемников, Кошку и Гвенделя. Марко ожидал, что с ним отправят Джулию, но Хранитель ничего не сказал на этот счет. Кем бы она ни была, похоже, она нужна была ему здесь.

– И куда мы должны идти? – резонно поинтересовался Джениус.

– Я дам вам еще один бесценный артефакт, – вздохнул Хранитель. – Он выглядит как обычная карта на куске старой кожи, но после определенных ритуалов она будет меняться, показывая вам дорогу.

– Тебя не снимут с должности за растрату казенного имущества из Хранилища? – весело поинтересовался Гвен.

Друг в ответ одарил его холодным взглядом.

– А если замок так далеко, что мы не успеем добраться до него вовремя? – тревожно поинтересовалась Лина-Лин.

– Через несколько дней пользования «Указующим перстом», это название карты, вы будете точно знать, как далеко вам двигаться. Вы скажете мне, а я буду думать, что делать

дальше, – устало пояснил Данте.

Марко подумал, что Верховный Хранитель, похоже, очень давно не спал.

– Я бы хотел поехать с вами... – прибавил Данте. – Но пока это не представляется возможным. Я присоединюсь к вам после закрытия церемонии.

Как он собрался догонять их, для Марко оставалось загадкой. Но в свете всех последних событий его трудно было чем-то удивить.

– Кто такая Джулия на самом деле? – неожиданно спросил Джениус, обернувшись перед выходом.

– Это твоя жена, тебе лучше знать, – с едва заметной улыбкой на утомленном лице отозвался Данте.

Джен больше не задавал вопросов.

– Задержись ненадолго, – кинул Хранитель Гвенделю.

И, уходя, Марко расслышал из-под полуприкрытой двери:

– Мой Старший Советник сегодня отметил, что мой танец на церемонии открытия был весьма неожиданным.

Голос Данте был полон льда.

– Уверен, благодаря этому танцу ты стал ближе к народу, – беспечно отозвался черноволосый маг.

Продолжения беседы Марко уже не услышал.

А теперь их команда верхом отдалялась от замка в первых рассветных лучах. И, как ни странно, Гвендель был с ними – жив, здоров и весел.

В полдень они впервые решили воспользоваться картой.

Все спешили, усажившись на траву в круг. Так как они уже немного отделились от поместья Иллингтон, погода значительно ухудшилась, и Марко зябко кутался в свой плащ.

Гвен аккуратно достал потертый мешочек из седельной сумки, бережно вытащил из него карту и положил в центр. Марко с опаской косился на этот старый кусок кожи с нацарапанными каракулями ближайших земель.

Гвендель и Лина-Лин знали, как пользоваться «Указующим перстом». Это было несложно, хоть и слегка неприятно. Они порезали себе пальцы и капнули на карту по несколько капелек крови. Алая жидкость мгновенно впиталась, не оставляя следа. Марко показалось, что карта немного шевельнулась.

– Ей надо еще, – каким-то образом определил маг и, не дожидаясь ответа остальных, сделал длинный надрез на левой руке и обильно полил кусок кожи своей кровью.

Карта теперь явно зашевелилась, задвигала уголками, и разве что не заурчала от удовольствия. Через мгновение на ней уже не осталось ни пятен.

– Теперь можно, – удовлетворенно кивнул Гвендель. – Да, недобрая магия создавала этот артефакт... Теперь закройте глаза и представьте себе Великое Королевство целиком. И Черный замок где-то в его пределах. Просите карту проложить дорожку к Нинель.

Марко послушно исполнил все, что ему сказали. Хотя ему было не комфортно сидеть с закрытыми глазами. Он боялся,

что зловещая карта-кровопийца подкрадется к нему и вцепится в руку.

Когда же все они открыли глаза, то заметили некоторые изменения. Свежая тоненькая прожилка красного цвета появилась на старой коже. Она шла через каракули, обозначающие лес и исчезала где-то за краем карты.

– А потом куда? – недовольно спросил Джениус.

– Так уж она тебе все сразу и рассказала, – чуть улыбнулась Лина-Лин. – Мы ведь тогда перестанем ее кормить.

– Убери ее обратно, – попросил Марко Гвенделя, кивнув в сторону «Указующего перста». – И затяни завязки на мешке потуже.

– Не съест она тебя, Одуванчик, – хмыкнула Лина-Лин, – по крайней мере, пока что.

Перекусив, они двинулись дальше. Благо, им теперь было известно направление. О том, что будет дальше, Марко старался не думать. Ему уже посчастливилось познакомиться с Мастером Роландом Серебряным и с Маршалом Лионелем, оставалось только пополнить его список знаменитостей богиней Нинель.

Каждый день их четверка садилась вокруг карты. Они поили ее своей кровью, а она указывала им путь. Марко уже на второй раз заметил, что эта плотоядная тварь увеличивается в размерах, чтобы кровавая жилка могла протянуться дальше. Так с каждым разом им становилось известно все больше.

Джениус предложил проводить ритуал по два раза в день, чтобы ускорить процесс, и теперь их руки были испещрены надрезами.

Мало того, что эта чертова карта росла, так еще и заметно менялась. Сухая старая кожа теперь разгладилась, стала толще и даже начала лосниться. Теперь она не сразу поглощала кровь, а лениво впитывала, будто смакуя каждый глоток.

Марко никак не мог привыкнуть к этому чудовищному артефакту, хотя остальных, казалось, карта нисколько не беспокоила.

Гвендель даже разговаривал с ней. Что-нибудь типа «А кто у нас сейчас будет кушать?» и «Иди сюда, почешу тебе пузико». Лина-Лин тоже утверждала, что если гладить «Указующий перст», он ведет себя так, будто ему нравится. Марко не желал знать, как именно.

В целом, путешествие их поначалу было довольно спокойным, не считая нарастающего осеннего холода и чувства не покидающей Марко, да и всех остальных, тревоги за Шенена. Небесного создания, который был так беспомощен в этом мире. Хотя, если подумать, Шенни уже многому научился, да и дрался почище самого Марко.

Но вскоре их спокойствие серьезно пошатнулось. На четвертую ночь их маленький лагерь проснулся от сдавленного, почти звериного, крика Джениуса. Дежурила Лина-Лин, так что она уже склонилась над братом и отчаянно лупила его по щекам. Потому что орал он во сне.

– Роланд Серебряный? – тут же спросил Марко, едва его напарник открыл глаза.

Тот еще несколько мгновений вглядывался в их лица, будто не узнавая, потом тяжело застонал, хватаясь за сердце.

– Что с тобой? Что с тобой? – ошалело бормотала Кошка, тряся его за плечи.

– Кинжал, – с трудом прохрипел Джен.

Марко тут же начал расстегивать другу одежду на груди непослушными негнущимися пальцами. Он ожидал, что вот-вот по ним заструится теплая красная кровь.

Но ничего не было. Кожа напарника была чистой, не считая застарелых шрамов с предыдущих сражений. Джениус с удивлением ощупал себя, посмотрел на руку, будто не веря отсутствию крови.

Вскоре ему стало лучше. Острая боль прошла, осталось только ноющее ощущение в районе груди. Но сильнейшая тревога не отпускала Маркуса.

– Что конкретно случилось, расскажи все подробно, – попросил он, поднося Джену чашу разогретого на костре цветочного вина.

Лина-Лин была бледной и, в основном, молчала. Она периодически глядела на свое кольцо, но там еще были не погасшие камушки, значит Проклятье было не причем.

— Мне снился один из простеньких кошмаров, – мрачно усмехнулся напарник. – Я находился внутри горящего замка. Семейного замка Бертранов. Я перебежал из одной комнаты

в другую и искал там Кошку. Мне казалось, что она сейчас мирно спит в своей постели и не подозревает, что мы сейчас сторим.

Лина-Лин посмотрела на брата растерянно. Разумеется, кошки сразу чувствуют признаки пожара, и этот сон был несколько нелеп.

– И тут пламя застыло, – продолжил Джен, – наступила полная тишина, едкий дым стал просто повисшей в воздухе ватой. Я уже знал, кого увижу. «Как скучно! Раньше в твоих снах было веселее», – сказал Роланд Серебрянный, отмахиваясь от кусков ваты. «Я тут недавно обнаружил, что твои сны никем больше не защищаются. И вскоре мы выяснили, что ты отдал Шенена, по праву принадлежащего Серым Мастерам, в руки самой Тьмы. Ты просто ничтожество». Он смотрел на меня с величайшим презрением. Я сделал несколько шагов к нему с целью свернуть ему шею, но вскоре обнаружил, что пространство не подчиняется мне, и я шагаю на месте.

Джениус нахмурился, отхлебнул горячего вина. Он молчал некоторое время, будто не хотел рассказывать, что было дальше. Потом все же продолжил:

– Он достал кинжал с рукояткой, украшенной рубинами. «Видишь? – спросил Роланд. – Это кинжал для жертвоприношений. Дела с Шененем у нас идут не ладно, и я подумал, неплохо бы принести жертву. Пара ведьм, два-три колдуна... мелкие пешки. А вот ты кажешься мне довольно крупной

фигурой – настоящим порождением мрака. Я таких как ты еще не встречал. Творец оценит такую жертву». Я ждал нападения. Я был готов сражаться, хоть и не был уверен, что тело меня послушается. Но он все гладил свой кинжал, стоя метрах в пяти от меня, рассуждал о чем-то. Я помню, он говорил: «Я решил убить тебя лично, ты должен гордиться этим. Я не часто убиваю во сне, это отнимает уйму сил, но в этот раз я просто не могу удержаться от соблазна». А потом...

Джениус снова потерял место в области сердца. Марко заметил, что дыхание его напарника периодически сбивается. Взгляд Джениуса стал совсем пустым, он глухо закончил свою историю:

– Роланд не сделал не единого движения, но в долю секунду оказался вплотную возле меня. Его серебряные глаза застыли прямо напротив моих. А кинжал уже был в моем сердце.

– Но он не смог убить тебя, – удивленно проговорила Лина-Лин. – Может, он не так всемогущ, раз тебе дважды удалось уйти от него.

– Тебе ведь лучше? – с нажимом поинтересовался Марко. – Рана в сердце больше не болит?

Напарник не отвечал. Тупая боль, по-видимому, не собиралась отпускать его. Но он был жив, это главное. Марко посмотрел на Гвенделя. Тот до сих пор не произнес ни слова. Он был на редкость серьезным и внимательно смотрел на Джениуса.

– Да сделай ты что-нибудь! – не слишком дружелюбно попросила его Кошка. – Используй свою чертову магию и исцели его!

– Я не могу, – прохладно отозвался Гвен. – У меня нет способностей к целительству. Моя сила имеет скорее разрушительный характер. И если бы я попытался вылечить тебя от головной боли, то твоя голова, скорее всего, взорвалась бы.

– Со мной все нормально. Мне лучше, – слегка опустошенно произнес Джениус.

– Ложитесь спать, – сказал Гвендель. – Расскажите обо всем Данте. А я посижу на карауле.

– Спать? – Марко подумал, что ослышался, – чтобы Мастер Роланд Серебряный вернулся и закончил свое дело?

– Ну и сколько суток по-твоему Джениус сможет не спать? – криво улыбнулся Гвендель. – Роланд больше не придет. Я ручаюсь за это.

Марко недоверчиво смотрел на черноволосого мага, скрепившего руки на груди. Эта его непривычная серьезность настораживала Маркуса и отталкивала. Он вспомнил слова Хранителя, сказанные перед самым отъездом. В комнате были только они вдвоем, и Данте обратился к наемнику с просьбой:

– Следи за Гвенделем очень внимательно. Я уверен, что он не замышляет ничего против нас, но он может стать жертвой Тьмы. Или даже ее руками. Это маловероятно, и я гово-

рю это только тебе. Кошка и Джениус будут видеть подвох в каждом его поступке, а ты сможешь судить более объективно. Скорее всего, ничего не случится. Если бы я сомневался, то не отправил бы его с вами.

– Но если бы у вас не было сомнений, то вы бы не говорили мне все это, – резонно заметил Марко.

И вот теперь Гвендель выглядел и говорил так, будто знает больше, чем они.

Джениус, как оказалось, легко поверил его словам. Он сказал, что раз ему ничего во сне не грозит, то он отправляется спать, потому что завтра всех их ждет дальняя дорога. Встал он тяжеловато, и Лина-Лин поддержала его под руку. Брат поморщился то ли от ее заботы, то ли от собственной слабости.

Они скрылись в палатке, где обычно спали все четверо, спасаясь от холода. Хотя Марко не слишком-то нравилось просыпаться с волосами Гвенделя во рту.

– Ты чего? – приподнял бровь маг, заметив, что Маркус все еще стоит у костра.

– Что с Джениусом? – прямо спросил наемник.

– Ты все сам от него услышал, – пожал плечами Гвен.

– Ты что-нибудь знаешь про убийства во сне?

– Только то, что это довольно сложно сделать.

– Откуда такая уверенность, что Роланд не вернется закончить начатое?

Гвендель помолчал немного.

– Ему нечего заканчивать, он сделал все, что хотел сделать.

Холодок пробежал у Марко по коже.

– Но Джениус жив.

– Жив, – устало подтвердил Гвендель.

Слова вертелись у наемника на языке, но он никак не мог заставить себя выговорить это вслух.

– Он умрет? – наконец выдавил из себя наемник.

Гвендель поднял на него свои васильковые глаза, в которых отражалось пламя костра.

– Вероятность этого очень велика, – серьезно ответил он. – Сейчас мы можем только следить за его состоянием.

Марко развернулся и пошел в палатку. Когда-то он сбежал от ответственности и страданий, а теперь погрузился и в то, и в другое с головой.

Он не видел в темноте, но чувствовал, где лежит Джениус. Марко опустился рядом и стал слушать стук его сердца и дыхание. И он знал, что по левую руку от его напарника тихо замерла Кошка и тоже прислушивается к глухим ударам сердца, пронзенного кинжалом.

И снова здравствуй...

Давно ей не было так страшно. До этого все было по крайней мере понятно – ее брат участвовал в сражениях, он страдал от ее Проклятья, его темная сторона неожиданно могла взять верх. Он мог погибнуть в любой момент, и Лина-Лин вполне осознавала это. Но теперь все было по-другому. Джениуса убил сам Роланд Серебряный, но брат почему-то был жив. И Кошке было ужасно, невыносимо тревожно. Она не знала, что ждать от этого удара кинжалом в сердце.

Каждое утро, едва открыв глаза, она проверяла, жив ли Джениус. Чем ужасно его раздражала. Василечек говорил, что потыкать его палкой будет куда безопаснее, чем проверять пульс.

Настроение Джена ей не нравилось. По шкале мрачности, изобретенной Одуванчиком, состояние ее брата можно было определить, как «обреченно-мрачное».

– Завтра заканчивается неделя Ордена, – напомнил за завтраком этот маг, общество которого Лина-Лин по-прежнему едва переносила.

Они сидели у костра в густом утреннем тумане, едва различая лица друг-друга, в котелке дымилась каша.

– Данте правда присоединится к нам? – с сомнением спросил Марко. – Как именно он собирается это сделать?

Лина-Лин сама задумалась на секунду, потом сообразила:

– Щели между мирами. Их сейчас все больше. Я могу зайти в одну, потом выйти в другую, которая находится совершенно в другом месте. Правда, мне в облике кошки нужны довольно маленькие щели, а для Данте потребуется куда более крупная дыра. Такие встречаются не так часто.

– Одна есть в поместье Иллингтон, другая наверняка найдется где-нибудь неподалеку, – кивнул Гвендель.

Рядом находился город Норингтон. Они собирались зайти туда, чтобы пополнить припасы, купить побольше теплых вещей и узнать новости. Возможно, богиня Нинель уже как-то проявила себя. Оставалось надеяться, что в этом городке найдется крупная дырка между мирами.

– Джен, что с тобой? – услышала Лина-Лин встревоженный голос Марко и резко повернула голову.

Туман уже ощутимо рассеялся, и Кошка увидела, что брат был бледен и снова держался за сердце. Вот оно. Началось. Девушка кинулась к нему, совершенно не понимая, что делать. Она хватала его за похолодевшие руки, трясла за плечи, а он медленно заваливался на бок, тяжело дыша... На губах показалась кровавая пена.

– Тихо, Лина-Лин! – жестко сказал кто-то, наверное Гвендель.

И девушка осознала, что она громко, во весь голос рыдает. Она и не заметила этого, весь мир для нее исчез, перед глазами был только умирающий брат.

Он уже потерял сознание и дыхание стало совсем прерывистым. Марко снова расстегнул на нем одежду, но на грудной клетке не было и следа раны.

– Не умирай не умирай не бросай меня... – бормотала Кошка, разогревая холодные руки брата своими ладонями.

– Он сильный, он может сопротивляться, – услышала она словно через вату голос Гвенделя.

А потом Марко с горящими и полубезумными глазами начал со всей силы лупить Джениуса по щекам.

– Живи! – хрипло приказал он. – Живи, ублюдок! Ты еще не спас Шенена и не имеешь никакого права подохнуть!

Лина-Лин слегка ошалела от такого его поведения, но потом и сама со всей силы вонзила свои острые ногти ему в руки, которые только что беспомощно теребила.

– Живи, – твердо сказала она. – Хотя бы пока не исполнишь свой долг.

Она не надеялась ни на что, но когда приложила ухо к его груди, поняла, что дыхание и сердечный ритм восстанавливаются. Не веря такой удаче, она обняла на радостях сидящего рядом Одуванчика.

Гвендель, тем временем, уже успел подогреть вино. Они влили крупный глоток Джениу в рот, тот закашлялся и открыл глаза.

– Я опять чуть не сдох, да? – хрипло поинтересовался он. Вся троица печально покивала ему в ответ.

– Кошка, ты залила меня своими соплями и слезами, –

тяжело приподнимаясь на локтях, проскрипел он. – В следующий раз убедись, пожалуйста, что я уже помер.

Он отошел быстрее, чем после пьянки, ведь рана все еще была ненастоящая. Через час Джениус чувствовал себя почти нормально. Прошла и слабость, и тупая боль в области груди. Не смотря на уговоры еще отдохнуть, он поднялся и залез в седло.

Их четверка двинулась в сторону Норингтона, ибо что еще им оставалось делать. Лине-Лин комок к горлу подступал каждый раз, как она вспоминала, как чуть не потеряла брата. Оставалось только надеяться, что Джениус справился, и смерть больше не придет за ним. Запоздалая смерть от удара кинжалом в сердце.

Вопрос, где остановиться в городе, отпал сам собой, когда Марко и Джениус встретились в Нави с Хранителем.

Данте сказал, что подходящая для перемещения дыра в пространстве есть в борделе «Святая Августина» в комнате номер четыре. Ее им и следовало занять любыми путями.

– Вы рассказали ему, что случилось с Джениусом? – нетерпеливо спросила Лина-Лин.

Верховный Хранитель должен знать, как ему помочь. Данте все всегда знал и умел находить выход из самых неразрешимых ситуаций.

Но Одуванчик только мрачно буркнул «рассказали» и пошел седлать коня. Если бы только Лина-Лин могла бы поговорить с Данте лично, вместе они наверняка нашли бы отве-

ты на вопросы... И она попытается с ним поговорить, когда сегодня он прибудет в комнату номер четыре.

По дороге в город Джениус очень агрессивно реагировал на попытки Марко и Лины-Лин ехать к нему поближе и особенно на вопрос «как ты себя чувствуешь?»

– Чувствую я себя отвратительно! – наконец прошипел он. – Потому что меня уже тошнит от ваших рож постоянно оказывающихся в моем поле зрения. А также потому, что все мы в это мир посланы страдать, и я с самого рождения чувствую себя отвратительно, а сейчас ничем не лучше и не хуже, чем всегда. Так что отвяжитесь от меня и займитесь своими обычными делами. Ты, Марко, насвистывай свои тупые песенки, а ты, Кошка думай о своем любименьком Данте. Когда я соберусь сдохнуть, я вас обязательно предупрежу.

Марко тут же с фальшивой веселостью демонстративно засвистел навязчивую песенку. А Лина-Лин только пожала плечами и чуть потянула поводья Молочка в сторону, чтобы отдалиться от брата. Она не могла начать думать о Данте, потому что и так почти не переставала о нем думать.

Джениус молчал до самого города, что в общем-то было вполне обычно, и помирать вроде пока не собирался. И Лина-Лин действительно думала то о Данте, то о Шенене, то о богине Нинель, то о странной болезни брата, то о том, как ее раздражает Василечек, который теперь свистел вместе с Одуванчиком дуэтом. И получалось у них отвратительно.

Только после въезда в Норингтон Джениус обернулся и

ровно кинул через плечо:

– Бордель «Святая Августина» прямо через рынок и поворот налево.

Не слишком-то удивительно, что Кошкин брат знает, где находится бордель в этом грязном городе на краю Великого Королевства.

– Думаю, это весьма неплохо, что дыра в пространстве находится в борделе «Святая Августина», а не в монастыре имени Святой Августины, – поделился умными мыслями Маркус.

Лина-Лин небрежно смерила его презрительным взглядом, который применяла ко всем, кто не смешно шутил.

Норингтон оказался весьма захолустным городом. Невысокие строения, дамы, одетые по моде пятилетней давности, полно мусора на улицах, а еще вонь. Похоже, система вывода нечистот в городе не слишком хорошо работала. Если вообще существовала.

Местные жители откровенно пялились на их четверку, что было неудивительно. Их кони слишком хороши для здешнего населения, а еще у них был Гвендель, на которого в принципе все всегда глазели.

Сам бордель оказался довольно внушительным. Он был даже выше местного магистрата и главной церкви Норингтона. Внутри все было обкурено дешевыми благовониями, запах который перемешивался с опиумным дымом. Лина-Лин закашлялась и у нее глаза начали слезиться. Даже когда она

блокировала свои основные инстинкты, обоняние у нее прекрасно работало. В этом городе Кошке вообще не хотелось дышать.

Хозяйка борделя – сама еще довольно красивая женщина, хоть и в возрасте – поприветствовала Джениуса, как старого друга.

– Мы думали, ты все же помер в одной из схваток! – весело прокомментировала хозяйка долгое отсутствие наемника.

– Он бы и мертвый ко мне вернулся. Правда, сладкий? – услышала Лина-Лин знакомый голос и резко обернулась, не веря своим ушам.

Прислонившись к обитой красным шелком колонне, стояла Джулия собственной персоной.

Кошка открыла рот от удивления. И не одна она.

– Да ладно... – протянул Марко.

– Рыжая сволочь? – сквозь зубы выдавил из себя Джениус. – Какого черта???

– Я тоже очень рада тебя видеть, – пропела Джулия и сочно поцеловала так и замершего на месте Джена в губы.

На ней был плотно обтягивающий формы красный корсет в белую полоску и алая пышная юбка. Пожалуй, она даже слишком дорого выглядела для этого притона. Того самого притона в городе N.

Несколько проституток уже окружили новоприбывших. Одна, пухленькая, обвила шею Одуванчика, другая скользнула рукой по плечу Кошки, а две с восторгом разглядывали

Гвенделя, даже не решаясь к нему прикоснуться.

– Всех этих мальчиков я забираю к себе в четвертую комнату! – во всеуслышание провозгласила жрица любви и подхватила под руки своего мужа и Гвена.

Местные девочки разочаровано расплозлись по углам, кидая на Джулию недружелюбные взгляды.

Так ничего и не понимая, Кошка последовала в комнату за своей вездесущей рыжей подругой. Посетители, которых было как-то слишком уж много, учитывая послеобеденное время, провожали их взглядами с явным интересом.

– Вам места там не маловато будет? – хихикнула хозяйка. – И не желают ли гости сначала сходить в баню?

Но Джулия уже скользнула в комнату и, пропустив всех своих «клиентов», плотно прикрыла дверь.

Лина-Лин огляделась. Мягкие засаленные ковры, разбросанные красные подушки, широкая кровать, застеленная бельем не первой свежести. После недели в лесу здесь было почти уютно.

Джениус крупными шагами подошел к своей жене, крепко схватил ее за плечи и слегка потряхнул:

– Объяснишь ты мне наконец, кто ты такая, и как ты здесь оказалась перее нас? – жестко проговорил он.

– Милый мой, – улыбнулась Рыжая сволочь, мягко высвобождаясь из рук наемника, – Думаю, после того, как ты сбежал от меня сразу после свадьбы, я ни в чем не обязана тебе отчитываться.

– Ты прошла через дыру в пространстве? – удивленно спросила Лина-Лин.

Она прекрасно чувствовала прямо в стене здоровенную щель. Сама она в любой момент могла войти туда, но большинство обычных смертных даже не смогли бы эту дыру обнаружить, не то что ею воспользоваться. Да и путешествие по Нави в физическом теле мгновенно лишило бы их разума, не говоря уже о маленьких радостях вроде слезающей пузырящейся кожи, выпадающих волос и других вещах, которые с непривычки могут произойти с телом.

Еще раз тщательно изучив ауру Джулии, Лина-Лин вновь убедилась, что она вполне обычная и человеческая. Девушка вздохнула. Ведь и про Гвенделя она думала так же. Неплохо было бы продолжить обучение в Ордене, раз столько вещей до сих пор остаются скрыты от нее.

Джулия ничего не ответила Лине-Лин, будто не услышала вопроса. Она пристально смотрела на Джениуса, и в какой-то момент по лицу ее скользнула тень. Она приложила ладонь к его сердцу, но тут же убрала. Задумалась о чем-то, с лица исчезло обычное насмешливое выражение.

– Джулия, ты знаешь, что это? – С надеждой спросила Кошка. – Что с моим братом? Ты можешь его вылечить?

– Прости, девочка, – покачала головой Рыжая. – Я не целительница и не врач. Ты же изучила меня уже пятнадцать раз и видишь, что я обычный человек.

– Я могу ошибаться. – Нахмурилась Лина-Лин. – Обыч-

ные люди не замечают, когда кто-то пытается изучить их ауру и не ходят через дыры в пространстве и...

– Кстати о дырах, – перебил ее Гвендель. – Данте просил подготовить ему одежду. Потому что никакая ткань не выдержит такого путешествия, и он окажется здесь голым.

Лина-Лин нервно сглотнула. Этого еще не хватало. Главное теперь не думать об этом.

К Джулии уже успела вернуться ее обычная беспечность. Даже пристальный сверлящий взгляд Джена ее не смущал.

– Я подыщу что-нибудь, – прощепетала она. – У нас осталось немного одежды от клиентов, которые были убиты в нашем борделе или скончались во время акта любви. Такое иногда случается.

И девушка выпорхнула в коридор.

– Прихвати эля и закуски! – Крикнул ей вслед Одуванчик.

– Спросим дорогу у нашей плотоядной подруги, – предложил Гвен, доставая «Указующий перст». – Мне кажется, на днях уже появится конечный пункт. И будем ждать, когда Верховный Хранитель облагодетельствует нас своим визитом.

Кошка понуро кивнула. Главное, не думать о том, что Данте появится в комнате без одежды.

Вдоль Чистой речки

Наконец-то объявилась Онори. Но толку от этого было мало. Она выглядела очень потерянной, все время озиралась по сторонам, сидя на своем хрустальном троне. На вопрос Данте, где она была так долго, богиня ничего толком не ответила.

Онори пыталась посмотреть, где Шенен, но ничего не увидела. Она только растерянно покачала головой.

– Милый, я такая уставшая, будто я снова смертная и всю ночь разгружала караваны. Я очень хочу тебе помочь, но пока не могу. Шенен, скорее всего, во дворце у Нинель, а я не могу видеть ничего, что связано с моей сестрой, ты же знаешь.

– Онори, ты меня беспокоишь, – Данте мягко провел рукой по ее щеке, – ты сама на себя не похожа сегодня.

Она улыбнулась немного грустной улыбкой.

– Я скажу своим музам сделать мне массаж и цветочные ванны. Это должно помочь. Приходи позже, и мы вместе подумаем, что делать дальше.

– Ты чувствуешь хотя бы, жив ли Шенен?

– Жив. Нинель не убьет его так сразу. Она всеми силами попытается уговорить его перейти на ее сторону. А если он откажется, то богиня Тьмы принесет его в жертву. Но это будет не раньше полнолуния. Ритуал есть ритуал. Так что у

тебя есть еще семь дней.

С тяжелым сердцем Данте пошел в обход Вечной аллеи, чтобы не застревать в дурных мыслях. Он все же решился сопровождать своих наемников и Гвена в их непростом поиске. С собой Хранитель взял только меч. Хотел прихватить еще пару артефактов, но он понятия не имел, что ему может понадобится при встрече с Нинель.

Его Советники знали, что он сейчас в Нави. Он сказал им, что удаляется на пару дней туда для самосозерцания и медитации. Посоветовавшись, старцы одобрили его решение. Хорошо, что никто из них не видел, как Данте прихватил с собой меч.

Он шел по Нави довольно долго. Сегодня его любимый мир весь был сине-фиолетовых оттенков. Видимо, переживал плохое самочувствие своей хозяйки.

Небо было не голубым, а насыщенным темно-синим. Цветы всех размеров то тянули к нему свои сине-фиолетовые головки, то скорбно отворачивались, когда он проходил мимо. В речке громко плескалась сиреневая вода.

Данте смотрел карту всех старых дыр в пространстве и знал, что надо идти против течения этой речки, носившей здесь название Чистая. Наверняка, сейчас появилась куча новых дыр, но Данте некогда было их искать. Пусть этим займутся Советники.

Хранитель дошел почти до самого русла реки, прежде чем почувствовал: здесь! Огромный валун, забрызганный реч-

ной водой и покрытый древними надписями. Он попытался было их прочесть, но понял, что это ни к чему.

Навь так текуча и изменчива. То, что выглядит, как камень, вполне может оказаться дверью. Данте шагнул в сторону валуна и почувствовал сильный запах благовоний, земля стала уходить у него из-под ног, перед глазами все поплыло. Чистая речка привела его прямо в бордель «Святая Августина».

Через мгновение он уже был в Норингтоне – в душевной комнате, наполненной знакомыми лицами. Мрачный, как никогда, Джениус глядел на него из угла, скрестив руки на груди. Марко, кажется, был искренне рад появлению Верховного Хранителя. Лина-Лин сидела к нему спиной и, похоже, не собиралась поворачиваться. Зато Джулия смотрела на него с очаровательной улыбкой. Ее взгляд скользнул по его телу вниз, и Данте вспомнил, что его одежда еще ни разу не переживала переход.

Гвендель шагнул Хранителю навстречу с неизменной насмешливой улыбкой и накинул на него свой дорожный плащ, после чего крепко приобнял друга.

Данте чувствовал, что и Марко тоже хочет повторить жест Гвена, но сдерживает себя, потому что между ними не те отношения. Наемник и его богатый заказчик не могут быть друзьями. Но, возможно, однажды все кардинально изменится.

Лина-Лин аккуратно повернула голову и приоткрыла

один глаз. Убедившись, что Данте относительно одет, она с облегчением вздохнула, резко развернулась и поздоровалась.

Тени под глазами, бледность, печальный взгляд девушки – все это отозвалось в Данте желанием обнять ее и утешить. От Марко он слышал, что Кошка сильно переживает за брата.

– Данте, – весело окликнул его Гвен, – посмотри какой чудесный костюм отыскала для тебя наша дорогая Джу.

Хранитель взглянул на разложенные на кровати вещи и поморщился. Одежда из ослепительно синего бархата и сорочка с огромным белым бантом на шее. Такое носили лет пятьдесят назад, да и то только те, у кого полностью отсутствовал вкус.

– Правда, миленько? – ласково спросила Джулия. – Нашла в подвале, среди вещей, снятых с трупов. Еще есть теплый плащик и сапоги понятия не имею какого размера.

Так как выбирать не приходилось, Хранитель потянул руку к бархатным штанишкам. Кошка при этом зажмурилась и судорожно отвернулась, а Джулия снова расплылась в улыбке и приготовилась смотреть. Данте не смутился ее.

Глянув в тусклое зеркало на стене, он убедился, что выглядит ужасно. Попытался поправить этот жуткий огромный бант, но понял, что это решительно ничего не изменит. Фридрих был бы рад такому персонажу в одну из своих комедийных пьес.

Гвен сочувственно похлопал друга по плечу. Марко ти-

хонько давился смехом. Снова приоткрывшая один глаз Кошка так и прыснула. Даже губы Джена расползлись в некое подобие улыбки.

– А по-моему, красавчик! – обиженно надула губки рыжая проститутка.

– Да, Джулия, спасибо за одежду, – невозмутимо поблагодарил Хранитель.

– Отдельное спасибо за бант, – вставила Кошка.

У нее даже слезы на глазах выступили, так она веселилась. А ведь еще минуту назад на ее лице выражалась вся мировая скорбь.

– Как поживает «Указующий перст»? – перевел Данте тему.

– Сыт, доволен, мурлыкает и уже научился выполнять некоторые команды. – отозвался Гвен. – Правда Марко отказывается спать с нашей крошкой в одной комнате.

– После того, как ты приказал этому чудовищу откусить мне палец, – кисло подтвердил Марко.

Кошка хихикнула.

– Успокойся, Одуванчик, оно не умеет так делать.

– И все же мне кажется, что с каждым ритуалом она все ближе и ближе подкрадывается ко мне.

Данте подавил улыбку. После такой ответственной и официальной Недели Ордена, ему было приятно слушать эту глупую болтовню. И особенно радовал его голос Лины-Лин, хоть он и старался почти не смотреть на нее.

– Хранитель, – послышался низкий голос Джениуса из угла, – может хоть ты объяснишь, как Рыжая сволочь попала сюда? Мне, например, она кажется очень подозрительной, и я не понимаю, почему никто не соглашается вытолкать ее из комнаты.

– Меня предупреждали, что в браке всегда так, – хмыкнула Джулия.

Хранителю показалось, что ее волосы сегодня были еще рыжее, чем обычно. Да и наряд проститутки ужасно ей шел.

– Джениус, я понимаю твои опасения, – серьезно начал Данте, все еще сдерживая улыбку, – и ценю твою бдительность. Но я абсолютно доверяю твоей жене. У меня есть на то причины.

– А вот у меня нет ни одной, – недовольно буркнул Джениус.

– Ревнует, – пояснила Кошка.

Она подняла руку к волосам, чтобы поправить прическу, и тут Данте увидел защитное кольцо. И в эту же секунду он кое-что понял.

Проклятье работает не только когда они переступают за грань, позволяя себе поцелуи, объятия или чего похуже. Оно работает даже когда бывшие любовники просто оказываются рядом. Как, например, в этой тесной комнате...

В кольце не осталось ни одного горящего камушка. Почернели абсолютно все... Только этого им сейчас не хватало.

И не успел Хранитель обратить внимание присутствующим

щих на кольцо, как за дверью раздались крики и топот ног. Завизжали, заорали истошно коллеги Джулии.

Марко первый ринулся к двери, открыл ее и тут же закрыл. Машинально задвинул щеколду, оглядел всех непонимающим взглядом.

– Серые Мастера, – наконец растеряно выдал он. – Как они нас нашли?

Данте нахмурился. Роланду Серебряному уже было известно, что Шенена с ними нет. Он сам сказал об этом Джениусу перед тем, как убить его.

– Я думаю, они не за нами, – сделал он вывод.

– За кем же? – удивленно спросила Кошка.

Грохот за дверью свидетельствовал о разгоревшейся там драке.

– Охота на ведьм, – с презрением произнесла Джулия. – Я слышала, большая группа Серых мастеров приехала сюда с инспекцией. Надо же им кого-то сжечь в назидательных целях.

Данте выглянул в окно. На улице, блокируя выход, стояло с дюжину Серых Мастеров. Находящийся рядом Гвендель присвистнул. Он тоже выглядел озадаченным.

– Такая куча Роландовых прихвостней штурмует какой-то занюханный бордель? – с удивлением воскликнула Кошка.

– Занюханный? – переспросил Джениус. – Да что ты понимаешь в борделях, женщина? Это лучший бордель в Великом Королевстве!

– Это правда, – серьезно подтвердила Джулия.

Драка за дверью переместилась куда-то вглубь коридора. У них еще было немного времени. Данте обдумывал, как им лучше поступить. Схватка с Серыми Мастерами была ему не на руку. Не хватало еще, чтобы Роланд Серебряный узнал, что сам Верховный Хранитель в открытую выступает против него. Да и Гвенделя могли узнать.

Кроме того, врагам станет известно местонахождение Марко и Джениуса. Роланд поймет, что они идут по следу Шенена. Как бы так им вообще не пересечься с Серыми Мастерами?

– И все же, какого черта на этот бордель напали именно тогда, когда в нем мы??? – резонно и немного нервно спросил Марко.

Джениус догадался первым. Он с силой рванул руку сестры, которая ойкнула от неожиданности, и продемонстрировал всем кольцо на ее руке. Теперь все, в том числе и сама Кошка, заметили, что не осталось ни одного солнечного камня. Только черные матовые стекляшки, которые будто поглощали свет.

– Когда вы уже успели? – приподнял бровь Гвен.

– Отстань, мы ничего не делали! – огрызнулась Кошка.

– Я кое в чем ошибся, – как можно спокойнее произнес Данте. – Нам с Линой-Лин нельзя даже видеться. Оттого, что мы находимся рядом, Проклятие тоже может активироваться.

– Так уходите, за вашей спиной дыра! – не слишком дружелюбно произнес Маркус.

– Уже поздно, – ровно ответил Хранитель. – Здание окружено. Я должен остаться с вами, на случай, если придется сражаться. Серых Мастеров слишком много.

За дверь упало что-то тяжелое, пара девиц истошно завизжали. Данте потянулся к рукоятке меча, ожидая, что сейчас кто-нибудь вломится и в их комнату, но шум снова сместился вглубь по коридору.

Джулия неожиданно резко распахнула дверь:

– Я спрячу вас в подвале. Переждем там, пока все уйдут.

Марко посмотрел на Хранителя вопросительно. И Данте кивнул в ответ. Мысль показалась ему здоровой. Жалко было всех этих ни в чем неповинных шлюх, которых теперь кинут в тюрьму, будут пытаться и добрую половину из них скорее всего сожгут. А то и всех, если Роланд сильно разойдется. Но они не могли сейчас себе позволить сражаться вшестером против целого отряда. Хотя с такими бойцами, как Джениус, Марко, Джулия и Гвендель у них был шанс на победу, но цель их пути была сейчас куда важнее.

Они быстренько собрали все свои вещи, Данте предусмотрительно взял в руку сапоги неопределенного размера, приготовленные для него Джулией. И, держа мечи наготове, они побежали за рыжей девушкой. Вопреки Проклятью, им никто не встретился по дороге. Данте слышал, как кто-то орудовал на втором этаже, а на первом повсюду были видны

следы погрома.

Джулия довольно быстро свернула в одну из частных комнаток. Она, как и четвертая, утонула в подушках. Мягкий ковер на полу был сильно смят.

Рыжая приподняла его, открыв спрятанную там дверь в полу.

– Есть кто-нибудь? Шепнула она в темноту. Ей очень тихо отозвалось несколько голосов.

– Ничего, поместимся, – решила девушка и полезла по лестнице вниз.

Кошка, на которой лица не было после того, как она услышала про Проклятье, полезла следующей. Она ни разу не взглянула на Данте с тех пор.

По сжатым губам Джениуса и холодному взгляду Марко, Хранитель определил, что наемники предпочли бы сражаться, чем отсиживаться в подвале с бабами. Но они работали на него и не могли ослушаться приказа. К тому же, Джениус был плох. Приступ мог снова случиться у него в любой момент.

– Иди, – улыбнулся Гвен Хранителю. – А я кое-что сделаю.

И Данте увидел, как сияет у друга под одеждой «Пыль». Похоже, он собирался наложить какое-то защитное заклятье, чтобы Серые Мастера не обнаружили вход в подвал. Хранитель кивнул и двинулся к лестнице вниз. Изнутри доносился приглушенный шепот и сдавленный плач.

Превращения

Марко плохо привыкал к темноте. И он видел только, как слегка неестественно подсвечиваются глаза его напарника и девчонки, в которую он был безнадежно влюблен.

– У меня есть свечи... – услышал наемник тоненький незнакомый голосок. – Видно ли будет снаружи, если мы их зажжем?

– Не видно, – уверенно отозвался Гвендель.

И вскоре в тусклом пламене первой свечки Марко разглядел лица своих соседей. Помимо их компании в довольно просторном подвале сидели ярко покрашенные и не слишком одетые девушки. Одна из них и вовсе была завернута в простыню. Жрицы любви жались в кучку, две из них были в слезах. А хозяйка заведения обнимала плачущих за плечи.

– А вы-то чего спрятались? – с легким презрением поинтересовалась она у Джениуса. – Вас бы просто допросили, заставили бы дать показания против нас и отпустили бы с миром.

Джен промолчал. Марко беспокойно глянул на него, но с ним все было в порядке, просто он немного переживал, что старая знакомая считает его трусом.

– Понятно, – голос хозяйки немного смягчился. – Похоже, вы тоже не в ладах со святошами.

Марко поманил друзей в противоположный конец подва-

ла. Они уселись на мешки с зерном, а Джениус даже вполне удобно улегся. Кошка выбрала себе место подальше от Данте, будто это могло что-то исправить.

– Когда все закончится, вы должны вернуться обратно, – сказал Марко Хранителю, глядя ему в глаза.

– Маркус, – довольно мягко начал он, – мы идем во дворец к Нинель. Что же ты станешь делать, оставшись с ней один на один? Уйти должен буду не я. Пока мы сидим в подвале, нам следует подумать, где в этом городе можно оставить Лину-Лин, чтобы Проклятье никому больше не вредило.

Сердце Марко екнуло. Он быстро глянул на девушку. Она смотрела на Данте таким обескураженным и жалким взглядом, что наемник отвел глаза. Разумеется. Очень умно с его стороны было предложить Верховному Хранителю убраться. Лина-Лин была гораздо менее ценным членом их отряда.

– Где ее оставить? – оживился Джениус. – Жаль, этот бордель больше не будет работать.

– Как насчет пансионата для благородных девиц? – с улыбкой предложил Гвендель.

– Она сбежит, – вздохнул Джен. – Нам нужен пансионат с решетками на окнах и без щелей в пространстве.

Хранитель казался слегка удивленным.

– Она просто подождет вас здесь, а на обратном пути вы ее подберете.

Кошка никак не принимала участия в решении своей судьбы, что было совсем на нее не похоже. Она теперь смот-

рела в пол, лицо ее ничего не выражало.

– Данте, – наконец тихонько позвала она, не поднимая глаз, – прежде, чем все закончится, я хочу сказать, что я ни о чем не жалею.

Брови Марко приподнялись. К чему это она? Решила попрощаться?

– Я говорила тебе, что мне плохо, что я страдаю без тебя, – продолжила девушка, будто здесь не было никого кроме нее и ее любовника. – Много в мире таких вот, как я, несчастных от любви. Но так мало таких, кто был в любви так же счастлив, как я была.

Она подняла глаза на Данте. Лина-Лин улыбалась ему и не замечала никого вокруг.

Марко снова попытался погасить в себе растущую волну ревности. Он перевел взгляд на Хранителя – тот, похоже, был слегка озадачен.

А Кошка продолжала:

– С тобой я проживала каждую минуту в настоящем моменте, здесь и сейчас. Я жила одновременно в Яви и Нави. Чувствовала себя сразу и человеком, и кошкой. Стиралось прошлое, не существовало будущего. Никакой двойственности, только Вселенная и мы с тобой – ее горячее бьющееся сердце.

– Ты не о том думаешь, Кошка. Из-за тебя все мы оказались здесь, – не сдержал грубости Марко.

– Правильно, давайте еще больше усугубим Проклятье, –

недовольно добавил Джениус, глаза его злобно сверкали.

Но девчонка их не видела и не слышала. Она смотрела на своего возлюбленного таким одухотворенным взглядом, ее лицо было таким красивым в этот момент... Марко поймал себя на мысли, что хочет, чтобы она так же смотрела на него.

– Данте. – Она произнесло это имя, будто смакуя его на языке. – Я хочу последний раз сказать – я люблю тебя. Больше ты никогда от меня этого не услышишь.

И тут в ее руках блеснул пузырек со светящейся желто-зеленой жидкостью. Она в одно мгновение зубами вытащила пробку и заглотнула содержимое. Никто не дернулся, не сделал попыток ее остановить. Видимо, все догадались, что в этом пузырьке. Интересно, где она успела его приобрести?

Пустая бутылочка покатила по каменному полу. А девушка неожиданно сильно закашлялась, застонала, согнулась пополам. А вдруг зелье отравлено?

Марко и Джениус одновременно бросились к ней, подхватили под обе руки, уложили на мешки. Она все кашляла и, казалось, сейчас выплюнет свои легкие. По ее телу пошли спазмы, она схватилась за голову, скатилась с мешков на холодный пол, заорала от боли.

Краем глаза Марко заметил, как побелело лицо Хранителя. Он опустился рядом с ней на колени и не решался даже протянуть руку к бывшей возлюбленной. Как же сильно Марко хотелось въехать ему по челюсти, но руки были заняты – он держал Лину-Лин, чтобы она, извиваясь по полу, не

разбила себе голову о камень.

Кажется, она начала успокаиваться, пару секунд даже полежала смирно, но потом зарыдала так отчаянно и истошно, что у Марко сжалось сердце. Шлюхи за его спиной переполошились, что их теперь легко обнаружат. Кто-то из них тоже заревел в голос.

А потом Кошкин плач резко оборвался. Наемник подумал, что она потеряла сознание, заглянул ей в лицо. Его встретил вполне осмысленный внимательный взгляд. Девушка аккуратно подняла голову, осмотрелась по сторонам. Потом села на мешок, будто удивляясь, как вообще она оказалась на полу.

– С тобой все нормально? – аккуратно спросил Марко.

– Что со мной случится? – пожала плечами Кошка.

– Ты сильно закашлялась. Выпей воды, – как ни в чем ни бывало предложил Гвендель.

Он протянул ей флягу, поблескивающую драгоценными камнями.

Лина-Лин послушно отвинтила крышку, хмыкнула.

– Ах да, воды нет, только вино, – улыбнулся Гвен.

– Цветочное? – Кошка улыбнулась в ответ совершенно нормальной не язвительной улыбкой, и в голосе не было прежнего презрения по отношению к черноволосому магу.

Она выпила, поморщилась, вернула флягу. А потом вдруг резко вскочила, вдохнула воздух обеими ноздрями.

– Мы...горим... – крайне удивленно произнесла она.

И Марко понял – так жарко не потому, что где-то рядом топят. Теперь и он уловил едва заметный запах дыма.

Засуетились, замельтешили девчонки из борделя, теперь они уже не боялись громко разговаривать вслух. Хозяйка быстро вскарабкалась по лестнице наверх, открыла дверь. И тут же с криком отпустила ее. Спрыгнула вниз, держась за обожженную руку. В глазах ее был ужас. Теперь уже отлично чувствовался запах дыма, и все присутствующие в подвале проститутки запричитали и разнылись, заражая друг друга паникой.

– Похоже, ковер над люком загорелся! – крикнул Данте.

– Это же просто гениально! – воскликнул Гвен. – Серые Мастера не досчитались девушек и решили спалить дом вместе с теми, кому удалось спрятаться!

– Как я не почувствовала запах раньше? – продолжала удивляться Кошка.

Марко смотрел на дверь и прикидывал ее толщину. Рано или поздно доски сгорят и они тут все задохнутся. Он оглядел своих друзей и удивился, почему никто из них не выглядит испуганным. Хотя, кому из них чего бояться? Каждому столько пришлось пережить...

– Заткнитесь! – прорычал Джениус в сторону шлюх.

И в его интонациях было столько силы, что в подвале сразу стало тихо. Только приглушенные всхлипывания и звук, который сопровождал огонь, пылающий над их головами

Лина-Лин бродила по помещению, прислушиваясь и при-

нюхиваясь. Похоже, ее звериные инстинкты помогли ей определить масштабы пожара. Девушка случайно врезалась спиной в Данте, обернулась.

– Извините, – буркнула она так равнодушно, что Марко понял – сработало.

Если бы все было по-прежнему, то Кошка посмотрела бы на него так ошарашенно, будто ее молнией ударило.

Хранитель проводил ее взглядом. Трудно было понять, что он думает. Марко вспомнил его побелевшее лицо, когда Лине-Лин было плохо...

– Гвен, ты можешь что-нибудь сделать? – услышал Марко спокойный голос Данте.

Действительно, с ними же маг.

– Я все это время как раз пытаюсь, – бодро отозвался Гвендель. – Не поверишь, но они используют заговоренный против магии огонь. Я думал, Серые Мастера давно уже жгут всех на обычном, ведь по большей части им приходится убивать простых людей.

В подвале постепенно становилось труднее дышать. Марко порылся в своем вещевом мешке в поисках воды, но фляга была пуста.

– Похоже, они готовились к встрече со мной, – вдруг улыбнулась Джулия. – Про меня давно здесь ходили слухи, что я ведьма.

– Почему я не удивлен? – лениво протянул Джениус.

После того, как Кошка очухалась, он вернулся на свои

мешки и снова безмятежно на них возлегал, будто такая мелочь, как пожар, его не касалась.

– И вот почему подожгли дом, – так же весело продолжала Джулия, – среди схваченных жриц любви не было моей рыжей головы. А я все-таки самая желанная и лакомая добыча для них.

Последнюю фразу она сказала даже с гордостью. На губах ее сияла совершенно очаровательная улыбка.

Джениус приподнял голову.

– Нет, ну разве можно на нее злиться? – произнес он с сарказмом. – Из-за этой рыжей сволочи все мы сейчас сдохнем, а она сияет и безмерно гордится собой.

Улыбка Джу стала не такой располагающей.

– Ты-то чего переживаешь, мой сахарный, ты все равно уже мертв.

Она подошла и ласково потрепала мужа по щеке.

– Друзья мои, – начал Данте вполне бодрым тоном, – должен признаться, я не знаю, что делать в данной ситуации. Я не погибну при любом раскладе, Навь хранит меня от подобных случаев. Как спасти вас и этих несчастных леди, я слабо себе представляю.

Марко заметил, что Хранитель осматривает всех с интересом, будто ждет от них чего-то. Мол, «ну что, как вы выйдете из этой ситуации, любопытно будет посмотреть».

«Несчастливые леди» снова начали было подвывать, но Джениус окинул их грозным взглядом.

– Ладно, – сказал напарник Марко, – значит, другого выхода нет.

С этими словами Джен лениво встал с мешков, стянул с себя рубашку. Потом принялся снимать ботинки. Марко судорожно пытался сообразить, что задумал его друг.

– Я выйду туда и посмотрю, как можно выбраться, – все же объяснил он.

– Не ходи, Джен, ты сгоришь, – испуганно пролепетала хозяйка гостиницы.

На ее руке вздулись пузырьки ожогов.

– Лапуля, только не говори, что... – начала было Кошка.

– Да. – Коротко перебил ее брат. – В другом своем обли-
чии я не чувствую огня. Он скорее мне приятен.

– Но ты же можешь... потерять контроль... – с нажимом повторила Лина-Лин.

– Тогда вам придется меня убить, – пожал плечами Дженуис. – Моя жена говорит, что я все равно уже мертв.

– Наконец-то он назвал меня своей женой! – радостно воскликнула Джулия. – Иди поцелую, сладенький!

Марко не совсем понимал, что происходит. Другое обличье? Он помнил только то чудовище в клетке, которым стал Джениус во сне.

– Окружите меня, – скомандовал Джен, кидая рубашку на пол. – Если что-то пойдет не так, можете просто попытаться меня вырубить.

– Если мы успеем это сделать до того, как ты нас всех при-

кончишь... – недовольно проговорила Лина-Лин. – Лапуля, это очень-очень плохая идея! Последний раз ты обращался лет пятнадцать назад, помнишь? Я, конечно, не любила нашу гувернантку, но не желала ей смерти, тем более такой.

– Я не терял контроля. Я все тогда сделал сознательно, – спокойно ответил Джен, стягивая носки. – Я должен это сделать. Рано или поздно я должен встретиться лицом к лицу со своими страхами. И в данный момент это может нас спасти.

– Хранитель Данте, – твердо обратилась она к бывшему любовнику, – запретите ему.

– Пусть он делает то, что должен, – мягко ответил Данте. – Никто не может уйти от своей природы.

Девушка окинула его презрительным взглядом и отвернулась. Хотя раньше она наверняка обомлела бы от того, что он сказал ей целую фразу.

Джениус снял ремень и остался в одних подкатанных штанах. Марко с удовольствием последовал бы его примеру, потому что в подвале уже было невероятно жарко. А от духоты слегка мутился рассудок. Только сейчас он сообразил, как же сильно ему хочется пить.

– И только попробуйте завизжать, – ровно кинул Джен проституткам, которые жались к стенке, беззвучно рыдая.

Марко так и не понял, что сейчас должно произойти. Просто встал напротив друга, и все остальные – Гвен, Хранитель, Кошка, Джулия – замкнули кольцо. И только когда его напарник начал говорить – громким, размеренным и будто

не своим голосом – на Маркуса накатила волна паники. Перед глазами снова встал мечущийся в клетке зверь. Самое страшное было то, что если Джен сейчас станет чудовищем и набросится на него, Марко не сможет поднять на него руку. Да и Лина-Лин тоже.

Но, тем не менее, все пятеро сейчас сжимали в руках свое оружие. Человек в круге продолжал говорить. Его лицо было на редкость спокойным. Не было даже привычной складочки между бровями. Джениус будто читал молитву. Только это была не молитва. Марко слушал слова и дрожь бежала у него по телу.

– Именем, данным мне при рождении моей матерью – Саммаэль, именем моего отца, чья душа служит Мраку – Бертран – я взываю к своей сущности. Я принимаю Тьму внутри себя и позволяю ей выйти наружу. Ад, которому навеки принадлежит моя душа, покажи мне мою сущность. Мать! – Джениус огляделся, будто она должна была стоять где-то рядом, – если ты слышишь меня – помоги! Все свои жертвы на полях сражений я посвящал тебе. Помогите мне сохранить контроль над собой. Изменяя тело, оставь мне разум. Впусти...

Договорить фразу Джен не успел. Он согнулся пополам так резко, будто бы его пронзили сотни огненных стрел и заорал, срывая голос. Марко не двинулся с места, но от этого полного нечеловеческой боли крика, из глаз невольно потекли слезы. Но что он мог сделать? Лина-Лин, стоявшая по ле-

вую руку от Маркуса, смотрела на своего брата с некоторой тревогой, но, в целом, была на удивление спокойна. Или же она просто прекрасно держала себя в руках, что тоже было совсем на нее не похоже.

Его друг упал на пол, его начало трясти, изо рта пошла пена, глаза закатились и налились кровью. На руках стали отчетливо видны вылезшие вены.

Марко посмотрел на Хранителя. Тот наблюдал со спокойной сосредоточенностью. Перехватив взгляд своего наемника, он только покачал головой, пресекая мысленное желание Маркуса кинуться и попытаться помочь Джениусу.

Крики сменились сдавленным рычанием. Наемник приподнялся на четвереньки, тяжело упираясь обеими руками в пол. Ногти его начали расти и загибаться. Он приподнял голову и Марко увидел, что кожа на лбу с двух сторон полопалась, образовались две раны. Застилая глаза, хлынула кровь, в несколько струй потекла по лицу, падая на пол, и изо лба полезли рога. Из груди Джениуса снова вырвался отчаянный крик, тело сжалось от боли.

Марко стиснул зубы и кулаки, не в силах больше видеть и слышать, как в адовых муках корчится и кричит его друг.

Рога все продолжали расти, дырки во лбу все расширились, кровь залила уже все лицо... Крик резко оборвался. Наемник все еще стоял на коленях и тяжело дышал. Марко физически ощутил, что напарнику больше не больно.

Джениус, он же Саммаэль Бертран, медленно поднялся с

колен. Он изменился. Лицо трудно было разглядеть – оно все было в крови. Но Марко заметил, что напарник теперь был выше ростом и пошире в плечах, тело выглядело более могучим – сильно бугрились мускулы, выступали вены.

На окровавленном лице выделялись глаза. Белок был красным, а зрачок превратился в едва заметную точку.

Рога были длинными и загибались немного назад.

Никто не произнес ни слова. Только слышно было тяжелое дыхание Джениуса и всех остальных. Температура в подвале неумолимо ползла вверх.

Марко поднял с пола рубашку друга, подошел к нему и начал отирать его лицо. Тот стоял не двигаясь. Остальные пока не решались приблизиться, не зная, что на уме у этого существа.

Когда кровь была отерта, Марко увидел, что в остальном черты лица выглядят прежними, только, может, стали немного острее.

– Как ты, Саммаэль? – тихо спросил он.

– А ты как думаешь? – Джен улыбнулся, и во рту у него ослепительно блеснули новенькие клыки.

– Я думаю, тебе было очень больно. И я не уверен, что ты все еще тот человек, которого я знал, – честно признался Марко. – И что ты не захочешь вдруг вырвать мне сердце, чтобы сожрать его.

– Мне и в прежнем состоянии иногда трудно было смирять это желание, – хмыкнул демон. – Но, пожалуй, я сдер-

жусь.

– Рад слышать, – улыбнулся Марко.

Лина-Лин тоже слегка улыбнулась. Видимо то, чего она боялась, не случилось. По крайней мере, пока что.

Громкий треск возвестил о том, что дверь в подвал прогорела. С грохотом упала на пол одна из почерневших досок.

Марко поймал взгляд хозяйки борделя. В нем не было уже ни страха, ни отчаяния. Только пустота. Она уже смирилась со скорой кончиной. Женщина обнимала своих подопечных, не замечая, что две из них уже потеряли сознание.

Джениус потянулся, разминая свое изменившееся тело и двинулся к выходу. Вскоре он откинул горящую дверь и скрылся в дыму и огне.

Все молча проводили его взглядом. Кошка сильно закашлялась. Гвендель достал флягу и протянул ей. Все они уселись плотно у дальней стенки, ожидая спасения. Или конца.

– Здесь есть щели в пространстве? Ты можешь уйти? – спросил он у Лины-Лин.

– Нет. – Ответил за нее Данте.

Видимо, он тоже думал, как бы спасти хотя бы ту, кого он любил. И которая больше не любила его.

Выпив, девушка пустила цветочное вино по кругу, и все сделали по глотку.

– Надо дышать через мокрую одежду, – крикнула Джулия тем проституткам, которые были еще в сознании.

Марко чувствовал, как мутнеет в глазах. Он стянул с себя

промокшую насквозь от пота рубашку и принялся дышать через нее.

Прошло еще сколько-то времени, наверное немного, и Джениус спрыгнул с люка, проигнорировав лестницу.

– Идем. – Коротко кинул он.

Оглядевшись по сторонам, он подобрал свою одежду и закинул одну из потерявших сознание шлях себе на плечо.

– Возьми вторую, – кинул он Данте.

Видимо, на Марко сейчас сложно было рассчитывать. Он даже плащи и мешки собрал с полу с трудом.

Саммаэль исчез в огне вместе с девушкой. Следом шагнули туда Лина-Лин и Джулия.

На лестнице было горячо, но Марко верил Джениусу. Он сделал еще пару шагов и оказался в горячей комнате. Она действительно пылала, но не там, где стоял Марко. К двери будто была проложена дорожка без огня и дыма. Было жарко, но вполне терпимо.

– Быстрее, – хриплым голосом проговорил Саммаэль, – я не смогу долго его удерживать. К тому же, здесь мало воздуха. И, дождавшись остальных, они двинулись вслед за крупной фигурой с рогами.

Пламя раздвигалось на их пути, дым рассеивался. Тот, чья душа навеки принадлежала аду, вел их через огонь.

– Вылезем через окно, поближе к свалке, – распорядился Джениус. – Там меньше всего народа.

Какого народу? Замутненное дымом сознание Марко не

сразу выдало ему мысль о том, что дом наверняка все еще оцеплен. Серые Мастера по-видимому ждут, что ведьма вылетит из горящего здания на метле.

– Выметайтесь, – кинул Джен, распахивая окно. – И сразу держите оружие наготове. Марко, ты слышишь? Не время вести себя как протухшая тефтеля.

Мотивирующая речь приятеля не слишком подействовала на наемника. Он из последних сил держался на ногах.

– Давайте мне девушку, – попросил он Хранителя. – Я ее понесу, потому что едва ли смогу прямо сейчас сражаться.

Гвендель пошел первым, за ним перелез Хранитель и Джулия. Когда на улице оказался Марко с проституткой на руках, то увидел только три трупа в серых балахонах на траве.

– Похоже, остальные стражи и толпа зевак с другой стороны, – пояснил Хранитель, вытирая меч от крови.

Наемник огляделся. Здесь было неудобное место – дикая вонь от свалки, забор.

Последним в окне показался Джен с девчонкой на плече. Он был уже в своем нормальном облики, и его штаны слегка дымились. Когда они отбежали подальше от горящего здания, Марко заметил свежие ожоги на спине напарника. Из двух ран на лбу, где совсем недавно были рога, сочилась кровь, постоянно застилая глаза.

Гвен с Данте выломали пару досок в заборе. И, перелезая через зловонный мусор, все они, включая ошарашенных

и потерянных проституток, вышли к маленькой грязной речушке.

– Когда обнаружат трупы, за нами организуют погоню, – сказал Данте.

– А что наши лошади? – вдруг вспомнила Лина-Лин. – Они на переднем дворе, в конюшне. Они сгорят.

– Не беспокойся, – хмыкнул Марко, – их уже наверняка отвязали и увели.

Волна досады накрыла наемника. Как он теперь будет без своей верной Музы. Лица остальных тоже заметно помрачнели. Странно, что Кошка не устраивает истерику из-за своего Молочка.

– Когда все кончится, мы вернемся за ними в город, – сказал Гвендель. – А теперь надо уходить. Я создам ложный след.

И Марко увидел, как загорелся на его груди магический медальон.

Что-то не так?

После того, как они ушли из города N, у Лины-Лин до самого вечера было чувство, будто она что-то забыла. Что-то очень важное. Она вспоминала, что такого лежало в ее сидельных сумках, которые остались на Молочке. Но вроде она все забрала. Или, может, чего-то осталось в комнате номер четыре борделя «Святая Августина»? Девушка так и не смогла определить, что она забыла в гостеприимном Норингтоне. К утру это неприятное навязчивое чувство почти прошло.

Да и других забот хватало. У Джениуса кровоточили шрамы на лбу от рогов, приходилось каждые несколько часов менять ему повязки. На спине у Лапули остались ожоги, волдыри полопались и присохли к тряпичным компрессам, которые вчера наложил ему Марко. Отдираться они теперь желали только вместе с кожей.

На привале напарник брата все мялся и никак не мог дернуть, как следует, за край повязки.

– Перед тобой не девчонка, Одуванчик, – улыбнулась Лина-Лин. – Я знаю Джениуса, он даже не пикнет.

С этими словами она сама подошла и быстрым движением руки отодрала оба прилипших компресса. Брат только сильнее сжал зубы. Ничего, на нем быстро все заживет. Как всегда.

Маркус взял сморщенные повязки из Кошкиных рук и как-то странно на нее посмотрел. Вчера она начала замечать, что он довольно часто кидает на нее взгляды, когда думает, что девушка его не видит. Но сейчас было не то. Наемник глянул так, будто она что-то не так сделала.

– И все же, как я думаю, Лапуля не в восторге, когда ты обращаешься с ним, как с принцессой. – Пожала она плечами.

– Не в восторге, – вкрадчиво и зловеще повторил брат.

Охотиться Лина-Лин решила пойти без брата. Он был ослаблен после вчерашнего превращения. Как все же славно, что он никого из них не разорвал на части в своем теневом обличье. Джениус даже смог вынести девушку из горящего дома на плече. Хотя вчера перед сном он признался, что был большой соблазн убить ее и напиться свежей крови. Желание было так велико, что пришлось обратиться в человека раньше, чем он со своей аппетитной ношей покинул здание. Вот почему он получил эти ожоги.

Здесьние леса были полны дичи. Марко вызвался пойти с Кошкой, хотя был довольно бесполезен – ранняя осенняя темнота ограничивала его возможности.

– Лина-Лин, – обратился он к девушке, когда они возвращались назад с добычей. – Кто на самом деле твой брат?

– Ты же сам все видел собственными глазами. – Холодно отозвалась она. – Зрение тебя не обмануло.

Наемник помолчал немного, но потом решился спросить

прямо:

– Он демон?

– Наполовину, – кивнула Кошка, – его мать была порождением ада. Она жила с моим отцом какое-то время. Джегниус плохо помнит ее, но как-то в свой тринадцатый день рождения он обнаружил Хаборим у себя под подушкой. Ни у кого в замке не возникло сомнений, от кого этот подарок.

Они пробирались через густорастущие кустарники, и иногда Лина-Лин ловила за руку Одуванчика, чтобы направить его в темноте.

– Тогда в подвале Джен сказал, что его душа навеки принадлежит аду. – Продолжал расспросы Марко. – С чего он это взял?

– Он просто знает. Как только брат увидел свой новый меч, то сразу понял, что его имя Хаборим, хотя никогда не слышал это слово. А в детстве во сне он говорил на каком-то непонятном языке, чем ужасно пугал нянек. Все должны рано или поздно возвращаться домой. Меня заберет Навь после смерти, а его Ад.

Раньше Лину-Лин пугала эта мысль, но сейчас ей стало казаться, что подобная ситуация вполне в порядке вещей.

Среди веток замелькал огонек костра. Сейчас все они поедят, совершат ритуал с картой и лягут спать. В прошлую ночь они не останавливались на привал, опасаясь погони, но теперь уже нечего было бояться. Похоже, Василечек надежно запутал след.

Марко шел рядом мрачнее тучи.

– Неужели это никак не изменить? – после долгого молчания произнес он. – Ты уверена, что Джениус обречен мучиться в аду?

– Ну что ты, мой брат прожил такую праведную жизнь, что после смерти у него врасут крылья, и он воспарит на небеса... – с легким раздражением отозвалась Лина-Лин. – И почему обязательно мучиться? Ад – это его дом, там его мать. Саммаэль Бертран будет служить Тьме, так же как Шенен все это время служил Свету.

– Но у Джениуса не темная душа, – покачал головой Марко. – Это не его судьба.

Как часто рассуждала сама с собой Лина-Лин на эту тему... Сколько было часов мучительных размышлений, бессонных ночей. Но брату она не сказала ни слова по этому поводу.

– Это, как раз-таки, его судьба, Одуванчик. – Спокойно ответила она. – А от судьбы не уйдешь.

– Но я же ушел, – тихо ответил Марко.

Кем же был этот светловолосый аристократ до того, как стать бродячим актером? Впервые Кошке стало интересно.

– Если то, от чего ты бежал, действительно была твоя судьба, – медленно проговорила Лина-Лин, – то, увидишь, она тебя еще настигнет.

На этих словах они вышли к костру, где, плотно закутавшись в плащи, сидели Джениус, Джулия, Гвендель и Хра-

нитель Данте. Перед ними висел котелок, который Джулия предусмотрительно вынесла из подвала, от котелка шел пар, а запах стоял, наверное, на весь лес. Знаменитое флавернское вино. Откуда?

– Да, немного магии, – охотно подтвердил Гвендель, хотя девушка ни о чем не спросила вслух.

– Бесконечная фляга? – удивленно спросил Марко.

– На самом деле, фляга просто сообщается с очень большим бочонком вина, находящемся в погребе поместья Иллингтон. – Объяснил Василечек. – Так что, рано или поздно, наш напиток богов закончится.

– Надеюсь, это будет не скоро, – вставил Джен.

Сжимая в руках горячую чашку, Кошка пристроилась между своей подругой Джулией и Василечком, потому что из всей этой компании они были в самом хорошем расположении духа.

Марко все переваривал новости о своем друге, Лапуля был как всегда, а Верховный Хранитель второй день был очень молчалив. Он спокойно наблюдал за всеми, слушал и говорил только по существу. Действительно, о чем ему разговаривать с простыми смертными?

Несколько раз она поймала и на себе его внимательный взгляд. Последний раз Кошка даже вежливо улыбнулась в ответ. Начальник все-таки. В целом, она считала его толковым главой Ордена и неплохим человеком. На прошлой неделе Ордена год назад у нее с ним даже была небольшая интриж-

ка, но все было так малозначительно, что девушка даже не помнила подробностей...

– Иди сюда, маленькая, иди поближе к дяде Марко, – это Гвендель разговаривал с «Указующим перстом».

Значит, настало время резать руки и кормить их милую ненасытную тварь. Людей теперь было больше, и карта открывала отрезки покрупнее. Только вот им не мешало бы где-нибудь раздобыть коней. А то пешком они дойдут до замка Нинель уже к Концу Света.

Не успели они завершить ритуал, как их круг разорвался. У Джениуса опять начался приступ его странной болезни. Он снова держался за несуществующую рану и умирал. Да, именно умирал, по-другому это нельзя было назвать.

Лина-Лин смотрела как склонились над ним Марко и Джулия, они лупили брата по щекам, что-то кричали, Гвендель заливал в него свое чудодейственное вино. А Кошка просто стояла и смотрела, удивляясь, почему не плачет, не паникует и не присоединяется к толпе жаждущих отдубасить Джениуса по щекам и поорать на него.

Еще один человек стоял в стороне и наблюдал. Это был Верховный Хранитель. Не сходя со своего места у костра, он все это время смотрел на Лину-Лин. По его лицу трудно было что-то прочесть, но Кошка определила этот взгляд. Он тоже смотрел на нее так, будто она делает что-то не то.

О бегстве и потерях

В этот раз приступ длился дольше. Они его уже почти потеряли. Лицо Джениуса побелело, посинели губы. Но он справился, вернулся еще раз с того света. Сколько приступов он еще сможет пережить? Один? Два? И что потом? Вечный ад?

Марко отер пот со лба друга. Его лицо теперь было умиротворенным. Он лежал на спине на одеяле у костра и, повернув голову, наблюдал за огнем. Лина-Лин сидела рядом.

Но Маркус успел заметить – когда ее брат умирал, она просто стояла в стороне. И ее лицо было спокойно. И когда этим утром она сдернула повязки с ожогов брата вместе с кожей... Ее взгляд только оценил степень урона, в нем не было и капли сопереживания.

Джулия опустила у изголовья Джениуса и стала гладить его по темным волосам.

– Ты изрядно зарос. – Весело сказала она, и это были первые слова, прозвучавшие в давящей тишине после того, как Джен пришел в себя. – Надо тебя подстричь, муж.

– Перед тем, как положить в гроб? – усмехнулся наемник.

– Гроб? – Джулия удивленно приподняла брови. – Это ты замахнулся. Где мы возьмем тебе гроб? Закапаем в этой мерзлой земле, да придавим сверху камнями.

– Как хорошо иметь чуткую жену, которая всегда знает,

как подбодрить мужа, – улыбнулся Гвендель.

– По крайней мере, она не разводит соплей, как Марко, – кинул Джениус.

Правильно было сказать: «как Марко и Кошка», они обычно вместе разводили сопли. Но, похоже, Джен тоже заметил, что с его сестрой что-то случилось.

На следующий вечер Маркус попытался поговорить об этом с Джениусом. Он уже совсем оправился после приступа, да и шрамы на лбу перестали кровоточить. Они вдвоем немного отстали от остальных и Марко начал:

– Помнишь, ты говорил, что вместе с любовью Кошка может потерять что-нибудь еще? Например, способность вышивать крестиком?

– Неужели это случилось? – покачал головой Джен. – Тебе теперь придется вышивать одному без подружки?

– Нет, вышивала она и без того отвратительно, ты же знаешь.

– Так что тогда? Если тебе кажется, что она потеряла мозг, страх, совесть и уважение к старшим, то это с ней давно.

– Душу. Я думаю, она потеряла душу, Джениус.

Напарник глянул на него скептически.

– Это же моя родная сестра. В детстве она убивала мелких зверюшек. Гувернантка отучала ее, так как это не подобающее поведение для дамы. Покусать и исцарапать гонца, который принес отцу письма, было для нее обычным и приятным занятием. В двенадцать она впервые убила человека.

Она бросила двух своих мужей, ничего им не объяснив. Эта девочка никогда не была милой.

– Но такой, как сейчас, она тоже не была, – возразил Марко.

– Была. Как раз такой она и была. Кошка никогда не плакала в детстве, да и потом. И не отличалась особой чувствительностью. В конце концов, ее воспитывал я. Она изменилась после встречи с Данте. Поверь, друг, я был очень удивлен, когда встретил ее после нескольких месяцев разлуки. Сначала я подумал, что так у девчонок протекает подростковый период, но потом узнал правду. А теперь она просто чувствует себя так, будто никогда никого не любила. Она всего лишь стала прежней.

– Джениус... – теперь Марко все понял. – Похоже, она разлюбила и тебя.

– Побочный эффект. – Напарник усмехнулся. – Я знаю, Марко. Я заметил.

– Давно?

– Почти сразу. Но, может, оно и к лучшему.

– Что значит к лучшему? – Марко разозлился от этих его слов. – Кем стала Лина-Лин? Ради чего она теперь вообще живет на свете?

– Она разберется как-нибудь, – равнодушно пожал плечами Джениус. – Важно другое – когда я умру, а это будет очень скоро, она не будет страдать.

Эти слова заставили Марко замолчать и задуматься.

– По-твоему, это лучше? – Наконец тихо спросил он друга. – Никого никогда не любить и не страдать? Такой судьбы ты хотел бы для себя?

– Да. – Коротко ответил напарник и прибавил шагу, чтобы поравняться с остальными.

– И, кстати, ты не умрешь. – Негромко сказал он Джениусу в спину

– ...но почему тогда Бетти открыла нам такой маленький отрезок карты? – услышал Марко обрывок фразы Гвенделя.

Хранитель поморщился:

– Прекрати называть «Указующий перст» Бетти.

– Прекрати называть Бетти «Указующим перстом»! – весело возмутился Гвен в ответ. – Она – самка, и ей неприятна мужская кличка.

– Это не кличка, – начал Данте, – это...

– Ой, все! – Прервал его Гвен. – Нет занудству! К тому же, я и сам уже обо всем догадался. Бетти в этот раз показала маленький отрезок, потому что мы почти пришли. А если она откроет путь до конца, то мы не будем больше ее кормить, и Бетти похудеет, сморщится, постареет, и злой дядька–Хранитель засунет ее на пыльную полку, где у нее не будет больше таких замечательных друзей, как мы.

– Не знаю, как ты, но я не друг этой карте-кровопийце, – заметил Марко.

– Не слушай его, Бетти, он черствый! – сказал Гвен. – Марко, в тебе души меньше, чем у Кошки!

И он тоже заметил. И даже придумал шутку по этому поводу. А сама Лина-Лин только равнодушно хмыкнула в ответ на эту реплику.

Впрочем, Гвенделю нисколько не мешало отсутствие души у Кошки. Последние пару дней они прекрасно общались. Вместе с любовью к Данте у девушки прошла и ревность к его лучшему другу. Вот и этим вечером у костра она с большим интересом слушала истории черноволосого мага, болтала и смеялась с ним. А Марко вместе с Верховным Хранителем молча наблюдали за этим.

– Не ревнуйте, – с улыбкой кинул им Гвен, когда Кошка отошла.

Марко отвел глаза в сторону, будто его это замечание не касалось. А маг с мечтательной улыбкой добавил:

– В моей жизни существует только одна женщина. Моя жена Лиз. Мы вместе с самого детства, но я люблю эту чертову ведьму все сильнее с каждым днем. И, конечно, наше маленькое семилетнее ведьмовское порождение. Оно растет еще прекраснее, чем ее мать, хотя я думал, что это невозможно.

Что тут ответишь? Все, кто сидел у костра, растерянно переглядывались. Имел ли кто-то из них право пытаться разрушить несуществующий мир Гвенделя?

Все они от чего-то бегут. Марко от своей судьбы, Лина-Лин от Проклятья, Гвендель от самых плохих новостей в его жизни, Хранитель от своих рутинных обязанностей,

Джен от страданий. От чего, интересно, бежит рыжая Джулия?

Но сейчас бурлил на костре котелок с ядреным цветочным вином, пахло жареной птицей, было тепло вот так вот всем вместе сидеть у огня. Потом их ждал сладкий сон, потому что Гвен нагрел землю при помощи магии. И пока что можно было просто жить.

Сумерки

Стояли на редкость пасмурные дни, и это было очень плохо. И дело вовсе не в том, что Данте ненавидел такую погоду и настроение осенней безысходности.

Существа из Нави категорически не выдерживали земного солнца. Оно было слишком ярким, горячим и непредсказуемым. Но в такую погоду, как в последнюю неделю, все твари Нинель будут рады поохотиться на людей днем.

Бетти, как называл ее Гвендель, совсем отбилась от рук. Она показывала просто мизерные отрезки пути, и приходилось кормить ее все чаще. Но замок Нинель, действительно, был близко – Хранитель чувствовал это. И Лина-Лин тоже чувствовала.

Он вздохнул, подумав о девушке. Будто что-то оторвали от сердца, когда она его разлюбила. Но не это было самое страшное. Перед Данте теперь был другой человек. Хранитель не переставал удивляться ее спокойному равнодушно-му взгляду. Кошка превратилась в стороннего наблюдателя и бывало жаловалась своему новому другу Гвенделю на скуку. По-настоящему тяжело было видеть ее такой.

Лес поредел. Были видны следы старых пожаров. Обугленные стволы и выжженная земля не прибавляли оптимизма, все шли быстрым шагом и молчали.

Наступили сумерки, когда среди деревьев вдали начали

маячить какие-то камни, и их команда еще прибавила ходу.

– Если мы придем в замок ночью, силы будут явно на стороне Нинель, – тихо сказал Данте Гвенделю.

В ответ друг достал мешочек с картой, развернул крупный лоснящийся кусок кожи.

– Бетти все еще молчит, – вздохнул он.

Вскоре они шли вперед, окруженные камнями разной формы и размеров. Которые, при ближайшем рассмотрении, оказались кладбищем. Среди редких обгорелых стволов стояли надгробия в виде валунов со стертыми неразборчивыми буквами, вдали виднелся небольшой склеп, заброшенная лет сто назад часовенка и множество изваяний в виде ангелов. Ближний из них был с обломанным крылом. Весь этот пейзаж выглядел, по меньшей мере, зловеще.

– Ого, – удивленно протянул Марко, озираясь по сторонам. – В этих глухих лесах нет ни одного поселения. Откуда здесь кладбище?

– Это не кладбище, – глухо ответил Данте.

– Это загон. – Ровно закончила за него Кошка.

Дальнейшие разъяснения не понадобились. Из-за могилы появился первый пес. Весь белый с горящими красными глазами. Потом еще один и еще. Наемники потянулись к мечам.

– Не поможет, – покачал головой Данте. – Это призрачные псы.

Звери заполонили все кладбище. Они медленно выходили из-за каждой могилы, вылезали из склепа. Белые псы рыча-

ли, скалились, но не нападали.

– Нам нужно пройти через кладбище. Просто пройти вперед. – Сказал Хранитель и сделал шаг. – Они не будут нападать. Их оружие – страх.

Тем временем призрачные псы сомкнули кольцо вокруг них.

– Идем. – Решительно сказал Данте, хотя на самом деле не был ни в чем уверен.

– Как же мы пойдем, их здесь наверное сотня... – возразил Марко.

Все стояли тесно друг к другу. Не смотря на уверения Хранителя, они никуда не шли.

Никто не двинется с места. Страх парализует их. Данте начал думать, как бы им вернуться и поискать обходные пути, но потом понял, что в нем тоже говорит страх. И он сделал несколько шагов вперед, хотя все его существо так и кричало, что надо бежать подальше от этого места. Несколько псов сразу кинулось на него. Он закрыл глаза, ожидая худшего. Леденящий ужас накрыл его с головой. Данте окатило неземным холодом, но псы только прихватили его за края плаща и расступились.

Наемники, Кошка, Гвен и Джулия тихонько двинулись за Хранителем. Псы рычали, скалили пасти, смотрели исподлобья красными глазами. Но не это было страшно, а та древняя магия ужаса, которую они насылали своим присутствием. Хотелось бежать без оглядки назад и больше никогда не

возвращаться сюда.

– Я больше не могу, – глухо произнесла Кошка за спиной Данте. – Давайте вернемся. Пожалуйста, давайте вернемся.

– Наверняка есть другой путь, – подхватил Марко.

– Заткнитесь, – рыкнул на них Джениус.

– Тебе не страшно? – удивленно спросил Гвендель. – Лично у меня коленки трясутся. Я понимаю умом, что это морок, но не могу сделать и шага.

– Ты правда думаешь, что есть что-то страшнее ада? – мрачно ухмыльнулся наемник.

– Веди нас, Джениус. – Принял решение Данте.

И фигура в черном кожаном плаще оказалась перед Хранителем. Джениусу тоже было страшно, но он слишком привык жить с этим чувством. Особенно последнее время, когда он в любой момент мог умереть от кинжала, который незримо присутствовал в его сердце.

Они шли вперед. Очень медленно, тяжело, борясь с подступающими волнами ледяного ужаса, но все же шли. И призрачные псы шли вместе с ними, иногда немного расступаясь спереди, но плотнее сжимая кольцо по краям.

Сумерки становились все гуще, красные глаза белых зверей все ярче сияли. Была уже середина кладбища, когда остановилась молчащая до этого Джулия.

– Я не хочу умирать, – тихонько сказала она.

Данте удивленно обернулся.

– Я не хочу умирать. – Повторила она. – Я не хочу уми-

рать, я не хочу умирать, я не хочу...

– Джулия, это ведь просто морок, – мягко перебил ее Хранитель. – Магия страха. Ты же видишь, эти собаки ничего не могут тебе сделать.

Но девушка стояла на месте, склонив рыжую голову и продолжала бормотать:

– Я не хочу умирать, не хочу...

Джениус сделал к ней шаг, взял свою жену за плечи и хорошенько тряханул.

– Возьми себя в руки, жена. – Жестко отрезал он.

Она подняла на него глаза, будто очнувшись.

– Ты не понимаешь... – Джулия обреченно покачала головой. – Я должна умереть...

– Я тоже. И что с того? – грубо отрезал наемник. – Сейчас мы должны идти дальше.

– Я не могу... – девушка опустила голову.

Данте почувствовал, как и его начинает накрывать. Он понял, что не в силах больше бороться. Просто нужно сдаться. Горстке наемников нет смысла идти против Нинель. Им не спасти Шенена. Хранитель посмотрел назад. Нужно отдать приказ – бежать без оглядки...

И тут Джулия тихонько запела. Все повернулись в ее сторону. Данте удивленно прислушался. Это был гимн богине Весны. Голос девушки постепенно крепчал, становился громче и сильнее. Она подняла голову. Марко подхватил ее на полуслове, потом Гвендель. Данте и сам не заметил, как

запел вместе с ними.

Чистые звуки песни, слова, полные надежды, стали для них лучиком света в этой надвигающейся темноте. И они снова двинулись вперед. И даже смогли немного ускорить шаг. Псы нервничали, бесились и все чаще кидались на них, не в силах причинить существенный урон.

А они пели вопреки всему. Среди тьмы, страха и беспросветной осени звучал светлый гимн богине весны. Когда он закончился, кладбище было пройдено. Собаки скалились им вслед. Похоже, за пределы загона они выйти не могли.

С облегчением Данте почувствовал, как отступает сковывавший сердце страх. Гвендель ободряюще улыбнулся Хранителю, Лина-Лин громко вздохнула с облегчением, а на хорошенькое личико Джулии вернулась обычная уверенность и слегка насмешливое выражение.

– Смотрите! – воскликнула Кошка.

Над лысыми обугленными деревьями возвышались черные башни. В окошке одной из них поблескивал холодный свет. Они успели. До полнолуния оставался один день, а, значит, Шенен еще жив.

– Мы почти пришли, – удивился Гвендель. – Бетти, ну что же ты молчала? Мы бы прибавили шагу, чтобы оказаться здесь до темноты.

– Нам нужно сделать факела. – Приказал Данте. – Ищите подходящие палки, рвите одежду.

– У меня еще осталось цветочное вино, – хитро сообщил

Гвен.

– Сейчас не до этого, – отмахнулся Хранитель, но потом понял. – Ты хочешь сказать, что оно еще и горит?

В кругу друзей

В одной руке Марко сжимал импровизированный факел, в другой меч. Они двигались вперед, пристально вглядываясь во мрак. Деревья становились все реже. Иногда в темноте загорались чьи-то желтые глаза, но тут же исчезали.

– Началось, – спокойно сказал Данте.

И Марко увидел, как в темноте к ним приближаются пока неясные силуэты. Слишком крупные и мускулистые, чтобы быть людьми.

– Сикомэ? – спросил Хранитель у Кошки.

– Они. – Кивнула девушка.

Похоже, она уже успела разглядеть их. Всего трое. А нет, вот еще двое показались из-за кустов. И еще несколько, пока непонятно сколько, мелькали за деревьями в отдалении.

Ближних уже можно было рассмотреть, и Марко поморщился, увидев лицо одного из сикоме. Сморщенное, выпученные глаза, острые уши, желтые зубы такие крупные, что не помещались во рту. Одежды на них почти не было. Жилистые мускулистые тела выдавали хороших бойцов. В длинных руках они сжимали дубины.

Не дойдя до группы людей несколько метров, сикоме напали с разбегу.

Огонь, действительно, пугал их, но, уворачиваясь от него, эти уроды продолжали сражаться. Вся команда Марко состо-

яла из отличных воинов, вместе они неплохо держали отпор, умудряясь продвигаться потихоньку вперед, к замку. Разве что Кошка на фоне остальных была слабоватым бойцом, но зато она первоклассно уклонялась от ударов дубин.

Несколько страхолюдин они уже убили, но подросли новые. Наемник старался не думать, сколько их еще может набегать. Главное, что с ним плечом к плечу сражался его надежный друг, а, значит, переживать было не из-за чего.

– Там еще ачери! – крикнула Кошка.

Видимо, слова предназначались Хранителю, потому что Марко понятия не имел, кто это такие. Наемник обернулся и увидел несколько маленьких девочек в светлых платьицах.

– Бейте их, это не дети. – Предупредил Данте. – И не люди.

– Легко. – Тут же согласилась Кошка.

Но когда к Марко подошла одна из этих девчушек, ничем не вооруженная, он просто не смог поднять на нее руку.

Малышка приоткрыла рот, который тут же превратился в пасть шире, чем у льва, из которой капала зловонная слизкая слюна.

Руки девочки неожиданно выросли, а длинные влажные крючковатые пальцы вцепились наемнику в шею.

Отбиваясь, он понял, что эта тварь пытается засунуть его голову в свой огромный рот. Как же он жалел, что замешкался – теперь уже слишком крепко держали его крючковатые пальцы.

Внезапно существо издало звук, похожий на визг. Это

Джениус рубанул ачери по рукам и вновь исчез в гуще сражения. Марко вздохнул с облегчением и кинул на землю два отвратительных выгнутых обрубка с крючковатыми пальцами. Тут же ему пришлось отбить атаку двух сикоме, одного из них удалось прикончить. Тварей кругом становилось все больше.

Пока он отчаянно рубил еще одну ачери, кто-то больно укусил его за икру. Маркус кинул быстрый взгляд вниз. Маленькие пушистые бесформенные создания ползали по земле и хватали всех за ноги.

Кошка присвистнула.

– Я вижу ифритов, гулей и огров. И угадайте, куда они все идут?

– И еще там какие-то уроды, похожие на медведей, – добавил ее брат, вынимая свой меч из еще одной ачери.

После смерти маленькая девочка тут же превратилась в морщинистое скрюченное существо.

Продвигаться вперед становилось невозможно. Скорость битвы все увеличивалась из-за обилия напирających со всех сторон существ.

– Прикрывай меня, я начерчу круг, – кинул Джениус и бросился под ноги одному из сикомэ.

Которого Марко тут же проткнул насквозь.

– Зачем? – крикнул наемник, рубя мечом налево и направо.

Легко сказать: «прикрывай». Он сейчас едва мог при-

крыть сам себя. Несколько свежих ран на боках тоже давали о себе знать.

– Гвендель все это время готовил заклинание, – едва переводя дыхание, объяснил ему Данте, помогая расчистить путь для Джениуса.

И правда, с ними же был маг, почему он до сих пор не изничтожил зоопарк Нинель какими-нибудь огненными шарами...

– Потому что я маг воздуха, – неожиданно отозвался Гвендель.

Он стоял, весь окруженный голубым сиянием, и не одна тварь не приближалась к нему.

Когда Джениус закончил чертить круг, Марко уже едва стоял на ногах, а одежда насквозь пропиталась потом и кровью. Ему казалось, что он прямо сейчас свалиться от усталости, но вместо этого наемник продолжал разить всех чудищ без разбора. Только иногда слабо удивляясь, насколько одна рожа уродливее другой.

Чья-то рука затащила Маркуса в начерченный круг, а потом была яркая голубая вспышка. Когда наемник открыл глаза, готовый безудержно махать мечом дальше, он понял, что возле него стоят только его друзья. А все твари окружают их, не в силах пересечь черту. Гвендель больше не светился. А вот круг на земле немного подсвечивал магическим голубым цветом в темноте.

Марко было все равно, что это за магия. Он обессиленно

опустился на землю, воткнув рядом с собой факел. Остальные последовали его примеру.

Круг получился довольно широкий, Джениусу пришлось обойти эпицентр битвы, когда он его рисовал. Все стянулись ближе к центру, чтобы твари не нависали прямо над ними.

– И что дальше? – спросила Кошка, тяжело дыша. – Долго мы собираемся здесь прятаться?

– Нам нужно хотя бы перевести дух. – Ответил ей брат. – И мне нужно безопасное место, чтобы обратиться.

– Давно пора, – недовольно буркнула сестра.

Твари шевелились за чертой. Некоторые бесновались и бросались на стену, но, в основном, спокойно разгуливали в ожидании. Их было так много, а некоторые были такие огромные, что Марко искренне не понимал, как они вшестером до сих пор живы.

Факела почти все погасли, и стало бы совсем темно, если бы не пятерка огненных ифритов, роившихся за кругом. Они неплохо освещали местность.

Марко жадно напился воды из фляги. Задрал кофту и посмотрел, насколько погано выглядят его раны. Да и все его друзья тоже чувствовали себя не лучшим образом.

– Что будем делать? Ждать рассвета? – спросила Джулия, убирая от лица спутанные волосы. – У Гвенделя хватит Силы так долго держать защиту?

– Если утром будет пасмурно, эти твари никуда не денутся, – ответил ей Данте.

Кошка внезапно вскочила на ноги. Принюхалась.

– Сера... – растерянно проговорила она, оглядываясь по сторонам.

Скоро все почувствовали запах. Зловонный дым наполнил всю территорию внутри круга. Марко закашлялся и подумал, что их хотят выкурить за черту на растерзание чудовищам. Но дым вскоре рассеялся.

Наемник открыл глаза и поднял голову, уже зная, кого увидит. Но реальность превзошла все его ожидания. Да, перед ними стояли старые знакомые – птицелюди в черных плащах. Их, к тому же, была целая толпа, но не это было самое главное. Между ними стояла невероятной красоты женщина в роскошном черном одеянии. У нее были длинные белые волосы и холодный взгляд. Тонкие пальцы в перстнях сжимали трость с рукояткой в виде головы черного дракона.

Не сложно было догадаться, кто явился перед ними собственной персоной.

Свет Онори, Тьма Нинель

Нинель была похожа на богиню Онори, как две капли воды. Только не было роскошной короны с глазами. Но по выражению лица, по саркастически искривленным кроваво-красным губам, по взгляду, полному льда, можно было догадаться, что перед ними богиня Тьмы. Данте знал, что они с Онори были сестрами, но не ожидал, что близнецами.

– На что, интересно, рассчитывала эта кучка идиотов? – спросила Нинель у своих слуг.

И птицелюди дружно заклокотали, слегка подергиваясь. Видимо, это должно было обозначать смех.

– Я как раз заскучала, сидя в своем замке. – Продолжила богиня. – Здесь, в Яви, тоска смертная.

– Зачем ты здесь? – спросил Данте, пытаясь потянуть время.

– Трудно влиять на ход истории, не находясь в гуще событий, – любезно пояснила Нинель.

И тут же добавила:

– Взять их!

– Обращайся, Джениус, мы тебя прикроем! – крикнул Данте, отбиваясь от первого быстрого, как вихрь, удара.

Он помнил, как хорошо эти создания Нинель владеют мечами. Проклятые вороны.

Над полем боя раздалась дикие нечеловеческие крики

Джениуса, принимающего свое теневое обличие. Хранителю на глаза попался Марко. Он плотно сжал губы и едва сдерживал себя, чтобы не обернуться.

Данте заметил, что некоторые птицелюди просто стоят в стороне. Похоже, они считают, что хватит и пятерки их воинов, чтобы расправиться с маленькой кучкой жалких людшек. Возможно, так оно и было.

Смолкли вопли и хрипы Джениуса за спиной, и по правое плечо Данте возникло рослое демоническое создание по имени Саммаэль Бертран.

Богиня Нинель казалась удивленной.

– Кому ты служишь, посланник ада? – с презрением спросила она. – Темная сторона Нави гораздо ближе тебе, чем эта кучка смертников.

– Кучка смертников – это твои носатые ублюдки, – равнодушно отозвался Саммаэль.

Нинель слегка нахмурила брови и сделала жест своим слугам. Сразу трое бросились на наемника. И, какими бы ловкими и сильными не были птицелюди, Джениус в этом обличии ничуть им не уступал. Кажется, у команды Данте появился небольшой шанс на победу. Если только Гвендель сможет сотворить еще какое-нибудь заклинание.

Богиня прогуливалась вдоль черты. Похоже, выйти за нее она не могла.

– Как приятно видеть, что с вами Правитель погибшего города Флаверна, – заявила она. – Посмотрите, сражается,

как пантера. Даже ранил одного из моих птенчиков...

Нинель сделала знак, и птицелюди замерли в боевых позах. Данте и остальные тоже застыли в напряжении, готовые в любой момент снова отражать атаки.

– А теперь опусти меч, Гвендель Энироуз, – Жестко отрезала богиня Тьмы, – и вспомни, что ты должен быть на нашей стороне.

– Действительно, почему бы нет, – развеселился Гвендель. – Друзья, всем пока, я на сторону Нинель!

Но Данте было совсем не смешно. Он понимал, что богиня не просто так говорит эти слова.

– Обрати меч против своих друзей или мы заберем обратно то, что вернули тебе! – жестко отрезала Нинель.

– Что же? – поинтересовался Гвендель с широкой усмешкой.

– Твой город, – медленно начала богиня, – твою семью, жену, маленькую дочурку.

– Гвендель не слушай, – твердо проговорил Данте, – Они ничего тебе не возвращали. Все на самом деле мертвы.

– Что вы говорите? – недовольно отозвался Правитель погибшего города. – Все они живы и здоровы. А цветущий город Флаверн благоухает, как и прежде.

– Только до тех пор, пока ты не пойдешь против нас, – усмехнулась Нинель. – Тогда все исчезнет. Выбирай – горстка неудачников или вся твоя жизнь?

– Горстка неудачников? Это вы про себя?

– Ну что же, придется тебе кое-что напомнить...

И тут Данте понял, что к его другу возвращается память.

Гвен выронил меч и уставился в землю невидящим взглядом.

– Только не убивайте его, – кинула с усмешкой Нинель своим слугам. – Дайте насладиться эффектом.

Теперь все смотрели на Гвена. Стояла тишина, только монстры чавкали, рычали и сопели за пределами круга.

– Все они погибли... – медленно проговорил черноволосый маг, поднимая глаза на Хранителя. – Данте, как я мог забыть? Мою жену Лиз схватили Серые Мастера и должны были сжечь на костре как ведьму. Я не знал. Я пришел на площадь и увидел ее, привязанную к столбу. А потом начался ураган, который уничтожил весь город. Ветер не пощадил никого. Я бродил по руинам мертвого города. Я стоял на обломках дома, под которым было погребено тело моей дочери...

Гвендель, похоже, напрочь забыл, где они сейчас находились, и что должны были делать. В его глазах были только ужас и боль.

– А потом... – медленно продолжил маг, – Нинель вернула мне их...

– Не верь ей...

– Она вернула все, как было, – повторил он.

– Она не возвращала, Гвендель. Все мертвы, – с трудом ответил ему Данте.

– А теперь подними меч, и убей Хранителя! – приказала Нинель. – Или снова потеряешь все.

– Поверь мне, – тихо попросил Хранитель, – она лжет.

Но Данте понимал, что ни одному нормальному человеку, не захочется верить, что его семья мертва, а город разрушен. И он сжал меч покрепче, готовый отражать удар своего лучшего друга.

И Гвендель действительно поднял оружие с земли. Данте не успел и моргнуть, как маг разрубил стоявшего рядом с Хранителем птичеловека. Битва мгновенно завязалась снова.

– Тогда вспомни еще кое-что, Правитель погибшего города. – Холодно сказала Нинель.

Друг Данте вскрикнул и схватился за голову. Меч выпал из его рук.

– Прикрывайте Гвенделя! – заорал Хранитель.

Пока Данте отвлекся, птицелюди успели слегка ранить его с двух сторон. К счастью, возле мага возникла мощная фигура Саммаэля, и Хранитель мог спокойно продолжать сражаться. Только вот без Гвенделя и его магии шансов у них не было. Никаких.

Краем глаза Данте видел, что друг стал весь белый, как полотно и осел на землю. Просто сел посередине сражения и явно не собирался подниматься.

– Вставай! – заорал Хранитель. – Вставай, черт возьми, и сражайся! Так ты не вернешь свою семью! Ты нужен нам! Ты

мне нужен!

– Нет... – тихо прошептал Гвендель. – Нет...

Данте огляделся по сторонам. Все были еще живы, но билась с трудом. Марко чуть не выпал за черту, где его быстро бы растерзали. Кошка только и делала, что уворачивалась, потому что не могла уже нанести нормальный удар от усталости. Только Саммаэль яростно сражался за четверых. Но птицелюдей было еще слишком много. Нужно было чудо.

Джулия встала плечом к плечу с Данте.

– Уже поздняя осень, Хранитель, – громко сказала она ему. – Это прекрасное время, чтобы умереть.

– Прямо сейчас? – спросил он, догадавшись, о чем говорит рыжая девушка.

– Я не умру просто так. – Она говорила почти весело. – Я принесу себя в жертву тебе и всем твоим соратникам. Ты понимаешь, что это значит?

Да, он понимал. И он не хотел этого. Но его руки уже едва поднимались, чтобы нанести очередной удар, болели раны, не хватало дыхания...

– Я попросила бы тебя убить меня, но Джениус не простит тебе этого. Так что... Просто передай, что я всей душой люблю его. А теперь прикрой меня, пока я проведу ритуал. И смотри, чтобы Джен не видел.

Сражаясь, они отступили прямо к черте. Так, чтобы не попадаться на глаза Нинель. Девушка встала за Данте. Он отводил удары от нее и от себя и слышал обрывки фраз, кото-

рые Джулия говорила нараспев.

– Как осенний дождь, падающий с неба, прими земля мою кровь. Как горячий ветер с юга, прими, Творец, мой последний вздох...

К счастью, Саммаэль сейчас был слишком занят, чтобы заметить их странный маневр, ведь на нем сейчас лежала вся основная нагрузка.

– Я приношу свою жизнь в жертву Хранителю Данте и его соратникам, – продолжала рыжая жрица любви. – Всю энергию моих непрожитых лет я отдаю его борьбе за процветание Великого Королевства. Пусть все выйдут живыми из этой битвы. Пусть чаша весов качнется в сторону Света. Да пробьется трава через ледяную почву! Да пребудет весна!

И она сделала шаг назад. За черту. Данте не обернулся, он просто не мог, его атаквали со всех сторон. Но за спиной он ясно услышал звуки разрываемой одежды и плоти, чавканье и жадное сопение. И картинка того, что происходило сейчас за кругом живо возникла у него перед глазами. Джулия не издала ни звука. Она умерла молча. Никто даже не заметил.

Он бился, а перед глазами стояло ее красивое улыбающееся личико с рыжими волосами. Они вместе путешествовали, ели из одного котла, смеялись над одними и теми же шутками, сражались бок о бок. Джулия была восхитительна и не на кого не похожа. Жрица любви, храмовая танцовщица, отважный воин. Но ее больше не было. Он позволил ей умереть. Потому что так было надо.

Данте заметил, как Саммаэль посмотрел в одну сторону, потом в другую. Успешно зарубив очередного противника, он обернулся, встретившись глазами с Хранителем. Джениус искал на поле битвы свою жену. Но птицелюди продолжали атаковать, и наемнику оставалось только сражаться.

Силы покидали Данте. Он чувствовал, что враги теснят его к черте. Еще немного, и он окажется за пределами круга. Его разорвут, Навь заберет его тело, вылечит, а потом через пару дней вернет его земле, потому что его время еще не пришло. Только вот на этой земле уже не будет ни его любимой девочки, ни лучшего друга, ни двух героических наемников, ни Шенена.

Похоже, жертва Джулии не была принята Творцом. Им уже ничего не поможет. Даже Саммаэль выдохся. А Нинель наблюдала за всем происходящим, как за интересным представлением. Похоже, они и правда здорово развеяли ее скуку.

Хранитель поднажал немного, вкладывая всю силу в удар, чтобы хоть чуть-чуть отодвинуться от черты.

И тут в голове раздался голос Гвенделя.

«Я вспомнил, богиня Нинель. Теперь все вспомнил».

По растерянным взглядам окружающих Данте понял, что голос мага звучит в головах у всех присутствующих.

Хранитель глянул в ту сторону, где сидел на земле его друг. Он поднялся и даже с новыми силами отражал атаки кинувшихся на него птицелюдей.

«Моя жена была привязана к столбу, – продолжал звучать в голове голос. – Я стоял в толпе и смотрел на нее. И чувствовал, как в жилах моих закипает Сила, которую я скрывал ото всех и не использовал много лет. И кто-то будто шепнул мне на ухо: «Давай! Это единственный шанс спасти Лиз!». Это была ты, Нинель».

Битва немного замедлилась, ведь все слушали этот голос у себя в голове.

«Ты научила меня. И я вызвал ураган. Самый страшный, который только мог быть. Вся дремавшая во мне Сила вылилась наружу. Я и не подозревал, какой разрушительной она может быть. Я в упоении управлял ею. Сначала я убил всех, кто жаждал смерти Лиз, всю толпу на площади. Потом снес Флавернскую Обитель Серых Мастеров. Жажда разрушения поглотила меня, и, сам себя не контролируя, я уничтожил все. И не успокоился, пока в городе не осталось ни единого живого человека».

Данте обнаружил, что этот голос вытеснил все остальные мысли, и сражение стало настолько вялым, что можно было опустить меч и отойти в сторону. Все слушали и ничего не могли с этим поделать.

«После этого, еще не понимая, что натворил, я подошел к единственному нетронутому месту – к кострищу. Я отвязал Лиз, и она мертвая рухнула мне на руки. Палач из жалости придушил ее перед сожжением».

Больше никто не сражался. Гвендель не просто переда-

вал мысли. Он передавал эмоции. Те, которые пережил он сам в тот момент. И это было невыносимо. Конечно, это не действовало на Нинель, но вороны были когда-то обычными людьми, им не чужды были эмоции. Теперь все они, в том числе и Хранитель, чувствовали себя как Гвендель, когда он бросил меч и опустился на землю. Данте обнаружил, что из глаз его текут слезы.

«Тогда я понял, что натворил. Я огляделся по сторонам и увидел руины. Я прошел мимо домов, где жили мои друзья и близкие... И я не выдержал, я воззвал к голосу, который шепнул мне «Давай» тогда у костра. И ты откликнулась, Нинель. Ты предложила мне все забыть. И я согласился, потому что понял, что жить с этим невозможно. И пошел бродить по свету счастливым дурачком».

И так как над полем боя теперь висела тишина, не считая зоопарка за кругом, то голос Нинель прозвучал громко и отчетливо:

– И тебе не пришлось бы жить с этим, если бы ты не вел себя как идиот.

– Но и ты, моя богиня, допустила ошибку, – тоже вслух ответил Гвендель и поднял руку. – Ты научила меня, как пользоваться этой разрушительной силой.

И тут Данте услышал вой ветра. Такой громкий, что он тут же заглушил все другие звуки. Воцарилась полная темнота, никаких светящихся ифритов больше не было и в помине. За пределами круга пыль стояло столбом, а ветер ре-

вел так жутко, что все заткнули уши. Это был звук катастрофы. Промелькнула мысль, что однажды, вся земля погибнет именно с таким звуком.

В кругу не было ветра, но от Гвенделя исходила такая мощь, что Данте буквально размазало по несуществующей стенке из воздуха. Она держала его и не отдавала безжалостному урагану. Что было с остальными, он не знал. Только разглядел в темноте светящиеся глаза Лины-Лин и Саммаэля. Брат с сестрой были вжаты в противоположную стенку магического круга.

Данте не понял, как долго длился этот конец света, но когда вой ветра утих, и столп пыли за чертой опустился, уже почти рассвело. За пределами их круга больше не было ничего. Ни деревьев, ни монстров, ни замка темной богини. Только голая земля куда ни глянь. Лишь там, откуда они пришли, снова начинался выжженный лес.

Птицелюдей тоже не было. Их снесло за пределы круга. Наемники и Лина-Лин были на месте. Джениус уже был в своем обычном виде. Окровавленные, грязные, еле живые от усталости, они ошарашенно оглядывались по сторонам, лежа на земле.

Нинель находилась там же, где была до начала урагана. Она тоже озиралась, не веря своим глазам.

Напротив нее спокойно стоял Гвендель. Он был бледный и усталый, длинные волосы окончательно спутались, но маг твердо держался на ногах.

Первый лучик утреннего солнца скользнул по лицу Данте, и вскоре вся поляна медленно начала заливаться холодным осенним светом. И Хранитель вспомнил про Джулию и ее жертву. Это солнце тоже подарок им всем от нее.

– Шенен! – вдруг воскликнул Джениус, вскакивая. – В том чертовом замке был Шенен!

Гвендель отрицательно покачал головой.

– Нет. Не было. – Ровно ответил он, и голос друга показался Данте чужим и далеким. – Я не просто вызвал ураган. Я сам и был этим ураганом. Видел все его глазами, понимал все, что творится кругом. В замке, когда я разрушал его, не было Шенена.

– Где он, Нинель? – спросил Данте, не слишком надеясь на ответ.

Богиня закрывалась рукой от солнца.

– Что происходит? – спросила она. – Где я?

Ее голос тоже изменился. Из него исчезли железные нотки.

– О нет... – Нинель ощупала голову, – где моя корона?

Она была уже совсем прозрачной, когда говорила это. И вскоре исчезла совсем. Но Данте все понял. Спустя столько лет истина открылась ему. И он предпочел бы никогда не узнать ее... Онори и Нинель – это одно и то же лицо. Разные лики одной и той же богини...

Женщина, которая чуть не погрузила мир во Тьму и Хаос, была его матерью. И той, кто всю жизнь боролась с Тьмой,

хотя сама же ее и создавала.

– Хранитель Данте, где моя жена? – глухо спросил Джен.

Он знал ответ. Ему было нужно только подтверждение. Но как же тяжело было произнести это вслух.

– Джениус, мне очень жаль. Она умерла.

На суровом окровавленном лице наемника не отразилось ничего.

– Как это произошло? – только и спросил он.

– Случайно вышла за черту.

Он не мог рассказать, что девушка принесла себя в жертву. Никто из них не готов сейчас это понять. Хранитель вспомнил еще кое-что очень важное.

– Джениус, она просила передать, что любит тебя всей душой.

Вот тут наемник посмотрел на Данте ошарашенно. Этого он точно не готов был услышать. Он ни о чем даже не догадывался.

– Идем отсюда, – потерянно проговорил Джен и отвернулся, чтобы никто больше не видел его лица.

Каково это – узнать о любви, когда человека уже больше нет в живых?

Марко с трудом поднялся, пошатываясь, и подал руку Кошке. Но та встала сама.

– А знаете, было даже забавно, – устало сказала она. – Я никогда еще столько не сражалась.

– Нинель убила Шенена? – задал Марко еще один страш-

ный вопрос.

– Думаю, нет– покачал головой Данте. – Онори говорила, что...

Хранител осекся. Да, она говорила, что Нинель принесет чистую душу в жертву только в полнолуние. Но ведь Онори и была Нинель. Вряд ли Хранитель теперь сможет когда-нибудь ей верить. Он больше не придет за советом к своей матери.

Все вместе они двинулись по дороге назад. Опустошенные, уставшие и утратившие так много.

Гвендель, разом лишившийся всего. Во второй раз. Но не это самое страшное, а то, как много душ он загубил. Маг молчал. Как он теперь будет жить с этим? И будет ли? Стоило признаться себе честно, что Гвен стал опасен для Великого Королевства... И когда все закончится, Данте должен будет решить, что ему делать с лучшим другом. Но сегодня этот маг спас мир. Разрушил темный замок. Теперь темное обличие Нави долго будет восстанавливаться после такого удара.

Джениус так и брел впереди, спотыкаясь через каждые несколько шагов. Он мог умереть в любую минуту, но судьба распорядилась, чтобы смерть первой унесла его жену. И чтобы наемник осознал, что любит эту женщину, только когда ее уже не станет в живых.

Лина-Лин потеряла не меньше, чем Джениус, но не помнила об этом. Убив в себе всю любовь, которая у нее была к людям, она утратила смысл жизни. Сегодняшняя ночная

битва показалась ей веселой забавой, потому что ей наконец-то было, чем заполнить время, которое теперь течет совершенно без смысла, как в песочных часах. И пустоту, которая теперь была на месте сердца.

У Марко по щекам сегодня потекли слезы, когда после страшной ночи он увидел первые лучи солнца. Но он сказал, что у него просто слезятся глаза. Марко любил Кошку, которая не отвечала ему взаимностью. Любил Джениуса, который фактически был уже мертв. Любил Шенена, которого не оказалось в замке.

И среди них шел Верховный Хранитель Данте, который навсегда утратил то, ради чего жил. Как хранить баланс, если борьба Света и Тьмы – это просто раздвоение личности и дешевый фарс? В чем смысл вековых традиций и тысяч жертв, подобных Джулии? В том, чтобы богиня Нинель играла в свою дурацкую игру и переодевалась из светлого платья в черное, как Лина-Лин в спектакле «Зеленого гуся»?

Их теперь осталось пятеро после смерти Джулии. Пять одиноких и потерянных людей, бредущих по голой выжженной земле в сторону леса.

Выжившие

Это была одна из самых темных и тяжелых ночей в жизни Марко. Он и не думал уже, что она когда-нибудь закончится. Призрачные псы, монстры, Нинель, птицелюди, очередное обращение Джениуса, смерть Джулии, которой он даже не заметил... И потом голос Гвенделя в голове. И самое ужасное, что Марко пережил все вместе с ним. Он почувствовал, будто он уничтожил целый город, он помнил многих из жителей в лицо, кого-то из них любил... Он обрушил здание на собственную дочку... Марко думал, что его убьют, потому что больше не мог сражаться, но, оказалось, что все чувствуют то же самое.

И в завершении был конец всего. Наемнику показалось, что теперь Гвендель решил уничтожить весь мир. Маркус был один в темноте, было невыносимо холодно, он не мог пошевелиться. Только слушал страшный шум, от которого разрывались барабанные перепонки... Хотелось забыть это и никогда не вспоминать.

А потом оказалось, что Шенена нет в замке. Марко не верил, что его убили. Оставалось надеяться, что богиня Онори подскажет Данте, где теперь искать их подопечного.

Страшная неестественная пустошь, оставленная ураганом, кончилась. Начались выжженные деревья. Лина-Лин остановилась, и Марко увидел, что она собирает вещи, остав-

ленные ими перед битвой с сикомэ.

Все остальные прошли мимо мешков, будто их не существовало. Марко было не по себе от эти пустых глаз и выражения безысходности на лицах Хранителя, Джениуса и Гвенделя. Такими он их никогда не видел.

Наемник помог Кошке собрать вещи. Надел на себя один заплечный мешок, другой на Джениуса, который машинально придержал его, не оборачиваясь.

Перед ними снова лежало кладбище. Только призрачных псов больше не было видно. Наверное, солнце разогнало их. Марко оглядывался по сторонам. В утренних лучах здесь было очень красиво и не совсем не жутко. Он разглядывал старинные статуи ангелов – плачущие, молящиеся, скромно потупившие взор. Теперь он мог разглядеть их лица – спокойные и симметричные, прямо как у Шенена.

Один из ангелов был разрушен, осколки валялись у постамента. Странно, ведь здесь не было смерча, а призрачные псы не могли наносить физический урон...

– Доброе утро, – услышал наемник за спиной.

Все резко обернулись и так и застыли. У одного из надгробий стоял Шенен. Он был в своем белом одеянии, в котором его похитили во время представления. Только краски на лице, к счастью, уже не осталось. Иначе они приняли бы его за привидение. Несколько секунд висела тишина.

– Объятия? – спросил их подопечный, пытаясь определить действия, подходящие к случаю.

Он был жив. Стоял перед ними, как ни в чем не бывало – невозмутимый и прекрасный. Марко обнаружил, что улыбается во весь рот. Встреча с Шененом здесь была как первые лучи солнца после несостоявшегося конца света. Наемник первый подбежал и обнял его до хруста костей. И почувствовал, как светло и тепло становится на душе. Потом подошла Лина-Лин, приобняла небесное создание и чмокнула в щеку.

– Привет, Шенни! – весело сказала она. – А мы как раз тебя искали!

Шенен задержал на ней взгляд. Похоже, почувствовал, что она изменилась.

Джениус еще немного простоял в ступоре, но все же сделал два шага вперед. И снова замер, будто не веря своим глазам. И Шенни сам подошел к нему. Лицо его в этот момент было таким светлым, будто он улыбался, хотя губы оставались неподвижными.

Они обнялись и замерли. Марко заметил, что Джениус уткнулся Шенену в плечо, а тот легонько поглаживал его по спине, будто утешая. Наверняка, их подопечный уже все понял. И про кинжал в сердце, и про Джулию.

Так они и стояли посреди кладбища, обнявшись – небесное создание и порождение ада. Два существа, которые по всем законам природы должны были ненавидеть друг друга.

Наконец, Джениус отстранился. Его взгляд уже не был таким пустым. Марко почувствовал, что другу стало легче.

Гвендель и Хранитель молча наблюдали за происходя-

щим. Но Шенен подошел и обнял их по очереди, забирая частички и их боли тоже, вселяя надежду.

– Я все это время стоял на постаменте. – Пояснил Шенен. – Нинель спрятала меня, когда поняла, что вы идете. Я не мог ни двинуться, ни говорить. К счастью, после нашего спектакля это было не сложно.

Теперь они вшестером уходили подальше от этого проклятого места, слушая небожителя. Джениус накинул на плечи Шенни одеяло, чтобы он не мерз в своей театральной тунике. А Марко вспомнил про голод и раздал всем остатки вчерашней дичи. Даже для Шенена отыскались в котомке какие-то съедобные корешки, которые собирала прекрасная рыжеволосая Джулия.

– Я смотрел на вас, как вы шли к замку. – Продолжал Шенен. – Я думал, что больше никогда вас уже не увижу. В какой-то момент вы остановились прямо возле меня. Как раз когда Джулия запела... Я молился за вас. Это все, что я мог сделать.

После полудня у Джениуса случился приступ. И сразу же одна мысль поразила Марко, как удар молнии. Его друг выполнил свой долг – помог спасти Шенена. И теперь он может спокойно умереть... Но Маркус был категорически с этим не согласен.

И снова он тряс друга и бил по щекам. Шенен положил голову Джена себе на колени. Марко посмотрел на голубоглазое существо с надеждой, но оно только покачало головой.

– Я бы отдал свою жизнь за него. – Спокойно проговорил небожитель, глядя в угасающие глаза Джениуса. – Самое ужасное – осознавать, что ты ничего не можешь сделать.

Об этом думал и Марко, держа холодную руку. Дыхание друга стало совсем слабым. Больше не было никакой надежды.

Лина-Лин присела рядом, потрогала пульс Джена. Сохранилась же в ней память о том, как сильно она любила своего брата. Должна же она была хоть что-то почувствовать.

Шенен молился. Очень тихо, но Марко разобрал слова:

– ...хотя бы пару дней. Теперь я умею ценить каждую минуту, проведенную с теми, кого любишь. Даже два дня можно прожить так, будто целую вечность...

– Бьется, – вдруг сказала Лина-Лин.

И Джениус действительно сделал глубокий вдох и открыл глаза.

Пришлось сделать привал, чтобы Джен пришел в себя. Бледный и молчаливый Гвендель предложил разогреть вина, и после всего пережитого, это показалось всем отличной идеей.

Фраза Шенена про два дня никак не выходила у Марко из головы. Неужели это необратимый срок. Два дня, и Джениус отправится в Ад.

– Неужели нет никакого способа спасти его? – не выдержал Маркус.

Повисла тишина. Никто не спешил ответить на этот во-

прос.

– Я знаю одного человека, – вдруг заговорил Гвендель, – если не поможет он, то никто не поможет.

В Марко тут же затеплилась надежда.

– Кто он? Где живет? И, главное, как быстро мы сможем до туда добраться?

Они находились в глухом лесу, у них не было даже коней. До куда вообще они смогут добраться за два дня?

– Я бы не заговорил о нем, если бы не было надежды. Я думаю, это место не настолько далеко.

Как все же сильно изменился Гвен. Голос был тусклый, от прежней насмешливости и жизнерадостности не осталось и следа.

Маг с трудом поднялся на ноги, отыскал в вещах «Указующий перст».

– Не жалейте крови, – приказал Гвендель, когда все уселись в круг. – Давай, Бетти, покажи как можно больше. Прощу тебя, в последний раз.

Все закрыли глаза.

– Представьте себе огромную высокую гору, – продолжил маг. – В нее нет входа, из нее нет выхода, но внутри горы целый город. Просто представьте это, а остальное я покажу Бетти сам.

И карта действительно откликнулась на просьбу Гвена. Она подросла и вытянулась. Красная жилка свернула направо, потянулась вперед. Гора эта была недалеко. Примерно

пять дней пути. Пять дней, которых у них не было. Марко захотелось схватить карту, смять и швырнуть в огонь. Но он сдержался.

– Он не проживет пять дней, – сказала Кошка, ничуть не смущаясь того, что брат все слышал.

Впрочем, Джен и сам все прекрасно понимал.

– Гвендель, ты можешь что-нибудь сделать? – аккуратно спросил Хранитель.

– Да.

Гора

Заклинание «Попутный ветер» значительно ускорило их передвижение. Они почти не чувствовали его действия. Только карта показывала, какие огромные отрезки пути они преодолевают. Оказалось, убив всех людей в своем городе и всех монстров Нинель, Гвендель стал многократно сильнее. Данте даже сложно было вообразить себе и масштабы этой Силы. И это было страшно.

Хранителю надо было уже давно вернуться обратно в поместье Иллингтон. Наверняка советники уже подняли панику и организовали поиски. Но он пока не готов был идти туда. Он даже не был уверен, что вообще вернется. Он знал, что сейчас должен быть с Гвенделем. К тому же, Шенен никуда не уйдет от Джениуса, пока тот либо не поправится, либо не умрет.

Поэтому Данте и сосредоточился на настоящем моменте, беря пример с Шенена. Даже Гвен немного ожил под его влиянием.

Не прошло и двух дней, как они добрались до заветной горы. Она возвышалась одиноко недалеко над морем. Древняя, широкая, но не особо высокая.

– Ну и где здесь вход? – спросила Лина-Лин у Гвенделя.

– Я же говорил, здесь его нет, – отозвался он. – Если честно, я понятия не имею, как туда попасть.

– Ну здорово, – усмехнулся Марко. – Ты вообще уверен, что это та гора?

– Когда я оказался здесь первый и последний раз семь лет назад, я заблудился. А потом просто оказался внутри.

– Думаю, можно просто попросить, – предложил Шенен и пошел к горе.

– Мы пришли с миром! – обратился Гвендель к величественной скале. – Креон! Мы пришли просить о помощи!

Некоторое время ничего не происходило, а потом Хранитель моргнул и открыл глаза уже в другом месте. Он медленно огляделся по сторонам. Нетрудно было догадаться, что они оказались внутри горы. Кругом были стены, высокие темно-коричневые своды. Кое-где по ним с приятным журчанием стекала вода.

– Здравствуй, Креон! – Гвендель почтительно поклонился человеку, который вышел их встретить.

Это был старик с очень длинными белыми волосами, заплетенными в тонкие косички. Кожа его была бледной. Брови и ресницы у него тоже были белые, а лицо испещрено глубокими морщинами. Но держался он прямо, вся фигура его излучала величие и Силу.

– Приветствую тебя, Гвендель Энироуз Ланти Кроус! – Проговорил старец и губы его расплылись в мягкой улыбке. – Тебе здесь всегда рады.

Старец внимательно оглядел спутников.

– Я давно не видел обычных людей, – проговорил Креон. –

И, похоже, так и не увижу, потому что их здесь нет.

Хранитель понял, что перед ним маг земли. Очень старый. Ему было не меньше, чем триста лет.

Хозяин пещеры подошел к Джениусу, приложил руку к его груди. Замер, будто прислушиваясь. Наемник не двигался, наблюдая за действиями незнакомца.

– Я попробую, – после паузы сказал Креон, хотя его еще никто ни о чем не просил. – Пойдемте.

И они начали спускаться по каменной лестнице вниз.

– Добро пожаловать, в мое поселение! – сказал Креон, прежде, чем ступеньки закончились.

Тут же перед Хранителем открылась удивительная картина. В свете многочисленных огней сверкали аметисты и розовый кварц – ими были отделаны выдолбленные в камне небольшие домики. Пред ними было что-то вроде площади с удивительными фонтанами из стекла.

Из домиков выходили люди. Они все были белые – кожа, волосы, даже глаза будто продернуты белой дымкой. На лицах почти у всех были нарисованы причудливые бледно-розовые узоры.

Женщины, мужчины, дети – все молча главели на пришельцев. Кто-то сторонился, а некоторые, наоборот, старались подойти ближе. Несколько детей расплакались.

Неудивительно. Мало того, что Данте и его спутники выглядели совсем по-другому, так еще и одеты были в лохмотья, перепачканные землей и кровью.

Они долго спускались другой лестнице. Следующий уровень был еще более удивительный – здесь росли деревья и трава. Мощная магия нужна была для того, чтобы создать природу там, где не было солнца. Данте увидел стекающий по стенке водопад и пасущихся возле него белых коров.

Несколько худых и бледных мальчишек бегали по траве со смехом, играя в какую-то игру.

– Посмотри внимательно, Гвендель. – Сказал Креон, ука-
зывая на ребяташек.

Черноволосый маг сначала не понял, что должен был уви-
деть. Но потом замер потрясенный.

– Не может быть... – прошептал он.

И Данте тоже увидел. Один из мальчишек был темнее
остальных. И коротко остриженные волосы были не белые.

– Гвендель, сколько, говоришь, лет назад ты здесь был? –
поинтересовался Марко.

– Ему сейчас шесть лет... – ответил Гвен. – Черт возьми,
у меня есть сын!

– И, скорее всего, еще несколько на островах, – не удер-
жался Хранитель.

– Кто бы говорил, – отозвался друг, не сводя глаз с ребен-
ка.

Хранитель хмыкнул и наткнулся на холодный взгляд Ли-
ны-Лин.

– Это было давно, – машинально сказал ей он.

– Да мне наплевать. – пожала она плечами. – Хоть вчера.

Точно так же она ответила бы и до того, как выпила зелье. Но самое странное то, что теперь ей действительно было все равно. Она едва замечала, что Данте вообще существует. Кажется, он ее даже немного раздражал.

Только вот он все никак не мог привыкнуть к этому и забывался иногда.

– Могу я что-то сделать для ребенка или для его семьи? – спросил Гвендель.

– Ты уже сделал, – мягко отозвался Креон. – Это прекрасный мальчик. Самый здоровый из всех, самый ловкий и красивый. Еще бы, ты единственный, кто заходил к нам за последние тридцать лет... Мой народ вырождается. Отсутствие солнца и кровосмешение. Тут ничего не поделаешь.

– Но почему вы не выйдете из горы? – удивился Марко.

– Нам еще на один уровень ниже, я расскажу по дороге, – ответил Креон. – Пойдем, Гвендель. Ты ведь понимаешь, что мы не можем отдать тебе этого ребенка?

Черноволосый маг молча кивнул и отвернулся от своего сына. Взгляд снова был потухшим. Он первый пошел за Креоном.

– Триста лет назад я основал поселение магов земли на поверхности, – начал тот свой рассказ. – У нас были плодородные земли, а над нашими головами светило то же солнце, что и над всеми. Мы привыкли жить при помощи магии. Для нас это было так же естественно, как дышать. А потом магию запретили. И Серые Мастера сожгли наше поселение. Мне

удалось спасти только свою семью и еще несколько десятков человек. Мы – маги земли, и мы были очень привязаны к месту, где жили. Скитаться – это не для нас. И я решил построить новый дом там, где нас никто не побеспокоит. Мы спрятались здесь два столетия назад. Новые поколения никогда не видели дневного света. Я боюсь, яркое солнце способно ослепить их, обжечь или даже убить. Да и сам я, возможно, уже не переживу встречи с ним.

Еще одна узкая лестница привела всех на новый уровень. Интересно, сколько их здесь всего? Это было огромное белое помещение, светлое и красивое. Данте сразу догадался, что это Храм. Вдоль стен стояли статуи очень тонкой работы, такие же белые, как пол и потолок.

– Это все из соли, здесь богатые залежи, – с улыбкой пояснил Креон, видя, как удивленно озираются его гости по сторонам.

Он повел их вглубь храма, где стояло некое подобие алтаря, украшенное цветами, которые были сделаны из драгоценных камней. Лепесточки выглядели такими тонкими и нежными, будто сейчас заколышутся на ветру.

Данте рассматривал статуи. Это были боги Нави. Некоторых Хранитель знал в лицо, о каких-то только слышал или читал. В любом случае, сходство и детальная проработка были удивительными.

Вот Доктор Че. Лицо очень похожее. Художнику даже удалось передать его насмешливую улыбку и взгляд человека,

живущего на свете уже не один век.

Данте замер перед следующим постаментом. Это была Онори. В белом струящемся платье, с короной, на которой каждый глаз был тщательно высечен и украшен драгоценным камнем в центре. Спиной к спине к Онори стояла ее сестра Нинель. Точно такая же. Едва заметная разница в выражениях лицах, в деталях одежды. Но это было одно и то же лицо. Похоже, даже скульптор знал. И только Данте, а также много поколений до него, служили Свету и Тьме одновременно, и даже не догадывались об этом.

Кто-то положил руку на плечо Хранителю. Не оглядываясь, он почувствовал, что это Креон.

– Прости, я услышал твои мысли, – тихо сказал старец. – Ты думал слишком... громко. Эмоции и разочарование переполняют тебя, и ты не понимаешь очевидных вещей. Хранитель Данте, служить Свету и Тьму одновременно – как раз это и называется ХРАНИТЬ БАЛЛАНС.

Креон отошел, а Данте продолжал вглядываться в глаза-драгоценные камни богини Онори, словно ища в них ответы на вопросы. Что бы ни случилось, он не собирался служить Тьме.

На алтаре

Джениуса раздели по пояс. Две девушки в белых платьях и с такой же белой кожей смыли с него грязь и старые кровоподтеки душистой водой из кувшинов. Креон сделал знак, и служительницы храма уложили наемника на роскошный алтарь. Друг Марко вел себя на удивление послушно и даже не высказывал никакого скепсиса. Он очень не хотел умирать. Слишком хорошо ему было известно, что ждет его после.

Старый маг земли встал у изголовья Джениуса, положил руки ему на покрытые испариной плечи.

Служительницы храма, двенадцать юных девушек, окружили алтарь, взялись за руки.

– Я тоже хочу поделиться силой, – сделал Шенен шаг вперед. – Позволь, Креон.

Маг задержал взгляд на посланнике небес. Потом кивнул. Жрицы удивленно переглянулись. Шенни встал в круг, взяв двух из них за руки.

– Я могу... – неуверенно предложил Гвен. – Если ты сможешь правильно направить мою Силу.

– Нет, Гвендель, – покачал головой маг. – Это слишком большая мощь даже для меня.

Как бы Марко хотел тоже встать в этот круг и отдать всю свою силу до последней капли, если бы это могло хоть как-то помочь. Но он был обычным человеком, совершенно бес-

полезным в этой ситуации.

Марко сжал кулаки. Если этот маг не поможет, то сегодня Джениус умрет. Его лучший друг все еще ходит, разговаривает, даже шутит. Он совсем молод и полон сил. Но он умрет.

Креон закрыл глаза, запел что-то на непонятном языке. И жрицы подхватили его.

– Это очень древняя магия земли, – шепнул стоящий рядом с Марко Гвен.

Пение становилось все громче. И Маркусу начало казаться, что воздух тяжелеет, становится будто бы ватным. Кошка присвистнула.

– Вот это мощь...

Марко прикрыл глаза, и ему почудилось, будто он стоит в потоке яркого света, источником которого является его друг на алтаре.

Не ясно, сколько прошло времени, когда пение начало постепенно стихать. Марко вглядывался в лицо Джениуса, пытаясь определить, помогли ли ему эти мощные потоки целительной энергии. На его мускулистом теле не осталось ни одной раны, ни одного синяка, полученного в последнем сражении. Маркус неожиданно понял, что и его раны на боках почти затянулись, хотя он просто стоял рядом.

Друг выглядел на удивление спокойным, суровое выражение лица смягчилось, а кожа будто сияла изнутри. Он не двигался.

– Спит, – тихо сказал Шенен, выходя из круга.

Все остальные молчали. Креон медленно отошел, вытянул руки, и одна из жриц тут же начала поливать их из кувшина. Старик тщательно тер руки, полностью сосредоточившись на этом процессе. А Марко напряженно ждал, боясь задать самый главный вопрос.

– Не вышло, – тихо вздохнул Гвендель.

Но Маркус не верил ему. Он ждал пока заговорит Креон. Тот молчал еще долго. Вытирал руки, надевал теплую накидку. Потом медленно опустился на белый стул, тоже видимо сделанный из соли.

Наконец он оглядел всех присутствующих.

– Мне очень жаль, – медленно произнес он.

И Марко почувствовал, как надежда оставила его. Это было больно. И ему не было стыдно, что по щекам его потекли слезы.

– Я никогда не имел дело со снами, – пояснил Креон. – Видимо, нужно быть сноходцем, чтобы можно было повернуть вспять смерть во сне. Не все судьбы можно изменить.

Марко смотрел на светлое спокойное лицо спящего Дженуиса. Сейчас он очнется, все узнает. Взгляд его потускнеет, страх снова охватит все его существо. И у него будет еще совсем немного времени, чтобы попрощаться. Это, должно быть, будет самое тяжелое прощание в жизни Маркуса.

– Все, что я смог сделать, это избавить его от страха и смятения перед смертью, – добавил маг земли. – Я посмотрел его линию, он покинет этот мир завтра сразу после рассвета.

Джениус медленно открыл глаза, не спеша сел на алтаре. Он и правда выглядел довольно спокойным.

– Можете не говорить, я все вижу по вашим лицам, – наемник даже слегка улыбнулся и встал на ноги.

Он огляделся, будто видел это помещение в первый раз. Видимо так и было – Джениус настолько был погружен в себя до магической процедуры, что не замечал ничего вокруг. А теперь будто бы решил насладиться последними минутами жизни.

В повисшей тяжелой тишине он спокойно пошел вдоль пантеона богов Нави, с интересом разглядывая их. И вдруг застыл у одной из фигур. Потрогал ее и даже невнятно пробормотал что-то бранное.

Марко подошел ближе и понял, что и правда есть чему удивляться. Белая соляная статуя была один в один похожа на рыжую Джулию. И дело было не только в чертах лица и не самых целомудренных для богини формах, но даже застывшая усмешка на губах абсолютно точно была списана с их жрицы любви.

– Богиня Весны, – пояснил Креон, видя замешательство друзей.

Джениус повернулся к Хранителю. Его брови были выразительно подняты. Он хотел ответов на вопросы.

К счастью, Данте решил удовлетворить последнюю просьбу умирающего.

– Иногда богиня Весны покидает Навь и становится чело-

веком, — начал он. — Джулия проживает короткую человеческую жизнь для того, чтобы осенью умереть, принеся себя в жертву. Такова ее судьба — родиться и вновь умирать, как сама природа. Этим она несет свет и энергию жизни в наш мир.

— Несет свет, работая в борделе? — мрачно уточнил Джениус.

Он опять разглядывал невероятно похожую статую Джулии.

— Тебя только это беспокоит? — хмыкнул Марко. — Ты муж богини Весны. По-моему, это круто.

— Весна связана с плодородием. — Встрял Креон. — Ритуальные совокупления — это часть культа.

— Так значит Джулия жива? — все же решил уточнить Марко.

— Сейчас она не жива и не мертва. — снова ответил маг земли. — Она богиня.

Невообразимо. Конечно, Джулия обладала разными удивительными способностями, но богиня Весны... Та самая, которой Марко еще ребенком пел песни и приносил дары на ежегодных городских праздниках. А, главное, она была жива! То есть, она умерла, но так было задумано. И они в любой момент смогут повидать ее в Нави. То есть... только Марко сможет, а Джениус разве что в эту последнюю ночь.

Неожиданно все жрицы попадали на колени, а Креон склонил голову. Маркус не сразу понял, что происходит, но

вскоре заметил, что возле статуи стоит ее цветная копия с ярко-рыжими волосами.

– Люблю удивленные лица! – удовлетворенно произнесла Джулия.

Это, определенно, была она, но выглядела несколько иначе. Волосы такие длинные, почти до пола. А ее красота теперь была совершенно неземной. Зеленое платье из тончайшего шелка было совсем прозрачным, но это вовсе не казалось пошлым или вызывающим. От проститутки в ней не осталось ничего. Но, самое главное, не только платье, но и сама богиня была полупрозрачной.

– Я не могу являться в мир, пока не рожусь человеком снова, – пояснила она, будто извиняясь за призрачность своего вида. – Я только хотела увидеть тебя еще раз, Джениус. Я знаю, как ты горевал, узнав о моей смерти.

Она протянула руку своему мужу, но тут же убрала, понимая, что он не сможет до нее дотронуться.

– Замужество – это тоже ритуал, который ты выполняешь каждый год? – с улыбкой спросил Джен.

На идеальном лице жрице любви мелькнула знакомая усмешка.

– Ты – первый!

– Рыжая сволочь, ты так очаровательно врешь! – он все еще улыбался своей жене.

– Как ты все-таки хорош без рубашки... – как-то очень уж томно протянул призрак богини Весны. – Мне срочно нужно

тело!

– Возьмите мое, – одна из служительниц храма смело сделала шаг вперед, но щеки ее заливала краска.

– Благодарю тебя, Оливия, – не глядя поблагодарила Джулия.

Затем это божественное прозрачное существо переместилось в сторону жрицы, не касаясь ногами пола. И юная девушка упала на пол без чувств. Никто из присутствующих не сделал никаких попыток ее поднять. Через несколько мгновений жрица сделала глубокий вдох, поднялась на ноги, оглядывая себя. От застенчивости не осталось и следа, а на губах играла нагловатая улыбка Джулии.

Первым делом она подошла к Джениусу и запечатлела на его губах такой поцелуй, что все присутствующие почувствовали себя неудобно. Вопреки своей обычной реакции, наемник крепко обвил свою жену за тонкую талию, руки скользнули ниже. Одиннадцать оставшихся жриц, которых наверняка воспитывали в чистоте и целомудренности, выглядели совершенно ошарашенными.

– У меня есть часа два в этом теле, – весело объявила богиня Весны, с трудом отрываясь от Джена, – потом это может стать опасным для Оливии. Но прежде, чем мы останемся вдвоем, я должна объявить всем кое-что.

Она быстро окинула взглядом лица присутствующих.

– У нас с Джениусом будет ребенок.

– Чего??? – отец, похоже, тоже был не в курсе.

– Оливия родит ребенка. Необычного ребенка. Это будет наш подарок Великому Королевству. Дитя, наделенное силами Нави и Ада, станет тем, кто больше всего будет необходим стране. Мыслителем, великим полководцем, духовным учителем, изобретателем... Только заботьтесь о нем хорошо.

Говоря последнюю фразу, Джулия смотрела на Марко, Хранителя и Кошку. Не на Креона, хотя ребенок родится в его магическом королевстве. Это было странно.

Джулия повернулась к Джениусу. Провела рукой по его щеке.

– Ты, как и я, никогда не увидишь нашего ребенка вживую, не сможешь взять его на руки, не будешь учить его сражаться на мечах... Но ты умрешь, зная, что он родится. И твои друзья позаботятся о нем. Все то хорошее, что есть в тебе, продолжится в нем. Я тебе обещаю.

Джен взял руку своей жены и поцеловал ей кончики пальцев. Никогда Марко не видел друга таким спокойным и мягким. То ли магия Креона, то ли присутствие Джулии так на него повлияло.

– Идем, я прикажу накрыть вам ужин, – маг земли повел всех к выходу, оставляя влюбленных наедине.

– Креон! – окликнула его Джулия. – Ты хорошо служил мне и другим богам Нави. Я хочу, чтобы ты знал: когда ты умрешь, Навь примет тебя. Ты сможешь погрузиться в покой или отстроить собственный слой реальности – у тебя хватит на это сил...

Старик ничего не ответил. Молча выслушал, задумался на мгновение и продолжил путь к выходу.

Марко кинул последний взгляд на Джениуса и Джулию и поспешно отвернулся, увидев не самую приличную картину прямо на алтаре. Но, раз уж Джулия богиня, наверное не стоило считать это богохульством.

Две чаши весов

Хранитель смотрел рассвет на море. Было чертовски холодно – хорошо хоть Гвендель нагрел землю, на которой все они сидели. Более того, он разогнал тяжелые осенние тучи, чтобы солнце было видно.

Да, земной рассвет был не так красив как те, которые Данте видел в Нави. Но он был самый прекрасный из тех, которые он когда-либо видел. Потому что этот рассвет был последним для человека, который сидел рядом с ним. Хранитель иногда переводил взгляд на восхищенное лицо Джениуса, который до этого ни разу не пробовал насладиться красотой мира вокруг. Но, благодаря очищающей магии Креона, он смог впервые в жизни не думать постоянно об аде...

Когда солнце встанет, Джениус умрет. Все это знали. И все сидели рядом и смотрели рассвет глазами смертника, наслаждаясь красотой жизни.

Только Кошка разместилась чуть в отдалении. Ее душу не наполнял всецело этот рассвет. Она мучилась, понимая, что упускает что-то важное. Данте не знал, хорошо или плохо в этот момент то, что она не способна любить. Ему сложно было представить степень отчаяния, в котором пребывала бы прежняя Лина-Лин перед смертью брата. Может, действительно лучше, что ей не придется этого пережить...

Когда солнце встало, Джениус стал оседать на землю. Он

не впал в забытие, не пускал кровавую пену изо рта. Он просто лежал на подогретой земле, с головой на коленях у Шенена и смотрел на своих друзей спокойным взглядом. Силы покидали его. Но он полностью смирился и принимал свою судьбу. Марко крепко держал Джена за руку, Лина-Лин тоже подошла и нерешительно взяла его за вторую руку. Брат с нежностью посмотрел на сестру. Гвендель и Данте сели у ног умирающего.

– Спасибо, что были со мной, – слабо произнес Джениус. – Я отправляюсь в чертов ад, но, благодаря вам, я не чувствую, что принадлежу Тьме.

Это все, что он сказал. Лучший наемник во всем Великом Королевстве никогда не отличался излишней болтливостью. Когда его дыхание остановилось, никто не двинулся с места. Марко еще крепче сжал руку друга и беззвучно разрыдался. Шенен все так же шепотом читал молитву и продолжал гладить Джена по волосам, хотя это уже не имело смысла. И без того скорбный Гвен еще ниже опустил голову. Для него это была еще одна смерть в череде тысяч смертей. Даже у Лины-Лин по щеке сбежала одинокая слеза. Хотя, возможно, она оплакивала свою пустоту в душе.

Хранитель кинул последний взгляд на неподвижное мертвое лицо и поднялся. перевел глаза на синее невозмутимое море. Он и сам не заметил, как привязался к этому мрачному демоническому созданию. Сколько мужества стоило человеку, проклятому с рождения, не погрузиться во Тьму внутри

себя. И первым лучиком света в его жизни была Лина-Лин.

Теперь нужно было решить, что делать с Шененом и с Гвенделем. Да и с Марко, по правде сказать, тоже нужно было что-то делать. В таких случаях Хранитель обычно советовался с Онори.

"Служить Свету и Тьме одновременно – это и означает хранить баланс", – сказал Креон. Такой вывод было неприятно услышать, но в этом, определенно, был смысл. И Хранитель знал, с кем он может поговорить о балансе. С тем, кто уже как-то советовал ему "не упасть в одну из чаш весов". Данте сел на песок, прислонился к прохладному камню и закрыл глаза.

Давно же он не появлялся в Нави. Здесь была ночь, наполненная сладкими запахами и сияющими в темноте синими цветами. Главное, не наткнуться нигде на собственных советников.

Оглядываясь по сторонам, Хранитель прошел быстрым шагом к Вечной аллее. Остановившись на сумрачной дорожке, он поднял глаза и увидел парящего на фоне луны дракона. Нужно было только позвать, и Данте мысленно послал сигнал: "Учитель, позволь мне говорить с тобой."

Лунный Хранитель вскоре приземлился рядом с ним, сложил крылья.

«Я знаю зачем ты пришел, маленький Иллингтон, – дракон медленно кивнул головой в знак приветствия, – твой отец, дед и прадед так же пришли ко мне, когда им откры-

лась истина. Настал и твой черед»

Они знали. Но почему же отец ничего не сказал?

«Все вы дети Онори, выращены и воспитаны ею, – лился голос дракона в голове у Хранителя. – Она не знает, что нет никакой Нинель. Что она и есть Нинель. Никто не выдержит такой ноши – строить одной рукой, а другой – разрушать. Она сойдет с ума, если узнает».

Данте вспомнил безумного Доктора Че. Может ли быть такое, что он действительно раньше был богом Света и Тьмы?

– А я не сойду с ума? – холодно спросил Данте. – Как я могу служить и Свету и Тьме одновременно?

«Тебя никто не заставляет это делать, – Верховному Хранителю показалось, что дракон усмехнулся. – Твой век слишком короток, чтобы за это время расклад сил поменялся, и тебе пришлось бы поклоняться Тьме. Продолжай служить Онори и бороться с Нинель, как и делал раньше. Ничего не изменилось. Тьма побеждает, и Свету необходима твоя поддержка».

– Все это похоже на дешевую бессмысленную игру, – покачал головой Данте.

«У этой игры есть смысл. Ты всегда был умным мальчиком, Иллингтон. Сядь и подумай, зачем нужно хранить баланс. В конце концов, это твоя работа, и ты должен знать, зачем ты это делаешь».

И Лунный Хранитель замолчал и поудобнее устроился на земле, будто собираясь спать.

А Данте послушно уселся посреди аллеи, окинул взглядом ветки цветущей вишни, залитые холодным светом, проследил за падающим на землю лепестком. Поднял его, положил на ладонь. И розовый лист превратился в бабочку и вспорхнул с его руки. Верховный Хранитель долго неподвижно сидел на земле. А может и недолго, время все равно стояло на месте, а ночь не прекращалась. Дракон лежал с закрытыми глазами. И только розовые лепестки все падали, да иногда их сдувало ветром.

– Этот мир нужен для того, чтобы меняться. – Наконец тихо произнес Данте.

Дракон приоткрыл глаза. И Верховный Хранитель спокойно продолжил:

– Тьма и Свет нужны для того, чтобы каждому человеку было из чего выбирать. В мире Шенена и Лионеля все были одинаково несвободны и подчинены Свету. Они были равны. Но здесь два небесных посланника пошли разными дорожками. Невозможно развиваться и становиться лучше или хуже в мире, где нет зла. Потому мой мир таков.

«Это, конечно, примитивное объяснение, но, в чем-то ты прав, маленький Иллингтон, – дракон поднялся. – Чтобы жить-не тужить есть другие миры. Чтобы мучиться и страдать есть другие миры. А ты храни свой мир, где у каждого человека есть выбор».

И Лунный хранитель взмахнул крыльями, тяжело оттолкнулся и полетел следить за луной, потому что такова была

его работа.

«Спасибо», – подумал Данте ему в след.

Еще некоторое время Иллингтон провел на Вечной аллее. Он думал о Роланде Серебряном. Главный наместник Творца в Великом Королевстве стал настоящим воплощением ада. Но зато им не стал Джениус, который был рожден для этого. Думал Данте и о своей судьбе. Все эти годы он считал себя посланником Света, но при этом сделал несчастными как минимум двух женщин. А Гвендель... Хранитель всегда считал его светлым магом. С темным он в те времена ни за что не стал бы общаться. Но чаши весов качались, и у каждого был свой Путь.

Данте свернул с аллеи и открыл глаза. Пока он был в Нави, кто-то, скорее всего Гвен, накинул на него одеяло. Солнца больше не было. Без магического вмешательства тучи снова затянули небо.

– Нам не придется хоронить Джениуса, так? – спросил он, не поворачиваясь.

Ведь будет же солнце?

Прошло две недели со смерти его лучшего друга, а Марко никак не мог перестать разговаривать с ним про себя.

Не успели они оплакать тело, как оно исчезло в дыму и сере. Ад забрал обратно также и черный меч Хаборим. Маркус старался не думать, что сейчас происходит с душой и телом Джениуса в Аду. Это было самое сложное.

Верховный Хранитель снова то ли нанял, то ли попросил Марко об услуге. Данте решил вернуться в Столицу самым обычным способом, и им с Шененом нужна была охрана. Гвендель тоже шел с ними. Кошка, пожав плечами, решила, что и ей по пути. Впрочем, Лине-Лин вообще было все равно, куда двигаться.

Хотя после смерти Джениуса она все же немного изменилась. Девушка часто пыталась подбодрить и поддержать Марко, видя в нем те чувства по отношению к брату, которые должна была испытывать сама. Вечерами у костра она просто садилась с наемником рядом, приобнимала и молчала.

Да и все остальные зачастую сидели в тишине. Гвендель напоминал собственную тень, что было неудивительно. Шенен почти беззвучно бормотал молитвы, едва шевеля губами. Он теперь читал их почти все время. И Марко знал, что он молит Творца за душу Джениуса. Едва ли в этом был какой-то смысл.

Хранитель молча смотрел в костер, между бровей у него залегла складочка. Данте все время о чем-то думал, что-то его терзало еще с той ночи, когда они встретились с Нинель. Только иногда взгляд Верховного Хранителя останавливался на Лине-Лин, и он долго смотрел на нее немного грустно, пока она с удивлением не замечала это. И тогда Данте снова переводил взгляд на огонь.

Это было тяжелое время для всех, но все же они молчаливо поддерживали друг друга, не позволяя полностью пропасть в мрачных мыслях.

Через неделю глухие места кончились, и они наконец-то смогли купить новую теплую одежду, коней и поесть чего-то помимо дичи и кореньев. Здесь же, в захудалой дорожной таверне, их ждала еще одна трагическая новость.

За ужином Кошка, не спрашивая, заказала всем горячего грога. Никто не возражал. Серая промозглая погода в конце dokonала путников. Что удивительно, Шенен тоже взял свою кружку и осушил ее до дна. Все ошарашенно уставились на него, потому что до этого он несколько часов бродил с отсутствующим взглядом и, казалось, не замечал ничего происходящего вокруг.

– Лионель? – предположил Хранитель. – Ты что-то почувствовал?

Шенен кивнул. Кровь прилила к его бледным щекам от непривычного хмеля.

– Я почувствовал, потому что он этого хотел, – произнес

он.

Марко наполнили мрачные предчувствия. И они его не подвели.

– Лионель и его войско атаковали магическое поселение в горе. – Медленно произнес Шенен. – Когда мы шли туда, я подозревал, что мой брат узнает об этом месте, но желание помочь Джениусу было слишком велико...

– Но как они туда попали? – изумился Гвендель.

– Лионель заключил временный союз с Мастером Роландом Серебряным. – Шенен замолчал ненадолго, словно набираясь сил, чтобы продолжить. – И тот привел с собой ведьму, довольно сильную. Она владела магией земли, и камни подчинились ей.

– Роланд использовал магию? – Хранитель переглянулся с Гвендом.

Да и Марко понимал, что это были абсолютно запрещенные методы.

– Всех выкурили на поверхность, – продолжил Шенен, хотя ему не просто было рассказывать. – Солнце было за тучами, но все равно свет был слишком ярким и губительным для многих из магов. Они сражались. Магия против оружия. Ведьма Роланда тоже использовала заклинания – она убивала жителей горы и забирала себе их Силу. Креон стоял до последнего. Благодаря ему, многим удалось сбежать, хотя неизвестно, смогут ли они выжить под солнцем. Лионель предъявил Креону обвинение в том, что тот основал государство

в государстве. Роланд обвинил весь народ в колдовстве. Они хотели взять Креона живым и отвезти в столицу для публичного сожжения. Но он не дался. В борьбе он истратил все силы до последней капли и сам упал на землю замертво.

Шенни замолчал. Марко облизал пересохшие губы.

– Ребенок Джениуса... – пробормотал он.

– Я думаю, той жрице удалось убежать, – ответил небесный посланник. – я не видел ее среди мертвых. К тому же, сама Джулия оберегает ее.

– А сын Гвена? – с надеждой спросил Хранитель.

– Они не щадили детей, – вздохнул Шенен, – я ничего не могу сказать. Но сыну Гвенделя, по крайней мере, не так страшен солнечный свет. У сбежавших есть шансы. Ранения и потери в войске Лионеля так велики, что они не могут организовать полноценную погоню и поиски. Креон позаботился об этом. И еще кое-что... Он их проклял. В момент своей смерти он послал страшное проклятие Лионелю, Королю, который отдал приказ на уничтожение и Роланду Серебряному.

– Мне надо в Навь. – Хранитель говорил собранно и решительно. – Я сейчас же отправлю своих людей искать выживших. Шенен, помолись, чтобы среди них оказались те, кто нам нужен.

– Я не уверен, что Творец слышит мои молитвы, – очень тихо отозвался их подопечный.

Данте закрыл глаза и отправился в Навь, не выходя из-за

стола. Марко сжал плечо Шенена. Не хватало только, чтобы он потерял веру.

– У тебя теперь, возможно, появится сын, – осторожно сказала Лина-Лин Гвену.

То ли она правда ему сопереживала, то ли просто пыталась подобрать подходящие слова для друга.

– Или, возможно, у меня погиб еще один ребенок, – сдержанно ответил Гвен. – Потому что я показал вам дорогу к горе.

– Это я виноват, Гвендель, – возразил Шенен.

– О, да перестаньте! – с раздражением воскликнула Кошка. – Все должно было произойти! Они вырождались, сидя в своей норе, и Креон это знал. И Джулия знала. Она не зря сказала Креону, что Навь сможет забрать его. И не зря он промолчал в ответ. Он сразу понял, что этот день близок.

Слова Лины-Лин были похожи на правду, но легче от этого никому не стало. Им оставалось только ждать новостей и продолжать двигаться в сторону Вертона.

И вот уже неделя прошла с тех пор. Марко настоял на том, чтобы по дороге заехать в тот самый город N и найти оставленных там коней. Отыскать их не составило труда. Они одни там были такие красавцы. Маркус забрал себе Порто Дже-ниуса, помня, как друг любил его. А на его собственной серой лошадке Музе теперь ехал Шенен. Лина-Лин была так рада встрече с Молочком, что Марко решил, что к ней, возможно, возвращается возможность чувствовать любовь. Хо-

тя бы к лошадям...

До Вертона оставалось совсем не долго. И последний вечер у костра был на редкость оживленным. Данте только что вернулся из Нави, и слуги Ордена сообщили ему, что нашли в лесу женщину по имени Оливия. Она была в тяжелом состоянии – усталость, голод, ожоги на лице и руках. Но при этом она все еще беременна, и теперь ее везли в безопасное место. Отыскивали еще несколько жителей скалы, но никого, похожего на ребенка Гвенделя не было обнаружено. Впрочем, среди убитых его тоже не было, что несколько приободрило черноволосого мага. Он даже достал свою бесконечную фляжку с цветочным вином, и друзья снова варили его в котелке, как в старые добрые времена.

Лина-Лин жалась к Марко, укрываясь с ним одним одеялом. И, какая бы бездушная она не была, это было чертовски приятно. Вчера вечером они остались у огня вдвоем, и Марко поцеловал ее. Она отнюдь не сопротивлялась. Полночи просидели они, болтая и обнимаясь, пока окончательно не околели.

Утром, по взгляду Хранителя Марко определил, что тот обо всем догадался. И сейчас, разливая вино по кружкам, Данте старался не смотреть в их сторону, хотя больше ничего не выдавало его мысли по этому поводу. Марко чувствовал себя немного виноватым.

Но он знал, что Лине-Лин так будет лучше. Она научится чувствовать снова. Это неизбежно. Еще пару дней назад она

не знала, куда ей идти, когда все закончится. Она не против была дальше служить Ордену Хранителей, хотя и без прежнего фанатизма. И не любила по долгу оседать на одном месте. А вчера они все решили.

Марко вернется в труппу Зеленого гуся, и Кошка поедет с ним. Фридрих, конечно, не обрадуется, узнав, что в его спектаклях играла девчонка. Но, раз уж это все равно случилось, возможно, он позволит ей играть и дальше. А даже если и нет, то Лина-Лин будет путешествовать с ними в ярких фургончиках, запряженных осликами, помогать шить костюмы и красить декорации, а параллельно будет шпионить для Ордена и разыскивать артефакты. Ведь спокойной жизни ей явно не захочется.

Хранитель и Гвендель были заняты оживленной беседой. Они даже отошли в сторону, чтобы говорить наедине.

– Хочешь, я подслушаю? – Хитро улыбнулась Кошка.

– Я и так все слышу, – сообщил им Шенен. – Они говорят о короле Ринальдо Восьмом.

Марко нахмурился.

– Не хочу ничего о нем знать. К тому же, мне есть, что сказать тебе, Кошка. Это гораздо интереснее. Шенни, иди отнеси этим двум господам их кружки с горячим вином, они будут рады.

Маркус смотрел в янтарные глаза девушки, которые чуть подсвечивались в темноте, как у ее брата...

– Я люблю тебя, Лина-Лин, – просто сказал он, – Мне нра-

вятся твои кошачьи ушки. Я хочу, чтобы ты плакала по ночам, когда я с кем-то другим. Черт возьми, я даже готов стать твоим третьим мужем.

Она рассмеялась. Он улыбнулся тоже. Конечно, Кошка не могла ответить ему теми же словами, но однажды это изменится, Марко был в этом уверен.

Вернулись Гвен и Данте, их лица были серьезными. Сразу видно – решали вопросы государственной важности.

Но Марко знал, что такое по-настоящему важные вопросы. Он не мог отвести взгляда от Кошки. Она тоже смотрела на него. Но, видимо, не только.

– Ну и чего вы на нас уставились? – спросила она у кого-то.

Повернув голову, Марко понял, что вопрос предназначался Данте и Гвенделю.

Ее первая жизнь

Она никого никогда не любила. Ни первого мужа, ни второго. Ей казалось, что она души не чаяла в своем брате, но это тоже было обманом. Когда он умирал, Кошка почти ничего не почувствовала. Это было странно, она не ожидала от себя такого. В этом было что-то неправильное.

Но недавно она обнаружила, что какие-то чувства начали зарождаться в ней. Она прочитала немало романов, и примерно представляла, как это должно было быть. Нет, она не любила Одуванчика, но он ей определенно очень нравился. И ей хотелось быть с ним рядом.

Сначала он делился с ней своей болью, когда умер Джениус. А теперь делился своей любовью. С Марко она чувствовала себя живой.

Их пятерка стояла во дворе замка Верховного Хранителя в Вертоне, столице Великого Королевства. Они разместились на открытой парковой площадке у фонтана, и серые угрожающие тучи висели над их головами. Ценный груз, то есть Шенен, был доставлен, и их дорожки сейчас должны были разойтись.

Лина-Лин вглядывалась в лица на последок.

Гвендель. Василечек. Последнее время он был похож на живой труп. Но, пока память не вернулась к нему, он был очень веселым. И она была благодарна ему, что он рассеивал

тогда ее скуку.

Хранитель Данте. Ее начальник в Ордене. Когда она смотрела на него, ей всегда хотелось звать.

Шенен. Пожалуй, с ним даже немного жаль расставаться. Он такой забавный, светлый, милый. Как котенок или щенок. Смотришь на него и хочется обнять или потискать.

Ну и Марко. Он теперь будет с ней. Ее надежда. Ее шанс заполнить невыносимую пустоту в душе. И откуда она вообще взялась, эта пустота?

– Что же дальше? – ровно поинтересовался Шенен.

Гвендель и Данте переглянулись.

– Мы решили свергнуть Ринальдо Восьмого, – объявил Хранитель.

– Чего??? – Одуванчик выглядел крайне ошарашенным. – Вы в своем уме???

– На нашей стороне благословение богини Весны и ее жертва, посвященная нашей победе. – Начал Данте.

– На нашей стороне проклятье Креона, сказанное им в момент смерти, – подхватил Гвендель. – Это две очень мощные силы.

Кошка покосилась на Марко. Похоже, его эти аргументы не убедили.

– Это так, Одуванчик, – пожал плечами Лина-Лин. – Теперь Королевская власть уязвима, как никогда.

– И что же теперь? – несколько агрессивно поинтересовался Марко, – Гвендель снесет дворец ураганом вместе со

всеми его обитателями?

По лицу у черноволосого мага скользнула тень, и, похоже, Марко тут же пожалел о том, что так сказал.

– Мы постараемся пролить как можно меньше крови, – холодно ответил Хранитель.

Его тоже задела фраза, брошенная Марко.

– Мои памфлеты неплохо работают, особенно теперь, – мягким голосом заговорил Гвен, – я не ожидал, что они приобретут такую популярность. Нужно усилить пропаганду против власти. Я напишу несколько хороших пьес для площадных театров. Вскоре Короля настолько перестанут уважать, что даже стража перейдет на нашу сторону. С нами также будет «Братство на крови». Возможно, получится взять королевский замок малой кровью.

– Мой брат Лионель так просто не дастся, – покачал головой Шенен.

– Но он тоже проклят Креоном, – напомнил Гвен.

– И что же дальше? – негромко спросил Марко.

Лина-Лин заметила, что на лбу у него выступила испарина, и что он сильно сжал кулаки. И чего это он так волнуется?

– Нам есть что противопоставить власти Рональдо Восьмого, – произнес Хранитель и замолчал.

Они снова переглянулись с Гвенделем.

– Скажем ему? – спросил у друга Данте

– Он расстроится, – вздохнул Василечек.

– Но он должен узнать, – покачал головой Хранитель.

– Марко, ты будешь Королем, – выделяя каждое слово, произнес маг.

Одуванчик молчал некоторое время, а потом твердо и уверенно произнес:

– Я только хочу играть в театре. Больше ничего. Ищите кого-нибудь другого.

– Прости, дружище, но тебе придется пожертвовать своей мечтой, – абсолютно спокойно парировал Данте. – Каждый должен заниматься тем, для чего был рожден. Я, например, всегда буду хранить баланс в Великом Королевстве, чего бы мне это не стоило. А ты будешь им править. Мудро и справедливо, я уверен в этом. Ты бежал от судьбы, но она тебя настигла. Ты просто не имеешь права жить для себя, когда ты нужен миру.

– Народ примет тебя, нам не придется ничего доказывать, – добавил Гвен. – Ты – первенец, а значит трон по праву принадлежит тебе. Ты – сын принцессы Антеи, а значит не являешься продуктом кровосмешения и не относишься к Проклятому роду. Твое настоящее имя – Ринальдо, как у отца, но ты поменял его, чтобы тебя с ним ничего не связывало. Это вызовет сочувствие и понимание в народе. Думаю, Маркус Первый звучит вполне неплохо.

Одуванчик был принцем. Это было внезапно. Хотя не сказать, что Кошка сильно удивилась. Похоже, фургончик отменяется, и теперь ей придется стать королевой. Лина-Лин-Первая. Вот это, действительно, звучит неплохо. И, навер-

ное, это будет довольно-таки забавно.

– Король Одуванчик Первый! – весело заявила Кошка.

Но Марко был мрачнее тучи. Похоже, ему очень сильно хотелось играть в театре...

– На что вы рассчитываете, Ваше Высочество? – спросил Гвендель с легкой насмешкой. – Ты ушел из «Зеленого гуся» больше года назад, потому что заметил слезку. Тебя нашли и хотели вернуть. Тогда еще вернуть. Сейчас уже тебя хотят убить. Не факт, что ты успеешь сыграть хотя бы одну роль.

Хранитель кивнул в знак согласия и продолжил:

– Ты жив до сих пор только благодаря тому, что с тобой рядом был Джениус. Он довольно быстро догадался, кто ты на самом деле, и присматривал за тобой. Ты не в курсе, но он довольно часто спасал тебе жизнь.

– Он не знал. – С трудом выдавил из себя Марко.

Тоска по другу снова начала одолевать его.

– Знал. Но однажды ты спас ему жизнь, а потом он все время спасал твою. Ты не хотел, чтобы кто-то узнал твою тайну, и он молчал. И даже играл с тобой в дурацкую игру, где право принимать решения принадлежало тебе. Потому что, в случае чего, он не хотел быть в ответе за твою смерть. Ты был ему слишком дорог.

Одуванчик опустил голову. Наверное, сокрушался, каким же глупцом он был. Лина-Лин тихонько погладила его по спине.

– Джениус говорил со мной перед рассветом, – безжалост-

но продолжал Данте, – он был не глуп, и представлял, как будут развиваться события дальше. Он просил передать тебе, цитирую: «Лучше стать чертовым королем этого паршивого королевства, чем сдохнуть таким молодым, как я».

Гвендель слегка улыбнулся. Шенен склонил голову на бок, пытаясь понять смысл этого послания. А Хранитель добавил:

– И еще: «Будь хорошим королем, ты, кусок идиота! Или ты попадешь в ад, и я лично буду варить тебя в котле. Или чем там в аду занимаются, я пока не знаю. Но скоро узнаю».

– Ну нет, только не реви, Одуванчик! – поморщилась Лина-Лин. – Сейчас не самое подходящее время.

Но он поднял голову. Глаза были сухие, взгляд спокойный и собранный.

– Я стану Королем. – Ровно произнес он. – У меня только одна просьба. Мы должны сохранить в живых мою семью.

– Это будет сложно, – покачал головой Хранитель, – народ будет жаждать расправы...

– Но благородный принц всех пощадит, – вставил Гвендель. – И у меня есть для тебя новость, Высочество. У меня уже готова «Поэма об изгнанном принце». Я оставил ее Фридриху. И ты сыграешь свой последний спектакль, Маркус. Ты исполнишь роль самого себя. Мы расскажем народу правду.

Одуванчик горько усмехнулся.

– Кстати, – Гвен весело посмотрел на Данте, – там есть

роль Верховного Хранителя. И я знаю, кому она отлично подойдет.

– Нет, – с каменным выражением лица ответил ему друг.

– Никто и не заподозрит, что это ты. Давай, будет весело!

Я и сам планирую играть там королеву-мать.

– А для меня Гвендель написал роль мраморного надгробия, – равнодушно вставил Шенен.

Но, кажется, их подопечный был весьма доволен возвращению в труппу.

Верховный Хранитель очень сурово посмотрел на черно-волосого мага.

– Потом поговорим, Гвендель, – строго произнес он.

– А кого буду играть я? – с интересом спросила Лина-Лин.

Похоже, ее жизнь делалась все веселее и веселее.

Все теперь смотрели на Лину-Лин, будто вспомнив внезапно про ее существование. Шенен отвел глаза. Она и раньше такое замечала. С тех пор, как он вернулся, небесному созданию будто тяжело стало смотреть на Кошку. А в глазах ее начальника Данте снова читалась неподдельная грусть. А ведь она всего-то спросила, кого она будет играть в «Поэме об изгнанном принце»... Ей стало не по себе.

Гвендель смотрел на нее как-то уж очень серьезно и внимательно.

– Прости меня, Маркус, – внезапно сказал он. – Прости, Лина-Лин. Поверьте, то, что я сейчас сделаю – это ради вас всех.

Он сделал шаг по направлению к Кошке, и она попятилась, сама не понимая почему.

– Когда мне вернули память, я понял одно... – остановившись, продолжил маг, – никакие испытания не даются нам просто так. Никто не должен жить самообманом. Наша судьба, какой бы жестокой она ни была, направляет нас на истинный путь.

И он сделал еще шаг, притянул Кошку к себе за руку. Она хотела вырваться, но не смогла. А затем он обнял Лину-Лин. Это было просто объятие, но она почувствовала, как ее насквозь пронизывает ледяным ветром. Ей показалось, что это пришла ее смерть, но маг вскоре отстранился, и тепло стало накрывать ее. В районе груди она почувствовала такой жгучий кипяток, что ей на мгновение стало страшно. А потом она вдруг начала понимать, что произошло... Лина-Лин посмотрела на Гвенделя, и он улыбнулся ей ободряюще и немного грустно. Кошка медленно отвела от него взгляд.

Сначала она увидела Марко. Такого привычного, родного Марко. Ее взъерошенного Одуванчика, который не хотел быть королем, но при этом хотел быть ее третьим мужем.

А потом она медленно повернула голову и увидела глаза. Необыкновенной невероятной красоты глаза. Яркие изумрудные, а потом тут же – цвета сочной травы. Как все это время она могла не видеть, не замечать... Человек, которого она безумно любила, стоял перед ней. Дыхание тут же сбилось, сердце ушло в пятки. Ей хотелось шагнуть к нему, сжать в

объятых и не отпускать часов ну хотя бы пять для начала. Но Проклятье...

Саммаэль Бертран был мертв, теперь она наконец-то сможет лить по нему слезы. Боль теперь завладеет ею и сожмет ее сердце в тиски. Но был жив Маркус. Такой дорогой ей теперь Маркус. И Шенен. И Гвендель. И труппа Фридриха. Никто из них не должен пострадать.

– Данте... – прошептала она одними губами, потому что в горле пересохло. – Лина-Лин... – ответил он ей так ласково, что мурашки побежали по телу.

Они сделали робкие полшага навстречу друг-другу. И остановились.

Слуги собирались на пороге замка Верховного Хранителя, чтобы встретить хозяина. Дул холодный осенний ветер. А они стояли и смотрели друг другу в глаза. И не знали, как им жить с этим дальше. Слезы внезапно ручьями хлынули из Кошкиных глаз. Все невыплаканное за то время, пока она не могла любить. Слезы по дорогому брату, по Джулии, по семье Гвенделя, по королевству Креона в скале и по ее огромной, величиной с Вселенную, любви.

Ей не было места в «Поэме об изгнанном принце». Кошка отвернулась, рукавом протерла глаза, подхватила Молочко под уздцы и пошла к выходу. Никто не окликнул ее и не сказал ни слова в след. Они все понимали. Люди, каждый из которых так много для нее значил.

Марко наверняка все же расплатится. Хотя, возможно, он

уже вошел в роль Короля и будет переносить стоически их разлуку. Как Данте. Ее возлюбленный с головой уйдет в дела, в этом не было сомнения. Он займет все свое время, чтобы не было и минуты подумать о той, кого он называл своей девочкой. Гвендель слишком погружен в свою боль, чтобы заметить ее уход, но Лине-Лин будет не хватать насмешливой улыбки невероятного невозможного Василечка. Ее дорогой Шенен, светлое небесное создание, всегда будет молиться за нее. В этом она была уверена точно. Воспоминание о нем и его сияющих голубых глазах будет спасать ее в тяжелые минуты...

Старый привратник пожелал девушке счастливого пути, открывая ворота.

Она села на коня, чувствуя, как смотрят ей в спину четверо мужчин. Актеры пьесы об изгнанном принце. Они знали, что будут делать дальше. А Кошка даже не знала, куда направить Молочко – направо или налево.

Ей было семнадцать, и ее жизнь закончилась. Одна из девяти.

Однажды Лина-Лин в кошачьем обличии окунулась в фиолетовое Море Истины и с тех пор искала свой Путь. И никто не говорил, что он будет легким.

Серые тучи разогнало ветром, и солнце улыбнулось ей с небес, лучик скользнул по лицу. Редкие прохожие удивленно поднимали глаза к небу. Никто не ожидал прояснения среди этой беспросветной погоды. Девушка слабо улыбнулась,

догадавшись, что это прощальный привет от тех, кто был ей дорог.

Кошка потрепала коня по загривку и направила его прямо.

Эпилог

Хранитель Данте Иллингтон задумчиво смотрел в окно. Снова этот мелкий осенний дождь. Близилась очередная Неделя Ордена.

Он закончил перебирать письма. Обычная деловая корреспонденция и снова тревожные слухи с юга о готовящейся войне.

Данте вспомнил, что уже несколько лет не было никаких вестей от Кошки и от Гвенделя. Каждую осень он отдавался во власть воспоминаний, ничего не мог с этим поделать.

Иногда он просил Онори посмотреть, и она закрывала глаза и искала. «Лина-Лин жива», – лаконично говорила она в конце. И

Хранитель с облегчением вздыхал. Иногда в Хранилище поступали артефакты от различных подставных лиц, и Данте подозревал, что за этим стоит Кошка.

Гвендель ушел на следующий день после коронации Маркуса пять лет назад. Перед этим он зашел попрощаться.

– Я знаю, что теперь, когда я сделал для тебя все, что мог, ты обязан изолировать меня от граждан своего королевства, – с веселой улыбкой сообщил ему друг. – Ты думал и о тюрьме, и о казни. Хотя сразу признался себе, что не сможешь пойти на это.

Данте молча смотрел на него, потому что это была правда.

– Спасибо тебе, Иллингтон, что был со мной в самый тяжелый период в моей жизни. – Продолжил друг. – И не переживай, я сам избавлю тебя от хлопот. Есть один маг – Эдвин Лориен. И он задумал невозможное. Он хочет собрать всех, кто обладает Силой, и увести за собой. Как можно дальше. И там, вдали от людей и от Серых Мастеров построить свой оазис, где будут жить только те, кто владеет магией.

– Что-то мне это уже напоминает, – нахмурился Данте, – и ты знаешь, чем закончилась подобная попытка Креона.

– Я знаю, – кивнул Гвен, – вот почему этот Лориен ни за что не справится без меня.

Данте почувствовал, как его накрывает грусть. Он знал, что должен будет навсегда попрощаться с Гвенделем, но он до последнего надеялся этого избежать. Хранитель искренне позавидовал этому таинственному Эдвину Лориену, у которого появится такой бесценный соратник. А Гвен оживленно продолжал:

– Ты прекрасно понимаешь, что те, кто обладает Силой, больше не могут жить в Великом Королевстве. Люди боятся нас, Серые Мастера охотятся за нами, и их власть не ослабнет еще долгие годы. Как мы с тобой не старались, Роланда Серебряного нам не свергнуть. Магам нет здесь места. Но мы вернемся, когда миру понадобится наша помощь. Когда кардинально пошатнется баланс. Правда тебя, дружище, уже давно не будет в живых.

Гвен похлопал Данте по плечу. Он был весел и полон энер-

гии в этот последний день. Потому что нашел свой путь. И он назвал его Путь Искупления.

– Мы будем встречаться в Нави, – неуверенно произнес Данте.

– Не будем. – Гвен с улыбкой покачал головой. – У нас с тобой есть реальные задачи и сотни людей, за которых мы в ответе. Мы не из тех, кто может позволить себе жить в грезах и поддерживать связи, потерявшие актуальность. Увы, наши пути расходятся.

– И все же... – Данте обнял друга и Гвен коснулся лбом его лба, – если тебе будет сильно плохо, представь берег фиолетового моря и позови меня. И я приду, даже если это будет через пятьсот лет.

Гвендель серьезно посмотрел на него и кивнул. Потом отвесил пару шуточек про Верховного зануду, вернул ему артефакт «Облако пыли» и исчез за дверью.

Через два года после их прощания он скрылся даже от глаз Онори.

Закрылся какой-то мощной магией. Значит, действительно ушел достаточно далеко, чтобы безнаказанно применять Силу в таких масштабах. Сына Гвенделя Хранитель тоже так и не нашел.

Данте плеснул себе в стакан цветочного вина. Маг оставил рецепт, и Хранитель открыл масштабное производство в деревне Хьюго, что недалеко от столицы. Это вино по-прежнему было редкостной дрянью. Прочитав рецепт, Данте се-

рзезно задумался, не смертельно ли это. Но напиток пользовался большим спросом в память о стертом с лица земли Флаверне.

К тому же, Его Величество Король и сам Верховный Хранитель жаловали этот божественный нектар.

В дверь постучал слуга.

– Король просит вас срочно прибыть во дворец, – почтительно произнес

Он.

– Спасибо, Томсон.

Данте и без того собирался туда сегодня. Маршал Шенен вернулся из Лейцберга. Он гостил там два месяца и вел переговоры.

Гонцы уже сообщили, что Лейцберг готов заключить взаимовыгодный союз. А ведь во времена Ринальдо Восьмого это было одно из самых воинственно настроенных государств. На что только не пойдет Шенен, чтобы ни с кем не воевать. Данте улыбнулся.

Шел пятый год правления Маркуса Миротворца, и они всеми силами пытались наладить отношения с соседями.

– Сильвия, я еду во дворец, – шепотом сказал он жене, проходя через каминный зал.

Она сидела у огня, а их сын спал у нее на руках.

Верховный Хранитель женился на принцессе Аравийской, чтобы прекратить вражду двух государств. С теми же целями Марко взял в жены принцессу Элинейскую. Элинея

теперь входила в состав Великого
Королевства.

Брак с Мирандой был расторгнут Роландом Серебряным лично еще до переворота. И это было одно из неприятных воспоминаний Данте.

Они встретились с Верховным Серым Мастером по официальному вопросу при дворе у Ринальдо Восьмого, пока этот двор еще существовал. Роланда Серебряного сопровождала молодая красивая женщина.

Миранда была все так же хороша, светлые волосы уложены в модную сейчас прическу, неброское, но изящное платье.

На губах его жены блуждала легкая улыбка. Такую он не раз видел на ее лице, когда ей удавалось чем-то порадовать Данте. По едва уловимым жестам, то как Роланд, как бы случайно, коснулся ее руки, а она будто не заметила, по мимолетному взгляду, по манере, с которой Миранда держала себя рядом с ним, Данте понял, что они любовники.

Верховный Хранитель церемониально поздоровался, стараясь ничем не выдать своих чувств. Миранда смотрела на него с усмешкой, прекрасно понимая, какой эффект произвела. Роланд в присутствии Ринальдо Восьмого объявил брак недействительным и дал всем подписать бумаги.

«Что же, Верховный Хранитель, – обратился сам к себе Данте, – тебе-то лучше всех должно быть известно, что все в мире закономерно. Предал ты. А теперь предали тебя».

Только почему же такое отвратительное детское чувство беспомощности на душе? Почему эта ее улыбка теперь режет ножом по горлу? Его жена. Его некогда возлюбленная. Женщина, которая должна была стать матерью нового Верховного Хранителя. Или в том-то и дело, что не должна была?

Но и это было не самым страшным. Уходя, он поймал ее за руку, наклонился к уху:

– О чем ты думала, когда помогала Роланду рушить магическое поселение в горе? Когда убивала всех этих невинных людей? Они ведь были такие, как ты...

Миранда с презрительной улыбкой стряхнула его руку, посмотрела на него долгим взглядом.

– О том, чего не смог дать мне ты. О свободе. И возможности использовать Силу. Тебе не понять этого счастья.

Миранда до сих пор была тайным оружием Мастера Роланда Серебряного. Последняя ведьма в Великом королевстве.

Сильвия и вполнину не была так красива, как его первая жена. Но она была прекрасной матерью будущему Верховному Хранителю. Данте любил ее. Хотя, конечно, речь не шла о тех чувствах, которые он когда-то испытывал к Кошке. Прошло пять лет с их последней встречи. И Хранитель иногда думал – а что если бы она появилась сейчас в Вертоне? Интересно, какой она стала в свои двадцать два года? И смог бы он устоять? Не поставить под удар ее, Сильвию и всех, кто зависел от Проклятья? Или уже не зависел?

Данте надел неприметный плащ, надвинул шляпу на лицо и добрался до королевского дворца верхом, хотя это совершенно не соответствовало его положению. Но ему не терпелось увидеть Шенена.

– Король примет вас в своих покоях, – сообщила прислуга.

Значит прием будет неофициальным. Это радовало. Когда речь не шла о деловых вопросах, благе государства или столкновении интересов

Королевского Дома и Ордена Хранителей, Данте и Марко были хорошими друзьями, которые могли себе позволить общаться на равных.

Он без стука зашел в богато украшенные покои Короля. Шенни уже был там. На нем был маршальский мундир, который ужасно ему шел.

Отросшие волосы Шенен убрал сзади в конский хвост по моде Лейцберга. Небесный посланник широко улыбнулся. Он давно научился это делать вполне искренне, уроки Фридриха ему больше были не нужны. И очаровательная улыбка Маршала теперь всегда была козырем в любых переговорах.

Они крепко обнялись. И, как обычно, при таких объятьях Данте почувствовал, как часть его забот и переживаний улетучивается. Шенен продолжал нести в себе свет, хотя жизнь в этом мире меняла его.

Когда дворец был взят, Шенен по собственной воле присягнул в верности Маркусу и, в память о своем небесном

брате Лионеле попросил у них его должность.

По правде сказать, Марко и Данте видели Шенни кем угодно, но не

Маршалом. К тому же, их пугал пример Лионеля. Но Шенен убедил их.

Он сказал, что если надо будет воевать, то он возьмет меч и поведет за собой войска. Но для начала приложит все усилия, чтобы этого делать не пришлось.

Сразу после переворота на Великое королевство напали с запада, обрадовавшись, что Лионеля больше нет. Но Шенен с блеском отстоял границы, показал себя блестящим стратегом и с триумфом въехал в Столицу на белом коне. А потом три дня замаливал души убитых им воинов. Таков был их новый Маршал. Особенно прославился он как блестящий дипломат.

Увы, с юга на них надвигалась новая страшная угроза. Пока шпионы доносили обрывочные сведения, но скоро должна была начаться кровопролитная война. Марко с Данте пока не видели возможностей ее предотвратить. Шенни придется сражать не меньше Лионеля, как это не прискорбно. И самое тяжелое для него будет остаться самим собой, не пойти по стопам своего брата.

Лионель погиб тогда во время переворота в исторической схватке за королевский дворец. Большинство стражей перешло на сторону «Братства на крови», и только личное войско Лионеля было верным ему до конца. Все, до единого че-

ловека. Они шли на смерть не за Короля, а за него.

Сам Маршал сильно закашлялся во время схватки, и какой-то случайный боец без труда проткнул его мечом. Хорошо, что Шенен не видел этого.

Он долго потом сидел над телом Лионеля. Наступила ночь, потом снова день, а он все не двигался с места. Хранитель с Марко и Гвенном – это было перед его уходом – едва убедили своего подопечного, что тело нужно предать земле, раз уж небеса не забрали его обратно...

– Шенен, с приездом, дорогой! – Данте похлопал друга по спине, – Поздравляю с новыми победами на поприще мира! И с новой Лейцбергской прической.

– Во имя короля! – весело произнес Шенни.

Это была их старая шутка, которую придумал еще Гвендель. Они восклицали «Во имя короля!» в любом подходящем и не очень случае. Например, «Во имя короля, передайте мне запеченные крылышки фазана!»

Король Маркус выглядел сегодня крайне взбудораженным. Что было странно, он давно уже научился сдерживать себя. Видимо, случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Говори уже, – попросил Данте, присаживаясь в кресло.

Его Величество хитро улыбнулось в ответ и подошло к шкафу. Оттуда оно извлекло длинный сверток, уложило на стол и стало медленно разворачивать. При этом глаза его так и сияли.

В свертке оказался меч. Они с Шененом разве что не бро-

сились к столу. Данте тщательно оглядел оружие, потрогал руками, перевел взгляд на Марко.

– Не может быть... – только и сказал Хранитель.

– Да говори же! – Шенен крепко тряханул загадочно улыбающегося Короля за плечо.

А на столе перед ними лежал пропавший пять лет назад демонический меч Хаборим.

В этот вечер Эвелина вела себя ужасно. Она щипала сводного брата, покусала двух нянек и чуть не замучила до смерти котенка. Причем все это казалось ей невероятно забавным. Марко целый час разъяснял Эве, что другим тоже бывает больно. Она пообещала себя хорошо вести во имя короля (и кто научил ее так говорить, неужели Шенен?), но Его Величеству Маркусу Первому не очень-то в это верилось.

Девочка виновато смотрела на него своими черными, как у отца, глазами. А рыжие непокорные кудри вылезли из прически и опять торчали в разные стороны. Маленький бесенок.

Маркус тяжело вздохнул и вышел из детской. Он воспитывал Эвелину, как свою приемную дочь, и хлопот с ней было куда больше, чем с его родными сыновьями. Вместе с зубками у нее начали резаться рожки, но, по счастью, Данте удалось связаться с Джулией, и она все исправила. Джулия го-

ворила, что из их с Дженом ребенка вырастет такой человек, который в данный момент будет нужен стране. Но все же Король, Верховный Хранитель и Маршал смелее надеется, что Великому Королевству пока не нужен деспот, тиран и живодер.

Перед сном Его Величество село за письма. Но задумалось, глядя в стакан с цветочным вином. Шесть лет назад он познакомился с Джениусом. Славный год они тогда провели вместе... И пять лет уже прошло с той осени, которая изменила его жизнь. Осени, полной встреч, приключений и потерь... А в конце зимы они уже брали дворец.

Марко с небольшим отрядом повстанцев перехватили королевскую семью, его семью, на подступах к потайному выходу. Четыре взрослых брата и сестра, с которыми Маркус был близок, маленькие принцы и принцессы, заливающиеся слезами, мачеха с грудничком на руках. Отец обозвал Марко предателем и плюнул ему в лицо. И он был прав. Но и Хранитель был прав, желая лучшего будущего своей стране.

Римус, наследный принц, был бледен от страха. Он шепнул что-то на ухо самой старшей принцессе Алевтине, и она бросилась в ноги Маркусу. Белокурая, как у всех Базардов, голова прижалась к его коленям. Девушка умоляла пощадить их семью.

Марко поднял ее с пола, взгляделся в заплаканное лицо. Она стала еще красивее. Совсем такая, как во сне, посланным Роландом Серебряным в Верховной Обители.

– Тинь, успокойся, я не собираюсь никого убивать, – сказал он сестре.

– Забери меня, только отпусти всех, – она смотрела на него с надеждой, – хочешь, я стану твоей женой? Ты еще любишь меня?

Он любил ее. Но теперь уже только как сестру. Исчезли все порочные мысли и желания. Он держал ее за плечи, и ему хотелось только успокоить и пожалеть свою перепуганную младшую сестренку, как он всегда делал это в детстве.

– Не бойся, Тинь. Вы все будете жить в большом красивом доме. Вся семья.

– И папа? – недоверчиво спросила девушка.

– И папа. – Подтвердил Марко. – Там у вас будет еда, и слуги, и вся роскошь, к которой вы привыкли. Только это будет очень далеко отсюда. Я не позволю никому убить вас.

И как же это было непросто. Народ так и требовал выдать им семью Базардов на растерзание.

– Я увижу тебя еще? – спросила Алевтина, когда ночью он тайно сажал семью на корабль в сопровождении вооруженной охраны.

Он задумался ненадолго. Ему бы хотелось ответить положительно. Он любил сестру. И даже старших братьев, с которыми вырос, но которые навсегда стали его врагами, он все еще любил.

– Нет, Тинь. Мы больше не встретимся. Прости меня.

Алевтина сжала его руки. Удивительно, но она не вознена-

видела его после всего. Девушка потянулась, чтобы поцеловать его на прощание в губы. Это было нормальным в те времена, когда они жили вместе. Она целовала в губы не только его, всех братьев. Но сейчас Марко уклонился, подставив щеку. Увозя с собой прошлое, корабль уплыл. И его удаляющиеся огни до сих пор стояли у Марко перед глазами.

Осушив бокал, Король вернулся к письмам. Сейчас их с Данте и Шененом первоочередная задача, помимо воспитания маленькой рыжей фурии, была предотвратить войну с югом. Но она приближалась с пугающей неизбежностью.

Марко налил себе еще цветочного вина и вскоре вырубился прямо за столом, что, разумеется, было совсем не по-королевски. Тогда-то ему и приснился самый прекрасный кошмар в его жизни.

Марко ощутил себя вмерзшим в ледяное озеро. Он не мог пошевелиться, не мог кричать, не мог дышать. Холод пронзал его тонкими длинными иголками и ужас накрывал с головой. А сверху над толстым слоем льда кто-то шел. Две ноги остановились прямо над его головой, и лед начал трескаться, разваливаться. Скользя и карабкаясь, Марко выбрался из-под холодных обломков и огляделся по сторонам.

Он ожидал увидеть Мастера Роланда Серебряного. Хотя обычно они встречались в Яви во время официальных визитов, но от этого ублюдка можно было ожидать чего угодно.

Но перед ним, на фоне жутковатого пейзажа, стоял Саммаэль Бертран собственной персоной. Он был в своем де-

моническом обличии. Рога выросли еще сильнее, лицо выглядело более суровым. Марко испугался бы, увидев такое в первый раз. Но вместо этого он шагнул вперед и сжал Джениуса в объятьях.

– Я демон, я ненавижу объятья! – сурово сказало рогатое существо.

– Ты все врешь! – ответил ему Марко.

– Все, ты отправляешься обратно на дно ледяного озера! – пригрозил Джен.

Обратно Марко не хотелось, и он отстранился.

Они пошли вперед по толстому льду, под коркой которого можно было разглядеть вмерзшие тела с выпученными от ужаса глазами.

– Извини за антураж, – равнодушно кинул Джениус. – По-другому с тобой встретиться было никак нельзя.

– Как ты здесь? – неуверенно спросил Марко, понимая всю глупость своего вопроса.

Джениус хмыкнул в ответ.

– А ты как думаешь? – ответил он насмешливо и снова замолчал.

Марко решил больше не смотреть под ноги, тела подо льдом ему не нравились. Но растущие на берегу деревья из расчлененных людей тоже были не самым приятным зрелищем.

– Твоя дочка... – начал Марко.

– Я знаю. – Перебил его Джен и слегка улыбнулся. – Не

переживай, Кошка в детстве была еще хуже.

– Лина-Лин... – Марко грустно улыбнулся. – Что с ней сейчас?

– Ищет свой Путь, чем она еще может заниматься, – ответил демон.

– Ты приглядываешь за ней?

Джениус посмотрел на него с ярко выраженной иронией.

– Ты серьезно? Я демон в аду, как я могу за кем-то приглядывать? Максимум, что я могу – наслать на нее вшей, кошмары и понос.

– Это тоже иногда бывает полезно. Особенно Лине-Лин.

– Я не просто так позвал тебя, Марко. – Джен остановился посмотрел на друга своими налитыми кровью глазами. – Грядет страшная война. Все гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Многие обитатели ада под видом людей примут в ней участие, чтобы поживиться душами и свежей плотью. И, как ты понимаешь, они будут выступать не на твоей стороне. Бросай все попытки предотвратить войну и займись усилением войск.

Марко весь поник от этих слов.

– Не делай вид, что ты удивлен. Ты знал, что война грядет.

Да, друг был прав. Только признаться себе в этом было слишком тяжело.

– И в связи с предстоящими событиями у меня есть для тебя подарок.

Джениус самодовольно сверкнул клыками и прямо изо

льда вытащил за рукоятку свой меч – Хаборим.

Марко ахнул и с благоговением принял эту красоту из рук Саммаэля.

Потом поднял глаза на друга.

– Ты правда думаешь, что я самолично пойду воевать, оставив страну без присмотра?

– Я в этом уверен, – хмыкнул Джен. – Потом ты можешь передать меч моей дочери, если он ей понадобится. Если нет, Хаборим просто вернется ко мне после твоей смерти.

У Марко вдруг мелькнула безумная мысль:

– Джениус, а сам ты не можешь пойти воевать? Выступить на нашей стороне...

Но бывший наемник только покачал головой.

– Больше всего я желал бы снова сражаться с тобой плечом к плечу, Марко, – тихо проговорил он. – Но я не свободен. Я служу старшим демонам и повышение мне не грозит. По счастью, мне есть за что терпеть... Передай Шенену, что его молитва была услышана.

– Что это значит, Джениус?

Друг помолчал загадочно и продолжил:

– У меня будет второй шанс. Я отслужу здесь за все грехи моего рода – сотни, а может и тысячи лет, а потом я рожусь снова в нашем мире. Я ничего не буду помнить. И с чистого листа буду проживать жизнь. Так я смогу доказать, что моя душа не принадлежит Тьме. Или, наоборот, принадлежит.

Марко улыбнулся и хотел еще что-то сказать, но проснул-

ся от стука в дверь. Это была его мать, королева Антея.

– Ты опять уснул за столом, – улыбнулась она.

Но Марко ее не слышал. Перед ним на столе лежал Хаборим. А это значило, что сон не был сном. И что у Джениуса будет второй шанс.

И когда его друзья и соратники – Шенни и Данте – устали лежать на меч, как на призрак с того света, он с удовольствием наблюдал за их изумленными лицами.

– Шенен, помолись за меня, – с улыбкой попросил Король вцепившегося в него Маршала. – Попроси, чтобы мы с Джениусом встретились в следующей жизни.

– Творец меня слышит? – с восторгом переспросил Шенен, разжимая руку. – Он все-таки меня слышит???

Марко кивнул. Маршал радостно рассмеялся и, в порыве чувств, распахнул окно и уставился на небо. Он был счастлив, как ребенок.

А Данте смотрел на Короля пытливым взглядом.

– Почему Джен дал тебе меч, Марко? – тихо спросил он.

И Король только кивнул в ответ. Данте и так все понял, ему не нужны были объяснения. Но они сегодня не скажут Маршалу Шенену ничего о войне. Пусть он насладится своей вновь обретенной верой. И пусть помолится за их с Джениусом встречу.

Зашел дворецкий.

– Ваше Величество, артисты прибыли! – объявил он. – Как вы и распорядились, я отдал им нижние покои и велел, чтобы

никто не мешал их репетициям.

– Благодарю. – Сдержанно кивнул Марко.

– Фридрих сказал, что спектакль будет готов через четыре дня. И спрашивал, будет ли Ваше Величество присутствовать на премьере.

– Ты же знаешь, Питер, я не люблю театр и никогда не хожу на спектакли.

Старый слуга немного сник.

– Но Ваше Величество, – робко возразил Питер, – Это известный на все Королевство театрик «Зеленый гусь». Ваши жена и матушка просто без ума от их спектаклей.

– Вот поэтому я и зову весь этот дешевый балаган сюда каждый год, – недовольно отозвался Маркус и сурово нахмурил брови.

Слуга поспешно удалился. Маршал, Хранитель, а с ними и Король весело рассмеялись.

– Я уже выучил свою роль, Фридрих прислал мне ее в письме, – поделился Марко с друзьями. – Пойдем поздороваемся с труппой?

Шенен улыбнулся.

– Верховный Хранитель, будьте осторожны, а то Фридрих опять уговорит вас играть какую-нибудь роль.

– Согласен, только если это будет полная импровизация, – отозвался Данте, – совершенно нет времени репетировать.

– Как будто у нас есть, – хмыкнул небесный посланник.

– Шенни, я попросил для тебя женскую роль в этот раз, –

предупредил Марко, – а то в прошлый раз придворные тебя едва не узнали.

– Анри будет недоволен, – покачал головой Маршал.

Все пошли к лестнице.

– Я догоню, – кинул Марко.

Он вернулся к письменному столу, достал из ящика стопку давно заготовленных писем, которые не решался отправить. Это были приказы по воинским частям о наборе и срочном обучении новых рекрутов. Медлить было больше нельзя. Он отдал письма Питеру.

– Пусть гонцы отправятся сегодня же, – кинул он слуге и пошел по лестнице вниз.

Настанет час, и Король обнимет жену, попросится с матерью, поцелует сыновей и непослушную Эвелину, пристегнет Хаборим к поясу и велит седлать верного Порто. Он будет сражаться на страшной кровопролитной войне, потому что не сможет отсиживаться во дворце. А сейчас было время играть. Потому что всегда должно быть время на мечту, даже если мир снова летит к чертям. С такими мыслями и с довольной улыбкой на лице Его Величество Маркус Миротворец распахнул дверь нижних покоев, где ждали его старые друзья.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа «Лина-Лин» автора Юлии Сорочан